

Эшли Дьюал

Одинокие души

Свобода, Бесстрашие, Самоотверженность

Нет никакого секрета жизни,

Просто продолжай идти.

Нет никакого секрета смерти,

Просто продолжай лететь.

Где-то появилось солнце, значит, где-то появилась тень.

Глава 1. Начало

В НОЧЬ СО СРЕДЫ НА ЧЕТВЕРГ найден труп семнадцатилетнего подростка. Тело обнаружил водитель автобуса, проезжая под центральным мостом в районе восьми-девяти вечера. Григорий Воронцов утверждает, что, когда обнаружил подростка, тот уже был мертв. Судмедэкспертиза подтвердила, что Владимир Ситков скончался на месте. По расположению тела...

Я откладываю газету, не находя сил дочитать до конца. Холод пробегает по спине. Вова учился со мной в одном классе. Я неплохо его знала, мы даже пару раз пересекались на общих мероприятиях, и становится жутко не по себе от того, что теперь и его имя числится в списке шестнадцати погибших за последние четыре месяца.

Я встаю из-за стола и поднимаюсь к себе в комнату.

Несмотря на приближение зимы, дома царит отвратительная жара. Я распахиваю окно и пытаюсь успокоиться. Мысли об изуродованном теле Ситкова не собираются покидать голову. Фотография с места преступления так и крутится перед глазами: его заломанные руки, лужа крови, синее от холода лицо. Я встряхиваю плечами.

— Лия, ты не собираешься с нами? — спрашивает мама, и я испуганно вздрагиваю. Она поднимает перед собой руки. — Прости. Напугать не хотела.

— Не могу... — Вижу: мертвое тело Ситкова. Вот он жив, вот — мертв. — Я дома останусь.

— Уверена? Мы достаточно хорошо общались с матерью Вовы, и было бы не прилично прийти на похороны без тебя. Он ведь твой одноклассник.

— Уже нет. — От своего же ответа, я пугаюсь. Смотрю на маму, и чувствую себя ужасно неловко. — В смысле, — добавляю я, заламывая пальцы. — В смысле мне не по душе идти к Ситковым.

— Страшно?

— Ещё как. До сих пор не могу поверить в то, что он умер.

Мама поджимает губы и понимающе кивает.

— Ты права. Некоторые вещи не поддаются никаким объяснениям. И всё же...

— Нет, — отрезаю я. — Пожалуйста, позволь мне остаться дома. Я не хочу видеть слезы матери Вовы, не хочу смотреть на его фотографии, не хочу есть уже холодную еду и поддерживать разговор с незнакомыми людьми. Это чересчур для меня.

— Ладно, — сдаётся она. — В таком случае, проследи, чтобы твоя сестра вернулась до девяти. Хорошо? Завтра рабочий день, и вам в школу.

Я киваю и слежу за тем, как мама выходит из комнаты. Вряд ли она знает, что Карина уже несколько месяцев подряд приходит домой далеко не к девяти. К тому же, я всё чаще начала замечать отеки, синяки и порезы на её руках, шее, порой, даже на лице. Это пугает меня и жутко злит, но когда я спрашиваю, где она шляется: Карина улыбается и нагло не отвечает, словно в глубине души радуется новой порции ушибов. Утром сестра обычно замазывает синяки дешевым тональным кремом и, не задерживаясь в одной комнате с родителями больше чем на две минуты, убегает в школу.

Иногда мне хочется схватить её за плечи и с силой встряхнуть. Хочется крикнуть: что ты творишь? Почему не слушаешь меня, убегаешь из дома, когда каждую неделю в нашем районе пропадают или умирают подростки? Но она не обращает на меня внимания. Это безумно выводит из себя, так как я старшая сестра, я главная, черт подери. Но Карина... Ей плевать, видимо. Абсолютно плевать.

Захлопывается входная дверь. Я слежу за тем, как отъезжает машина родителей и, задержав занавески, решительно выдыхаю. Если сегодня не увижу сестру дома вовремя,

придушу её собственными руками.

Затем меня вдруг накрывает странное чувство безысходности. Я ведь догадываюсь, где она, догадываюсь, почему на её теле появляются синяки. Но мне не хочется признавать правду. Я упрямо отказываюсь верить в то, что Карина связалась с бандой подростков, которые славятся лишь тем, что у них абсолютно отсутствует чувство страха, совести и морали. Мне противно даже думать о том, что она проводит время с этими аморальными людьми, с этими животными.

Я протираю руками холодное от пота лицо, и неуверенно оседаю на кровати.

Каждый подросток нашего района знает, что едва наступают сумерки, на улицы выходят они...

Банда тинэйджеров. Место их гнездования: заброшенный парк аттракционов. Никто точно не знает, что они там делают, чем занимаются, но абсолютно все уверены: связываться с ними — подписывать себе смертельный приговор. Практически все из списка шестнадцати погибших проводили время с ними, и что теперь? Теперь их тела находят в районе парка, и гадают: то ли подростки и правда сошли с ума и стали накладывать на себя руки из-за забавы, то ли их убивают, толкая с моста, топя в реке или подставляя подножку на железнодорожных путях.

Мне всегда плохо, когда я думаю об убийствах, но сейчас всё по-другому. Сейчас речь идет о Карине, и поэтому вместо недомогания, я чувствую дикую злость. У меня внутри, будто разгорается пожар. Я готова сорваться с места, схватить папино ружье и убить каждого, кто захочет причинить ей вред. И мне плевать на последствия. Я ощущаю огромную ответственность и прекрасно понимаю, что сидя дома, сложив руки, позволяю Карине всё глубже и глубже запутываться в сетях этой банды.

Неожиданно мои мысли прерывает звонок в дверь.

— О, да. Слава богу! — чеканю её, выбегая из комнаты. Карина вернулась вовремя. Таким образом, она спасла жизнь не только себе, но и мне. Замечательная новость. — Клянусь, приди ты ещё минут через десять...! — восклицаю я, открываю дверь и вижу на пороге Лешу. — Черт...

— Черт? — удивляется он. — Я так плохо выгляжу?

— Я думала, это Карина, — признаюсь я и пропускаю парня вперед. — Она как всегда задерживается.

— Твоя сестра идиотка. — Он произносит это с явным укором, но я даже не пытаюсь переубедить его. Она идиотка — зачем отрицать? — Ты сказала ей, что те парни опасны?

— Ты же знаешь, что сказала.

— Почему же тогда она не дома?

— Откуда мне знать? — я захлопываю дверь и взволнованно заправляю за уши непослушные волосы. — Может, они держат её? Может, она не в состоянии уйти?

— Умоляю тебя...

— А что? Что я должна думать?

— То, что Карина попала в плохую компанию.

Леша — мой единственный и, пожалуй, самый лучший друг. Его слова, все его выводы — это мои слова, мои выводы. Мы неоднократно обсуждали данную ситуацию, я даже просила его поговорить с Кариной. Но всё бесполезно. Такое чувство, что мою сестру посадили на наркотики, и теперь она не может сидеть дома, потому что идет за очередной дозой.

— Я думала, ты на похоронах. — Тихо протягиваю я, и смотрю на Астахова. Его каштановые волосы не уложены, смяты, словно он только что проснулся. — Кажется, у Ситковых соберется вся школа.

— Не для меня такие сборища. — Горько усмехается парень. — Как по мне, так похороны — это пустая трата денег.

— Почему?

— Сама подумай. Приходят незнакомые люди, начинают говорить о уже мертвом человеке так, словно он был их лучшим другом, едят, пьют далеко не вишневый компот. К чему всё это? Я считаю, что прощаться с человеком должны только близкие. Никого лишнего: родители и лучшие друзья.

— Наверно.

Астахов кивает и бредет на кухню. Там по-хозяйски наливает себе воды, и вновь поворачивается ко мне.

— А ты чего не пошла?

— По той же самой причине, что и ты, — сажусь за стол. — Тошнит меня от похорон. Не люблю мероприятия, в которых главную роль исполняют покойники.

Леша усмехается, и протирает руками лицо. Только сейчас я замечаю, что парень выглядит уставшим. Задумываюсь: может, он подавлен смертью Вовы? Они иногда общались, на перемене, но вряд ли это сделало их друзьями.

— Послушай, Лия, — медленно начинает он, и я выплываю из мыслей. — Мы должны что-то сделать, иначе потом будет поздно.

— О чем ты?

— Я о Карине.

— И что ты можешь сделать? Моя сестра сошла с ума, и единственное, чем мы можем ей помочь, это упрятать в психушку.

— Понимаешь... Я уже сталкивался с таким! — с горечью признается парень. — Ничем хорошим подобные вещи не заканчиваются, поверь мне.

— Я знаю.

— Так что, давай расскажем твоим родителям.

— О да, давай! А потом нас с Кариной обеих не будут выпускать из дома до сорокалетия!

— Но тогда она хотя бы будет цела, понимаешь? — Леша подходит ко мне и смотрит в глаза так серьёзно, что я буквально ощущаю, как на мои плечи ложится все больше и больше ответственности. — Твоим родителям пришлось многое пережить. Они ужасно переносили то время, когда ты была в больнице...

— Но я...

— Не перебивай меня. Дослушай. — Он выдыхает. — Им было очень трудно, Лия. Я видел это. Твоя мать не находила себе места, она каждый день прощалась с тобой и жила в страхе, что ты не очнешься. Не позволяй ей пережить это снова.

— Не нужно напоминать мне. Пусть я не помню, что было до моего пробуждения, я отлично запомнила то, что происходило после. — Мне больно слышать о больнице. Больно даже думать о ней. Сразу ощущаю запах лекарств, ощущаю иголки в руках и невообразимое чувство страха. Я пролежала в коме две недели, а когда очнулась, осознала, что из моей памяти выпал целый год. Целый год жизни, полной каких-то ощущений, каких-то событий, каких-то эмоций — он просто исчез! Доктора сказали, что я потеряла память от сильного удара по голове. Позже, я узнала, что упала с пятиэтажного здания. Все называли мое выздоровление чудом, я же считала это некой стеркой, которой воспользовалась моя судьба, дабы избавиться от чего-то плохого и ненужного. С тех пор прошло четыре месяца. Я полностью восстановилась, жизнь стабилизировалась, но мне до сих пор кажется, что это «ненужное» было чем-то важным. Чем-то слишком близким и родным.

— Лия, — Леша как всегда выводит меня из транса своим серьезным и взрослым тоном. — Ты должна что-то сделать, иначе мы потеряем Карину. Нам с тобой прекрасно известно, что она так долго не с подругами веселиться, играя в шахматы, так что нужно действовать.

Его слова действуют на меня, словно красная тряпка на быка. Я вдруг понимаю, что единственное, чем могу помочь сестре, это тем, что самостоятельно вызволю её оттуда.

— Хорошо. Тогда я иду в парк.

Я резко срываюсь с места и иду в свою комнату. Когда я натягиваю на плечи теплую кофту, рядом появляется Леша.

— Ты меня не правильно поняла! — растеряно восклицает он. — Я имел в виду, давай обратимся к взрослым, давай привлечем полицию, но никак не давай разберемся сами!

— А мы и не будем разбираться сами. — Парень облегченно выдыхает, и тогда я продолжаю. — Ты со мной не идешь, так что разбираться я буду одна.

— Что?

— Будь на связи, — я иду по коридору и останавливаюсь возле двери, чтобы надеть пальто. — Я позвоню, если что-то пойдет не так.

— То, что твоя сестра идиотка — мы уяснили, но ты ведь в своем уме! Куда ты собираешься? — Леша недовольно хватает меня за локоть. — Ты никуда не пойдешь, ясно?

— Карина в опасности, и ты прав — я должна что-то сделать.

— Но ты ничего не можешь! Господи, Лия, ты обычный подросток. Что ты сможешь предпринять против целой банды?

— Я не знаю, — честно признаюсь я, и взмахиваю руками в стороны. — Я надеюсь, что у меня получится просто схватить сестру за шиворот и по-тихому потащить домой. Затем мы спокойно обсудим её поведение, она пообещает больше не шлаться с этой бандой, и мы мирно уснем под звуки ветра за окном.

Я открываю дверь, но Леша тут же закрывает её и становится перед выходом.

— Ты спятила.

— Господи, Леш. Просто верь мне! — горячо протягиваю я. — Я не знаю почему, но мне кажется, что я поступаю правильно. Ты... — протираю руками лицо. — Ты же знаешь, что это так. К тому же, у меня нет выхода. Я должна помочь Карине, и тебе меня не остановить.

Парень думает несколько секунд.

Затем он уверенно выхватывает из моей руки ключи от квартиры, и смотрит на меня так серьезно, что мне даже становится не по себе:

— Во-первых, одна ты никуда не пойдешь. Во-вторых, до парка в это время ходит мало автобусов, так что моя помощь тебе в любом случае понадобится. И, в-третьих, — Леша тяжело выдыхает и открывает за своей спиной дверь. — Прости меня за то, что я позволяю тебе это сделать.

— Спасибо, — я кладу руку на плечо парню. — Спасибо тебе.

— Рано меня благодарить, — грустно протягивает он, и мы выходим из квартиры. — Будем праздновать, когда вернем твою сестру домой. — Через минуту он добавляет. — Если вернем.

— Не говори так, — я иду на несколько шагов впереди, и чувствую, как его взгляд прожигает мне спину. — Мы вытащим Карину.

— Всё слишком серьезно. Эта банда опасна. Ты думаешь, ребята из нашей школы

пропадают, потому что теряются в округах Питера? Они умирают, Лия!

— Не нагнетай обстановку.

— Я просто хочу, чтобы ты понимала, на что идешь.

— Конечно, я понимаю.

— Тогда почему ты ещё не звонишь родителям?!

— Потому что после разговора с ними мне и Карине придется туго, — недовольно чеканю я, и отталкиваю дверь подъезда. — Неужели ты не понимаешь, насколько сильно изменится наша жизнь, узнай они правду. Карине запретят выходить из дома, мне перестанут доверять, так как я упорно несколько недель подряд говорю маме о том, что сестра приходит домой даже раньше, чем к девяти. Что если Карина на самом деле не в таком плохом положении, как мы думаем? Что если мы сейчас придем за ней, и на этом всё закончится? В этом случае привлечение родителей совершенно бессмысленно.

— Но что если все именно так, как мы с тобой предполагаем? — устало спрашивает Леша и открывает мне дверь своего черного нового «Рено». — Что если твоей сестре и правда не хватит только нашей помощи?

— Вот тогда и привлечем родителей, — садясь, заключаю я.

— Мы идиоты, как и твоя сестра! — с абсурдом восклицает парень и закрывает за мной дверь.

Затем он обходит машину, усаживается за руль и вновь отрезает. — Идиоты и точка!

— Я и не спорю, — усмехаюсь я, хотя смех совершенно не уместен. Я смотрю на друга, на то, как напряжены его плечи, как крепко пальцы сжимают руль, как испугано его лицо, и вновь смеюсь. — Леш, прекрати!

— Что? — недоуменно спрашивает парень. — Что не так?

— Прекрати выглядеть таким испуганным!

— А ты прекрати смеяться. Мой испуг хотя бы оправдан...

— Прости. Нервы.

Леша горько улыбается и громко выдыхает.

— Мы с тобой отличная команда, — заключает он. — Возможно, всё и правда пройдет быстро, безболезненно.

— Мне ужасно жаль, что я втянула тебя.

— Я сам втянул себя, так что даже не начинай. Лучше подумай, что мы с тобой будем делать. Каков план, кэп?

— Ну... — я смотрю в окно, на размазанную картину города, и прикусываю губу. — У меня нет четкого плана. Мы просто должны найти Карину, вывести её из парка и если понадобится — силой затащить в машину.

— Ты наверно забыла, что вокруг твоей сестры будет много недружелюбных людей...

— Я помню, но надеюсь, что сегодня у них будет хорошее настроение.

— Какой отличный план! — с сарказмом восклицает Леша. — Теперь я точно уверен, что мы уйдем живыми!

Я закатываю глаза и поникаю на сидении. Астахов прав: план паршивый. Но что я могу против банды оголтелых преступников?

Уверенность начинает испаряться. Так и захотелось крикнуть Леше, чтобы тот сильнее нажал на газ, иначе вместо адреналина, мной овладеет паника. Но я молчу. Пялюсь в

окно и не могу даже пошевелиться.

Когда Астахов останавливается около ворот парка аттракционов, я чувствую, как сводит живот. Мне становится по-настоящему страшно, как бывает, если смотришь фильм ужасов один, в темноте, на полную громкость. Пальцы обычно мертвой хваткой держаться за одеяло, глаза смотрят ровно вперед, тело замораживается и отказывается шевелиться. Я сейчас испытывала нечто похожее.

В голове возникают вопросы: что я здесь делаю? Кому пытаюсь что-то доказать?

Но я не нахожу ответов.

— Готова? — голос Леши где-то далеко. Я не понимаю, как киваю, как выхожу из машины, как иду в парк. Разум отказывается принимать тот факт, что я решила на нечто подобное, но сердце упрямо тянет меня вперед.

Сначала я слышу музыку: дикий рок, металл, похожий на скрежет железа. Она становится громче, по мере того, как мы приближаемся к аттракционам, затем становится просто оглушающей. Впереди показываются люди: много людей. Раза в три больше, чем я предполагала, и у меня потеют ладони.

— Надень капюшон, — командует Астахов, и я послушно натягиваю капюшон на лицо. — Нам ни к чему выделяться.

— Как их много, — шепчу я, и мои глаза широко раскрываются: я вижу толпу, стоящую около заброшенного колеса обозрения. Люди смеются, кричат, разбрызгивают из стороны в стороны пиво. Кто-то танцует, кто-то лежит на ледяном асфальте, кто-то кричит, дерется: полный хаос, изумительная свобода, которая не приносит никому ничего хорошего. Все без исключения одеты в темную одежду. У многих татуировки, у кого-то даже пирсинги. Боже мой, может это секта? — Надо найти Карину и сваливать отсюда.

— Полностью с тобой согласен.

— Разделимся? — мой голос уверенный, так что Леша кивает и отдаляется от меня в противоположном направлении. Если бы он знал, что творится на самом деле у меня внутри, то ни за что бы не отошел от меня ни на шаг.

Я выдыхаю и продолжаю приближаться к толпе.

Значит вот как выглядит эта знаменитая банда. Свора пьяных подростков, которая не в состоянии контролировать себя. В каждом из них я вижу потенциальную угрозу. По сути им абсолютно плевать, что я прохожу рядом, пробираюсь вглубь их норы, но в любой момент, они могут сорваться, как дикие собаки. И тогда мне придется несладко.

Я оглядываюсь и замечаю костер, горящий рядом с будкой, где раньше раздавали билеты, и он не просто большой, он огромный. Языки пламени врываются в темное небо и освещают всё вокруг себя примерно на несколько метров. Несмотря на то, что я стою на приличном от огня расстоянии, я чувствую безумное тепло, и мне хочется подойти ещё ближе, согреться ещё сильнее.

Внезапно толпа начинает расступаться. Меня сносит волной в сторону, и прижимает к какому-то толстому парню. Не думаю, что он замечает...

Образовывается некая дорожка. Я вытягиваю шею, чтобы увидеть, для кого её сделали, но не могу даже подняться на носочки. Все стоят так близко, что я пугаюсь, как бы не прекратить дышать.

Неожиданно толпа начинает выкрикивать: шрам! Шрам! Шрам! Люди поднимают руки вверх, девушки дико визжат, парни рычат, словно одичавшие звери. Поднимает гул. Толстый незнакомец резко взмахивает руками, и на меня едва не выливается его пиво. Он не обращает на это внимание. Впрочем, я не удивляюсь. Лишь пытаюсь отойти в сторону, правда это оказывается не так-то просто сделать.

— Шрам! — орет он. — Шрам! Ты его видишь? — внезапно он смотрит на меня, и я озадачено примерзаю к месту. — Видишь его? Он уже пришел?

Он? Я удивленно вскидываю брови. Шрам — это человек?

Девушки рядом со мной, визжат, словно их только что проткнули ножом. Означает ли это, что тайный предводитель, наконец, здесь?

— Идиотизм, — выдыхаю я, и собираюсь продолжить поиски Карины, как вдруг все резко затихают.

Я недоуменно замираю: какого черта происходит? Почему никто не двигается? Наступает такая мертвая тишина, что самым громким звуком оказывается биение моего сердца. Судорожное биение. Мне становится не по себе.

Я тянусь рукой к телефону, надеясь позвонить Леше, услышать, что он нашел Карину и немедленно сбежать, как вдруг все начинают медленно стучать правой ногой об асфальт. Будто гром, их удары эхом разносятся по парку, и я, наконец, понимаю, что означает выражение: когда кровь стынет в жилах. Не удивлюсь, если мои глаза стали огромными от шока. Выпускаю из руки сотовый и осматриваюсь: я нахожусь в центре чего-то странного, опасного и необъяснимого. Разум кричит: уходи Лия, уходи скорей! Но сердце не позволяет ему взять надо мной власть, произнося тихо и уверенно: останься. Ты именно там, где должна быть.

Эта стая подростков, похожа именно на «стаю». Их первобытное желание свободы, страсти, огня пугает и завораживает одновременно, и я буквально чувствую, как мурашки пробегают по спине, как загорается всё внутри, как в глазах блестит азарт, адреналин, языки пламени. Опьяняющее состояние. Я внезапно ловлю себя на мысли, что соскучилась по такому чувству.

И только через несколько секунд, мне приходится задуматься: почему соскучилась, если я раньше никогда не испытывала ничего подобного?

— Сегодня новый день, — неожиданно провозглашает мужской голос, и я поднимаю глаза на будку рядом с костром. На её крыше стоит высокий парень. Он в тени, и поэтому я могу разглядеть лишь его расплывчатый силуэт. — Новая ночь в нашем с вами распоряжении. Как вы знаете, я не силен по части громким слов и красивых высказываний, поэтому не буду тратить время на опровержение сложившегося стереотипа, и скажу лишь одно: посвящение продолжается! — Толпа одобряюще кричит, и вновь вскидывает вверх руки. — Наши новички готовы к новым испытаниям, и уже ждут, когда же придет их время доказать свою принадлежность к нашей стае! — «Стае»? Мне становится страшно от того, что мой выдуманный термин является названием данного сборища. — Не будем томить их! Два испытания позади! Нам предстоит ещё пять, а пока... — Парень замолкает, на что толпа так же стихает. Он игриво улыбается, раскидывает руки в стороны, закрывает глаза и шагает с трех метровой будки вниз. Кто-то взвизгивает, я схватываюсь рукой за рот, не в силах контролировать бушующих внутри страх. Но в этом нет смысла. Парень спокойно приземляется на ноги, встает и вновь одаряет всех своей очаровательно улыбкой. Языки пламени освещают его лицо, и теперь я понимаю, почему люди выкрикивают слово: шрам. — Не дайте ночи пройти зря.

Толпа вновь дико орет, а я никак могу оторвать взгляд от огромного шрама на лице предводителя. Рана начинается около левого глаза и неровной, бесформенной линией идет вниз по щеке, подбородку, шее... Мне и в голову не может прийти, что же должно было случиться с человеком, чтобы оставить после себя такой отпечаток. Наверно, нечто ужасное.

— Лия! — я ощущаю на себе чью-то руку и с силой выворачиваю её в сторону. — Ты что делаешь?!

Недоуменно поднимаю глаза и понимаю, что передо мной Леша.

— Прости, я... — отпустив локоть парня, растеряно хмурюсь. — Понятия не имею, как я это сделала...

— Не важно, — отрезает Астахов и взволнованно выдыхает. — Карины нигде нет.

— Что?

— Я не смог её найти.

— Она не могла уйти далеко. Эта толпа перемещается вместе, они будто зависят друг от друга...

— Зря мы пришли, — шепчет Леша, и я замечаю, как напрягается его лицо. — Я не должен был позволять тебе.

— Перестань. Похоже, им всё равно, есть мы или нет нас.... Этих подростков занимают совсем другие мысли.

— Ты не понимаешь. Ты ничего не понимаешь!

— Господи, Леш, что за паника? — я недоуменно хмурюсь. — Всё идет гладко, так что перестань пугать меня.

— Мы должны найти Карину и как можно скорей убраться отсюда!

— Я и так этим занимаюсь, если ты не заметил...

— Лия, просто...

— Хватит! — настороженно смотрю на друга. — Если тебе страшно, жди меня в машине. Я найду сестру, и приду к тебе.

— Ты даже не пытаешься услышать меня!

Восклицание Леша тонет в новой порции криков. Люди начинают двигаться за Шрамом, и я недоуменно вскидываю брови: что заставляет их прислуживать ему? Почему подростки — неуправляемые, свободолюбивые эгоисты, слушают какого-то странного парня с отпечатком жизни на лице?

— Жди меня в машине, — напоследок отрезаю я, и уверенно иду за толпой. — Я найду Карину и вернусь к тебе.

Возможно, Астахов говорит что-то ещё, но я не обращаю внимания. Его страх не должен помешать мне, найти сестру.

Новое столпотворение не предоставляет мне возможности даже издали увидеть, что же происходит в центре. Я подпрыгиваю: бесполезно. Осматриваюсь в поисках места повыше: так же безрезультатно. Тогда мне приходится воспользоваться стандартным методом.

— Пропустите, — отрезаю я, и словно угорь начинаю извиваться между людьми. — Дорогу освободите.

Мой тон выше нормального, движения резкие, просьбы — вовсе не просьбы. Я понимаю, что веду себя так, как ведут себя члены этой стаи, но так же осознаю, что пришла в место, где свои законы. Иного способа пробраться к центру просто не существует, так что приходится быть наглой и нахальной.

— Пропустите! — в последний раз восклицаю я, и, наконец, оказываюсь в первом ряду. Передо мной стоит огромная квадратная установка. Первое, что приходит мне на ум — это гигантский аквариум. Я бы рассмеялась, если бы не видела данное сооружение своими же глазами. Стекланный куб доверху наполнен водой, внутри колеблется чье-то тело. Люди вокруг отсчитывают время, Шрам стоит с секундомером в руке, и тогда я понимаю: черт подери — вот оно посвящение новичков. Их испытывают на прочность. Правда, каким способом? Пытаясь утопить?

Становится не по себе. Вряд ли обычный человек сможет продержаться без кислорода слишком долго. И кто пойдет на подобное? Это же чистой воды самоубийство!

Я присматриваюсь: внутри находится девушка. Ну и не сладко ей приходится. Этот куб выглядит устрашающе, как и толпа, обволакивающая его. Неожиданно в моей голове возникает вопрос: сможет ли адреналин прибавить несколько минут без кислорода, когда страх воды, людей и закрытого пространства нагло их отнимает?

Я скрещиваю перед собой руки и осматриваюсь: ну же, Карина? Где ты?

Неожиданно тело в аквариуме шевелится, и начинает медленно всплывать вверх. Однако когда девушка вытягивает руки, то она и все люди, окружающие куб понимают: проход закрыт.

— Нет, нет, нет, — кричит Шрам и указывает на секундомер. — Ещё двадцать пять секунд, милочка.

Я озадачено хмурюсь. Он её не выпускает?

Девушка начинает сильнее бить по люку, теревить ногами в стороны, но парень даже не шевелится.

Сначала я ощущаю глупое недоумение: почему он не поможет ей?

Потом мной овладевает паника: она ведь там задохнется!

А затем меня поглощает дикий ужас: заложница разворачивается ко мне лицом, и я понимаю, что это Карина.

Первое, что я делаю — это дико кричу, но мой возглас не услышан. Толпа орет настолько громко, что я теряюсь среди неё, словно спичка среди огромного пожара. Затем меня автоматически тянет к кубу, и я начинаю молотить по нему так сильно, как ненормальная.

— Карина! Карина!

Сестра спускается чуть ниже и замечает меня. Схватившись одной рукой за горло, она вторую прикладывает к стеклу и что-то шепчет.

— Боже мой, — судорожно протягиваю я. — Боже, Карина! Помогите ей! Кто-нибудь!

Последний кислород выходит изо рта моей сестры, и я вижу, как начинает оседать её тело.

— Нет! Карина, нет! Выпустите её!

Я срываюсь с места и непроизвольно несусь по лестнице к Шраму. Он удивленно замирает, и смотрит на меня так, словно видит нечто ненастоящее. Нечто совершенно невообразимое, нереальное.

— Отпусти её! — верещу я и кидаюсь вперед, будто одичавшее животное. — Отпусти! Она умирает! Ей нужен воздух! Открой этот чертов люк! Открой его!

Парень молчит, стоит всё так же без движения, словно статуя. Его бездействие злит меня ещё больше, и тогда я сама нагибаюсь над рычагом и пытаюсь потянуть его на себя. Это оказывается не так просто.

— Прошу, помоги мне! — умоляю я, смотря на Шрама. — Пожалуйста, она же задохнется!

— Ещё тринадцать секунд, — холодно отрезает парень, и меня одолевает такой безумный гнев, что я готова разбить куб собственными руками. — Правила для всех едины.

— Господи. — От безысходности я готова расплакаться. — Ну же! Давай! — я тяну рычаг и одновременно не могу понять, почему он не подчиняется? — Давай же!

Время на исходе. Люк даже не сдвинулся с места, и тогда мой взгляд падает на битую.

Она лежит совсем рядом, в метре от меня. Какое простое и одновременно безумное решение. Неужели выхода из куба нет? Неужели испытание проходил ни тот, кто находился под водой, а тот, кто смотрел на него? Не понимая, что делаю, я хватаю профессиональную тяжелую битую, спрыгиваю с куба и, размахнувшись, ударяю по стеклу.

Толпа отпрыгивает назад и в смятении утихает. Наверно, я первая, кто решился пойти против системы.

Ещё один удар. Стекло треснуло.

— Карина! — ору я, увидев, что сестра лежит на дне аквариума. — Нет!

Я вновь размахиваюсь, и на этот раз полностью избавляюсь от преграды. Вода мощным потоком набрасывается на меня и утаскивает за собой подальше от куба, подальше от толпы. Осколки царапают кожу, застревают в одежде, но я не обращаю на это внимания. Подрываюсь с асфальта, кидаюсь к сестре. Она совсем бледная, практически прозрачная.

— О, боже мой, Карина, милая моя, — я падаю рядом с ней на колени, прохожусь руками по её светлым волосам, нагибаюсь к лицу. Дыхания нет. — Даже не думай покидать меня! Слышишь? Даже не думай об этом!

Я вдыхаю воздух в её рот, и начинаю делать массаж сердца. Раз, два, три. Ещё один вдох. Раз, два, три. Вдох. Раз, два...

Сестра резко выгибается и выплевывает застрявшую в горле воду. Тяжело и громко задышав, Карина испуганно ерзает на холодном асфальте и вцепляется мне в руку так крепко, что мне становится больно.

— Боже, мой, — шепчу я, и обнимаю сестру. — Никогда больше не пугай меня так.

— Лия? Я... я не понимаю...

— Ты кто такая? — внезапно спрашивает меня мужской голос, и я настороженно поднимаю голову. Шрам нависает надо мной, словно грозовая туча. Его лицо злое, глаза черные, как у акулы. — Отвечай!

— Я не хочу проблем, — тихо начинаю я, соображая, что же делать. Идти на конфликт было бы глупо, хотя о чем это я? Конфликт был неизбежен. — Я пришла за сестрой. От вас мне ничего не нужно.

— Ты пришла в чужой дом, и решила, будто может вести себя так, как тебе заблагорассудится?

— Но Карина могла умереть!

— Твоя сестра сама пошла на это! — заключает Шрам. — И мне плевать благими ли были твои намерения. Ты вторглась на мою территорию.

— И сейчас же её покину, — обещаю я, и встаю, подняв за собой Карину. — Прошу, позвольте нам уйти, и мы больше никогда сюда не вернемся.

— Твои извинения — вздор. Мне плевать на них. — Я буквально чувствую, как исходил гнев из его взгляда. Даже поза кажется угрожающей. — Теперь придется платить. Вот только каким способом...

— Я ведь ничего плохого не сделала! — мой голос уверенный, хотя внутри бушует неизведанный ранее страх. — За что платить? За то, что я спасла сестру?

— За то, что ты — чужая, — толпа поддерживает его высказывание. — Ты не из стаи.

— Прошу, — вновь повторяю я и подхожу чуть ближе к Шраму. — Прошу, отпустите нас, и мы с вами больше никогда не пересечемся. — Заметив непоколебимость в его взгляде, я судорожно выдыхаю. — Тогда отпусти хотя бы Карину. Я не позволю причинить ей вред. Делайте со мной, что хотите, только её не трогайте, прошу.

Неожиданно парень улыбается. Я озадачено хмурюсь, не понимая резкую смену его настроения. С чем она связана? С тем, что я дрожу от страха? Или с тем, кто Карина едва стоит на ногах?

— Готова отдать жизнь за сестру. Благородно. — Я киваю. — Знаешь, что мы ценим в нашей стае? Всего три простые вещи: свободу, бесстрашие и...

— Самоотверженность, — одновременно с ним, шепчу я.

Шрам продолжает:

— Желание поставить жизнь другого члена стаи выше своей — есть повод для нас уважать и восхвалять тебя. Но есть одно «но», — я задерживаю дыхание и выдыхаю, только, когда он жестко и громко чеканит. — Ты — чужая.

Люди вокруг вновь орут, одна девушка, совсем молодая выходит немного вперед и кричит:

— Чужая!

Меня пугает поведение толпы: что им от меня надо? Почему они хотят причинить мне вред?словно гигантский механизм, подростки подчиняются Шраму и соглашаются со всеми его словами, со всеми его выводами. Более того, я сразу поняла, что попроси их прыгнуть с моста — они прыгнут. Попроси задержать дыхание на пять минут — и они задержат. Попроси лечь под поезд — и они лягут. Черета подростковых самоубийств была не выдумкой. Только теперь я, наконец, знаю причину.

— И как мы накажем гостью? — громко спрашивает Шрам, и подростки начинают нервно смеяться, переглядываться друг с другом. Я крепче сжимаю сестру за плечи и выпрямляюсь: хочу казаться выше и уверенней. Но в любом случае, все катастрофически вышло из-под моего контроля. — Мне кажется, нужно прибегнуть к традиционному методу. — Я сглатываю и сосредоточено смотрю на парня. — Ты позволила себе слишком много, перешла черту. Я бы простил подобное жертвоприношения, если бы не материальный ущерб, который ты нам нанесла...

— Материальный ущерб? — невозможно поверить, но я смеюсь. Нервы, наверное. — Ты собираешься наказать меня за то, что я разбила ваш самодельный аквариум?

— Да, именно так.

— Не пытайся провести меня. Я не знаю, кто ты, и что тебе от меня нужно, но со мной подобный фокусы не пройдут. — Я глубоко вдыхаю, и пытаюсь быть уверенной. — Это испытание изначально было сделано для того, чтобы разбить стекло.

— Неужели?

— А как ты ещё объяснишь то, что рядом с кубом была бита? Ваш слоган: свобода, бесстрашие и самоотверженность. Это значит, что кто-то из толпы должен был схватить орудие и избавиться от стекла в считанные секунды. Но почему-то никто этого не сделал...

— Возможно, потому что ты не позволила никому до этого додуматься?

— О чем ты? — как же мне страшно. Я пытаюсь говорить громко, четко, уверенно, но внутри буквально умираю от дикого ужаса. — Ещё пара секунд, и Карина бы умерла!

— Это было бы печально...

— Боже, да ты псих.

— Если бы мне было нужно услышать твоё мнение, я бы дал тебе слово, — Шрам недовольно сужает глаза и приближается ко мне. — Мы решим проблему радикально. Я отпущу тебя, но сначала пройди испытание.

— Испытание?

— Да, классика жанра. Ты против одного члена моей стаи.

— Подожди, — я не могу понять о чем. Хочется спросить у окружающих: он ведь шутит? Правда? Это же шутка? Но вряд ли Шрам пускает слова на ветер, и я сконфуженно горблюсь. — Предлагаешь мне драться?

— Кто же будет твоим соперником? — проигнорировав мой вопрос, парень проходит взглядом по толпе, и довольно улыбается. Подростки вновь кричат, поднимают руки, ринутся вперед, от чего моя голова идет кругом. Господи, если бы столько желающих

было меня спасти. — Саша — отличный боец, а может Костя?

— Драться с ней буду я.

Неожиданно в центр выходит высокий парень. Прежде чем оценить его лицо, я обращаю внимание на мускулистые руки, широкую спину. Мне хочется закричать от ужаса и молниеносно убежать, но потом я смотрю ему в глаза и прирастаю к месту. Его безразличие, его холод. Я вдруг понимаю, что Леша был прав — живой выйти отсюда будет слишком сложно.

— Ты? — Шрам искренне усмехается. — Вот это развлечение на ночь!

— Включай свой секундомер, — рявкает парень. — Засечем, за сколько секунд я её вырублю.

— Подождите! — с вызовом кричу я. — Я не собираюсь ни с кем драться!

— Тебя никто не спрашивает.

— Ещё как спрашивает! Это не справедливо! Тебе достаточно ударить меня один раз — и всё, я в нокауте! В чем же тогда смысл поединка?

— Хватит разглагольствовать! — недовольно протягивает мой соперник и встает в оборонительную позу. — Или ты пытаешься защититься, или я тебя убью.

Ужас пробегает по спине, и я слышу, как дико стучит в груди сердце. На несколько секунд меня прорезает тьма: остаюсь лишь я и глаза моего противника: его холодные, мертвые глаза.

Мне определенно не становится легче.

Начинаю отступать назад, как вдруг какая-то низкая девушка вырывает из моих рук Карину.

— Не трогай её! — зло кричу я и кидаюсь к брюнетке. — Убери от неё свои руки!

— Остынь, гостья, — усмехается Шрам, в тот момент, когда толпа рук толкает меня в центр круга. — Твоя сестра уйдет домой в целостности и сохранности, если ты пройдешь испытание.

— Но я не пройду его.

— Главное принять вызов: исход не так важен.

— Исход не важен? — нервно удивляюсь я. — Не важен?!

Не обратив внимания на мои крики, Шрам поднимает руку, и толпа начинает скандировать: Макс! Макс! Макс!

Отлично. Теперь я хотя бы буду знать имя своего убийцы.

— Деритесь, — командует парень, и меня сковывает ужас. Я прирастаю к месту и впяливаю взгляд в противника. Неужели он не понимает, что я обречена? Неужели ему доставит удовольствие избить девушку, которая даже не успеет поднять на него руку?

Максим спокойно подходит ко мне и, издеваясь, толкает в плечо.

— Ну, что, готова, чужачка?

Я не отвечаю.

При мысли о том, чтобы просить у него пощады, у меня начинает горчить во рту.

Я глубоко вдыхаю и выставляю руки перед собой. Господи, может я и смогу победить его? Может, у него есть Ахиллесова пята и мне удастся найти её за первые несколько секунд? Может, он внезапно передумает и...

Живот пронзает резкая боль. В тот же момент, я отлетаю в сторону от удара в плечо, и буквально слышу, как внутри что-то ломается. Перед глазами проносится тьма, я кренюсь на бок, и едва удерживаю равновесие. Люди вокруг продолжают скандировать имя моего противника, они орут, смеются, кричат, и только я мечтаю проснуться и осознать, что все происходящее страшный сон. Но желания так и остаются желаниями. Максим хватает меня за волосы и ударяет в живот, опять, только сильнее, гораздо жестче, и я чувствую новую боль. Перед глазами взрываются краски: зеленый, синий, желтый. Аттракционы, лица подростков, асфальт — всё смешивается, начинается крутиться. Я пытаюсь задеть парня, молочу руками в разные стороны, вялая, заторможенная, слабая, но он ставит мне подножку. Моё тело грубо падает вниз, и я скольжу подбородком по холодной земле не в состоянии даже крикнуть, даже расплакаться от боли. Затем Максим опускается рядом со мной. Он хватает меня за шею и приближается к моему уху так близко, что я ощущаю его горячее дыхание.

— Лежи и не двигайся. — Шепчет он. Его приказ кажется мне странным, ведь я и так не могу пошевелиться. — Поняла, меня? Ни одного движения!

Резко отпустив мою шею, парень поднимается с колен и громко выдыхает:

— Думаю с неё достаточно.

— Ты, правда, так считаешь? — неуверенно переспрашивает Шрам. — Она еще в состоянии помахать кулачками, ведь так? Ну же, гостя! Драка была слишком короткой, и мы не успели ею насладиться! Всего тридцать одна секунда!

— Отстань от неё, Стас, — вновь произносит Макс, и я даже сквозь боль замечаю, что он первый, кто называет его по имени. — Пусть идет домой и больше никогда сюда не возвращается.

Наступает молчание.

Ярываюсь между тем, чтобы плакать от боли или плакать от унижения. Ноет все тело, все конечности. В глазах стоят слезы, в воздухе витает запах крови, и кажется это далеко не кровь соперника. Одно радуется, плечо совсем не болит: я его просто не чувствую.

— Ладно, — неожиданно отрезает Шрам. — Я всё равно не рассчитывал на нечто большее.

Я вижу, как он разворачивается ко мне спиной, и уходит. То же делают и остальные. Целая толпа людей, приходит возле меня, и даже не предлагает помощи, хотя выгляжу я наверняка паршиво.

Воцарила тишина. Интересно, который час? Родители уже приехали? Обрадуются ли они, увидев, меня в крови? Если они конечно увидят...

Я хочу перевернуться на бок.

— Черт, — резкая боль пронзает спину. Я сильно прикусываю губу, чувствую вкус крови и сжимаю руки в кулаки.

Мне трудно дышать. Легкие сдавлены, после сильных ударов, ребра болят, едва я пытаюсь втянуть воздух. Но кроме физической боли я испытываю ещё и нечто другое. Дикий стыд, позор и разочарование в себе. Я оказалась такой слабой, такой незащитной и уязвленной. Парню хватило тридцати секунд, чтобы избавиться от меня. Тридцати! Неужели я настолько ничтожна?

Неожиданно я слышу слабый голос.

— Лия? — мое лицо приподнимают чьи-то холодные, мокрые руки. — Боже, мой. Прости меня. Лия, ты меня слышишь?

— Карина?

— Господи, мне так жаль. Я... — слова сестры обрываются, и она начинает плакать. — Я не хотела, я...

Неожиданно кто-то берет меня за плечи и медленно поднимает с асфальта. Я встаю на ноги, шатаюсь, пытаюсь разглядеть человека перед собой, но не могу даже удержать равновесие.

— Ох, как же он тебя... — протягивает женский голос. — Мог бы быть поделикатней с девушкой.

— Я не понимаю...

— И не надо ничего понимать. — Незнакомка перекидывает мою руку себе через плечо и начинает двигаться в сторону парковки

— Кто ты?

— Кира. Я учусь с тобой в одной школе, забыла?

— Кира? — мои мысли пытаются крутиться, пытаются воссоздать автопортрет человека, но вместо этого, я лишь вяло оседаю в руках девушки. — Разве мы знакомы?

— Карина, прибавляй скорость, — проигнорировав мой вопрос, отрезает незнакомка. — Ты же не хочешь остаться здесь одна, правда?

— Я иду.

— Вот и отлично.

— Почему ты мне помогаешь? — неразборчиво спрашиваю я, и поднимаю взгляд на девушку. — Ты же одна из них, зачем тебе проблемы?

— Не задавай лишних вопросов, Лия.

— Знаешь моё имя?

— Я же сказала тебе, — Я слышу, как открывается дверь машины, и мне становится тепло. — Никаких вопросов.

Глава 2. Адреналин в моей крови

Как хорошо, что некоторым вещам приходит конец.

Я медленно открываю глаза, чувствуя запах родного дома. Мои духи. Моя комната. Мне всего лишь приснился кошмар, и он закончился.

Я вытягиваю перед собой руки, и вдруг резко сворачиваюсь клубком на кровати. Ядовитая, тягучая боль пронзает тело от кончиков пальцев до головы. Словно маленькие взрывы, во мне то и дело пульсируют синяки, отеки. Я вдыхаю глубже, и понимаю, что с запахом духов смешался запах крови, и тогда мне вдруг становится обидно. Это был не сон. Это был не кошмар. Я сжимаю одеяло, и ощущаю подступившие к глазам слезы. Лицемерие на свой счет исчезло. Раньше я думала, что я сильная. Я ошибалась.

Собравшись, я пытаюсь разогнуться и открываю глаза. Медленно стаскиваю с себя одеяло и приподнимаю майку. На животе огромный отек, синий, желтый, оранжевый: просто целая радуга. Я сжимаю крепко губы и встаю с кровати. Тут же заныли ноги, спина. Прихрамывая, я подхожу к зеркалу и вижу гематому на плече. Вот почему вчера я его не почувствовала: ему досталось больше всего.

В мою комнату стучат, и я как можно скорей пытаюсь добраться до шкафчика. Прикрыть синяки от родителей: пожалуй, самая важная задача на данный момент.

Но когда дверь открывается, на пороге я вижу Карину. Она бледная, уставшая. Я бы сказала, больная, если бы не знала истинную причину вялости.

— Привет, — неуверенно шепчет она, и я прожигаю её недовольным взглядом. — Как себя чувствуешь?

— Отлично.

— Давай я принесу йод. Леша сказал утром обработать раны ещё раз.

— Леша? — я вскидываю подбородок и усмехаюсь. — С чего это он решил позаботиться обо мне? Его ведь не волновало, что со мной, когда тот парень избивал меня на виду у целой толпы. Что изменилось сейчас?

— Не правда. Он сильно переживал.

— Я заметила.

— Послушай, — Карина подходит ко мне и кладет руку на здоровое плечо. — Прости меня. Я не хотела, чтобы так вышло.

— Ты... — стряхнув её руку, я протираю ладонями лицо и продолжаю. — Ты в своем была уме, когда прыгнула в тот куб? Понимала, что делаешь? Потому что я не представляю, какой идиоткой надо быть, чтобы добровольно пойти на самоубийство! Так что просвети меня. Скажи мне: о чем. Ты. Думала?

— Лия, это сложно объяснить.

— Да, нет тут ничего сложного! — заводясь, восклицаю я. — Объясни мне, почему ты делаешь это? Почему не слушаешь меня? Почему подвергаешь себя опасности?

— В стае есть мои друзья, и я... — Карина резко замолкает, увидев гнев на моем лице. Она растеряно прикусывает губу и отворачиваюсь. — Тебе не понять меня.

— Твои друзья? — я практически выплевываю этот вопрос. — Считаешь, там были твои друзья?! Ах да. Наверно именно они стояли возле аквариума и смотрели на то, как ты задыхаешься!

— Всё слишком сложно! Я познакомилась с одной девушкой, она привела меня. Мы обе новички, и нам пришлось согласиться на инициацию.

— Господи, что за чушь ты несешь? Какую инициацию? Почему пришлось согласиться? Ты же увидела этих людей, зачем осталась с ними? Это животные, у которых вместо

разума — стремление к свободе и к насилию!

— Не говори так, — с вызовом отрезает сестра, и я прирастает к месту. Она защищает их? Защищает после того, что произошло? — Они очень честные и справедливые. Да, порой, жестокие, но справедливые.

— Знаешь, что, — неожиданно для самой себя, я подхожу к Карине, хватаю её за локоть и тащу к двери. — Пошла вон из моей комнаты.

— Но...

— Я рисковала своей жизнью ради тебя, а ты сейчас ставишь мне эту безмозглую стаю в пример? — Кажется, сестра задевает последние оставшиеся здоровые органы. — Не подходи ко мне больше

— Лия!

— Я сказала, пошла вон! — взрываюсь я, и чувствую, как боль вновь пронзает тело. Карина вихрем выбегает из комнаты, захлопывает за собой дверь, а я без сил падаю на кровать. Опять трудно дышать. Такое чувство, что вчера мне сломали ребра. Прикрыв глаза, я пытаюсь подняться. Больно. Тогда я отталкиваюсь руками от постели, и нахожу опору впереди: фортепиано.

Когда-то я часто играла. Сейчас не получается. Я чувствую дикое раздражение, когда не могу вспомнить ни одно любимое произведение, и поэтому быстро завершаю занятие. Правда, есть одна мелодия...

Она крутится в моей голове уже четыре месяца. Я впервые вспомнила о ней ещё в больнице, затем не могла забыть в школе. Пытаясь подобрать её на фортепиано, я только больше убеждалась в своей бесполезности, и поэтому забросила.

Зря. Мелодия и сейчас всплыла в голове.

Вновь открывается дверь. Я поворачиваюсь, чтобы послать Карину куда подальше, но вдруг вижу маму.

— Почему ты ещё не готова? — спрашивает она и достает из шкафа свою кофту. — Твой папа уже собирается уезжать. Планируешь добираться на автобусе?

— Нет, я уже одеваюсь.

— Давай быстрее. Школу ты сегодня не прогуляешь: даже можешь не прикидываться.

— Хорошо.

Мама уходит, и я хватаюсь рукой за спину. Если мне удастся выжить: это будет безумным везением.

Когда мы подъезжаем к школе, в машине тихо.

Папа останавливается и достает из кармана кошелек.

— Сегодня не смогу забрать ни одну из вас, — сообщает он, и открывает бумажник. — Так что добирайтесь самостоятельно.

— Хорошо. — Я киваю. — Что-то случилось?

— Нет. Просто мне поставили две смены, — он протягивает деньги. — Вчера я провел сложную операцию. За женщиной нужен уход, и, желательно, если я буду поблизости.

— Мама знает, что ты будешь поздно?

— Она останется со мной в больнице. Я решил подстраховаться. У той женщины было внутреннее кровотечение, так что, случись что-нибудь непредвиденное, её знания мне смогут пригодиться.

Я понимающе киваю.

Два доктора в семье — сложная ситуация. Родителей практически не бывает рядом, а когда они все же появляются — с ними появляется и контроль. Безумный контроль, который, порой, сводит меня с ума. К счастью, он заключается не в том, куда я хожу и с кем общаюсь. Чаще всего правила предков распространяются на бытовые проблемы. К примеру, воду два раза кипятить в чайнике запрещается под угрозой «административного наказания» в размере недели в качестве единственной дома посудомойки. Или жарить, необходимо меня масло, при каждом новом заходе. Звучит, конечно, здраво, но это ужасно выбешивает, когда нельзя пожарить десять кусков мяса одновременно, а обязательно нужно разделить их на две партии, и помыть два раза сковородку. Естественно, я понимаю, что образ жизни моих родителей тесно взаимосвязан с их работой: правила, алгоритмы, ответственность. Но иногда это утомляет. В конце концов, доктора они, а не я с Мариной.

— Тогда увидимся завтра утром, — я прекрасно понимаю, что засну к тому времени, как они вернутся, так что даже не надеюсь на ночную встречу. — Пока.

Я машу папе рукой, открываю дверь, но когда пытаюсь встать, откатываюсь назад на сидение. Внезапная боль заставляет скрючиться, и я крепко сжимаю глаза.

— Что такое? Лия? Что с тобой?

Карина замирает, папа смотрит на меня все так же настороженно, и мне приходится ценой огромных усилий, выдавить из себя улыбку.

— Просто живот схватил.

— Где схватил? — Ну, вот опять его медицинские штучки. — Что именно болит?

— Пап, успокойся. Ничего страшного.

— Лия, я спросил, где болит?

Я выдыхаю, и краем глаза замечаю бледное лицо сестры. Наверно, она готова провалиться сквозь землю. Я вообще-то тоже, но мне приходится быть смелой.

— У меня схватил низ живота. Такое бывает каждый месяц у всех женщин. — Я наблюдаю за тем, как папа облегченно опускает плечи. — Так что не стоит волноваться. Все пройдет через несколько часов.

— Хорошо, — он кивает и переносит ногу на педаль сцепления. — Встретимся завтра.

Я повторяю попытку, и на этот раз благополучно выхожу из машины. Папа уезжает, и Карина испуганно смотрит на меня.

— Почти раскусил.

— Я с тобой разговаривать не собираюсь, — отрезаю я и направляюсь к школе. — Можешь даже не стараться что-либо исправить.

— Я и не стараюсь.

Я фыркаю. А ведь могла бы.

Сестра не отстает. Семенит за мной следом, и я чувствую, как она прожигает взглядом мне спину. Появляется желание развернуться и влепить ей здоровую оплеуху, чтобы мозги встали на место. Но я иду вперед и ровно дышу, не хочу вновь спровоцировать боль в спине.

— Ты сегодня долго? — спрашивает Карина, но я не отвечаю. — У тебя есть вождение? — я вновь молчу, и тогда сестра тяжело выдыхает. — Рано или поздно нам всё равно придется заговорить.

— Ты думаешь? — не удерживаюсь я, и прикусываю язык.

— Ты уже говоришь, — довольная собой, она улыбается мне и, наконец, выходит вперед.

Я не пытаюсь догнать её. Пусть идет куда хочет. В конце концов, моя боль в спине появилась по её инициативе.

День начался не очень, продолжился он в таком же медленном и тягучем ритме. Я ходила, держась руками за стены, иногда останавливалась, чтобы передохнуть. Но, к счастью, к концу третьего урока, в моем теле выработался антидот. Я могла спокойно передвигаться, шевелиться, и даже нагибаться, если приходилось. Мои одноклассники не поняли, почему я похожа на калеку, но им, по-видимому, все равно. Я всегда замечала, что они настороженно ко мне относятся, не пытаются сблизиться, подружиться. Я сначала задавалась вопросом: почему? Но потом бросила это дело. В конце концов, это их проблемы, что я им не нравлюсь. Сама себя я вполне устраиваю.

Когда пришло время идти в столовую, я направилась туда в гордом одиночестве. На звонки Леши я принципиально не отвечала, Карина где-то шлялась со своими подружками, так что пришлось пересекать темные коридоры школы в обществе с самой собой. Но так было до того момента, как я заметила вдалеке знакомое лицо.

Как же я могла забыть?

Я прибавила скорость, насколько это было возможно в моей ситуации, и через минуту нагнала высокую блондинку. Коснувшись её плеча, я откашлялась и неуверенно остановилась.

— Кира?

Девушка повернулась ко мне лицом, и скрестила перед собой руки. Не сказать, что она выглядела испуганной, скорее она показалась мне растерянной. Абсолютное отличие от того, какой я помню её вчера: уверенной, сильной, бесстрашной.

— Я хотела сказать тебе кое-что, — на выдохе произношу я, и поджимаю губы. — Спасибо, что ты помогла мне добраться до машины.

— Не стоит, — почти шепотом, отвечает она.

— Нет. Я, правда, очень благодарна тебе. Все люди прошли мимо, но ты остановилась.

— Кто-то же должен был.

— Почему ты это сделала? Ведь не в правилах стаи помогать чужакам.

— Тише, — резко отрезает она и оглядывается. — Хочешь, чтобы все узнали, где мы вчера с тобой проводили время?

— Я не думаю, что люди поймут, о чем мы.

— А если поймут? — Кира протирает лицо и откидывает назад волосы. — Послушай, да я помогла тебе, но это не значит, что теперь мы лучшие подруги, или заодно, ясно? Ты лежала в крови, мне стало тебя жалко, я не смогла пройти мимо.

— Жалко? — у меня запершило в горле. — Так всё дело лишь в жалости?

— А ты что подумала? Конечно, мне стало тебя жалко. Ты бы видела себя со стороны...

— Ясно, — быстро отрезаю я, и вскидываю перед собой руки. — Можешь не продолжать.

— Я не знаю, что ты там себе навывдумывала, — медленно произносит Кира и приближается ближе ко мне. — Но ты должна уяснить, что не все такие же добрые как я. Больше не приходи в парк, иначе не отделаешься так легко.

— Легко? — усмехаюсь я. — У меня вместо живота один огромный отек, а на плече гематома размером с Африку. Это легко, по-твоему?

— Да, это самое безобидное, что могло с тобой произойти. Большинство чужаков не возвращаются домой, они попадают в больницу.

— То есть я не первая, кто посягает на территорию Шрама?

— Конечно. Ни ты первая, ни ты последняя.

— Я спрошу ещё кое-что, и ты от меня отделаешься, — обещаю я, а затем недоуменно пожимаю плечами. — Зачем ты туда ходишь, если понимаешь, что люди не уходят из парка в целостности и сохранности?

— Боюсь, отвечая на этот вопрос, я займу слишком много твоего времени.

— Ничего страшного. Я никуда не спешу.

— Просто забудь обо всем, Лия, — советует мне Кира, и я вижу в её глазах далеко не жалость. Скорее всего, это забота. Но мне абсолютно не ясно, почему на её лице появляется данное выражение. — Забудь о Шраме, о поединке, забудь обо всем. Так будет гораздо лучше и безопасней.

— Для кого?

— Для тебя, — немного помолчав, блондинка добавляет. — И для твоей сестры.

— Оглянись! Люди вокруг умирают, ты же знаешь. И я уверена, что практически все из списка связаны с вашей стаей! Так почему же ты, как и остальные подростки, продолжаешь ходить туда? Или почему вы хотя бы бездействуете?

— Ты сказала, что задашь последний вопрос...

— Но ты мне на него не ответила.

— Если я не ответила, значит, на то есть свои причины. — Кира устало пожимает плечами и вновь оглядывается. — Радуйся, что ты дышишь, что Карина в порядке, и живи дальше! Не надо лезть туда, где тебе не место.

— Мне просто интересно.

— Осторожней. Твой интерес может завести тебя слишком далеко, — девушка в последний раз бросает на меня обеспокоенный взгляд и уходит.

Я ещё долго смотрю ей вслед, даже не имея понятия, почему сама так сильно хочу разобраться в данной проблеме. Наверно, она права. Я и Карина выбрались, мы живы, почему бы не забыть вчерашний день, как страшный сон?

Ответ приходит вместе с болью в спине.

Я и так слишком много забыла. Теперь все, что со мной происходит, кажется мне важным и ценным. Даже такие ужасные события, как встреча с Шрамом, избиение и гематома на плече.

Я прихожу в столовую, когда до звонка остается десять минут. Следующим уроком у меня физкультура, так что спешить некуда: я все равно не смогу даже нагнуться за мячом. Меня быстро обслуживают, я поднимаю поднос и иду к центру зала.

Практически все столы пусты, и мне предоставляется огромный выбор. Правда, пока я думаю, куда бы мне сесть, кто-то берет меня за руку, и ведет к столику у окна. Я не сопротивляюсь, так как прекрасно осознаю, кто это.

— Пользуешься моей травмой, Астахов? Иначе я бы сейчас с удовольствием попыталась вновь вывернуть тебе руку.

— Прости меня, Лия, — выдыхает парень и помогает мне сесть. — Прости, пожалуйста.

— Я прощу, но только после того, как ты объяснишь мне: какой же силой воли надо обладать, чтобы просидеть в машине практически полчаса и не прийти мне на помощь?

— Я не мог прийти.

— Правда?

— Да, мне там не место.

Я смотрю на Лешу, и сгораю от злости, но мне приходится взять себя в руки, и я отпиваю чай.

— То есть, — глотнув, протягиваю я. — Мне получается, там место, а тебе — нет. Очень интересная теория.

— Я же извинился.

— Но это ничего не меняет. Я не смогу забыть то, что ты отсиживался в машине, пока меня избивал тот парень. Как мне доверять тебе после этого?

— Я и не прошу забывать. Просто попытайся понять, — Астахов тяжело выдыхает и нервно протирает лицо. — Я многое не могу объяснить тебе, но надеюсь, что ты просто поверишь.

— Поверить на слово? — Я смеюсь и откусываю бутерброд. — Ага, сейчас.

— Не говори с набитым ртом, — поучает он, на что я язвительно корчусь. — Лия, — вновь серьёзно начинает он. — Ты же меня знаешь. Я бы ни за что, не бросил тебя просто так. К тому же, я понимал, что ты не пострадаешь.

— Что?! Я же...

— Не пострадаешь сильно, — быстро добавляет он, и раздаётся школьный звонок. Парень кладет голову на руки, и устало выдыхает. Мне даже становится не по себе. Может, я, и правда о чем-то не знаю?

— В таком случае, объясни мне, что же тебя так напугало? — Идти на перемирие — не мой конек. Но потерять ещё и Лешу — слишком сложно. — Почему ты побоялся прийти за мной?

— Не сейчас. Я скажу тебе, но только не сегодня.

— Почему не сегодня? Неужели завтра что-то изменится?

— Я не знаю. Но сейчас... сейчас я к этому не готов. Да и ты тоже не готова.

Его слова озадачивают меня. Готова, не готова — какая разница? Главное, узнать правду. Разве не так?

Но мои мысли прерываются телефонным звонком.

Астахов поднимает голову, достает сотовый и, увидев имя на дисплее, застывает в ужасе. Затем он нехотя подносит телефон к уху, и спрашивает:

— Что тебе нужно?

Длительное молчание. Его зеленые глаза становятся все больше и больше, а потом вдруг закрываются. Парень качает головой из стороны в сторону и выдыхает так громко, что я испуганно съеживаюсь.

Я гадаю, кто же это может быть, и что происходит? Почему Леша напуган? Может, что-то с его родителями? Они узнали о результатах его теста? Хотя тогда совершенно не вписывается его грубый тон вначале: с предками так разговаривать — себе же делать хуже.

Но в чем же в таком случае проблема?

Астахов кладет трубку и открывает глаза.

— Что? — недоуменно спрашиваю я. — Что случилось?

— Карина, — медленно отвечает он и следит за моей реакцией. Она не заставляет его долго ждать. Я сжимаю в руке чашку с чаем и нагибаюсь вперед.

— Что с ней? Где она?

— Кажется, твоя сестра окончательно потеряла голову.

— Твою мать, Леша, что происходит? — взрываюсь я, и тогда парень отвечает.

— Она вновь пошла в стаю, и сейчас готовится пройти четвертое испытание.

— Что? — Я буквально чувствую, как внутри разгорается пожар. Появляется отчаянный вопрос: зачем? Зачем она это делает? — Не может быть. Я буквально несколько часов назад была с ней рядом!

— Видимо, она пришла в школу для вида. На самом деле, сейчас она в нескольких километрах отсюда, готовится продолжить инициацию.

У меня кружится голова. Я отставляю чашку, и едва сдерживаюсь от слез. Может, стоит позвонить родителям? Стоит рассказать им правду? Я ведь не выдержу ещё одного избиения. Эгоистичная часть меня кричит так сильно, что приходится вспомнить удары в живот, удары в плечо, вспомнить всю боль, и мне становится так плохо. Я сижу сторбленная, совершенно не представляя, что делать.

— Нужно торопиться, — отрезает Астахов и кладет свою руку поверх моей. — Мы должны поехать за Кариной, или позвонить родителям. Действовать нужно немедленно.

— Леш, она наверно издевается надо мной, — слабым голосом протягиваю я. — Неужели ей так не важна жизнь?

— Потом ответим на эти вопросы, Лия. Сейчас срочно нужно предпринять что-то, или Карине не поздоровится!

— Но что я могу? Что?

— Ты можешь все, — уверенно отрезает Астахов, и я недоуменно поднимаю глаза. — Ты способна на многое, Лия. Поверь мне, если кто-то и в состоянии защитить твою сестру, так это ты.

— Но ведь раньше ты считал, что разумней попросить помощи у взрослых.

— Я и сейчас так считаю, просто ты — другая. — Он смотрит на меня с такой нежностью, что мне становится неловко. — Ты способна спасти любого, кто тебе дорог. И я не понаслышке знаю об этом.

Я прикусываю губу и смотрю на свои бледные руки. И так, какова вероятность того, что сегодня я и вовсе не вернусь домой? Стая не принимает чужаков, так если ли у меня шанс спасти сестру ещё раз?

Неожиданно в моей голове созревает план.

Я встаю из-за стола, и, не поддаваясь боли, хватаю со стула сумку.

— Идем. Я знаю, что делать.

Когда мы подъезжаем к воротам старого вокзала, нас встречает Кира. Я удивлена, что вижу её, и резко поворачиваю голову в сторону Леша. Может, он объяснит мне, почему она здесь. И почему мы вообще приехали к вокзалу, когда стая обитает в парке? Но парень даже не смотрит на меня. Паркуется, и медленно выходит из машины. Я вылезая следом за ним и останавливаюсь перед блондинкой.

— Кира, что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь помочь, — на выдохе произносит она и смотрит на Астахова. — Вы вовремя. Инициация начнется через несколько минут.

— Я гнал, как мог.

— Подождите, — недоуменно протягиваю я, и смотрю сначала на Лешу, потом на блондинку. — Это ты ему звонила? Ты сказала, что Карина здесь?

— Да, я.

— Но откуда вы знаете друг друга? В смысле, да, мы учимся в одной школе, но...

— Ты опять задаешь слишком много вопросов, — перебивает меня Кира и ставит на пояс руки. — Я понятия не имею, что ты собираешься делать, но твоя сестра меня уже порядком достала. Нежели ты не могла объяснить Карине, что общаться с плохими дядьками вредно для здоровья?

— Она не слушает меня.

— Я бы тоже не стала слушать, — смеется блондинка, но быстро берет себя в руки. — Леша сказал, у тебя есть план.

— Да, есть. — Сейчас я уже сомневаюсь в нем, но по дороге до вокзала ничего умней не смогла придумать. — Он безумный, но мне кажется, что ты не будешь против. В конце концов, ты в стае, а вы привыкли совершать безумные поступки.

— Так и есть. Посвятишь меня?

— Нет. — Я выдыхаю. — Это мои проблемы.

— Как скажешь. — Кира начинает двигаться в сторону вокзала. — Следуй за мной.

— Ты идешь? — спрашиваю я Лешу, но он неуверенно качает головой. — Ладно. Сама разберусь.

Можно ли простить другу его страх? Наверно, можно. Но мне почему-то сложно это сделать.

Следуя за Кирой, я думаю о том, как попала в данную ситуацию. Почему связалась с этой бандой? Почему стала частью её истории? Раньше мне доводилось лишь читать в газетах о противоправных действиях некоторых членов стаи, а теперь я второй день подряд добровольно прихожу в самое её пекло.

Я слышу гул, и кровь стынет в жилах. Мы совсем близко.

— Я не могу провести тебя вплоть до стаи, — неожиданно говорит Кира. — Иначе мне придется несладко. Так что будь пайнкой, и сама проделай несколько метров, договорились?

— Да, конечно.

— И лучше не совершай глупостей. Шрам не любит, когда люди пытаются повесить лапшу ему на уши.

— К счастью, мой план заключается вдругом, — тихо проговариваю я, и вижу на перроне столпотворение. Сердце охватывает ужас: какое же новичкам предстоит испытание?

— Все, дальше иди сама, — отрезает Кира и непроизвольно касается моего плеча. — Будь осторожна.

Я удивленно вскидываю брови, но когда собираюсь ответить, блондинка разворачивается и уходит. Почему она так добра ко мне? Почему волнуется?

Встряхнув головой, я выпрямляюсь. Спину тут же обдаёт жаром, но я не обращаю внимание. У меня ноет все тело, болят все конечности, а я иду вперед. Наверно, это смелость. Хотя, может, обыкновенная глупость.

Увидев меня, подростки начинают расступаться. Кто-то из них смеется, кто-то ошарашено молчит. Я бы то же удивилась, скажи мне кто-то сегодня утром, что я вернусь в стаю. Но такова реальность. Люди затихли, опустили бутылки с пивом, и уставились на меня с явным вопросом: какого черта я здесь делаю.

Наконец, я замечаю Шрама. Он стоит на краю платформы и смотрит на рельсы. Неужели его завораживает картина отвратительных железных полос? Разве это красиво?

Но затем он поворачивается ко мне, не скрывая удивления. Сначала я замечаю на его лице усталость, а потом гнев, ведь я ослушалась и пришла во второй раз.

— Ты страх потеряла? — недовольно интересуется он. — Разве вчера мы не обговорили, что ты больше не вернешься?

— Я прекрасно помню, что мы вчера обговорили, — уверенно отвечаю я, и замечаю справой стороны шесть человек. Они стоят друг за другом. Карина последняя. — Но кое-что изменилось.

— Что же именно?

— Отношение к моей сестре. Она решила, что можешь противоречить мне, и она ошиблась.

— Хмм... — Шрам неожиданно улыбается. — Интересно. То есть тебя злит то, что твоя сестра не захотела покидать стаю?

— Да, так и есть.

— Я наверно совсем тупой, потому что совершенно не понимаю: чего ты вмешиваешься? Она взрослая девочка и сама понимает, чего хочет и что ей нужно. Ты спасла её вчера, но сегодня она вернулась. Какова же вероятность того, что это не повторится снова?

— Она больше не будет являться членом вашей стаи, а значит, вернувшись, подвергнет свою жизнь риску. Огромному риску.

— И почему же она перестанет являться членом нашей стаи?

— Я займу её место, — по перрону проносится гул, Шрам удивленно вскидывает брови, и я слышу, как ко мне подбегает Карина.

— Какого черта? — взрывается она. — Я не собираюсь никуда уходить!

— Замолчи, — металлическим голосом отрезаю я и пронзаю сестру таким взглядом, что она бледнеет. — Стой рядом и не говори ни слова!

— Но какой мне прок, соглашаться с тобой? — лениво спрашивает Шрам. — Не легче сейчас вновь поставить тебя на место, и дело с концом.

— Я прекрасно помню, как вы относитесь к самоотверженности. Моя сестра идиотка, но, тем не менее, я лучше сама подвергну себя опасности, чем позволю ей сделать это.

— Мы отлично относимся к самоотверженности внутри стаи, но не со стороны чужаков.

— Взгляни на ситуацию под другим углом, — я начала терять надежду: неужели план не получится осуществить? — Какая тебе разница, я или Карина подчиняемся твоим приказам? А? Просто отпусти её, а дальше дело за мной. Если понадобится, я прикреплю её наручниками к батарее, но зато оставлю в живых.

— Ты так уверена, что твоя сестра умрет? Многие выживают после инициации.

— Многие? Я так не думаю.

Шрам задумчиво смотрит на меня: неужели решил рассмотреть моё предложение? Затем он сжимает губы, скрещивает перед собой руки и неожиданно говорит:

— Ладно. Я согласен.

— Что? — Карина краснеет, и срывается с места. — Но я хочу быть в стае! Я, не она!

— Твоя сестра явно дала всем понять, что ей неважно твое мнение.

— Потому что мне важна твоя жизнь! — я смотрю на Карину и недовольно хмурюсь. — Ты идиотка, если не понимаешь, во что ввязалась!

— Но это мой выбор!

— Пожалуйста, — я смотрю на Киру, но не произношу её имени. — Уведи её.

Блондинка кивает.

— Я никуда не уйду, — твердо произносит сестра. — Не тебе решать, что мне делать, а что нет.

— Ты ошибаешься. Именно мне решать!

— Но это несправедливо, — плачет Карина. — Я хочу быть в стае! Я хочу быть её частью!

В этот момент Кира берет её за локоть и грубо тащит за собой.

— Нет, — кричит сестра. — Отпусти меня! Лия, прошу тебя! — она пытается вырваться, но тщетно. — Лия!

Я отворачиваюсь, и крепко стискиваю зубы.

Не верится, что желание Карины быть среди этих животных перевешивает желание жить.

— Итак, — наблюдая за тем, как Кира уводит сестру, протягивает Шрам. — Выходит, ты будешь проходить инициацию вместо неё.

— Выходит, что так.

— Я сегодня в хорошем настроении, так что тебе повезло. Хотя, — он хмурится. — Хотя мне кажется, что было бы честней по отношению ко всем, поставить тебе одно маленькое условие.

— Какое же? — устало спрашиваю я. Я ещё не думала, как буду проходить испытания с ноющими конечностями, и почему-то только сейчас вспоминаю об этом. — Какое условие?

— Сегодня твой результат должен быть лучше результатов других. Тогда ты останешься в стае и продолжишь инициацию.

— В противном случае?

— В противном случае, — продолжает Шрам. — Ты будешь изгнана, а твоя сестра вернется на свое законное место.

— Хорошо, — безучастно отвечаю я, и чувствую, как покалывает в глазах. — Хорошо, я согласна на все условия.

— Отлично, тогда начнем, — парень потирает руки. — Первый поезд уже на подходе!

Почему-то я не удивляюсь.

Меня окатывает волна страха, ужаса, но не удивления. Я догадывалась, что будет за испытание, и внутри уже попыталась себя к нему подготовить.

Хотя можно ли себя к такому подготовить?

— Смысл данного испытания, — кричит Шрам, и люди внимательно поворачивают к нему свои головы. — Каждый из новичков выходит на рельсы и становится спиной к идущему поезду. Мы, зрители, засекаем время и считаем, за сколько метров до первого вагона, парень или девушка уходит в сторону. — Чуть помедлив, он добавляет. — И без фанатизма. Смерти нам ни к чему.

Подростки торжественно кричат, увидев очень далеко поезд. Я сглатываю, накопившуюся слюну, и сжимаю в кулаки потные ладони. На улице прохладно, но я вся горю, хочется обрызгать лицо ледяной водой, хочется упасть в сугробы, которых ещё нет, хочется прыгнуть в бассейн и лежать на поверхности. На лбу появляется пот. Сводит низ живота, и мне приходится признать, что боль в спине и в мышцах спасает меня: не дает расслабиться. Иначе я бы упала без чувств.

Когда первый парень, старше меня может года на два, прыгает с платформы к рельсам, и становится посередине, моё сердце останавливается. Я готова кричать от ужаса, но понимаю, что это не поможет: ни ему, ни мне.

Поезд совсем близко. Теперь я не только его слышу, я вижу его. Люди вокруг меня, одетые в черные куртки, черные джинсы, неожиданно начинают шевелиться. Они подходят ближе к платформе и выкрикивают слова в поддержку парню. Удивительно, что они не кричат: поскорей бы тебя сбил поезд, потому что всё именно к этому и идет.

Я прикрываю рукой рот, и дрожу, словно осиновый лист. Мне так страшно было лишь один раз: когда я проснулась и поняла, что потеряла целый год. Только если тогда паника была моральной, сейчас я ощущала её физически.

— Боишься? — неожиданно спрашивает меня Шрам и улыбается. — Испытание тебе не из легких досталось.

— Справлюсь как-нибудь и без твоих советов, — огрызаюсь я.

— Я в этом сомневаюсь.

Затем он оставляет меня одну, и подходит к толпе.

— Отходим все на шаг назад, — командует он и, расставив руки, отодвигает подростков ближе к центру. — Этот вокзал в нашем распоряжении, но я всё равно не хочу проблем.

Я недоуменно вскидываю бровь и нехотя подхожу к парню.

— Что значит, в нашем распоряжении?

— Стало интересно?

— Просто ответь, Шрам.

— Этот вокзал не рабочий. Он заброшен, как и парк, в котором мы обычно проводим время.

— Но как тогда здесь проезжает поезд?

— Я бы сказал, проезжает не поезд, а несколько вагонов. — Он вновь улыбается. — Не волнуйся. Управляет им один из наших.

— Значит, ли это, что он успеет затормозить, если что? — с надеждой спрашиваю я, и натываюсь на безумный взгляд парня.

— Нет, это абсолютно ничего не значит.

Мне опять страшно.

Я сжимаю пальцы в кулаки и вижу, как парень на рельсах закрывает глаза. Поезд совсем рядом. Я уже отчетливо вижу его силуэт, и не могу взять себя в руки. Звук становится всё громче, громче и громче, и когда во мне кровь вскипает, словно подогретое молоко, парень нагибается: готовится отпрыгнуть. Сто метров, девяносто, восемьдесят — люди орут, словно дикие. Одна девушка протягивает вперед руки, и кричит, что любит его.

Если бы любила, то не позволила бы совершать такое. Хотя, что я понимаю в любви?

Семьдесят, шестьдесят — я закрываю руками лицо, и слышу дикий рев поезда. Пятьдесят. Поток воздуха откидывает назад мои угольные волосы, и я испуганно отступаю в сторону, отказываясь открывать глаза.

Мне хочется плакать, хочется забиться в угол и не выходить оттуда.

Но вдруг я улавливаю радостный крик. Мои руки сами опускаются, глаза находят толпу, и я замечаю парня. Он довольный стоит рядом со своей девушкой, целует её, обнимает, крутит вокруг себя. Он справился, и он жив.

Я облегченно выдыхаю, и вдруг ощущаю чье-то прикосновение.

— Ты как? — я поднимаю глаза и вижу Киру. — Всё в порядке?

— Честно?

— Ладно, можешь не отвечать. — Блондинка едва заметно улыбается. Я благодарна ей за то, что она рядом. Почему-то мне кажется, что я смогла бы ей довериться. — Ты последняя?

— Да, Карина была шестой, так что...

— Отстой. Придется посмотреть на все результаты.

— Меня больше волнуют не цифры, — признаюсь я. — Как понять, когда нужно отпрыгивать? Как словить именно тот момент?

— Тут нет четкой инструкции. Просто прислушивайся к звуку. В какой-то момент он перестанет становиться громче. Это значит, что у тебя доля секунды, или... — она проводит пальцем по шее и округляет глаза. — Но лучше, конечно, не держаться до этого момента. Слишком большой риск, что отпрыгнуть ты не успеешь.

— Ясно. Хорошо. Спасибо.

— Прекрати так волноваться, — улыбается Кира. — Наша стая собрана для того, что получать удовольствие от жизни, от адреналина, который вскипает в крови. Мы здесь для того, чтобы побороть свои страхи, а не стать заикой.

— Но ведь люди умирают.... Это не игры!

— Умирают глупые гордецы, которые считают, что способны на большее, хотя не в состоянии даже перепрыгнуть через козла. Ну, или те, кто думают, словно рождены для нашей стаи.... Например, такие люди, как твоя сестра. Они долго не продерживаются, потому что забывают о своей небольшой слабости: смертности. Порой, их стремление доказать, что они способны на многое, доходит до абсурда. Так что я рада, что твоя сестра ушла. Ей бы пришлось сложно

— Ты отвела её к Леше? — вспоминаю я.

— Да, и он отвезет её к вам домой.

— Спасибо.

Когда я оглядываюсь, то понимаю, что осталось всего два человека. Когда успели пройти троя?!

Увидев мой озадаченный взгляд, Кира выдыхает.

— Две девушки отказались.

— А так можно?

— Да, но теперь они изгнаны. — Блондинка неуверенно пожимает плечами. — Не думаю, что им будет просто. Первое время наши парни запугивают тех, кто сдался и сбежал.

— Но зачем? — поражаюсь я. — Это их выбор. К чему такая дикость?

— Не знаю. Наверно, ради веселья...

— Ради веселья, — словно эхо, повторяю я. — Считаешь это нормальным? Издеваться над тем, кто оказался не таким смелым, как вы?

— Я считаю это абсурдом, — признается Кира, но затем искренне улыбается. — Но в чем тогда смысл «стаи», если попасть в неё может кто угодно? Остаются лишь избранные. Так что это наша собственная версия естественного отбора.

— Вы не Боги, чтобы создавать собственную версию.

— Но Бог тут не причем. Виной всему существа, животные, люди: они решают, кто

останется жить, а кто погибнет. Дело в их жестокости, в их силе, в их мудрости.

— Но сила не всем дана! — с вызовом восклицаю я. — Не каждый способен уложить Шрама или того парня, который избил меня!

— Умоляю тебя, — усмехается блондинка. — При чем тут кулаки и зубы? Оглянись. Побеждают не безмозглые силачи. Умные не умирают, Лия. Умные управляют нами.

Я делаю так, как просит меня Кира: оглядываюсь, и вдруг понимаю, что она говорит правду. Стаей управляет Шрам, но кто сказал, что он самый сильный? Всё чаще в нашей жизни побеждают ум или деньги. Так как здесь нет места бумажным купюрам, балом правят мозги. Похвально. Правда, мало утешает.

— Объясни мне, что хорошего несут ваши испытания? — Медленно начинаю я, и серьёзно смотрю на Киру. — В чем смысл рисковать своей жизнью? Ведь здесь нет выигрыша, нет награды. К чему столько усилий, если единственное, что у тебя остается это отеки, гематомы или шрамы?

— Победа над самим собой — вот главная награда. Мы мыслим не так, как обычные люди, Лия. Неужели ты согласна провести всю свою жизнь, сидя на диване? — Блондинка пожимает плечами. — Я знаю огромное количество людей, которые ходят в школу, делают уроки, помогают родителям, увлекаются садоводством и посещают дополнительные кружки. Затем они поступают в институт, находят себе мужа или жену, рожают детей, работают, стареют и умирают...

Я недоуменно хмурюсь.

— Как тебе, а? — с сарказмом спрашивает Кира. — Устраивает такая судьба? Ничего интересного, ничего захватывающего.

— Но они хотя бы не становятся калеками.

— Да, они не калеки. Они потенциальные мертвецы. Существовать и жить — разные вещи, и им вряд ли понять нас: свободных людей.

— Но что если сегодняшний день окажется последним? — дрожащим голосом восклицаю я и раскидываю руки в стороны. — Что если завтра — уже не будет?

— Вспомни наше главное правило, Лия. — Кира снимает с меня куртку, хотя на улице достаточно холодно. Затем подкатывает мне рукава и аккуратно кладет на плечи горячие ладони. — Свобода, бесстрашие и самоотверженность.

— Зачем я сняла куртку? — я сбилась с мысли, и мне вновь стало страшно.

— Так двигаться проще.

— Ага. Ну да. — Я опускаю глаза на свои руки и вижу татуировку на запястье. Дабл ю. Не помню, как сделала её. Видимо, это тайна, исчезнувшего года. — Значит, отпрыгнуть, когда пойму, что звук не становится громче.

— Лучше за несколько секунд до этого, — напоминает Кира. — Будь смелой.

Я киваю, и вижу таблицу в руках у низкой девушки. В ней написаны имена, а напротив них — метры. Итак, Дмитрий, первый парень, — 42 метра, затем две зачеркнутые полосы. Ниже, Константин — 36 метров. Денис — 49 метров.

— О Господи, — выдыхаю я. — 36 метров? — я практически выкрикиваю этот вопрос и смотрю на рыжего парня. Он низкий, неприметный, страшный, хилый, но он лучше всех. Мне становится не по себе, я вновь поворачиваюсь к Кире. — Такое чувство, что я совершаю самую огромную ошибку в своей жизни!

— Ты делаешь это ради сестры, — напоминает мне блондинка и, улыбаясь, кивает в сторону рельс. — Пора.

Мое сердце падает вместе с руками.

Неожиданно ко мне подходит Шрам и снисходительно хмурится.

— Придется постараться, — заключает он. — Сегодня новички показали себя лучше обычного.

— Я заметила, — сквозь зубы, огрызаюсь я.

— Все ещё не хочешь попросить совета?

— Нет.

— Отлично. — Парень подталкивает меня к краю платформы, и я неуклюже прыгаю вниз. Рельсы огромные, железные, мощные. Меня мгновенно наполняет страх. — Только помни, без фанатизма!

Я слышу его смех, и бросаю:

— Пошел ты.

Внезапно до меня доносится звук приближающегося поезда. Земля под ногами начинает ходить ходуном, трещать, дрожать, и я дрожу вместе с ней. Не понимая, что делаю, становлюсь по середине рельсов. Спина горит, мышцы напряжены. Я не думаю о том, что придется падать на больное плечо. Я думаю о том, как бы вообще сдвинуться с места.

Меня разрывает на части странное чувство. С одной стороны я на грани истерики. Мне хочется расплакаться, и я буквально ощущаю, как слезами наполняются глаза, как начинает колоть в переносице. Но я не плачу. Я ловлю в себе что-то ещё, что-то странное. Возможно, так на организм действует адреналин, но мне внезапно нравится чувствовать страх и понимать, что я могу его побороть. Как? Например, отпрыгнув в сторону. Выходит, что сейчас ни кто-то сверху пишет мне судьбу, её пишу я, стоя прямо здесь, посреди рельсов. И кто после этого Бог, если именно в данный момент, в данную секунду контролировать свою жизнь могу только я?

Звук становится громче. Слева от меня поднимается рев толпы. Подростки что-то кричат, что-то орут, но я не разбираю слов. Все смешивается в единую мелодию: голоса, шум поезда, дрожь земли.

Я закрываю глаза, и обнаруживаю, что абсолютно не волнуюсь. Как такое возможно? Почему я в состоянии здраво рассуждать, когда две минуты назад даже боялась пошевелиться?

Звук ещё громче. Меня начинает обдывать ветром. Земля трясется, гравий прыгает из стороны в стороны: я его не вижу, я чувствую. Кто-то сверху внезапно решительно кричит: пора! Пора!

Но я считаю, что еще рано. Я могу простоять дольше. Я контролирую ситуацию.

Ветер становится сильнее. Звук больше не кажется мне слишком громким. Может, это знак? Пора отходить?

Наверняка, нет. Поезд ещё далеко.

— Лия! — вновь кричит кто-то, но я раскидываю руки в стороны.

Почему я так давно не ощущала это чувство? Это чувство безумной свободы! От него кружится голова, подгибаются колени. Хочется кричать от радости, смеяться, ловить ртом снежинки, и купаться под дождем. Мне хочется жить так, как хочется, а не так как нужно. И все это проносится в моей голове именно в тот миг, когда грохот поезда становится невыносимо громким. Я не обращаю на это внимание, всё так же искренне улыбаюсь, слышу дикий крик, и тут же меня что-то отталкивает в сторону.

Я грубо приземляюсь на гравий, и лицо обдает сильный поток ветра. Ошеломленно открываю глаза, и вижу, как в пятидесяти сантиметрах от моих ног проносится несколько сцепленных вагонов.

Руки жжет, щека горит, плечо начинает пульсировать, словно один гигантский нерв, но я забываю об этом. Я поворачиваю голову в сторону, и вижу парня. Он лежит рядом,

потирает колено, и тяжело дышит. Мне кажется его лицо знакомым, но я не могу сообразить.

— Ты спас меня, — шепчу я, и судорожно глотаю. — Спасибо, я забылась. Я просто переоценила себя.

— Идиотка, — отрезает он, и мы встречаемся взглядами. Темно-синие глаза: вчера они казались мне черными. Теперь я узнаю его. — Забыла, что я тебе сказал? Не возвращайся сюда больше!

— Так это ты! — Я взрываюсь и хочу резко встать, но тут же неуклюже валюсь обратно на землю. Тело до сих пор болит, и я опять забыла об этом. — Это ты избил меня вчера!

— И тебе, кажется, мало...

— Придурок! — я отталкиваю от него ногами. — Надеюсь, ты счастлив? Победить девушку — ведь это так благородно.

— Да, счастлив.

— Безмозглый кретин!

— Безмозглая дура! — в ответ орет он. — Я что тебе сказал? А? Я сказал тебе не возвращаться!

— Ну, теперь мы будем видеться часто, — ядовито протягиваю я, и улыбаюсь. Откуда во мне столько злости? Наверно, боль делает с человеком ужасные вещи.

— С чего вдруг, чужачка?

— Тебе придется придумать мне другое прозвище, потому что сегодня я поменялась местами со своей сестрой и стала членом вашей стаи.

— Что? — в его вопросе столько ужаса, что я недоуменно замолкаю. Боится? Я такая страшная? — Ты в нашей стае?

— Да. Я пройду инициацию и буду твоей коллегой.

— Если пройдешь, — рычит он и смотрит на меня взглядом полным гнева. — Такими темпами ты умрешь, а я больше не собираюсь спасать тебе жизнь.

— Я тебя и не просила этого делать!

— Повторишь свои слова, когда поезд переедет тебя на две части!

— Макс! — внезапно кричит с платформы Шрам и обеспокоенно машет руками. Мы одновременно поднимаем головы, и замираем. — Убирайся скорей отсюда! Нас засекли.

Только сейчас я замечаю панику на перроне. Все зрители, будто дикие молекулы, разбежались в стороны, бросив пиво, одежду и даже бросив друг друга. Теперь каждый сам за себя: вот вам и свобода, бесстрашие и самоотверженность.

— Черт, полиция, — отрезает Максим и резко срывается с места. Он бежит вдоль рельсов, и я понимаю, что должна следовать за ним. У меня нет другого выхода.

Я поднимаюсь на ноги, но делаю это слишком медленно. Парень уже далеко. Затем глубоко вдыхаю и начинаю бежать. Боль с каждым шагом отдает в висках, она непрестанно затрудняет движение и заставляет меня жмуриться, громко выдыхать, сжимать кулаки. Через несколько секунд к ноющим мышцам прибавляется холод. Ветер настолько ледяной, что я едва чувствую пальцы ног. Безысходность накрывает меня с головой, я слышу голоса полицейских, слышу, как один из них кричит, что на рельсах есть девушка, и испуганно понимаю: они меня заметили.

Испустив судорожный крик, я делаю рывок вперед, но неожиданно спотыкаюсь и вновь падаю на больное плечо. Хруст. Перед глазами фейерверком взрываются звезды, я моментально теряюсь в пространстве, и открываю рот, чтобы вздохнуть, но вместо этого из меня вырывается тихий стон. Сжимаю плечо, крепко закрываю глаза и чувствую, как

по щекам льются слезы. Такой боли я ещё никогда не испытывала.

Неожиданно я слышу приближающиеся шаги. Бежать поздно, меня поймали. Я обессилено откидываю назад голову, приготовившись сдаться. Я проиграла, опять проиграла! Но вдруг мое тело резко поднимается.

— Держись, — командует знакомый голос, и, открыв глаза, я понимаю, что нахожусь на спине Макса. Он вновь помогает мне, но теперь мне всё равно почему. Вместо злости, я чувствую безмерную благодарность, поэтому обхватываю здоровой рукой его плечи и прижимаюсь ближе, чтобы ему стало немного легче.

Парень бежит быстро. Настолько быстро, что уже через несколько минут полицейские остаются позади. Проверив, что погоня прекратилась, Максим притормаживает под мостом и опускает меня на землю. Ещё раз выглянув из-за угла, он возвращается ко мне и восстанавливает дыхание.

— Ты не такой безмозглый, как я думала, — признаюсь я, и вновь жмурюсь. Кажется, на этот раз я отделалась не так легко, как хотелось бы.

— Что с тобой?

— Плечо, — я скатываюсь по холодной стене моста, и откидываю назад голову. — Я слышала хруст, когда упала на рельсах. Наверно, что-то выбила...

— Дай посмотреть.

— Не надо.

— Боишься? — улыбается парень.

— Ещё бы, — огрызаюсь я. — Ты ведь такой страшный.

— Тогда на секунду забудь о своей гордости. Я просто посмотрю.

— Да что ты в этом понимаешь? Парень — лихач, параллельно доктор наук?

— Ты почти угадала, — саркастически протягивает он. — Я пока что не доктор наук, но не прочь им стать.

Я удивленно вскидываю брови, когда Максим садится напротив меня.

— Хочешь сказать, что ты учишься в институте?

— А почему бы и нет? — парень аккуратно протягивает ко мне руки, и я, нервно прикусив губу, подвигаюсь им на встречу. — Лечебный факультет. Уже третий курс.

— Ничего себе. И кем же ты планируешь стать?

— Хирургом.

— Не повезло, — заключаю я. — Мои родители доктора, и поверь, ничего хорошего в этой профессии нет.

— Разве? — Макс аккуратно ощупывает мой локоть, ключицу, лопатку на спине, и тяжело выдыхает. — Если бы всё было так плохо, я бы не смог сказать, что с тобой.

— А ты можешь?

— Да. Ты вывихнула плечо, чужачка. Нужно поехать в больницу, иначе не сможешь скоро пошевелить рукой.

— Черт, — я слегка ударяюсь головой о стену. — Только этого мне не хватало.

— Не надо лезть туда, куда тебя не просят.

— А что ты предлагаешь мне делать? — горячо спрашиваю я. — Думаешь, мне нравится быть среди вас? Нравится рисковать жизнью?

— Судя по тому, как ты ожидала своей смерти на рельсах: да, тебе определенно это нравится.

Я собираюсь ответить, но потом замолкаю. Он прав. Что-то в моих поступках попахивает эгоизмом. Если раньше я могла с уверенностью заявить, что пришла в стаю из-за сестры, то сейчас могу лишь признаться, что получаю от адреналина удовольствие.

— Возьми, — неожиданно Максим снимает с себя пальто и протягивает его мне. — Оденься, ты вся дрожишь.

— Хватит, иначе я решу, что ты хороший парень.

— Так и есть.

— На самом деле нет, — я язвительно улыбаюсь. — Хорошие парни не бьют девушек.

— Оденься, — проигнорировав мою реплику, повторяет парень. — Отморожение не пойдет на пользу твоему вывихнутому плечу.

Я выдергиваю верхнюю одежду из его руки и недовольно выдыхаю.

— Спасибо.

— Не за что, — передразнивает меня он. — Готова идти, чужачка?

— Готова.

Я с огромным трудом поднимаюсь на ноги, и пошатываюсь назад. Голова идет кругом, конечности наливаются свинцом. Мне бы сейчас уснуть прямо здесь, под мостом, и только потом продолжить путь, но я не могу. Максим стоит, ждет, смотрит на меня, и приходится выглядеть сильной.

Он закатывает рукава пуловера и тяжело выдыхает.

— Моя машина недалеко отсюда. Главное выйти с вокзала и не наткнуться на полицейских.

— Ты знаешь, как нам это сделать?

— Пока нет, — Макс устало протирает лицо руками. — Но я думаю, что стоит попробовать обойти вокзал с другой стороны.

— А что если нас окружили?

— Тогда придется вновь бежать, что совершенно не выгодно для тебя, чужачка. Так что молись, чтобы полицейские оставались такими же тупыми, как прежде.

Я киваю и вдруг замечаю на его запястье татуировку. У меня сердце подпрыгивает и делает сальто. Я непроизвольно приближаюсь к парню и тяну на себя за руку.

— Что это? — ошеломленно восклицаю я, и рассматриваю английскую букву «в». — Откуда она у тебя?

— Полегче.

— Я спрашиваю, что это? — У меня наверно глаза выглядят дикими. Я смотрю на тату, и едва сдерживаю внутри ошарашенный вопль. — Что это обозначает? У меня похожая есть. Вот, смотри. — Я медленно задеваю рукав больной руки и показываю Максиму дабл ю. — Но я абсолютно не помню, как она у меня появилась.

— Не помнишь? — парень усмехается. — Как это не помнишь?

Немного помолчав, я отрезаю:

— Не важно. Не твое дело.

— В таком случае, и это не твое дело, — он опускает рукава свитера и язвительно

улыбается. — Узнаешь у кого-нибудь другого в следующий раз.

— Неужели так сложно сказать?

— Да, сложно.

Я обижено отворачиваюсь. Наконец, я нахожу нечто из моей прошлой жизни, и тут же мгновенно это теряю.

— Чужачка, нам надо идти. — Максим выходит вперед и оглядывается по сторонам.

— Вообще-то меня Лия зовут, — отрезаю я. — Не чужачка, а Лия.

— Ясно.

— Попытайся запомнить.

— Попытаюсь.

Я, словно нахожусь рядом с куском металла. Он такой холодный и опасный, что к нему страшно даже приблизиться. Однако если всё же пересиливаешь себя и прикасаешься — чувствуешь гладкую ровную поверхность, на которую можно опереться, и за которой можно спрятаться.

Я иду, смотрю на Максима и нахожу его довольно высоким. По сравнению с ним я маленькая, низкая, тощая и слабая. Так и есть, на самом деле. Волосы парень давно не стриг, черные пряди торчат в разные стороны, но почему-то смотрится это не так уж ужасно, что просто поразительно. Обычно люди с похожей прической выглядят, как оборванцы.

— Сверлишь в моей спине дыру? — спрашивает на ходу Макс, и я смущенно опускаю глаза вниз.

— Тебе показалось.

— Разве?

— Да, показалось.

Парень усмехается.

— Почему ты послушалась меня и вернулась? — через несколько минут спрашивает он, и мы сворачиваем на повороте. Открывается вид на площадь перед вокзалом. Машины полицейских стоят только там, поэтому мы с легкостью проходим с другой стороны незамеченными.

— Потому что я спасала свою сестру. — Заучено отвечаю я.

— А она считает это спасением?

— Какая разница? — устало протягиваю я. — Потом скажет спасибо.

— А если не скажешь?

— Хотя бы будет живой.

Макс приближается к черному BMW и открывает мне дверь.

— Сначала в больницу, потом домой.

Я удивленно вскидываю брови и недоуменно прикусываю губу.

— Что за черт? Почему ты такой вежливый? Откуда забота?

— Не задавай лишних вопросов, просто садись, и поедем уже.

— Но я должна знать.

— Ты ничего не должна знать, — громче отрезает парень и проводит рукой по черным прямым волосам. — Есть вещи, которые делаешь, потому что делаешь. Не знаешь почему, просто не можешь по-другому.

— Дай угадаю. Из чувства жалости? — огрызаясь, протягиваю я, и смотрю на Макса. Если бы он не был безмозглым придурком, он бы мне понравился.

— Да, — резко отвечает он. — Именно так. Из чувства жалости.

Больше я не говорю ему ни слова.

Сажусь в машину, мы молча едим до больницы, а потом я сообщаю, что сама найду родителей, и они отвезут меня домой. Максим соглашается, уезжает, а я, не доходя до больницы, разворачиваюсь и иду к остановке. Не хватало ещё, чтобы мама с папой увидели вывих моего плеча.

Переживу как-нибудь.

Глава 3. Жизнь в стае полна приключений

Дверь мне открывает Леша. Он выглядит уставшим и измученным. Вряд ли я смотрюсь лучше.

— Что с твоей рукой? — взволнованно спрашивает он, и я непроизвольно прижимаю локоть ближе к груди. — Тебя вновь кто-то обидел?

— Нет.

— Что же тогда произошло?

— Упала, — я выдыхаю и прохожу в квартиру. — Бежала от ментов, рухнула на землю и вывихнула плечо.

— Что? Убегала от полиции?

— Да. Жизнь в стае полна приключений.

Я подхожу к зеркалу, убираю назад волосы и ошеломленно замираю. Только сейчас до меня доходит, что я не вернула пальто Максиму.

— Они засекли тебя?

— Не думаю. Я успела оторваться. — Я умалчиваю о спасителе, хотя в глубине души понимаю, что Максим им является. — Села на автобус и приехала домой.

— А что за пальто? — Леша подозрительно щурится. — Пробежалась перед этим по магазинам?

— Астахов, что за вопрос? — парень помогает мне снять верхнюю одежду, и я обессиленно двигаюсь в сторону зала. — Я вернулась — вернулась, жива — жива, значит всё не так плохо.

— Лия, тебе нужно в больницу. Вдруг с рукой что-то серьёзное.

— И что мне сказать родителям? Мама, папа, я убегала от полиции и случайно вывихнула плечо?

Леша протирает уставшее лицо.

— Лучше так, чем потом не чувствовать руку.

— Лучше никак, чтобы потом не получить от предков, — я киваю в сторону комнаты сестры и неуверенно поджимаю губы. — Как она?

— Со мной не говорит, — отрезает Леша. — Сначала билась в истерике, даже пыталась выпрыгнуть из машины на ходу, но потом успокоилась. Наверно, устала.

— Мне не нравятся перепады в её настроении. Сначала она готова всех растерзать, а потом впадает в апатию. Может, Карина принимает что-нибудь?

— Например?

— Ну, я не знаю. Что сейчас модно среди девятых классов? Таблетки, обезболивающее...

— О да. Ещё скажи, что твоя сестра наркоманка.

— Я не знаю, что сказать, — признаюсь я и медленно выдыхаю. Дышать по-прежнему тяжело, а плечо постепенно теряет чувствительность. По началу мне казалось, что не испытывать боль — отличный выход из положения, но сейчас я готова ощущать колики, резь, ноющую пульсацию — что угодно, лишь бы понимать, что мое плечо всё ещё способно двигаться. — Я должна поговорить с ней.

— Уверена, что должна? — сомневается Астахов. — Карина вряд ли в настроении.

— Плевать. Если не поговорю с ней сегодня, поговорю с ней завтра. Зачем тянуть? —

Леша помогает мне встать с дивана, и я благодарно киваю. — Иди домой. Ты и так сделал всё, что мог.

— Не все, раз ты еле ходишь, а твоя сестра заперта в комнате.

— Перестань, — я игриво взъерошиваю волосы друга и улыбаюсь. — Спасибо, что не бросил Карину, спасибо, что побыл с ней до моего прихода. Но сейчас — иди, отдыхай. Я же вижу какой ты уставший, и меня грызет совесть.

— А она у тебя есть?

— О да, да. Очень смешная шутка, — я подталкиваю парня к выходу и наблюдаю за тем, как он одевается. — Едь осторожно и не торопись.

— Хорошо, мамочка.

— Иди уже!

Я смеюсь, когда закрываю за другом дверь. Астахов не мой герой, и не таинственный спаситель, он обычный человек со своими страхами и слабостями. Но при всем этом, он остается моей единственной опорой. Никто кроме него не знает о Карине и её проблемах. Так что тот факт, что он ещё с криками не убежал от меня — говорит о многом.

Я громко выдыхаю и подхожу к шкафчику. Достаю аптечку. Нахожу йод. Покрываю сеткой живот, край подбородка и плечо. Может, к утру станет чуть-чуть легче? Слава богу, завтра выходной.

Покончив со своей реанимацией, прячу аптечку и уверенно следую в комнату сестры. Не думаю, что получится нормально поговорить, но всё же где-то в глубине души на это надеюсь.

Я стучусь.

— Карина? — сестра лежит на кровати. Её волосы спутались и свисают вниз. Они светлые, почти бронзовые. Я всегда мечтала о таких, но вместо этого получила полную противоположность. — Ты спишь? — она не отвечает. — Нам надо поговорить.

— О чем? — неожиданно хрипло протягивает она. — О том, что ты слишком много о себе возомнила?

— О том, почему я решила пройти инициацию вместо тебя.

— Мне не интересно.

— Ты меня выслушаешь, хочешь ты этого или нет, — я прохожу, включаю свет и сажусь рядом с сестрой на кровать. Карина не поворачивается, так что я не вижу её лица. Но уже по голосу ясно: она плакала все то время, пока меня не было рядом. — Стая, может, и кажется тебе хорошей компанией, на самом деле является опасной бандой. Люди причиняют вред своему здоровью, а, порой, умирают. Зачем тебе так рисковать? Ради чего?

— Какая разница, что я делаю? — срывающимся голосом спрашивает она. — Это не твои проблемы!

— Ты ошибаешься. Что касается тебя, касается и меня.

— Но почему? — внезапно сестра резко поворачивается и смотрит мне в глаза так обижено и зло, что мой живот сжимается и начинает болеть. — Почему ты вдруг решила, что имеешь право управлять моей жизнью? Это мой выбор! Мое желание! И мне плевать, что ты на этот счет думаешь!

— Но, а как же родители? — я пытаюсь защититься. — Ты о них вспомнила? Они с ума сойдут, если узнают, где ты шляешься!

— Им не впервой сходить с ума, — ядовито протягивает она.

— Да неужели.

— Может ты и забыла весь свой прошлый год, но это не освобождает тебя от ответственности. Папа с мамой даже не удивились, когда тебя привезли в больницу полуживой. Они знали, что рано или поздно лед, по которому ты идешь, провалится у тебя под ногами, и ты сорвешься в водную пучину.

— О чем ты говоришь? — я смотрю в изумрудные глаза сестры и вижу в них лишь злость, гнев. Ни намек на здравомыслие. — Не придумывай чушь!

— Чушь? Это ты не придумывай себе несуществующих идеалов! Лия хорошая, Лия милая, Лия правильная и ответственная. — Карина фыркает и с абсурдом восклицает. — Бред! Пусть они и дальше обманывают тебя, себя, кого угодно. А мне надоело! Я не стану перед тобой отчитываться, потому что ты абсолютно не лучше всех остальных!

Её слова обескураживают меня. Я в такой дикой растерянности, что даже не представляю, как реагировать.

— Я не понимаю, о чем ты.

— И не удивительно. Ты ничего не понимаешь!

— Так объясни мне!

— Не собираюсь тратить на тебя своё время, — холодно отрезает Карина. — Ты решила занять моё место — отлично. Делай, что хочешь, но знай: с этого момента мне плевать на тебя. Не ценишь меня — я не ценю тебя.

— Не ценю тебя? — взрываюсь я. — Спятила? А кого я вытащила из куба и вернула с того света? Кого я сберегла от проверки нервов на железной дороге?

— Дешевые оправдания.

— Оправдания? — от её слов мне становится больней, чем от гематомы на плече. Я чувствую, как переносица покалывает, как подкатывают слезы. — Считаешь, это оправданиями?

— Ну, а что это, по-твоему? — Карина встает с кровати и подходит к зеркалу. Она берет расческу, начинает проводить ею по своим бронзовым волосам и протягивает. — Моя старшая сестра возомнила себя Богом. Как глупо. На самом деле, ты такая же обычная девушка, как и все остальные. Так что не думай, будто одно мое спасение загладит твою вину. Ты отняла у меня смысл жизни, я отниму у тебя сестру.

Мне тошнит от её слов.

Как она может такое говорить? Как смеет?

Вместо слез, меня накрывает волна гнева. Я резко подрываюсь с кровати и подлетаю к Карине. Она пугается такого порыва, разворачивается ко мне лицом и врзается спиной в зеркало. Её глаза испуганы, мышцы напряжены, и пусть она хочет это скрыть — я вижу. Я вижу, что она меня боится, что она в панике. И в этот момент у меня возникает странный вопрос: кем же я была до потери памяти, если даже моя родная сестра испытывает ужас, находясь рядом?

Неожиданно я замечаю своё отражение: дикие зеленые глаза, острые скулы, растерянно отступаю назад и несусь вон из комнаты, хлопнув за собой дверь так сильно, что эхо разносится по квартире.

Этой ночью я не сплю.

Завариваю себе кофе, одеваю, несмотря на жару, толстый длинный свитер и сижу на кухне. Проходит несколько часов, когда я решаю сдвинуться с места. Правда, только лишь для того, чтобы вылить остатки холодного напитка и заварить новый.

Слова Карины штурмуют мой мозг и разрушают один стереотип за другим. Сначала я думаю, что она специально наговорила кучу глупостей для того, чтобы задеть меня и

вывести из себя, потом вспоминаю, как чуть не вывернула Леше руку и с каким удовольствием стояла на рельсах, и тогда меня бросает в холод. Приходится допустить вариант сестры, и рассмотреть его со всех сторон. Возможно, я и, правда, в прошлом году принесла много бед родителям. Но почему тогда они мне никогда о них не рассказывали? Смысл скрывать? Где остатки целого года? Фотографии, записи, видео. Почему есть я, 13 сентября 2011 года и я 8 августа 2012. Куда испарился такой огромный промежуток времени?

Я громко ставлю чашку с кофе на стол, и сама пугаюсь этого звука. Прикрываю глаза, и пытаюсь ровно дышать. Но успокоиться не получается: меня раздирают на куски странные чувства. Я борюсь с паникой, со страхом, с ужасом, и в то же время горю безумным желанием узнать правду. Что же на самом деле произошло со мной год назад?

Внезапно я слышу, как открывается входная дверь, и машинально смотрю на часы. Около четырех утра. Родители как раз вовремя.

Я ставлю чашку в раковину, и медленно выхожу в коридор.

Мама снимает ботинки, вешает свое пальто и вдруг замечает меня. Её глаза округляются, становятся выразительными, большими, и она удивленно вскидывает брови.

— Не поздно ли ты бродишь по дому? Спать не думала?

— Мне не хочется.

— Опять живот болит? — спрашивает папа и подходит, чтобы поцеловать меня. — Может, примешь таблетку?

— Не стоит.

— Стоит.

— Нет, я на самом деле поговорить с вами хотела. — Слова еле-еле слетают с губ. Приходится взять себя в руки и перестать бояться.

— О чем?

— Обо мне.

Мама недоуменно проходит в зал и устало выдыхает:

— А нельзя отложить разговор до утра? Я ужасно вымоталась.

— Так уже утро, — невинно протягиваю я, и протираю лицо ледяными руками. — Я не займу много времени.

— Что-то случилось? — папа снимает с запястья часы. — Проблемы в школе?

— Да, нет. В школе всё хорошо. Я по-другому поводу.

Мама плюхается на диван, папа останавливается в проходе между кухней и спальней: ждет, смотрит на меня. Наверняка, он заинтригован.

— Сегодня я поссорилась с Мариной. — Родители одновременно тяжело выдыхают, и поэтому я быстро добавляю. — Даже не спрашивайте почему. Ссоры между сестрами обычное дело.

— Тогда почему ты хочешь поговорить с нами об этом? — зевая, спрашивает мама. — Карина обидела тебя?

— Нет, конечно, нет. — Я сильно прикусываю губу. Хочется закричать: на самом деле, да. Она ужасно меня обидела, оскорбила и предала, но я выдыхаю. Родителям об этом знать не обязательно. — Слово за слово, и мы перешли на личности. Орали друг на друга, кричали, как вдруг Карина заявила, что я... — я нервно усмехаюсь, и обхватываю себя руками за больной живот. — Что я накуролесила в последний год. В год, который я абсолютно не помню.

Мама бледнеет, а папа отходит от стены и медленно присаживается в кресло.

— Она соврала? — я судорожно выдыхаю. — Или нет?

Родители молчат, и у меня внутри взрываются друг за другом все органы. Неужели это правда? Мне становится плохо. Я облакачиваюсь спиной о шкаф и прикрываю глаза. Пожалуйста, скажите, что это сон. Пожалуйста.

— Я... — мама глубоко втягивает воздух. — Я поверить не могу, что она сказала тебе такое.

Мне приходится посмотреть на маму, и я вижу на её лице шок. Она трет друг о дружку ладони и нервно моргает.

— Мне даже в голову никогда не приходило, что Карина может так поступить.

— Я не понимаю.

— А что тут понимать? — вмешивается папа. — Твоя сестра решила задеть тебя, и затронула именно ту тему, которая до сих пор причиняет тебе боль. Хочешь ответов: вот они! — он качается головой и улыбается. — Ты всегда была примерной девушкой, никогда не приносила нам проблем, училась в школе, помогала, когда мы были на работе, и я не помню ни одного раза, чтобы мне приходилось краснеть из-за тебя.

— Твоя сестра перешла все границы, — дополняет мама. — Не думала, что она способна на такое. Из-за чего же вы хоть поссорились?

— Теперь это не важно.

С моих плеч исчезает такой огромный груз, что я пьяно пошатываюсь назад.

— Карина не права, — серьёзно отрезает папа. — Но ты не обижайся на неё. Она сказала это сгоряча. Так что помиритесь, и забудьте об этом.

— Мы так и сделаем, — заверяю я. — По-крайней мере, мы попытаемся.

— Что ж, отлично, — мама вновь зевает и встает с дивана. — Не ссорьтесь, Лия. — Она обнимает меня и медленно отходит в сторону спальни. — В жизни мало людей, на которых можно положиться. Вам остается лишь радоваться, что вы есть друг у друга.

Я киваю.

— Спокойной ночи, — папа целует меня в лоб. — И не забудь помыть за собой чашку.

— Да, конечно.

Он улыбается и уходит, а я так и стою в зале, радуясь, что мои опасения не подтвердились.

Наутро я не могу пошевелить левой рукой. Морщусь, встаю, подхожу к зеркалу и громко выдыхаю: плечо покрылось отеками и покраснело.

— Черт, — я испуганно моргаю. — Черт!

От безысходности начинаю тереть ладонью напухшее место, надеясь, что это сможет помочь. Но как? Бессмыслица.

Судорожно набираю в легкие воздух и сглатываю. Нужно что-то сделать, иначе моя глупость превратится в нечто более опасное.

Здоровой рукой, я хватаю со стола телефон, и набирают номер Леши. Астахов тут же отвечает:

— Лия? Что-то случилось?

— Ну как сказать, — я вновь осматриваю в зеркале синеватое плечо. — Знаешь, кажется, мне нужна помощь.

— Мне приехать? — серьёзный тон друга успокаивает меня: Астахов сумеет помочь. Я уверена.

— Да, пожалуй.

— Буду минут через пятнадцать. — Тут же раздаются гудки, и я буквально вижу, как Леша срывается с места, начинает метаться по своей маленькой комнате. Он всегда был ответственным, правильным, тактичным. Иногда мне кажется, что у нас с ним огромная разница в возрасте, будто он мой старший брат, хотя, по сути, мы ровесники. Так что, с кого и надо брать пример, так это с Астахова. Мне до его идеальности ещё расти и расти.

Через силу, я надеваю свитер. Ужасно больно. Когда я поднимаю руку, в голове взрываются краски, глаза непроизвольно закрываются, становится так паршиво, что начинает тошнить. Может, у меня вовсе не вывих? Вдруг, упав, я что-то сломала? Какая-то косточка нашла на другую косточку, и теперь мне ампутируют целую руку!

От этих мыслей становится страшно. Я тяжело дышу, хожу ещё тяжелей. Выходит таким образом, что минут за десять я только расправляюсь с одеждой. Это я ещё не добралась до пальто... до пальто Максима, что самое интересное, так как свое я отдала Кире.

Глубоко вдыхаю воздух и выхожу из комнаты. В глубине души я надеюсь, что родители ещё спят, но едва моя нога ступает за порог, я замечаю маму на диване.

— Уже проснулась? — удивляется она и, оторвав взгляд от книги, снимает очки. — Куда-то собралась?

— Да, — мне становится жутко жарко. — Леша позвал прогуляться.

— Прогуляться так рано?

— Ну, а почему бы и нет?

Я прохожу в коридор и прячусь за угол. Лишь бы мама не увидела, с каким трудом я надеваю чужое пальто.

— И куда же вы пойдете? — я слышу, как она поднимается с дивана, и просовываю руки в дырки быстрее, чем требовалось. Дикая боль пронзает спину, и я неуклюже закидываю назад голову. — Тебе нужны деньги?

— Нет. Я не думаю, что они понадобятся. Если что Леша разберется.

Мама, наконец, подходит ко мне, и я замечаю странный взгляд. Очень странный. Сначала мне кажется, будто она знает мой секрет, сейчас грубо стянет с меня пальто и наорет за то, что я не рассказала ей о вывихе плеча, но потом до меня доходит, что тут делов другом.

— А где твоё пальто?

— Я его у Лешки забыла, — быстро отрезаю я. — Он вчера довез меня до поворота, заметил, что я належке и отдал своё пальто, чтобы я не шла до дома по морозу...

— Хмм, дает тебе свою верхнюю одежду, собирается платить за тебя на утренних прогулках...

Я не нахожу в себе сил сдержаться, и начинаю хихикать, как идиотка.

— Мам, — протягиваю я. — О чем ты? Это же Астахов.

— Ну и что? — она растерянно поджимает губы. — Он хороший мальчик, и я совсем не против, если...

— Никаких если! — перебиваю её я, и даже благодарю за подобное отступление от темы. Смех помог забыть о боли. — Не выдумывай. Он мне как брат.

— Не каждый брат зовет девушку прогуляться в полдесятого. Задумайся над этим, Лия. Дружбы между мужчиной и женщиной не существует, так что не строй себе заоблачных замков. Как бы потом не оказалось, что ты сильно ранишь его.

— Мам, — я закатываю глаза. — Не знаю, что там за правило, будто противоположности не могут дружить, но я его не придерживаюсь. Мы с Астаховым родственные души, и уж точно не планируем свадьбу, детей и внуков.

— Я тоже ничего не планировала, а потом...

— Хватит! Я не могу это слушать! — Меня пробирает на смех, и я начинаю двигаться к двери. — Больше не слова.

— Ох, ну как хочешь, — кажется, что мама обиделась, но вообще это трюк. На самом деле, она хочет, чтобы я развила тему и проговорилась. Но я слишком взрослая для таких уловок.

— Если что, позвоню тебе. Пока!

— Не задерживайся.

Перед тем как закрыть дверь, я слышу её вздох: попытка не удалась.

Спускаясь по лестнице, улыбаюсь и никак не могу осознать то, что произошло минуту назад. Мама решила, будто я и Леша вместе. Но ведь это смешно. Он мне как брат, да и знаем мы друг другу с самого детства. Неужели такие люди могут сойтись, а потом ещё и прожить вместе рука об руку?

Ужас какой. Выйти замуж за собственного брата.

Я корчусь и выхожу из подъезда.

«Рено» Астахова уже стоит во дворе, и я облегченно выдыхаю. Парень выходит из машины и стремительно движется ко мне. Он взволнован и как всегда серьёзен.

— Что случилось? — на выдохе спрашивает он. — Карина? Родители?

— Мое плечо, — улыбаюсь я, и прикусываю губу. — Ты был прав: я должна была сходить в больницу. Сегодня утром оно распухло, и я еле шевелю рукой.

— Лия...

— Давай пропустим ту часть, где ты отчитываешь меня, и приступим сразу к делу. Я думала заехать в больницу.

— В какую? Если мы заявимся на работу к твоим родителям, им передадут, что ты приходила.

— Значит, поищем другую поликлинику, — разумно протягиваю я. — В Питере куча больниц.

— Но не в каждой из них тебя примут, — добавляет Астахов. — Ты взяла паспорт, медицинский полюс, карточку?

— Да.

— Что ж, тогда поехали. — Леша открывает мне дверь, и я аккуратно присаживаюсь на пассажирское сидение. В машине как всегда пахнет кофе. Теперь этот запах ассоциируется у меня только с Астаховым, и с его черным Рено. — На самом деле, твои предки все равно узнают правду.

— Надеюсь, что нет.

— Но как ты собираешься это скрывать? — парень пристегивается, нажимает на газ, и мы медленно сдвигаемся с места. Я тоже хочу пристегнуться, но потом понимаю, что ремень сильно передавливает руку. — Если вывих не серьёзный, — продолжает Астахов, — придется носить повязку, если серьёзный придется делать операцию. В обоих случаях

твои родители — доктора, заметят что-то неладное, тебе так не кажется?

— Не нуди, — растеряно отвечаю я и прижимаю руку к груди. — Возможно, у меня и вывиха нет. Просто сильно ударилась.

— Ну да.

— Леш, мне и так не по себе. Давай не говорить о плохом.

— Как хочешь, — протягивает Астахов. — Моё дело предупредить.

Я тяжело выдыхаю и сглатываю. Паршивая ситуация. Лишь бы Максим был не прав, и сказал вчера о вывихе только для того, чтобы напугать меня.

Я провожу здоровой рукой по пальто. Оно большое, теплое, и мне почему-то кажется, что я его уже где-то видела: черное, длинное, мягкое. Хочется укутаться в нем настолько сильно, чтобы вовнутрь не смог пробраться ни один порыв ветра. По мне пробегают электрические разряды: нотки мяты заполняют легкие, едва я вдыхаю запах, которым пахнет воротник.

— Так откуда у тебя это пальто? — Леша как всегда вырывает меня из мыслей, и я поднимаю голову. — И куда ты посеяла свое?

— Его забрала Кира, чтобы я смогла быстрее двигаться на испытании. А потом вокзал окружили менты. Пришлось убежать. Было холодно, и Максим вдруг решил стать милым.

— Максим?

— Да, тот высокий, черноволосый парень, который избил меня. Хотя о чем я, — я саркастически выдыхаю. — Тебя ведь не было рядом, и ты не знаешь, о ком я говорю.

— Опять ты начинаешь...

— И никогда не закончу, — подмигиваю. — Ты заслуживаешь длительного выноса мозга.

— Ну, конечно. Как Леша сделает что-то хорошее — так всем плевать. А как он проколется — так век ему быть проклятым.

— Такова жизнь. Люди помнят лишь плохое.

— Не правда, — Астахов поворачивается и с нежностью смотрит в мои зеленые глаза. — Я помню и хорошее.

Мне становится неловко. Что-то пронесется между нами, что-то странное. Мы смотрим друг на друга слишком долго, неприлично долго. Я заправляю локон угольных волос за ухо и неуклюже отворачиваюсь. Чувствую, как горят щеки, как вспотели ладони. Только вряд ли это от смущения. Скорей мне просто не по себе.

— Ты всегда так делала, — прервав молчание, отрезает Леша.

— Как?

— Отворачивалась и краснела, словно девочка загнанная в угол.

— Я не понимаю о чем ты, — эта фраза настолько надоела мне, что я произношу её с легким раздражением.

— Ты всё прекрасно понимаешь, — парень громко выдыхает. — Просто не помнишь.

— Что ты имеешь в виду? Как это понимаю, но не помню?

— А как ты думаешь? — Леша крепко сжимает руль, и костяшки его пальцев бледнеют. Он стискивает зубы, лицо напрягается. — Как ты думаешь, о чем я? Всё настолько банально, что даже догадываться нет необходимости.

— Поверь мне — есть, — я недовольно смотрю на друга. — Если было что-то о чем я забыла, так не тяни резину: расскажи! Хватит тайн и намеков. Родители, Карина, ты —

все вы надоели со своими секретами. Говорите напрямую, что имеете в виду или вообще молчите!

— Легко тебе говорить.

— Легко? Мне легко? Астахов, лучше не зли меня.

— Конечно, тебе легко. — Леша протирает свободной рукой лоб. — Ты забыла очень многое, Лия, и это замечательно. Поверь мне: это просто прекрасно, потому что твой прошлый год был полон плохих вещей, и я рад, что ты избавилась от них.

Я замираю: вот и подтверждение слов сестры, вот и подтверждение обмана родителей.

— Что я натворила? — вопрос сам слетает с губ. — Что я сделала?

— Ты — ничего.

— Тогда о чем речь?

— Речь о том, что тебе банально не повезло. Ты просто-напросто попала в плохую компанию.

Он делает ударение на последнее словосочетание, и я буквально чувствую, как примерзаю к месту. Его лицо искажает гнев, я вжимаюсь в сидение и неожиданно понимаю, что в глубине души знала ответ на все свои вопросы.

— И что же это значит? — внутри разгорается костер. Я говорю тихо, но мне хочется кричать во все горло. — Хочешь сказать, я была связана со стаей? Так ведь?

Леша поворачивается ко мне, и я смотрю в его зеленые теплые глаза. Они полны сожаления, сочувствия, беспокойства, и мне становится паршиво. Эта жалость во взгляде всех окружающих людей начинает сводить с ума!

— Ответь.

— Лия...

— Просто ответь мне!

Парень выдыхает, открывает рот, но не успевает сказать ни слова.

Перед машиной появляется огромное рыжее пятно, Астахов с криком резко выворачивает руль, и мы парим. Я ощущаю невесомость всеми клетками своего тела. Волосы вспыхивают пламенем вокруг шеи, сумка подлетает перед лицом, и ударяется о крышу автомобиля. Мысли сталкиваются, сплетаются, взрываются, перед глазами всё плывет, предметы летают в салоне, словно в космосе, и я вдруг думаю о ремне безопасности. Но это мимолетная идея. Она ускользает от меня так же быстро, как опора под ногами. Я слышу свой крик, вижу впереди столб и лечу ему навстречу.

Глава 4. Секреты в моей голове

Кто-то поднимает мою голову и сжимает руку настолько сильно, что мне становится больно.

— Нет! Лия! — голос кричит, орет. — Лия!

Я пытаюсь раскрыть глаза. Не могу.

— Стас! Стас вызови скорую! Стас!

Я чувствую, как холод обволакивает ноги, поднимается по пояснице, выше к животу, рукам, шее, к голове. Меня тошнит, будто я несколько секунд назад летела, парила в небе. Встав сейчас на ноги, я непременно бы упала вниз. Но мне не грозит эта проблема. Я не встану. Следовательно, и не упаду.

— Стас! — продолжает кричать голос, и меня поднимают с асфальта. — Где он? Позовите Стаса!

Мы куда-то бежим. Боль отдает во всех участках тела, особенно в голове. Я буквально чувствую, как рана на виске расширяется, трещит, превращается в дыру.

— Держись, — ласково произносит голос, и я ощущаю тепло. Меня укрывают чем-то тяжелым и горячим. Запах мяты взрывается в голове. — Ты только держись, Любимая. Прошу тебя, держись. Не засыпай.

Но я не могу выполнить обещание. Мне хочется, но я не могу.

Теплота в голосе согревает, дает надежду, правда сейчас этого мало. Я удивляюсь новому тембру Астахова, чувствую резкую боль в голове и громко выдыхаю. Эхом повторяется: держись, держись, держись, я пытаюсь ухватиться за эти слова, но не могу.

Я проваливаюсь в темноту.

Удары ногой об асфальт пробуждают меня. Я вновь вижу, как толпа подростков стоит перед будкой в парке аттракционов, как она кричит, ликует, шумит, живет. Шрам выходит на пьедестал, осматривает стаю и гордо говорит о том, что ночь в нашем распоряжении. Вновь взрывается ор, я закрываю руками уши, не могу вытерпеть этот хаос и хочу отойти назад, но вместо этого невидимые нити тянут меня вперед. Сопrotивляясь, я цепляюсь руками за людей, прошу помочь, кричу, пытаюсь остановиться, но не могу ничего с собой поделать. Уже через несколько секунд я оказываюсь перед предводителем и смотрю ему в карие широкие глаза. Он громко дышит, он недоволен, он хочет сказать мне что-то, но молчит. Я чувствую недоверие, гнев и обиду, правда, не могу понять, чем вызваны такие эмоции. Осознав, что Шрам говорить не собирается, я вновь пытаюсь убежать, и на этот раз мне удается сорваться с места. Я расталкиваю толпу, бегу сквозь маленькие проходы, тяжело дышу, спотыкаюсь и внезапно выбираюсь на свободу. Я не останавливаюсь, не сбавляю скорость, надеюсь, что нахожусь уже совсем далеко от стаи, но, когда поворачиваю голову назад, понимаю, что вновь стою перед Шрамом. Паника. Я опять убегаю, и опять оказываюсь перед предводителем. И опять. На третий раз я уже не тороплюсь сбежать. Дикое недоумение рвет меня на части. Гнев бурлив в венах, не дает страху взять контроль над телом. Я выпускаю яростный рык и делаю шаг навстречу Шраму, нас разделяют сантиметры.

— Что тебе от меня нужно? — зло чеканю я и внезапно чувствую, как парень хватается за руку. Он крепко сжимает её, не обращает внимания на мой испуг, кладет мою ладонь к себе на плечо и тихо выдыхает.

— Мне нужна правда.

Я резко открываю глаза, хочу встать, но не могу даже пошевелиться.

Знакомый запах заползает в ноздри, переворачивает внутренности, впитывается в кожу, и я еле сдерживаюсь от крика. От безумства. От паники.

— Нет, — протягиваю я и осматриваю пространство вокруг себя. — Нет.

— Лия?

— Нет. Только не сейчас. Только не здесь.

— Лия!

— Не хочу! — состояние безумной паники и незащитности. Я понимаю, что нахожусь не дома, и мне становится так страшно, что тело сковывает судорога. — Не хочу!

— Чего не хочешь, милая?

Я поворачиваю голову в сторону голоса и вдруг вижу маму. Она в белом халате, уставшая, поникшая. Сидит рядом со мной, сжимает руку. Поправив мне волосы, она вновь спрашивает:

— Чего ты не хочешь, Лия?

— Не хочу забывать, — сквозь слезы шепчу я, и растерянно оглядываюсь. — Mam, я не хочу вновь все забыть.

— О, дорогая моя, — мама притягивает меня к себе и обнимает так крепко, что я ощущаю покалывание в руках, спине и шее. Но мне страшно, а страх притупляет боль. Вместо слов, я вдруг начинаю плакать, судорожно вожу пальцами по маминым плечам, пытаюсь найти опору. — Все хорошо, — протягивает она. — Ты ничего не забудешь.

— Но вдруг?

— Нет. Не в этот раз и никогда больше.

Я обнимаю маму ещё крепче и опять осматриваюсь.

Больница. Я наполнила запах лекарств, старой мебели и плесени ещё в тот раз. Запомнила грязные белые стены, узкие кровати, пожилых людей и не всегда приветливых медсестер. Запомнила абсолютно все: от количества дыр на потолке в своей палате до цвета стен в главном регистрационном зале. Мне так хотелось впитать в себя новые впечатления и эмоций, словно они смогли бы заменить те чувства, что исчезли вместе с памятью. Но этого не случилось. Пустота и сейчас преследует меня. И будет преследовать до тех пор, пока я не узнаю всю правду о себе и о прошлом годе.

— Тебя поцеловал ангел, — неожиданно заключает мама, и я отстраняюсь, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Разве?

— Так и есть. Ты могла умереть четыре месяца назад, ты могла умереть сейчас. Но, Лия, кажется, Господь следит за тобой и не позволяет тебе покинуть нас.

Я весьма скептически в отношении Бога и религии, поэтому молчу. На самом деле, я прожила совсем мало, и практически ничего не знаю о жизни. Конечно, мне ясен смысл веры и ясен смысл надежды, но в последнее время я начала убеждаться лишь в том, что чудес не бывает. Судьбы как таковой не существует: это факт, иначе у человека не оставалось бы вариантов для решения тех или иных проблем, ведь понятие судьбы, отрицает само понятие выбора. Поцеловал ли меня ангел, или я просто удачно приземлилась? Кто знает. Возможно, вера в Бога и имеет под собой какой-то вес, но я уверена, что она ничто, если нет веры в самого себя.

— Счастливица, — шепчет мама и гладит меня ладонью по щеке. — Опять решила напугать нас? Проспала шесть дней: шесть долгих, тяжелых дней. Сейчас твое состояние стабилизировалось. К счастью, на тебе все заживает так же быстро, как на собаке.

— Прости. На дороге что-то появилось, кажется, это была девушка. Да. — Я болезненно морщусь. — Рыжая девушка. Она стояла посередине трассы. Леша не успел среагировать и... — замираю, мои глаза расширяются, и я испуганно съеживаюсь. — Астахов, что с ним? Он не сильно пострадал?

— Не волнуйся. В отличие от тебя, Леша пристегнулся и лишь ушиб колено.

Я выдыхаю.

— А что со мной?

— А с тобой как всегда проблемы, — шутя, протягивает мама. — Ты вылетела через лобовое стекло, милая. — Ее лицо омрачается, но она пытается сохранить улыбку. — Повредила плечо, живот, правую руку, и...

— И?

— И голову. У тебя сотрясение.

— Сотрясение? — я обеспокоенно осматриваю свои руки, словно найду там признаки очередного ушиба головы. — Надеюсь, ничего серьезного?

— Лия, любая травма головы — серьезная.

— Ты понимаешь, о чем я.

— Не волнуйся, — мама кивает. — Потеря памяти тебе не грозит. Полежишь в больнице несколько недель. Подлечишь плечо, а затем за тебя возьмемся мы с папой, только уже дома.

— Несколько недель? — я в ужасе расширяю глаза. — Но у меня скоро экзамен! Я должна ходить на занятия по вождению.

— Господи, о чем ты? Дорогая, ты попала в аварию! Ты вылетела через лобовое стекло! Какое вождение? Какие экзамены? — мама качает головой и встает с кровати. — Пойду, схожу к твоему отцу. Тебе пора принимать анальгин.

— Мам!

— Попытайся отдохнуть. И пожалуйста, не вставай с постели. В любой момент голова может закружиться, ты упадешь в обморок и опять повредишь себе что-нибудь. Не рискуй.

— Я и не собиралась.

Мама выдыхает, словно читает мои мысли и знает, что на самом деле я так и собираюсь сделать.

— Поспи.

Она выходит, и в тот же момент я стаскиваю с себя одеяло.

Ноги покрыты огромными синяками, живот коричневым, будто я загорала в открытом неровном купальнике. Я выдыхаю и с трудом встаю. Голова тут же начинает кружиться, но я хватаюсь рукой за полку. Мне не привыкать к боли. Медленно иду к выходу из палаты и вижу двух бабушек: они сидят на скамейке, настороженно следят за моими движениями.

— Здравствуйте, — бросаю я и прохожу по коридору. Они шепчутся, перекидываются взглядами, но я не обращаю внимания.

Наверно сейчас вечер, людей не так много. Правда запах стоит такой же отвратительный: тяжелый, гадкий и старый.

— Куда ты? — спрашивает медсестра. Она появляется неожиданно, и я отпрыгиваю в сторону. — Разве тебе можно выходить?

— Я в туалет. — Рывкаю я. Если это знакомая мамы — мне не поздоровится. — Мне нужно в туалет.

— Подожди врача.

— Я не могу ждать, — протягиваю я и театрально сгибаюсь. — Мне, правда, очень нужно!

На самом деле, мне просто необходимо пройтись, но женщине не обязательно знать об этом.

— Я провожу её, — внезапно говорит женский голос, и я вижу Киру. Она стоит в очках, в белом халате, с завязанными в конский хвост золотыми волосами. Я моментально выпрямляюсь, и еле сдерживаю смех.

— А ты кто? — медсестра вскидывает брови. — Я раньше тебя не видела.

— Я интерн. Новенькая.

— Неужели?

— Да, и раз уж тут нужна моя помощь... — Кира подходит ко мне, берет под локоть и сдвигает с места.

— Ты что здесь делаешь? — я говорю с таким диким восторгом, что наверняка мои глаза светятся от счастья. — Откуда этот халат и очки?

— Не спрашивай. Ты не представляешь, как сложно было к тебе пробраться, — отрезает девушка, и оборачивается. — Та мырма все еще плятится.

— Черт с ней. Лучше объясни мне, что происходит!

— Ничего особенного, — Кира открывает мне дверь, и мы проходим в туалет. Здесь воняет ещё хуже, чем в коридоре, и она закрывает рукой нос. — Твою мать, разве в больницах не должно быть таких туалетов, где бы человека после них не приходилось откачивать?

Я хочу ответить что-то едкое и смешное, но неожиданно примерзаю к полу.

Мое отражение.

— О господи! — я практически ору. Резко подсакиваю к зеркалу, и плевать на боль, на ушибы и отеки. Мое лицо в порезах. Оно похоже на один сплошной синяк, и меня тошнит от страха. — Господи!

Я начинаю мять руками кожу, надеюсь, что сейчас уберу пальцы, и лицо станет прежнего цвета. Но ничего не выходит.

— Лия.

— Твою мать, Кира! Что со мной?

— Успокойся, — девушка подходит ко мне, и берет за руки. — Не трогай, сделаешь только хуже.

— Отпусти! — Я вырываюсь, и вновь притрагиваюсь пальцами к лицу. — Боже мой...

— Так, сейчас же посмотри на меня.

— А вдруг это не пройдет? Вдруг останутся шрамы? — Я сглатываю и вспоминаю рану на лице предводителя стаи. Господи, я не смогу с этим жить. — У меня такое лицо, словно я побывала на скотобойне!

— Детка, а чего ты хотела? Ты вылетела через лобовое стекло и думала остаться целой и невредимой? Это ещё цветочки.

— Кира, я омерзительна!

— Не набивая себе цену, — протягивает девушка и становится рядом со мной. Мы смотрим на наши отражения, и я буквально горю желанием разбить зеркало к чертовой матери. Кира такая красивая, высокая, у нее широкие скулы и ровные брови, а я — я гигантский отек. — Синяки скоро заживут, раны — затянутся. Так что не паникуй.

— Не паниковать? Не смехи меня. Если бы я умерла, мой труп бы не опознали.

— Я бы опознала.

— Неужели? И каким же образом?

— Пощекотала бы тебя.

Такой ответ застаёт меня врасплох. Я недоуменно поворачиваюсь лицом к Кире.

— И что?

— Как что? — девушка улыбается и закатывает глаза к потолку. — Ты бы отреагировала и начала хихикать. А твой смех невозможно перепутать ни с чьим другим.

— Но я же умерла!

— Лия, ты же бессмертная задница! Ты бы не умерла.

Я неожиданно рассмеялась. Искренне рассмеялась. У меня болели ребра, спина и ноги, но я смеялась так сильно и долго, что просто перестала обращать на это внимание.

— Так-то лучше, — заключает девушка, и, наконец, снимает очки. — В них жутко неудобно.

— Ну, что, теперь ты скажешь мне, что делаешь в больнице?

— По-моему, очень просто догадаться. — Я выгибаю бровь, и Кира отвечает. — Я пришла навестить тебя. Все волновались.

— Все? — недоуменно переспрашиваю я.

— Естественно. Ты же теперь член стаи. Мы своих в обиду не даем.

— Неужели? Мне после аварии ходить почему-то гораздо легче, чем после того, как меня избил Максим.

— Стечение обстоятельств. — Отрезает девушка. — На самом деле тебе банально повезло.

— Повезло?

— Шрам и я думаем, что авария была подстроена. Так что, ты вновь легко отделалась.

— Что? — я ошеломленно отступаю назад и сталкиваюсь с туалетной кабинкой. — Что ты сказала?

— Подожди. Испытывать ужас и шок ещё рано. Мы лишь рассматриваем данный вариант.

— Но кто и зачем это сделал? — удивленно спрашиваю я. — Какой прок в моей смерти? Или в смерти Астахова?

— Прок есть. — Кира тяжело выдыхает и подходит ближе ко мне. — Давай сделаем так: ты благополучно отсиживаешься в больнице эти две недели, никуда не лезешь, лечишься и принимаешь всю дребедень, что тебе прописали, а потом, когда ты здоровая и восстановленная выйдешь, я расскажу тебе все, что знаю. Договорились?

— Но почему не сейчас?

— Во-первых, потому что у меня слишком мало фактов, одни лишь предположения.

— А, во-вторых?

— А, во-вторых, с тебя и так хватит потрясений.

— Очень смешно, — саркастически отвечаю я и прижимаю руку к груди. — Твои слова опасны, Кира. Подстроить автомобильную аварию — это же преступление!

— Понятно, что не чаепитие. Считаешь, мы не понимаем насколько все серьёзно?

— Надеюсь, что понимаете.

— Все не так просто, как кажется. У меня нет доказательств, но я чувствую, что дело не чисто. — Блондинка выдыхает и откидывает хвост за спину. — Леша водит всего год, и, конечно, вашу аварию можно списать на его невнимательность, но мы-то с тобой знаем, что Астахов самый серьезный человек на земле. Чтобы он плохо вел? Не заметил впереди машину, или человека? Не смешите меня.

— Откуда ты так хорошо его знаешь? — недоуменно спрашиваю я. — Вы ведь не общаетесь в школе.

— Не задавай лишних вопросов.

— Кира, ну хотя бы на это ты мне можешь ответить!?

В моем голосе столько горечи, что девушка неуверенно прикусывает губу.

— Хорошо, — отрезает блондинка. — Этот факт всё равно ничего не изменит. — Она пожимает плечами и взмахивает руками. — Я и Леша были друзьями.

— Ха, неужели. И когда же вы успели?

Кира неговоритни слова, а мне уже становится не по себе.

— Конечно, — шепотом протягиваю я и обхватываю себя руками. — Вы познакомились год назад, но я забыла об этом. Я забыла, потому что потеряла память. — Я отхожу дальше от блондинки. — Логичный вывод. И почему я раньше не додумалась.

— Лия, это ничего не меняет. Знала я Астахова, или нет, сейчас ты не должна высываться из больницы, ясно?

— Почему вы не сказали мне, что знаете друг друга?

— А зачем?

— Как это зачем? — меня начинает колотить. Она задает глупые вопросы, и я злюсь: злюсь на неё, злюсь на Лешу, злюсь на себя. — Я, словно слепая хожу по улицам. Возможно, рядом со мной проходят знакомые люди, возможно, мы были друзьями, но я их не замечаю, и знаешь почему? Потому что я их забыла! И сейчас, — я глубоко вдыхаю и недовольно подхожу к Кире. — Сейчас любая информация, любые сведения важны для меня. Мелочи могут помочь мне восстановиться, могут помочь мне вспомнить. А вы скрываете от меня такие простые и банальные вещи, как дружбу! Берете и тупо скрываете!

На последнем слове я срываюсь и чувствую дикую боль в пояснице. Резко сгибаюсь, ощущаю головокружение и неуклюже кренюсь на бок.

— Лия...

— Не трогай меня, — рявкаю я. — Вы притворяйтесь друзьями. На самом деле ты, Леша, мои родители — все вы обманщики, которые и не думают рассказать мне правду!

— Перестань. Дай мне помочь тебе.

Кира тянет вперед руки, но я не позволяю ей притронуться. Она лгунья, как все остальные.

— Уходи!

— Приди в себя! — командует блондинка и, наконец, кладет свои худые руки мне на плечи. Правое обдаёт жаром, и я сжимаю в кулак ладонь. — Твоя истерика не разрешит проблему. Ответы не свалятся на тебя с неба, так что придется поискать их.

— Зачем искать то, что находится перед носом?

— Ты многого не видишь, Лия. Дело не в том, что ты слепая, а в том, что ты не хочешь замечать.

— Тебе не понять меня.

— Я всегда понимала тебя так, как не понимал никто другой, — уверенно отрезает Кира и встряхивает слегка за плечи, чтобы я перестала сопротивляться. — У тебя есть союзники, и ты можешь мне доверять.

— Могу ли?

— Мне — можешь.

— Но почему? Что ты такого сделала, чтобы я могла доверять тебе?

— Твои вопросы сведут тебя в могилу, — саркастично отрезает блондинка и кивает в сторону двери. — Пора возвращаться в палату, иначе твоя мама поднимет на ноги всю больницу.

— Если мои вопросы и сведут меня в могилу, так это только потому, что никто не собирается на них отвечать.

— Всеу свое время. — Кира обнимает меня за талию, открывает дверь, и мы выходим в коридор. — Не торопись, иначе упустишь что-нибудь важное.

— Я и так упустила все, что у меня было. — Я облакачиваюсь на девушку, потому что ноги начинают предательски заплетаться. — Мне нечего терять.

— Не говори так.

— А как мне говорить?

— Не знаю. Но только не дави на жалость. Это не твой конек.

— Я не давлю на жалость, — с вызовом отвечаю я, хочу отстраниться, но не получается. Тело становится слабым, тяжелым, мышцы наливаются свинцом. Я начинаю моргать, боюсь, что упаду от внезапно нахлынувшей усталости, но в то же время стараюсь сохранить равновесие. — Мне противно, когда на меня смотрят с сожалением. Но неужели желание узнать правду, расценивается, как повод нарваться на нежности и слезы?

— Хочешь узнать правду — узнавай. Но не надо говорить, что тебе нечего терять и что вообще ты бедная страдальца.

Кира открывает дверь в палату и первая проходит вовнутрь. Затем она выглядывает и подзывает меня.

— Пусто. Твоя мама ещё не вернулась.

— Две недели в больнице сведут меня с ума, — недовольно отрезаю я и прохожу. — Терпеть не могу это место.

— Придется пересилить себя.

— Но какая разница? Лечиться дома или лечиться здесь?

— Тут за тобой присмотрят, а дома ты уязвима.

Я усмехаюсь и очень медленно сажусь на кровать. Голова начинает кружиться так сильно, что я перестаю ориентироваться в пространстве.

— Уязвима? Мы играем в мафию?

— Лия...

— Сама себя послушай, — перебиваю я. — Ты говоришь так, словно мы ввязались во что-то настолько серьёзное, что даже дома уже не безопасно.

— Так и есть. — Кира помогает мне лечь, не обращает внимания на то, как я корчусь, и я благодарна ей за это. — Восстанавливайся, набирайся сил и только потом пытайся

разобраться в своих проблемах. Сейчас от тебя мало толку.

— От меня не может быть мало толку. Сильней всего я повредила плечо, а не голову.

— В любой момент, это может измениться. — Блондинка оглядывается и подходит к двери. Она вновь надевает очки и тяжело выдыхает. — Сделай так, как я прошу: не высовывайся.

— А ты мне что?

Кира смеется и открывает дверь.

— Шутишь? Возможно, мы встретимся гораздо раньше.

— Подожди. — Девушка оборачивается, и я недоуменно прикусываю губу. — После того, как мы попали в аварию, Леша звал Стаса. Кажется, это настоящее имя Шрама, так ведь?

— Астахов? Звал Стаса? Не может быть.

— Но я слышала.

— Наверно, тебе показалось.

— Кира, я ударилась головой, но не сошла с ума, — отрезаю я. — Леша звал Стаса, искал его, а потом, когда понял, что тот не придет, схватил меня на руки и понес куда-то.

— Лия...

— Не перебивай. Я помню, как мы бежали, долго бежали...

— Лия!

— Что?

— Это невозможно. — Блондинка озадачено смотрит на меня. Подумав, она закрывает дверь, подходит ко мне и садится рядом. — Может, тебе это приснилось?

— Вряд ли. Я настолько отчетливо помню голос Астахова: он просил держаться, просил не засыпать. Правда, его тембр был немного другим. Я даже удивилась. — Сглотнув, я продолжаю. — Затем мы бежали. Бежали так быстро и долго, что у меня голова раскалывалась на части. А потом...

— Лия, подожди, — Кира вновь перебивает меня, и растеряно пожимает плечами. — Леша не мог этого сделать.

— Почему же?

— Как почему? — девушка усмехается. — Он повредил колено. Не сильно, конечно, но ходить он не сможет ещё несколько дней.

— Что? — я озадачено замираю.

— Астахова вытащили из машины прохожие. Он сам не смог даже сдвинуться с водительского сидения. А тебя сразу же забрала скорая помощь. Никто не бежал, и никто не брал тебя на руки. Один мужчина нашел у тебя в сумке паспорт, медицинскую карточку и полис. Так узнали, твою фамилию, потом позвонили родителям. — Кира растеряно улыбается. — Без сознания ты попала в больницу, и тебя отправили в нейрохирургическое отделение. Вот в принципе и все.

Я недоуменно хмурюсь, и начинаю прокручивать в голове воспоминания. Я отчетливо запомнила запах мяты, запомнила этот голос. Но если он принадлежит не Астахову, тогда чей он?

— Не может быть. — Я раздраженно смотрю на Киру. — Я не сошла с ума! Кто-то подходил ко мне! Кто-то пытался спасти меня и, я... я не шизофреничка!

— Успокойся.

— Что за чертовщина? Откуда у меня эти воспоминания, откуда эти отрывки из памяти, если со мной ничего подобного не происходило?

Блондинка недолго думает. Внезапно её глаза округляются, и она резко хватается меня за руки. Мне больно, я хочу выдернуть их, но не могу двигаться. Взгляд Киры завораживает. В нем что-то такое, что не позволяет мне нарушить пугающую идиллию.

— Бронская, — давно меня никто не называл по фамилии. — Ты начинаешь вспоминать!

— Что вспоминать?

— Как что? — блондинка придвигается ещё ближе ко мне. — Вспоминать свой прошлый год!

— Кира, это невозможно. Доктора сказали, что у меня ретроградная амнезия. Зачастую, воспоминания никогда не возвращаются. Родителям предлагали воспользоваться электросудорожной терапией, но они отказались. Папа заявил, что никогда не позволит ставить на мне опыты, и...

— Зачастую! — выдергивает из контекста девушка и улыбается. — Лия, зачастую!

— Прекрати. Ты ничего не понимаешь. Воспоминания возвращаются в хронологическом порядке, начиная с самых старых. Но я увидела, как меня кто-то уносит на руках, когда я пробила голову. Получается, что воспоминания возвращаются ко мне в обратном порядке, что невозможно с точки зрения науки. А это означает...

— Оу, замолчи! — восклицает блондинка, и я вижу на её лице такую искреннюю улыбку, что мне становится не по себе. Кира так счастлива, но какое ей дело? — Неужели ты не понимаешь, что повредив голову ещё раз, ты дала толчок своим воспоминаниям! Я видела нечто похожее в каком-то фильме...

— Не говори глупостей. Сравнить жизнь и кино смешно и наивно.

— Но ты ведь чувствуешь то же, что и я. Ясное дело, пытаешься рассуждать здраво, с медицинской точки зрения, но Лия, — Кира приближается ко мне, и в её карих глазах я вижу своё искаженное отражение. — Лия, ты сдвинулась с мертвой точки. Ты возвращаешься!

Неожиданно дверь в палату открывается. Я испуганно замираю, а Кира выпускает мои руки, выпрямляется.

Входят родители. Мама удивленно останавливается, увидев в палате гостью, а папа наоборот, не меня скорости, обходит Киру, кровать и оказывается с противоположной от неё стороны.

— И что ты здесь делаешь? — спрашивает он, закатывая рукава белого халата. — Посещения строго запрещены.

— Я должна была увидеть её, Андрей Александрович.

— Увидела? Теперь можешь уходить.

— Да, конечно. — Кира подмигивает мне, и, не скрывая улыбки, направляется к выходу. Перед дверью она останавливается. — Я еще приду к тебе.

— Кира, — холодно отрезает моя мама, и скрещивает на груди руки. — Тебе пора.

— Я уже ухожу. До свидания Вероника Николаевна. — Она смотрит на моего папу. — До свидания Андрей Александрович.

Дверь закрывается, а я не могу дышать. В голове что-то взрывается, я плыву, летаю, падаю. Сначала мне кажется, что я и, правда, сошла с ума. Мне мерещится космос, невесомость, пелена перед глазами. Но потом я осознаю, что не вижу отчетливо из-за слез, которые покрыли глаза. Мне становится душно. Перепады настроения жутко пугают. Я ещё не отошла от шока, ведь только что вспомнила один момент из прошлой

жизни, а сейчас вдруг оказалось, что моя прошлая жизнь никогда не покидала меня. Её просто надёжно скрывали.

— Вы знакомы? — я произношу это так тихо, что меня трудно услышать. Смотрю на маму и чувствую, как жаром обдаёт лицо. — Вы знаете Киру?

— Тебе нужно поспать, Лия, — безучастно бросает она, и отводит взгляд в сторону. Тогда я поворачиваюсь к папе. Он наливает в стакан воды и готовит таблетки. На меня даже не смотрит.

— Пап, — ноль реакции. — Пап! — требовательней повторяю я.

— Давай поговорим после того, как ты поспишь, — предлагает он, протягивает стакан, но я качаю головой и отодвигаюсь.

— Нет! Хочу сейчас услышать ответ.

— Лия.

— Вы меня обманывали, — мне становится больно. Где-то в груди появляется новая рана, только на этот раз душевная. — Вы скрывали от меня то, что было важным и ценным. Я столько месяцев жила с пустотой и страхом одиночества, а сейчас оказывается, что это было бессмысленным. Ненужным.

— Милая, — неуверенно начинает мама. — Тебе нельзя общаться с этой девочкой. — Я нервно усмехаюсь и откидываю назад голову. — Серьёзно. Послушай меня: ничего хорошего она тебе не сделает и не скажет.

— Мы ведь были подругами, так? — Такое чувство, что меня накачали наркотиками. Я потерялась в пространстве, но все еще продолжаю трезво мыслить. — Поэтому она помогает мне, поэтому мы с ней быстро нашли общий язык.

— Так, Лия, — папа садится рядом и недовольно поджимает губы. — Мы твои родители, а значит, ты должна нас слушать.

— Неужели?

Я встречаюсь с его грозным взглядом и затихаю. Боюсь, что он ударит меня, хотя прекрасно понимаю, что он никогда этого не сделает.

— Мама сказала тебе больше с ней не общаться, значит, ты больше с ней не общаешься. Ещё вопросы?

— Но это не честно! Почему я должна рвать отношения с человеком, который может дать мне ответы?

— Ответы на что? — громче спрашивает он. — Разве мы не разговаривали об этом? Ты была хорошим ребенком, никуда не ввязывалась, нигде не шлялась. Училась, помогала нам, подрабатывала.

— Зачем ты лжешь мне в лицо? — испуганно кричу я. — Неужели у тебя нет ко мне ни капли уважения?

— Тема закрыта!

— Но папа...

— Поднимешь её ещё раз, и мы будем разговаривать по-другому, поняла?

Мне становится страшно. Я давно не видела отца таким злым и недовольным. Он напряжен, грозен, и я чувствую его ярость, чувствую, что он готов разодрать меня на клочья.

— Это несправедливо, — тихо шепчу я, и смахиваю слезы со щеки. — Вы же знаете, что не можете скрывать от меня правду.

— Тема закрыта, — еще раз повторяет папа, и я слышу, как расстроено выдыхает мама.

Она поворачивается ко мне спиной и выходит из палаты. — Пей. — Он протягивает мне стакан и таблетки. — Поспи. Тебе нужно отдохнуть.

Я обижено делаю то, что мне велит отец и отворачиваюсь. Не хочу его видеть.

Больше папа не говорит ни слова. Он встает и исчезает за порогом.

Глава 5. Такая любовь убьет мир

Когда я просыпаюсь, то вижу на тумбочке вазу с ромашками. Улыбаюсь и гадаю, кто мне их принес. Два года назад, я прочла книгу «Язык цветов» Ванессы Диффенбах и узнала, что ромашка обозначает силу в трудные времена. С тех пор, это мои любимые цветы, правда, знают об этом единицы.

Уже прошла неделя после аварии. Раны начинают заживать, лицо практически пришло в норму, плечо перестало болеть, и вообще мне стало гораздо лучше. Но за занавесом счастливого выздоровления кроется печаль, скука и одиночество. Кира больше не приходила. Астахов навел меня всего один раз и то толком не нашел в себе сил поговорить. Он винит себя в произошедшем и боится смотреть мне в глаза, что кажется безумно глупым. Но Лешу не переубедить. Единственное, чему я рада, так это тому, что он уже выздоровел и выбрался на свободу. Счастливчик.

Сегодня выходной. Больница пуста. Моя соседка по палате, Ларка, уехала с родителями домой, и мне не с кем поговорить даже о погоде. Я перечитала пару книг, прорешала сотню раз билеты по вождению, и потеряла смысл в жизни. Не удивительно. Неделя в больнице отнимает его моментально.

Осталось лишь одно: мозговой штурм. Целую субботу я думала о том, что увидела, о своем воспоминании. Мне не дает покоя незнакомый голос. Иногда мне снится, что я падаю, и меня подхватывают чьи-то руки. Я преодолеваю боль, оборачиваюсь, и вижу лишь расплывчатый силуэт. Так каждый раз. Падение, загадочное спасение и тайное лицо незнакомца. Этот сон не дает мне нормально отдохнуть. Мама считает, что бессонница — это последствия ушиба головы, а я считаю, что бессонница — это последствие секретов, которые от меня скрывают. Мнения разные, но исход, к сожалению, один.

Сегодня воскресенье, и я решила изменить свой обычный график действий.

Надев свитер, который мама оставила мне на случай, если я замерзну ночью, я выхожу из палаты. Коридор пуст. Я пытаюсь двигаться быстро, но получается так себе. Осмотревшись, я глубоко вдыхаю и удивляюсь своему безумию. Неужели я способна на такое?

Я пробегаю мимо регистрационного стола, и заворачиваю за угол.

Видимо, способна.

Итак, я спускаюсь на первый этаж. Тут людей чуть больше, но они не обращают на меня внимания. В свитере, я похожа на обычного посетителя, а не на больного. Осталась лишь одна проблема: на улице холодно, а у меня нет верхней одежды.

Но мне плевать.

Кто сказал, что побег это легко?

Я спокойно прохожу мимо охранника, чуть опускаю подбородок, чтобы он не заметил синяков на лице и выбираюсь на свободу. Дверь позади. Больница за порогом. Свежий воздух врзается в лицо, будоражит кровь, и я закрываю глаза, чтобы в полной мере им насладиться. Я так рада, что сегодня родители работают во вторую смену, так рада, что меня никто не заметил, так рада, что я выбралась. Обхватив себя руками, я открываю глаза и только сейчас понимаю, что мне некуда идти. Радостный огонь быстро угасает. Наверно, его потушил холод, который наглыми порывами ветра врзается в спину, ноги и живот.

Вообще, конечно, есть Астахов, его огромный дом и добрые родители. Они примут меня, я уверена. Можно позвонить ему, попросить приехать на автобусе и забрать меня подальше от этого места. Потом вернуться в больницу, как ни в чем не бывало, и сделать вид, будто я и не выходила на свободу. А почему бы нет? По выходным лекарства не раздают, докторов отпускают. На моем этаже лишь две медсестры, и им наверняка плевать на всех, кто остался в отделении. Так что план вполне реальный и безобидный.

Я неуверенно киваю, и иду в сторону супермаркета. Там должен быть телефон. Как

назло, родители лишили меня и сотового, и ноутбука, и планшета. Они сказали, что вредно держать такие вещи в больнице, но я-то прекрасно понимаю, что это лишь попытка ограничить меня от внешнего мира. Вдруг я решу связаться с Кирой? Она ведь такая злая и плохая девочка. Она очень нехорошо на меня повлияет, подаст мне неправильный пример.

Смешно, честное слово.

Когда я дохожу до магазина, у меня сводит руки. Пальцы отказываются двигаться, краснеют, немеют. Я засовываю ладони под свитер, надеюсь, что сумею набрать номер Астахова и сохранить все конечности. Какая нелепая ситуация. Не думала, что когда-нибудь попаду в нечто подобное.

Я добираюсь до главного входа и вдруг спотыкаюсь. Совершенно безобидное движение в бок, приводит мой организм в хаос. Перед глазами темнеет, и я буквально вижу, как здание супермаркета переворачивается. Позже я понимаю, что это не дом оказывается вверх тормашками, а я падаю на асфальт. Руки автоматически выставляю вперед, сталкиваюсь ими с какой-то преградой и крепко сжимаю глаза. Меня тошнит, словно я только что несколько минут подряд крутилась на стуле. Мне плохо. Очень плохо. Жар обдаёт плечи и шею, я борюсь с приступом рвоты и одновременно пытаюсь не поникнуть на ледяной дороге. Почему-то только сейчас до меня доходит, что две недели в больнице были прописаны мне не из воздуха.

— Так, — я пытаюсь ровно дышать. Хочу раскрыть глаза, но почему-то не делаю этого. Сжимаю руки в кулаки и облакачиваюсь головой об асфальт. Он холодный, становится немного легче.

— Эй? Ты что? — я не сразу понимаю, что это обращаются ко мне. Не двигаюсь и не отвечаю. Рядом возникает шум, и я чувствую чью-то горячую ладонь на плече. — Чужачка, что с тобой? — Я нахожу в себе силы приподнять голову, раскрыть глаза и неожиданно встречаюсь взглядом с Максимом. Он выглядит обеспокоенным, но почему-то это я отмечаю во вторую очередь. Сначала я оцениваю его острые скулы, жгуче-черные волосы и темно-синие глаза. Кожа на щеках слегка красноватая. Наверно, он замерз. — Лия?

Он называет меня по имени, и у меня внутри что-то взрывается. Горячая смесь обволакивает органы, заставляет ощутить приятное ноющее чувство. Опыневшая и размякшая, я ощущаю действие таблеток, которые оставила мне ночью мама. Возможно, ли что они до сих пор влияют на мой организм?

— Ты меня не поднимешь? — тихо спрашиваю я, и обессиленно улыбаюсь.

— Конечно.

Парень аккуратно обнимает меня за талию, и я послушно оказываюсь в его руках, словно маленький ребенок. Не хочется выглядеть слабой, но почему-то мне кажется, что сейчас я могу не притворяться.

— Что ты здесь делаешь, чужачка? Ты же должна лежать в больнице.

— Я сбежала.

— Сбежала?

— Да. Меня безумно достала вонь, так что я не выдержала и сбежала.

— Очень умно, — недовольно усмехается Макс. — Тебе ещё рано самостоятельно передвигаться. К тому же, на улице небезопасно, разве Кира не предупреждала тебя?

— И всё ты знаешь, — протягиваю я и откидываю назад голову. Приходится признать, что находиться в руках этого парня не только приятно, но и привычно.

— Я должен отнести тебя обратно.

— Нет!

— Да! Ты хочешь навредить себе ещё больше?

— Какое тебе дело?

— Так, пойдём. — Максим решает двигаться в сторону больницы, и я начинаю раздражённо вилять ногами.

— Отпусти меня!

— И не подумаю. Если тебе не важна своя жизнь, значит, о ней позабочусь я.

— Да, что с тобой такое? — громко выпаливаю я. — Какая разница хорошо мне или плохо? Тебе-то что?

— Сделай одолжение, — мило протягивает он, а затем холодно отрезает. — Замолчи.

— Отпусти меня или я буду кричать! — Парень смеется и крепче сжимает мое тело. — Я серьёзно.

— Чужачка, не устраивай концерт. Кому ты нужна? Кричи, сколько тебе влезет. Людям, по сути, плевать.

Я недовольно сужаю глаза и вдруг замечаю, что мы практически подошли к больнице. В голове вертятся разные варианты, но ни один из них не работает, только не с этим человеком.

— Максим, пожалуйста.

— Просто молчи.

— Выслушай, — шепчу я. — Я не собираюсь убежать из больницы навсегда. Мне просто необходима передышка. Там ужасно скучно и воняет жутко. Я ведь не сломала себе ноги и не повредила позвоночник. Мне позволено ходить, двигаться. Так почему же не сделать этого на улице, где я хотя бы могу нормально дышать?!

— Чужачка...

— Всего несколько часов, и я вернусь. Обещаю.

Парень неуверенно останавливается и смотрит на меня. Не знаю, что он там пытается увидеть, и что он видит, но вдруг его взгляд смягчается.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Да. Ты вправе решать сама, чего хочешь. — Его слова удивляют. Я послушно киваю и выдыхаю, накопившийся в легких воздух. — Но...

— Так и знала! — бросаю я, перебив его. — Конечно, будут какие-то условия.

— Безусловно, — улыбается Макс. — Одна ты никогда не пойдешь.

— Отлично. Я как раз собиралась позвонить своему другу.

— С ним ты тоже не пойдешь.

— Это ещё почему?

— Потому что я так сказал. — Максим хитро сужает глаза. — Я тебя нашел, я позволяю тебе выйти на свободу, и я за это ответственный. К тому же навыки первой медицинской помощи приветствуются. Иными словами, с тобой пойду я и только я.

— Очень смешно, — неохотно протягиваю я. — Ты ведь шутишь?

— Нет. Я абсолютно серьёзно.

— Господи, но зачем я тебе? Обуза на день — это такое развлечение сейчас у золотой

молодежи?

— Мне просто нечего делать.

— Так это от безысходности...

— Расценивай мое предложение, как хочешь, — улыбается парень. — Итак, как человек знающий, я прекрасно понимаю, от чего бы ты сейчас не отказалась...

— И от чего же? От веревки с мылом?

— Нет. От еды, чужачка. От нормальной человеческой еды.

Я хочу ответить что-нибудь едкое, но тут же осознаю, что в этом нет смысла. Он прав. Я безумно проголодалась.

— Допустим, я согласна, — аккуратно протягиваю я.

— Допустим, я и так это знал.

— И куда мы пойдём?

— Даже не знаю. Судя по твоему виду, в ресторан нас не пустят. — Он пристально смотрит на меня, и я вдруг вспоминаю, что выгляжу отвратительно. Кроме того, что на мне спортивные штаны и растянутый старый свитер, я не мыла голову уже несколько дней и имею вместо лица, гигантский синяк. Мне становится стыдно, и я отвожу взгляд. — Да, и в кафе тоже...

— Прекрати, — рявкаю я.

— Не любишь правду?

— А ты любишь оскорблять людей?

Парень усмехается и начинает двигаться в противоположную от больницы сторону.

— Не беспокойся, чужачка, — ласково произносит он, и я непроизвольно поднимаю глаза, чтобы убедиться в искренности его интонации. — На самом деле, ты прекрасно выглядишь.

— Ну да.

— Так и есть. Пара синяков не портит тебя. Поверь.

— С чего мне тебе верить?

— Я мужчина. Я могу отличить истинную красоту от поддельной.

— Неужели? — я пытаюсь говорить непринужденно, хотя его слова смутили меня и заставили покраснеть. — И как же ты это делаешь?

— Давай, я не буду раскрывать всех своих секретов, — протягивает Максим, и я замечаю в нескольких метрах от нас его машину.

— Не думала, что окажусь в автомобиле так скоро... — шепчу я. Становится не по себе. Я вспоминаю рыжее пятно на дороге, крик Леши и невесомость. Закрываю глаза, и встряхиваю головой, надеясь избавиться от этих мыслей. Но они не уходят. Внезапно приходит бредовая мысль: как я буду сдавать на права, если теперь столбенею при виде машин?

Вдруг Максим останавливается. Он колеблется, я это чувствую, пусть и не вижу его лица. Мне внезапно становится стыдно: я опять веду себя как трусиха. Хочется скрыть страх, но я не могу этого сделать. Организм реагирует отдельно от разума, и мне остается лишь надеяться на то, что сердцебиение чуть сбавит темп в ответ на мои мольбы и просьбы. Но оно этого не делает.

Неожиданно Макс проводит пальцами по моим скулам, медленно, нежно, и я

ошеломленно открываю глаза. Мне хочется сказать что-то, но я молчу. Смотрю в темносиние глаза парня, и не могу пошевелиться. Он изучает мое лицо, мою шею и плечи. Его интерес возбуждает меня, привлекает и манит. Аккуратно парень движется по моей ключице, поднимается к подбородку и останавливается на щеке. Создается впечатление, что он сканирует мою кожу, пробует её на вкус. А затем он вдруг смотрит мне в глаза, и столько волнения и жажды в этом взгляде, что теперь я слышу биение своего сердца во всем теле, ощущаю его повсюду. Кажется, что я способна не отрывать взгляд от его глаз вечно, ведь там столько уверенности, столько храбрости. Если бы Макс был моим другом, я бы смогла на него положиться, смогла бы найти в нем опору и защиту. Если бы Максим был моим.

— Я не позволю тебе пострадать, Лия, — шепчет он, и у меня пробегают мурашки по спине, волоски на руках, шее поднимаются, электризуются, дыхание становится томным. — Со мной ты в безопасности, слышишь? Со мной ты можешь ничего не бояться.

Наши лица безумно близко друг к другу. Я чувствую его горячее дыхание, он слышит, как тяжело я выдыхаю. На несколько секунд мне кажется, что движение вокруг остановилось, и сейчас же жизнь сосредоточена лишь здесь, в паре сантиметров между нами. Но иллюзия покидает меня.

Максим неожиданно отстраняется, и растеряно выпускает меня из объятий.

— Так что, — он откашливается. — Так что можешь не волноваться.

Мне так много хочется сказать ему, но я не могу вымолвить и слова. Киваю, и аккуратно сажусь на пассажирское сидение, когда парень открывает мне дверь. Он обходит автомобиль, а я до сих пор ощущаю тепло его рук на лице, и чувствую такую дикую неловкость, будто сделала нечто плохое и запретное.

Он садится за руль, я боюсь повернуть голову в его сторону. Вдруг он увидит, мои красные щеки или заметит пот на лбу.

— Тебе холодно?

— Немного.

Он заводит машину и включает печку.

— Скажи, когда согреешься.

— Хорошо.

Дрожащими руками я пристегиваюсь. Парень нажимает на газ, и я вжимаюсь в сидение, словно в меня ударил неистовый поток ветра. Дыхание сбивается. Мы едим медленно, но мне кажется, что мы летим. Я обеспокоенно смотрю по сторонам, пытаюсь наблюдать за всей картиной, но это бессмысленно. Меня до сих пор тошнит, перед глазами вертятся дома, деревья, люди, и я не могу сфокусироваться.

— Чужачка?

— Мм?

— Ты как?

— Все нормально. — Я сглатываю и выдавливаю из себя улыбку. — Разве по мне не видно? Я в полном порядке.

— Я вижу лишь панику, — осторожно протягивает парень. — Успокойся. Я вожу машину уже пять лет. — Заметив мой удивленный взгляд, он добавляет. — Из них, три года — легально.

— Максим, всё хорошо.

— Поэтому ты сейчас порвешь пальцами моё сидение?

Я опускаю взгляд на свои руки, и выпускаю громкий вздох. Ногти впились в чехол,

словно одичавшие пиявки. Резко высвободив сидение, я прижимаю ладони к коленям и откидываю назад голову.

— Прости, — трудно дышу. — Прости, я не хотела.

— Ничего страшного. Может, остановиться?

— Нет, не стоит.

— Если тебе плохо...

— Прекрати вести себя так, словно я инвалид и умру через несколько дней, — серьёзно отрезаю я и смотрю на парня. — Да, мне не по себе, но это не значит, что ты должен жалеть меня или испытывать сочувствие.

— Я лишь не хочу, чтобы тебе стало хуже, — медленно чеканит Макс. — Дело не в жалости, а в банальном волнении.

— А ты не волнуйся. Я не настолько слабая, чтобы умереть у тебя в машине от бешеной скорости в сорок километров в час.

Максим усмехается, и смотрит на меня как-то по-новому. Наконец, я замечаю в его темно-синих глазах уважение. И мне льстит это. Ужасно льстит.

— И куда ты, чужачка, хочешь, чтобы мы поехали?

— Ты прав на счет моего внешнего вида, — признаюсь я и аккуратно стягиваю волосы в тугий хвост. — Выгляжу я так, словно только что восстала из мертвых. Пугать людей в кафе не стоит, так что обойдемся без еды.

— Я так не думаю.

— Не думаешь, что я плохо выгляжу, или не думаешь, что стоит обходиться без еды?

— Оба твои варианта, — он подмигивает мне. — Я что-нибудь придумаю.

— И что же? — Не ответив, парень паркуется около знака «Стоянка запрещена» и глушит двигатель. — Тут стоять нельзя. — Умничаю я.

— Я ненадолго.

— Но куда ты? — Я произношу вопрос в воздух. Максим выходит из машины, закрывает за собой дверь и скрывается за поворотом. — Отлично.

Я выдыхаю и оглядываюсь: в салоне чисто, я бы даже сказала пусто. На панели лежат диски, и я внимательно изучаю их: Nirvana, Radiohead, Би-2. Отмечаю, что вкус у парня отменный. Будь у меня машина, музыка в ней играла бы аналогичная. Неожиданно я замечаю ещё один диск. Он лежит на панели со стороны водителя. Отстегиваю ремень и аккуратно тянусь к нему. Схватывает живот, тело становится тяжелым, но я поджимаю губы и выпрямляю руку.

— Давай же.

Наконец, диск в моих руках, и я довольно откидываюсь на сидении. Он не лицензионный. Наверно выборка любимых треков. Я открываю коробку и вижу надпись: Бесстрашному. Мной овладевает интерес, убедившись, что Макса нет рядом, я вставляю диск в магнитола, задерживаю дыхание в предвкушении чего-то приятного и ожидаю. Через несколько секунд из колонок начинает литься музыка, и я замираю, вслушиваясь в ноты. Мелодия кажется мне знакомой, но я не могу вспомнить, где я её уже слышала. Напрягаюсь, чувствую легкое раздражение. Мне всегда было сложно вспоминать подобные вещи, но едва начинаются слова, на меня снисходит озарение. В конце припева, я очарованно повторяю за певицей:

— Такая любовь убьет мир.

«Маша и Медведи». Задумчиво смотрю перед собой, и не знаю, радоваться ли мне очередному восстановлению памяти. Такое чувство, что эта песня когда-то много

значила для меня, но её грустные слова не позволяют ощутить вкус счастья.

Я недоуменно переключаю трек.

С первых же аккордов, узнаю Земфиру. Тут все просто. Классика. Искала девушка парня годами долгими, дворами темными, в журналах, в кино, среди друзей. А в день когда, наконец, его нашла, просто-напросто с ума сошла.

Улыбаюсь и переключаю. В затакте словосочетание: большие города, и я уже знаю, что играет Би-2.

Данное времяпровождение очень увлекает меня. Мне так нравится угадывать мелодии, восстанавливать в каком-то смысле свои воспоминания.

В предвкушении включаю дальше, и неожиданно для самой себя — замираю. Почему-то дыхание сбивается, и ладони мгновенно становятся мокрыми. Я недоуменно делаю громче. Ещё громче. Начало песни гремит в машине, давит на меня со всех сторон, но я делаю ещё громче! Ещё! Внутри что-то растёт, что-то пульсирует. Сердце неистово быстро бьется, отдает во всем теле, и я придавливаю рукой грудь: боюсь, что оно вот-вот выпрыгнет. Начинается куплет, но я до сих пор не могу понять, кто поет. Слова странные: знакомые и чужие одновременно. Я напрягаюсь. Буквально чувствую, как в голове вертятся мысли. Почему-то становится тяжело. Дышать трудно, тело наливается свинцом. Я испуганно осознаю, что теряю над собой контроль, и в подтверждение внезапно ощущаю, как судорога схватывает органы. Страх. Мне вдруг становится страшно. Я обхватываю себя руками и закрываю глаза. Думаю. Думаю. Думаю.

— Хочешь оглохнуть? — в машине вдруг появляется Максим, и я испуганно подпрыгиваю. Смеясь, он делает тише, выключает музыку, и вся атмосфера безумства испаряется. Закрыв за собой дверь, парень протягивает мне бумажный пакет из МакДональдса и улыбается. — Ужин подан.

— Вообще-то обед, — дрожащим голосом, подмечаю я и растеряно киваю. — Спасибо.

— Нашла мои диски?

— Они лежали на панели, я не сдержалась и решила прослушать.

— И как?

— Довольно-таки неплохо. — Я улыбаюсь. — На диске, который я только что слушала, написано: бесстрашному. Это ты у нас бесстрашный?

— Да. Это прозвище мне дали в стае, — гордо отвечает Макс. — Но я не люблю, когда меня так называют.

— Почему же?

— Давай договоримся: вопросы только после трапезы. — Парень откладывает свой пакет на заднее сидение и заводит машину. — Предлагаю остановиться в парке, так как здесь меня в любой момент могут оштрафовать.

— Как скажешь. — Я с любопытством смотрю на Максима и замечаю татуировку на его шее. Кобра. Хочется спросить, откуда она у него, но я сдерживаюсь. На самом деле, это первый человек, который отложил разговор на несколько минут, а не на несколько месяцев. Поэтому я прислушиваюсь к его словам и еду молча вплоть до парка.

Когда мы приезжаем, Макс паркуется под огромным деревом, выключает ближний свет и глушит двигатель. Отодвинув своё сидение чуть назад, он берет пакет с едой и принимает положение полулежачи. Я бы хотела сесть так же, но мне не позволяет больная спина. Выдохнув, я прижимаю к себе ноги и откидываю назад голову.

— Не думала, что проведу выходные в твоей компании, — признаюсь я. — Очень интересный исход дня.

— Я тоже так не думал, — отрезает парень и достает огромный гамбургер. — Но жизнь — вещь непредсказуемая.

— Сожалеешь?

— Это не тот случай, чтобы сожалеть.

— А какой же должен быть случай?

— Два вопроса подряд, чужачка, — Максим жадно откусывает гамбургер и невнятно произносит. — Так не по правилам. Будем спрашивать по очереди.

— Ладно. — Я открываю свой пакет, и меня почему-то одолевает приступ счастья. Картошка фри, чикенбургер, кусочки мяса: голова идет кругом. — Максим — ты мой герой.

— Я знал, что тебе понравится.

Я искренне улыбаюсь и пробую картошку: какое блаженство.

— Задавай вопрос, потому что я хочу задать свой, — прошу я. — Ну же!

— Хорошо. — Парень думает, хмурится, а затем протягивает. — Только давай договоримся: ответ не в два предложения, а полный.

— Договорились.

— Тогда, вот мой вопрос: когда мы были под мостом, ты сказала, что не помнишь, как на твоём запястье появилась татуировка. Это последствия бурной вечеринки, или что-то другое?

Я усмехаюсь.

— Вообще-то, я потеряла память. — Гамбургер в руках парня застывает. — Прошлым летом я упала с крыши четырехэтажного здания, и, очнувшись, поняла, что абсолютно не помню целый год. Врачи сказали, что у меня амнезия.

— Эм. Прости. Я не знал. Наверно, с этим трудно смириться.

— Я до сих пор не смирилась. — Почему-то меня не смутил его вопрос. Даже наоборот, стало легче, после того, как я ответила. — Что ж, не всё в жизни так гладко, как хочется.

— Мне жаль.

— Разве мы разговариваем для того, чтобы пожалеть друг друга? Я ведь выжила, так что жалеть меня незачем.

— Ты права. Незачем.

Я киваю и увлеченно прикусываю губу. Хочется спросить о самом важном, но я начинаю издали.

— Как ты попал в стаю, и когда это произошло?

— Чуть больше года назад, я и мой брат наткнулись на группу подростков. Они развлекались, прыгая с моста в реку. Полное безумие, — Максим улыбается. — Парни привязывали себя к железному бортику и ныряли в тридцатиметровую пропасть. На удивление, мне захотелось попробовать.

— Ты просто псих, — восклицаю я. — Это же опасно!

— Я стал бесстрашным, не потому что раздавал всем цветы, чужачка. Естественно, было опасно, но разве меня это волновало? Я настолько полюбил подобного рода развлечения, что собрал с братом свою собственную компанию, где люди могли совершать безумные поступки и получать от этого удовольствие. А главное — получать удовольствие без последствий.

— 16 погибших подростков — разве это не последствия? — осуждающе спрашиваю я.

— Ты ничего не знаешь, так что, прошу тебя, не делай скоропостижных выводов.

— Подожди, — меня вдруг озаряет. — Ты сказал, что собрал стаю с братом. Получается, что...

— Да, — Макс откусывает гамбургер и пожимает плечами. — Шрам, или говоря человеческим языком — Стас, мой родной брат.

Я ошеломленно выдыхаю и только сейчас осознаю, какой была слепой. Сходство в их внешности теперь кажется мне неоспоримым: острые скулы, прямой нос, черные угольные волосы, широкие плечи, смуглая кожа. Лишь глаза разные, но я уверена, присмотревшись, я бы и там нашла нечто единое. Возможно, в заблуждения меня ввела рана на лице предводителя: она изменила не только внешний облик парня, но и внутренний. И все же моя невнимательность поражает своей развитостью.

— Что ж, моя очередь. — Максим не ждет, пока я приду в себя, и спрашивает. — Почему тебя так интересует стая? В чем подвох?

— Подвоха нет. Я наткнулась на вас случайно, потому что хотела спасти сестру. — Я серьезно смотрю на парня и искренне протягиваю. — На самом деле, ваше сборище представлялось мне рассадником отморозков, психов, животных, которым плевать на свою жизнь и на общепринятые правила. Вы делаете, что хотите, когда хотите и где хотите. Я считаю это аморальным образом жизни. Точней я так считала. Но сейчас, — мне приходится придвинуться чуть ближе к Максиму, потому что сказанные мной слова являются страшной тайной. — Но сейчас я понимаю, что ошибалась. Моё мнение на счет того, что в ваших телах вместо крови течет адреналин — не изменилось, но я вижу что-то ещё, что-то, что жутко влечет меня. И пока я не пойму о чем идет речь, я никуда от вас не денусь.

Макс улыбается.

— Интересный ответ.

— Я хочу говорить честно, чтобы потом не было недопониманий. — Я доедаю чикенбургер и недоуменно сужаю глаза. — Скажи мне, стаю основал ты и твой брат. Так почему же бразды правления в его руках? Почему вы не командуете вместе? Возможно, тогда бы удалось избежать многих смертей и трагедий.

— Мне это не нужно.

— А Шраму нужно?

— Пойми, пусть мы и родные братья, у нас совершенно разные жизненные принципы. Я — участник, он — организатор. — Парень выдыхает. — Руководить должен один человек, и я рад, что не мне предоставилась эта возможность.

— Считаешь, из тебя вышел бы плохой предводитель?

— Я не знаю, и даже не хочу об этом думать. Тебе кажется, что Стас — корень зла, что он причина всех наших бед и страданий. Но ты глубоко ошибаешься. Мой брат готов пожертвовать всем, что у него есть. Он не даст свою стаю в обиду, я знаю это. Если бы у меня был выбор, я бы доверил свою жизнь именно ему, потому что... — парень громко выдыхает. — Потому что это его призвание! Он так долго не мог найти себя, и сейчас, наконец, нашел. Стас отличный предводитель, и верный друг. Я уверен в нем так же сильно, как уверен в самом себе.

Я вспоминаю, как на перроне, Шрам отодвигал подростков ближе к центру вокзала, как он предупреждал нас не терять голову во время испытания. Но это кажется такой мелочью по сравнению с тем, когда я просила его помочь освободить Карину из куба, а он стоял и бездействовал. Спорные чувства, и я не могу понять, в состоянии ли я доверить свою жизнь этому человеку так же уверенно, как это делает Максим. Наверно, пока нет.

— Почему ты стояла на рельсах так долго? — неожиданно спрашивает парень, и я недоуменно пожимаю плечами. В его глазах отражается грусть и какая-то безнадега. Мне не понять, этого взгляда. Только не сейчас. Может, чуть позже, но не сегодня.

Я не ожидала такого вопроса, и поэтому долго думаю, прежде чем ответить.

— Возможно, — я колеблюсь и прикусываю нижнюю губу. — Возможно, мне понравилось ощущать себя свободной.

— Но ты могла погибнуть.

— Я бы успела отпрыгнуть в сторону.

— Я так не думаю, — Макс с горечью улыбается. — Ты должна чувствовать разницу между храбростью и безумством, чужачка. Глупость не поощряется. Большинство страдает только потому, что приписывает себе слишком много.

— И это мне говорит человек, который прыгает с тридцатиметровой высоты в пропасть, вооружившись, лишь толстым канатом.

— Я серьёзно.

— Я тоже, — с вызовом восклицаю я. — Откуда берется твоя уверенность в себе? Если тебя прозвали бесстрашным, значит, ты совершил огромное количество безумных поступков, не колеблясь и не дрожа перед страхом. Чем я хуже?

— Ты ничего обо мне не знаешь. — Холодно отрезает парень. — Нельзя перестать бояться. Каждый раз, я понимаю, что могу не вернуться домой, что сильно рискую, но на то у меня есть свои причины. Моя уверенность граничит с безысходностью, с апатией. Я потерял вкус к жизни, и теперь пытаюсь восстановить его, прыгая с обрыва, кидаясь под поезд и разгоняясь до двухсот километров в час. Адреналин спасает меня от живой смерти. Но зачем это тебе? Зачем ты подвергаешь себя такой опасности? — Он недоуменно качается головой. — Кричишь на свою сестру, но, по сути, делаешь то же самое.

— Тебе не понять.

— Это ты не понимаешь, Лия, — я поднимаю взгляд на парня и чувствую, как от него исходит волнение. — Я не знаю, чего ты хочешь добиться, но это явно не стоит твоей жизни.

— Следующий вопрос, — раздраженно отрезаю я. — Итак...

— Мы ещё не закончили.

— Закончили. Я и так сказала тебе слишком много, так что теперь твоя очередь. — Парень громко выдыхает, а я задаю главный вопрос, который волнует меня больше всего вышесказанного. — Разумней было бы спросить: страдаешь ли ты раздвоением личности. Но я не стану оскорблять тебя и поставлю вопрос чуть по-другому: зачем сначала избивать меня, а потом спасать жизнь? При чем неоднократно.

— Чужачка, — протягивает Максим. — Это глупо!

— Ответь.

— Сама подумай.

— Макс, ты нарушаешь правила. Я задала вопрос — отвечай на него.

— Неужели это не очевидно? — я качаю головой, и парень громко выдыхает. — Я помогаю тебе, потому что нахожусь в нужное время, в нужном месте.

— Это не полный ответ, — возмущаюсь я. — Хочешь сказать, ты побил меня, потому что находился в нужное время, в нужном месте? Тогда это как минимум странно.

— Правила стаи просты — чужаков мы не терпим. Ты — чужая. У тебя не было вариантов: в любом случае, ты бы пострадала. Вот только есть одно «но». Пострадать от гематомы на плече, или от сломанных ребер? — Глаза Максима становятся яркими, и я невольно засматриваюсь в них, осознавая, что даже в этом отвратительном поступке просвечивается нотка героизма. — Поединок с Костей в лучшем случае закончился бы переломом. Я сделал так, что ты смогла ходить уже на следующий день. Чувствуешь разницу?

— Но зачем ты помогаешь мне?

— Это уже следующий вопрос.

— Нет. Ты не сказал главного. — Меня не остановить. — Почему ты спасаешь меня? Какая тут для тебя выгода?

— Лия, — Макс пожимает плечами. — Я не могу по-другому.

— Но почему?!

— Потому что не могу! — Парень поправляет черные волосы и проводит рукой по кожаному рулю. Выдохнув, он поднимает голову и вдруг наши взгляды встречаются. Готова поклясться, что он, так же как и я чувствует что-то электрическое в воздухе. Возникает странное желание приблизиться к нему, согреться, и это желание не пугает меня, наоборот придает сил и уверенности. Я уже второй раз замечаю тягу к Максиму, и теперь не могу отрицать, что эта тяга действительно существует. Сердце делает сальто, когда парень поднимает руку и протягивает её в мою сторону. Кажется, он хочет дотронуться до меня, хочет прикоснуться, и я затаиваю дыхание. Мне не пошевелиться. Мой взгляд прикован к его темно-синим глазам, а они смотрят на мои губы, на мою шею, на моё лицо. Это сводит с ума и одновременно обезоруживает. Я забываю, как дышать. Его пальцам остается ещё несколько сантиметров до моей щеки, но я уже ощущаю жар в том месте, где они коснутся лица, уже ощущаю покалывание на коже. Возникает мысль придвинуться чуть ближе, ведь тогда я, наконец, почувствую его прикосновение, но я быстро отбрасываю эту идею. Мне не по силам даже моргнуть. И когда стук моего сердца становится таким громким, что его смог бы услышать и сам парень, Макс опускает руку. Я разочаровано выдыхаю, и перевожу взгляд в сторону. — Прости, — шепчет он и растеряно отодвигается. Запустив пальцы в свои густые волосы, Максим откидывает назад голову и вновь произносит. — Прости меня.

— Ничего, — неуверенно отрезаю я.

— Нет, правда. Я не хотел.

Я вновь поднимаю взгляд на парня, и чувствую пустоту внутри: он не хотел. Пытаюсь улыбнуться — не получается.

Почему-то день резко переходит в вечер. Становится темно, мрачно и тихо.

— Мне уже пора в больницу, — безучастно сообщаю я, и заворачиваю пакет с едой. — Отвези меня, пожалуйста.

— Да, конечно.

Он заводит машину, жмет на газ, и все это время избегает моего взгляда. Становится ещё неприятней. Прикусив губу, я смотрю в окно, наблюдая за тем, как деревья превращаются в дома, а река — в дорогу. Парк остается позади, и мы въезжаем в город с пылью вместо тумана, и с дымом вместо облаков.

В салоне тепло, но я всё равно ощущаю холод. Атмосфера непринужденности испаряется, остается лишь колючее недопонимание. От этого я чувствую себя неловко, и даже смущаюсь, едва голова Макса на несколько градусов поворачивается в мою сторону.

— Ты знала, что стая перенесла инициацию на конец ноября? — неожиданно прерывает тишину парень, и я благодарно выдыхаю. Если бы мы и дальше ехали молча, я бы повесилась прямо на дверной ручке.

— Правда? Почему?

— Стасу не понравилось, что ты попала в аварию. Он считает это не обычным стечением обстоятельств.

— Это я уже слышала.

— В любом случае, я с ним полностью согласен, — отрезает Макс. — Нам некуда

спешить. Лучше разобраться сейчас, чем расплачиваться за то, то мы упустили потом.

— Вы так уверены в том, что аварию подстроили. Но люди ежедневно гибнут на дорогах, и в этом нет ничего сверхъестественного, — я пожимаю плечами. — Астахов просто не заметил на дороге человека... кажется, человека. Я если честно, так и не поняла, кто или что возникло перед нами.

— Я предупреждал тебя: быть в стае опасно. У нас слишком много проблем, с которыми не сталкиваются обычные люди.

— Например?

— Например, подстроенная авария.

— Но кому это нужно? — удивляюсь я. — Зачем?

— Трудно сказать. На другом конце города, есть ещё одна компания. Сборище отморозков, пытающихся доказать своё превосходство. Я считаю их причастными к данному происшествию.

— Думаешь, здесь загвоздка в банальном выяснении отношений?

— Очень может быть.

— Но ведь речь идет о жизнях людей! — возмущенно восклицаю я. — Вы должны разобраться, иначе пострадает кто-нибудь ещё.

— Чужачка, — улыбается Максим, и я замечаю за поворотом больницу. — Мы именно этим и занимаемся.

Мне становится не по себе от того, что кто-то хочет моей смерти. Пробегает холодок по спине, и я вжимаюсь в сидение, сцепив перед собой руки.

— Не волнуйся, — увидев беспокойство на моем лице, протягивает парень, сбавляет скорость и останавливается напротив здания городского госпиталя. — Ты в безопасности, если не будешь совать свой нос туда, куда не следует.

— По-моему мы уже поняли, что это моё любимое занятие.

— Тогда будь осторожна, и не действуй сгоряча. Иногда поспешные выводы приводят к неисправимым последствиям.

Я киваю и громко выдыхаю.

— Что ж, — поправив волосы, я улыбаюсь. — Спасибо за то, что вызволил меня из этой тюрьмы и позволил немного отдохнуть.

— Ну, вызволила себя ты самостоятельно, а я лишь вовремя оказался рядом.

— Уже не в первый раз.

Вновь наши взгляды встречаются, и вновь хочется смотреть в глаза Макса бесконечно долго, но на этот раз я не позволяю ему контролировать себя. Кивнув, на прощание машу рукой и осторожно выхожу из машины.

— Лия. — Обескуражено разворачиваюсь. Парень смотрит на меня, и загадочно улыбается, чего-то ждет, но чего? У меня внутренности сворачиваются в трубочку, я еле стою на ногах, пошатываюсь и неуклюже выравниваюсь. — Инициация перенесена на конец ноября, но это не значит, что стая перестанет собираться. Каждое третье воскресенье мы ходим в бар рядом с набережной, и ты приглашена.

— Что, уже смирился с тем, что я одна из вас? — мой голос дрожит, но я надеюсь, он не заметил.

— С этим нельзя смириться. Ты всегда останешься для меня чужачкой. — Я собираюсь, ответить что-то едкое, колкое, но вдруг замечаю, как дергается уголок его губ, и замираю, не в силах вымолвить и слова. — Но раз я решил стать твоим личным

телохранителем, я должен находиться рядом. А рядом — это на расстоянии нескольких метров друг от друга. Не больше.

— Мне не нужен телохранитель. Я не такая слабая, как ты думаешь.

— Отлично. В таком случае, телохранитель нужен мне.

— Что ж, — внутри взрываются огромные шары с горячей жидкостью. Они ошпаривают органы, и мне становится так жарко и душно, что я мгновенно забываю о холоде. Практически не могу дышать, держусь на плаву лишь за счет сохраненного секундой назад кислорода. И это ощущение не покидает меня вплоть до того момента, пока я не договариваю фразу. — Тогда ещё встретимся.

— Не сомневаюсь в этом.

Макс закрывает окно, и я резко отворачиваюсь. Не могу больше смотреть на него, просто не нахожу сил. Стремительно иду в больницу, прижимаю к себе руки, и отказываюсь осмысливать произошедшее. Ладони вспотели. Вытираю их о штаны и громко выдыхаю. Слишком странно, слишком просто. Не бывает такого, что ты не знаешь человека, а потом внезапно перестаешь дышать в его присутствии. Не так быстро! Не так скоро!

Я вхожу в больницу, и на пороге случайно сталкиваюсь с женщиной. Тело отвечает на удар, и ноет, словно ребенок, которого разбудили. Мышцы шеи схватывает легкая судорога, и мне трудно шевелить головой. Прикусываю губу. Моргаю и пытаюсь взять себя в руки. Выпрямляюсь, так сильно, как могу, иду мимо охранника и замечаю, как он выходит на середину прохода, чтобы перегородить мне путь.

Сердце подпрыгивает.

— Куда направляемся? — его голос тяжелый, прокуренный. Я поднимаю взгляд и замечаю седые усы, широкие брови и низко посаженные глаза. Сглатываю.

— Я иду в палату.

— Время для посещений закончилось полчаса назад. Так что не судьба.

— Вы меня не поняли. — Отрезаю я, и выдыхаю. — Я направляюсь к себе в палату. Выходила подышать.

— Неужели? — охранник устало выдыхает. — Имя. Фамилия?

— Лия Бронская.

— Так-так, — мужчина смотрит в толстую тетрадь и ведет по колонке пальцем. — Есть такая. И почему ты выходила? Пациентам, которые лежат в твоём отделении, запрещается покидать территорию больницы.

— Ну, а мне разрешили.

— И кто же?

— Родители, — лгу и не краснею. — Они здесь работает. Бронский Андрей Александрович и Бронская Вероника Николаевна.

Неожиданно охранник усмехается и громко захлопывает тетрадь. Я дергаюсь и поджимаю губы.

— Они хотя бы сами об этом догадываются? — Хочу ответить, но вместо этого устало выдыхаю. Конечно, они понятия не имеют, что я выходила. Начинает болеть голова. Я морщусь и вновь смотрю на мужчину.

— Пожалуйста, пропустите меня. Этот день был долгим. Я очень устала.

— Ну и кто тебе виноват, что ты не отдыхала в палате?

— Прошу вас. — Возможно, я унижаюсь, но сейчас меня это не волнует. Голова

кружится, кружится, кружится. Наверно, так на мой организм действует запах лекарств и старой мебели, который встретил меня с распростертыми объятиями уже на пороге. — Такого больше не повторится. Я обещаю.

— Ты же понимаешь, что я должен вызвать твоих родителей?

— Не надо. Они не поймут.

— Прости. — Охранник тянется рукой к рации, но я неожиданно хватаю его за запястье. Он удивленно вскидывает брови, замирает. Мне самой не по себе, и поэтому я неуклюже разжимаю пальцы и испуганно выдыхаю.

— Пожалуйста. Прошу вас, не делайте этого. — У меня в запасе ещё несколько секунд, прежде чем он вновь решит сообщить о моем побеге, и я выпаливаю. — Ко мне приезжал мой парень. Родители не одобряют его, и на этой почве мы сильно ссоримся. Поймите, если они узнают, что он приезжал навестить меня, нам больше не разрешат видеться! Умоляю, мне не выдержать этого!

О да. Актриса из меня прекрасная. Врать я всегда умела, но это что-то новенькое.

Охранник цокает, и недовольно складывает на груди руки.

— И мне от этого что? Девушка, есть определенные правила и...

— Прошу вас! — перебиваю я, и пытаюсь сделать жалостливый вид. — Пожалуйста. Я больше никуда не уйду. Обещаю! Только позвольте меня вернуться в палату. Мама скоро придет на работу, и она захочет навестить меня. Если меня там не будет... — я наиграно прикусываю губу и отвожу взгляд в сторону.

— О боги, — хрипя, протягивает мужчина и внезапно раскидывает руки в стороны. — Чтобы больше не попадалась мне на глаза, ясно?

Я киваю и благодарно улыбаюсь.

— Спасибо вам большое.

— Иди уже! — он переминается с ноги на ногу и бормочет. — Молодежь.

— Спасибо, — вновь кричу я, и срываюсь с места. Надо идти как можно быстрее, пока он не передумал, но головная боль перерастает в нечто большее. Я чувствую, как немеют ноги, и вижу, как темнеет перед глазами, поэтому притормаживаю. Недоуменно придавливаю рукой живот. Мне явно не по себе. Может, так на меня подействовал свежий воздух?

Где-то в глубине души я радуюсь, что плохо мне стало только сейчас. Опять быть слабой при Максиме — просто унижительно. Сжимаю руки в кулаки и через силу продолжаю идти по коридору. С трудом преодолеваю лестницу, и, наконец, вижу дверь в своё отделение.

Я с облегчением выдыхаю. Сон наверняка приведет меня в чувство. Подхожу к входу, протягиваю руку, собираюсь открыть дверь, как вдруг она распахивается мне навстречу. Я еле успеваю среагировать, отклоняюсь назад и прилипаю спиной к стене. Открываю глаза и ошарашенно замираю. Я вижу то, что видеть не должна, то, что видеть не могу физически. Темнота заполняет разум, и приходится сомкнуть кулаки так сильно, чтобы боль привела меня в чувство. Но не помогает. Я не шевелюсь, ощущаю пелену перед глазами, и, не веря прихожу к выводу, что схожу с ума. Закрываю глаза, открываю. Картинка не меняется. Опять закрываю.

— Почему ты не сказал мне раньше? — рычит знакомый голос, и я испуганно прислушиваюсь. — Почему не предупредил меня?

Громко выдыхаю, набираюсь смелости и вновь распахиваю глаза. Нет. Мне это не снится. Перед собой я вижу девушку. Она такого же роста, как я, с такими же пропорциями тела. Волосы такие же угольные, вьющиеся, только черный ряд дополняют темно-зеленые пряди, что приводит меня в ужас. Девушка слегка горбится, выглядит злой и испуганной одновременно. Разговаривает по телефону и активно жестикулирует

свободной рукой. Кеды изношены, выглядят выцветшими и старыми. На ней порванные широкие джинсы и черный мужской пиджак. Его рукава закатаны под локоть, и я замечаю на запястье то, что заставляет меня прикрыть рукой рот. То, от чего мурашки пробегают по телу. Татуировку. Дабл ю.

— Ты должен был сказать мне раньше! — вновь кричит моя копия, и непроизвольно откидывает назад голову. — Что же ты натворил.

Я начинаю дрожать. Голова раскалывается на две части, в ней что-то пульсирует и норовит взорваться. Я чувствую это. Перед глазами пропадает пелена, и я смахиваю со щек бессмысленные слезы. Не понимаю, почему плачу. Наверно, мне просто очень страшно.

— Идиот, — бросив трубку, заключает копия и внезапно начинается двигаться в мою сторону. Я вжимаюсь в стену и с ужасом округляю глаза. Она идет ко мне, она идет на меня! Решительно другая я сокращает между нами дистанцию. Она не собирается останавливаться. Её лицо поразительно похоже на мое, только в глазах стоит неведомое мне чувство. Уверенность. Действия копии резки и четки. Она кладет телефон в карман пиджака, приближается ко мне так близко, что я чувствую аромат своих же духов, и вдруг испаряется, словно облачная дымка. В одну секунду её силуэт смазывается, пропадает, и до меня долетают лишь клочья тумана.

У меня немеют руки. Я стою, не шевелюсь, и даже слезы замерли. Замерло всё вокруг. Тишина обволакивает меня со всех сторон, и я начинаю прерывать её громкими, резкими выдохами. Ужас вскипает во мне. Страх давит на плечи, и я готова прогнуться под его тяжестью. Внутри всё горит, голова продолжает пульсировать, и тогда я понимаю, что уже не могу стоять на месте. Отмираю, резко отпрыгиваю от стены и несусь в свою палату. Возобновляется плач. Мне страшно, но я не знаю, почему именно. То ли от того, что я сошла с ума, то ли от того, что увидела себя же со стороны. Грубо смахиваю слезы с лица. Ещё раз. И ещё, и тут улавливаю странный запах. Резко останавливаюсь, поднимаю перед собой руки и вижу на ладонях кровь.

— О господи, — в панике расширяю глаза и вновь провожу пальцами по лицу. Теплая жидкость смешалась со слезами. Откуда она? Истерично несусь в туалет, забегаю вовнутрь и замираю перед зеркалом. Две толстые струи крови медленно стекают по моим губам и подбородку. Носовое кровотечение. У меня никогда не было ничего подобного! Включаю кран с холодной водой и испуганно начинаю омыwać лицо. Мойка окрашивается в бледно-алый цвет, помещение заполняет запах ржавчины: соленый и стойкий. Я поднимаю голову и вновь осматриваю свою отражение. Порозовевший подбородок практически чистый. Кровь больше не течет. Ещё раз повторяю свои действия, и ещё раз смотрю на себя. Глаза красные от слез. Возле виска небольшой отек, а на щеке две маленькие царапины. Они скоро заживут, я знаю. Я надеюсь.

Облокотившись руками о мойку, опускаю голову и начинаю глубоко дышать. Не понимаю, что только что произошло, и не хочу понимать. В мыслях смешиваются события, мне не ясно, как так вышло, что встреча с Максимом переросла во встречу со своей копией. Такого не бывает. Это не нормально.

Первое, что приходит на ум — травма головы. Отсюда носовое кровотечение и пульсирующая боль. Возможно, мой мозг создал галлюцинацию, и это всего лишь последствие аварии, а не психологическое расстройство.

Хочется рассказать о случившемся маме, спросить совета. Возможно, я должна принять лекарства и пройти курс лечения. Но тут я вдруг осознаю, что подобная искренность может привести меня к дополнительным «каникулам» в больнице, и поэтому резко отбрасываю данную идею. Всё что угодно, но только не продление срока в этом месте.

Выдыхаю, выпрямляюсь и вновь смотрю на себя в зеркало. Невольно начинаю сравнивать своё лицо с лицом копии. Я чуть худей, и поэтому скулы у меня сильнее выражены. Так же, естественно, в моих волосах нет зеленых прядей, и я не ношу мужские пиджаки и широкие джинсы. Должна признать, я так же горблюсь и разговариваю таким же тоном, когда злюсь или напугана. Приходится прийти к выводу, что данная галлюцинация очень сильно соответствует реальности, и это меня жутко пугает.

Неожиданно дверь туалета открывается, я резко оборачиваюсь и вижу маму.

— Ох, Лия, — восклицает она. — Я так испугалась, когда не нашла тебя в палате.

— Всё в порядке, — растерянно отрезаю я, и украдкой смотрю в мойку. К счастью, вся кровь смылась. — Я просто отошла на минуту.

— Ты выглядишь уставшей и измотанной. Всё точно хорошо? — она подходит чуть ближе и внимательно осматривает моё лицо. Становится не по себе. — Твои глаза красные. Ты что, плакала?

— Нет. Конечно, нет! — я выключаю воду, и пытаюсь выдавить из себя улыбку. На самом деле я на грани истерики. — Просто спала целый день, вот и выгляжу как чучело.

— Может, ты хочешь чего-нибудь поесть? Папа привезет фруктов.

— Да, было бы неплохо.

Я киваю, и мы выходим из туалета. Идем по коридору, и тут я замечаю на запястье засохшую кровь, нервно прячу руку в карман и смотрю на маму. Надеюсь, она не заметила.

Глава 6. Игры с огнем

Я не сомневалась в том, что Карина не придет навестить меня в больницу. Но почему-то я удивилась, когда она даже не встретила меня дома.

Последующие несколько дней, сестра не замечает меня. Она ходит по квартире, разговаривает с родителями, но всегда избегает прямого контакта со мной. Это задевает, но я не подаю вида. Пусть считает, что мне плевать.

Мама подходит ко мне, когда я смотрю телевизор. Она делает звук тише, и, надевая пальто, сообщает:

— Я записала тебя к репетитору по биологии и химии. Начнешь ходить после нового года.

— Что? — я раздраженно вскидываю брови. — Но зачем? Господи, мам. Мы не раз уже это обсуждали: я не хочу поступать в мед.

— А куда хочешь? — она застегивается и пожимает плечами. — Экзамены через полгода, а твои знания пока ограничиваются лишь русским языком и литературой. Этого недостаточно.

— Я не буду врачом. Мне химия никогда не давалась! Это насилие какое-то.

— Лия, ты хотя бы раз пробовала её выучить?

— А смысл? Я всё равно её не понимаю.

— Хватит бездельничать. — Она смиряет меня взглядом и поправляет шарф. — Платить за твоё обучение никто не собирается, так что перестать страдать чепухой и займись делом. Я не вижу твоего пристрастия к журналистике, поэтому и решила, что стоит записать тебя на дополнительные занятия по биологии. Это хотя бы реальная возможность выучиться и начать зарабатывать деньги. А кому нужны писатели? Пойми меня правильно, сначала получи специальность, а потом уже берись за то, что ближе душе.

— Врачом я не буду, — категорично отрезаю я, и гордо вскидываю подбородок. — Это не моя профессия, и я не собираюсь бессмысленно убивать время. С русским у меня никогда не было проблем, с литературой мне помогают в школе. Историю я сдам, не волнуйся, так что не накручивай себя. Платить за меня не придется.

— Как бы не случилось по-другому. — Мама выдыхает и направляется к выходу. — Сегодня я опять в ночную смену, вернусь только под утро. И учти, в обед я проверю, что ты сделала. Так что не трать время зря: сядь, и займись делом.

Я закатываю глаза, и слышу, как закрывается дверь.

Быть доктором — учиться вечно, так что папа уехал на две недели в Москву. И мне это совсем не выгодно. Обычно, когда мама поднимает тему экзаменов, папа становится на мою сторону, и говорит, что я способна справиться с ЕГЭ и без помощи репетиторов, но сейчас я осталась без союзника. Придется сражаться против необоснованных страхов и претензий в одиночку.

Аккуратно встаю с дивана. У меня до сих пор ноет плечо, но я чувствую себя бодрой. Такой бодрой, что не знаю, куда мне деть свою энергию. Сейчас около пяти вечера. Впереди ещё много времени. Решаю позвонить Леше, иду в комнату за телефоном, но вдруг слышу звонок в дверь.

— Хмм, — я плетусь по коридору, и думаю, что мама могла забыть. Может, ключи? Смотрю на тумбочку, но связки там нет. Выдыхаю, открываю дверь и вдруг вижу на пороге гостей. У меня глаза расширятся, и я удивленно вскидываю брови.

— Не пугайся, — Кира улыбается и проходит в квартиру, не дожидаясь приглашения. — Мы проследили за тем, как твоя мама ушла и только потом зашли в подъезд.

— Наслаждаешься одиночеством? — Шрам заходит вслед за блондинкой, и одаряет меня

пристальным взглядом. Первые несколько секунд, я не знаю, что сказать. Приходит Киры сильно удивляет меня, но приход Стаса — повергает в шок.

— Ого, — только и протягиваю я. — Какой неожиданный сюрприз.

— Только не говори, что ты не рада нас видеть. — Блондинка по-хозяйски снимает с себя кожаную куртку и поворачивается к Шраму. — Отдай Лие пакет с едой, а я пока поставлю чайник.

— Пакет с едой? Не стоило тратить деньги.

— Не выдумывай, — парень улыбается. — Я уверен, что ты не откажешься от круассанов с шоколадом.

— Ты прав, — я растеряно забираю пакет из рук предводителя, и задерживаюсь на несколько секунд на пороге. Смотрю на лестничную площадку и невольно чувствую, как ноет в груди. Почему-то мне кажется, что кого-то не хватает. — Больше никто не придет?

— А кто тебе ещё нужен? — сарказм Шрама заставляет мои щеки вспыхнуть, и я неуклюже захлопываю дверь.

— Я просто спросила.

— Просто так не спрашивают. Но если ты о Максиме, — внезапно протягивает Стас, и я обескуражено разворачиваюсь к нему лицом. С чего он взял, что я говорю именно о его брате?! — Тоутром он три часа сдавал экзамен по психологии, и безмятежно уснул, когда мы собрались к тебе.

— Ясно.

— Но он будет сегодня в баре.

— Я поняла.

Прохожу мимо Шрама и быстро направляюсь на кухню. Не хочу, чтобы парень заметил, как подействовали на меня его слова и как горит лицо. Поставив пакет на стол, оборачиваюсь к Кире и искренне улыбаюсь.

— Я рада, что ты здесь.

Девушка отвечает мне, поднимая уголки губ. На самом деле мне очень хочется поговорить с ней о словах родителей. Об их запрете, и о том, что возможно, раньше мы были подругами. Но я молчу, так как не знаю, с чего начать.

— А где Карина?

— Она ушла куда-то ещё утром. — Я достаю чашки и расставляю их в порядке от самой высокой к самой нижней. — Мы не разговариваем.

— До сих пор злится?

Я киваю.

— Ещё не жалеешь, что заменила сестру в стае? — Шрам заходит на кухню и садится за стол. — А мы ведь оказались не такими ужасными, не правда ли?

— Не стоит ей рисковать своей жизнью, Стас. Она не должна погубить себя, лишь потому, что ей захотелось стать лихачкой. Это глупо. — Глаза парня останавливаются на мне и излучают недоумение. Сначала я думаю, что так он реагирует на мои слова по поводу Карины, но потом понимаю, что так он реагирует на своё же имя. Кира откашливается и нарочно громко достает ложки. Наверно, хочет как-то сгладить тишину.

— Кому добавлять сахар?

— Знаешь моё настоящее имя? — проигнорировав блондинку, спрашивает Шрам и сцепляет перед собой руки. — Откуда же?

— Услышала где-то, — быстро выпаливаю я. — Какая разница? Разве есть определенный пункт в конституции вашей стаи, где указано, что называть тебя следует только по прозвищу?

— Нет, такого пункта нет.

— Вот и отлично. — Я неуверенно улыбаюсь и насыпаю заварку. — Прости, если перешла черту.

— Ничего страшного. Просто я удивлен. По имени меня называет лишь один человек.

— Максим?

Шрам опять удивленно вскидывает брови и искренне смеется.

— Что ты ещё знаешь? Говори сразу, чтобы потом не шокировать меня снова. — Он откидывается назад на стуле. — Признавайся. Ты наводила справки?

— О, ну да.

— Тогда что?

— Всё гораздо проще, чем ты думаешь. В тот день, когда Макс избил меня, он назвал тебя по имени. Я услышала это и запомнила.

— Какая внимательная девочка.

— Мне же нужно было на чем-то сфокусироваться, чтобы приглушить боль от ударов.

— И ты сфокусировалась на голосе моего брата. — Я не знаю, на что именно мне реагировать в данной фразе: на то, что Стас только что впервые при мне назвал Максима своим братом, или на то, что его сарказм становится слишком опасным. — Ты сразу мне понравилась. Самоотверженность — главное качество в нашей стае. Свобода — это вещь присущая каждому живому существу, просто кто-то пользуется ею, а кто-то нет. С бесстрашием похожая ситуация: у всех есть страхи, просто не все способны их побороть. Но вот самоотверженность, — Шрам улыбается. — Ею обладают единицы.

— И поэтому ты предложил любому члену из своей стаи побить меня?

— Правила для всех едины. — Я вспоминаю, как он сказал мне эту фразу, в тот момент, когда Карина задыхалась в кубе, и недовольно складываю на груди руки. — У меня не должно быть любимчиков, иначе начнется хаос.

— Хочешь сказать, ты ходишь ко всем членам стаи пить чай?

— Вот это да! — Стас вновь смеется. — Намекаешь, что я считаю тебя своей любимицей?

— Я ни на что не намекаю. Наоборот прекрасно понимаю, что тебе, по сути, все равно, что со мной и как я себя чувствую. Получается, тебе что-то от меня нужно. Остается лишь один вопрос. — Я подхожу ближе к Шраму и облакачиваюсь перед ним на стол. — Что именно?

— Может, уже хватит? — Кира закатывает глаза и взмахивает руками. — Мы приехали не выяснять отношения. У нас есть важное дело, и мы должны как можно скорей решить его.

— Какое дело? — Я смотрю на блондинку. — Значит, всё-таки вы приехали не для того, чтобы проверить моё здоровье. Я не удивлена.

— Остынь, Лия. Ты член нашей стаи и должна принять тот факт, что теперь ты связана с нами.

— Связана? Каким же образом?

— Дорогая моя, мы же практически семья. — Я улавливаю усмешку в её словах, но не подаю вида. Возможно, Кира и, правда, считает стаю семьей. — Мы приехали, потому что добраться до бара в одиночку достаточно сложно. Автобусы ходят только до

набережной, а оттуда ещё идти минут пятнадцать. Так что собирайся, и поехали. Заедем по пути ко мне, я переоденусь, и как раз к семи будем на месте.

Слова блондинки застают меня врасплох. Мне становится стыдно за своё поведение, и я расстроено смотрю на Шрама.

— Да, моя любимица, — улыбается он. — Это, конечно, хорошо, что ты решила, будто все против тебя и теперь ты должна спасти мир. Но лучше отложи свои колкости до инициации. Сейчас они ни к стати.

— Я не знала, что вы приехали за мной.

— Но ты и не спрашивала.

— Меньше слов, больше дела, — протягивает Кира. — Давайте, наконец, попьём чай.

Я протягиваю руку к своей чашке, когда слышу, как открывается входная дверь. Сердце подпрыгивает, ведь первая мысль естественно о том, что вернулась мама. Но в квартиру входит Карина.

Сестра откидывает ботинки в сторону, нехотя смотрит на кухню. Видит нас, и так же безучастно уходит в свою комнату.

— Кажется, она совсем одичала, — усмехается Шрам. — Карина разучилась разговаривать?

— Она разучилась думать. — Отрезает Кира и отпивает чай.

Я чувствую себя неловко. Мне кажется, что происходящее вокруг является иллюзией. Я не могу радоваться приходу Киры, не могу общаться хорошо со Стасом, не могу угощать их чаем и болтать с ними о вечеринке в баре. Это не правильно, эгоистично, ведь совсем недавно я лишила этого сестру. Я заняла её место там, где не должна была находиться. А самое ужасное заключается в том, что теперь я не хочу уходить! Теперь мне кажется, что я часть их стаи. И это моя главная иллюзия.

— Пойду, поговорю с ней.

— О чем, Лия, — Кира отставляет чашку. — Не нужно расстраивать себя.

— Стас прав, — я опять называю предводителя по имени, но только теперь делаю это специально. Он должен стать для меня реальным человеком, а не выдуманным героем. Возможно, тогда я смогу ему доверять. — Я заняла место Карины, хотела спасти её, но отчего? Вышло так, что ваша стая лишь казалась мне угрозой. На самом деле, если человек умеет контролировать себя, он способен выжить даже среди вас.

— Она бы не выжила, — констатирует факт Шрам. — Твоя сестра не способна рассудительно действовать. На первом испытании она показала себя превосходно. Мы предложили ей прыгнуть в канализационную трубу. Пойми меня правильно: инициация проходит не для того, чтобы поубивать новичков, а для того, чтобы отобрать сильнейших, приспособленных. Так вот, она прыгнула первой, даже не подозревая о том, что внутри. Конечно, там стояли мои люди, и они растягивали сеть для каждого, кто соизволит сигануть в пропасть. Испытание пройдено, она в лидерах, но мы думали, что ею управляет храбрость, а не безрассудство. На втором этапе, она сломала ногу. — Я неожиданно вспоминаю, как Карина пришла в гипсе. Сказала, что упала на катке. — На третьем, незамедлительно прыгнула в куб, хотя могла бы этого не делать. Испытание проходили те, кто наблюдал за ней, а не она, плавающая на поверхности.

— Затем она опять возвращается, — продолжает Кира. — Тебя избили, она чуть не утонула, но едва наступает рассвет, и Карина вновь в наших рядах. Это не нормально. Фанатики не могут быть частью стаи, потому что, когда страдает кто-то, страдают все.

— Почему же вы её не выгнали?

— Потому что процесс изгнания сложен. Обычно мы прибегаем к нему только в крайних случаях.

— Чем же он сложен?

— Тем, что покидают стаю только два типа людей, — холодно отрезает Шрам и смотрит на меня так пристально, что я чувствую себя неловко. — Трусы и предатели.

Стас отводит взгляд, но я всё ещё ощущаю покалывание на коже. Его слова кажутся мне тяжелыми, громкими, хотя они абсолютно не выделяются из контекста.

— И всё же, — я прихожу в себя. — Всё же я поговорю с ней. Вдруг она захочешь сходить с нами?

— Сходить с нами куда? — удивляется Кира, но не дожидается моего ответа и качает головой. — Лия, не надо. Пусть Карина останется за бортом.

— Она моя сестра.

— И именно поэтому не впутывай её.

— Я не понимаю. Сначала вы говорите о том, что в стае всё хорошо, потом о том, что в стае всё плохо. Может, скажете, почему вы так напуганы, и что на самом деле происходит? — Я складываю на груди руки. — За четыре месяца гибнет шестнадцать подростков. Мою аварию подстраивают. Простые совпадения? Если бы. Максим рассказывал мне о какой-то банде отморозков на другом конце города...

— Вы разговаривали с ним об этом? — удивляется Шрам. — Когда?

— Примерно неделю назад. Какая разница? Главное, что те подростки переходят черту, вы так не думаете? Может, стоит найти их?

— Найти их и что? Тут нельзя действовать сгоряча.

— Хочешь подождать, пока они сами придут? — Я неодобрительно качаю головой. — Лучшая защита — нападение.

— Ты посмотри на неё, — Стас искренне улыбается. — Кажется, кто-то, наконец, нашел себя.

— Что ты имеешь в виду?

— Да то, что ты прирожденный лидер. Не будешь оставаться в стороне, рвешься вперед, строишь планы, никого не слушаешь.

— Я не лидер, — мне льстят его слова, хотя в глубине души, я понимаю, что чувствовать удовольствие от них абсолютно не правильно. — И не хочу им быть.

— Слишком много ответственности?

— Слишком много власти.

— Слишком много сахара я себе добавила, — вставляет Кира и устало выдыхает. — Вы безнадежны.

— Почему же? — Шрам улыбается и поворачивается к блондинке. — Мы закончили, и готовы приступить ко второй фазе нашего плана.

— Вторая фаза? — я растерянно смотрю на Киру. — Что это ещё за вторая фаза?

— Это: Лия одевается так же быстро, как я мою посуду, а потом мы садимся в машину и едем ко мне.

— Но мне нечего надеть. Я никогда не ходила на подобные мероприятия, и понятия не имею, что для этого нужно. — Ровно минуту Шрам и Кира смотрят на меня так, словно я слабоумная. Мне становится не по себе, и я взмахиваю руками в стороны. — Что? Не все живут так же, как вы!

— Так, ладно, — успокаивающе протягивает блондинка. — В таком случае, Шрам моет посуду, а мы идем в твою комнату.

— Я похож на посудомойку?

— Нет. Но ты всё равно сделаешь то, о чем я тебя прошу.

— Разве?

— Конечно. Ты мне должен, забыл? — Кира хитро сужает глаза. — Чертовое колесо, раскачивающаяся кабинка, твоя нога соскальзывает с перил... — Парень недовольно выдыхает и встает со стула. — Вот и молодец.

Мы идем ко мне в комнату, и я замечаю, как девушка улыбается краями губ. Наверно, она довольна собой. Предводитель стаи, сам Шрам, только что подчинился ей и начал мыть посуду на моей кухне. Невероятно!

Я закрываю дверь и внимательно слежу за блондинкой. Та открывая мой шкаф, начинает рыться в вещах, кидает то, что ей более-менее нравится на кровать и вновь продолжает поиски.

— Похоже, ты знаешь, что делать, — неуверенно отрезаю я, и сажусь на стул. Мы с Кирой, наконец, остались наедине, и мне хочется рассказать ей о своих догадках на счет прошлого. Но я чувствую себя неуклюже. Сцепляю перед собой руки, и сильно прикусываю губу. — Почему Стас тебе должен? Ты спасла ему жизнь?

— Было дело.

— И что же ты сделала?

— Не отпустила руку. — Не отрывая глаз от одежды, она кидает мне черную рубашку и неожиданно чихает.

— Будь здорова.

— Да, спасибо. Заедем ко мне, и я одолжу тебе свои шорты.

— Не стоит.

— Ещё как стоит, — протягивает Кира и шмыгает носом. — Иначе тебе придется идти с голыми ногами. Переоденешься в машине, потому что если ты поднимешься ко мне, мы никуда не уедем.

Я усмехаюсь, надеваю рубашку и отвожу взгляд в сторону. Смелости начать разговор о прошлом не хватает, и я не знаю, где мне её взять. С неловкостью борется время. Оно говорит мне о том, что ещё пять минут, и мы вновь окажемся в компании людей. Тогда я не смогу ничего сказать, и останусь без ответов. Но почему-то слова отказываются выходить из моего рта, и я глупо прожигаю спину девушки неуверенным взглядом.

— О, Лия! Выкладывай уже, — неожиданно отрезает блондинка и поворачивается ко мне. Я недоуменно выпрямляюсь и ошеломленно вскидываю брови. Мне вновь не по себе от того, что эта девушка видит меня насквозь. — Я поняла, что ты хочешь поговорить со мной, ещё на кухне, когда ты вдруг принялась расставлять чашки в порядке возрастания.

— Так и есть. — Я растеряно оглядываюсь. Меня одолевают разные эмоции: с одной стороны удивление, с другой — облегчение. Кира будто слышит мои мысли, и скрывать их от неё абсолютно бесполезное занятие. Поэтому явыдыхаю. — Мы ведь были подругами, так? Вот почему ты всё знаешь обо мне: знаешь, что мне сказать, как меня направить и чем мне помочь. Это не простые совпадения.

— Алилуя! — улыбается девушка и подходит ко мне. Она садится рядом и поправляет волосы. — Как же долго я ждала этого момента.

— Ждала?

— Конечно! — глаза Киры светятся, и мне кажется, что она выглядит по-настоящему счастливой. — Я всё думала, когда же ты почувствуешь связь между нами.

— Но почему ты ничего не сказала мне раньше?

— Зачем? Я не хотела тебя спугнуть. Ты сама должна была всё вспомнить.

— Но мы перестали с тобой общаться, — я чувствую укол раздражения. — Ты меня бросила.

— Не говори так, — резко отрезает Кира. — Я тебя никогда не бросала. Всегда присматривала за тобой, следила, чтобы ты не натворила глупостей.

— И, тем не менее, четыре месяца я даже не подозревала о том, что моя лучшая подруга ходит со мной рядом, что она учится в параллельном классе!

— Твои родители запретили мне приходить.

— Сейчас тебя это не волнует...

— Поосторожней с выводами, — поучительно протягивает блондинка и выдыхает. — Я сказала, что не приду к тебе, и я сдержала обещание, ведь ты пришла ко мне, а не наоборот.

— В смысле?

— Подумай, Лия. Наш с тобой первый диалог: когда он состоялся? — в глазах девушки стоит вопрос, и я неожиданно понимающе киваю. — Вот именно. Ты пришла в стаю, ты пришла ко мне. И, естественно, теперь я уже не могла держаться в стороне, не смотря на угрозы твоих родителей.

— Но почему они против? — я недовольно встаю со стула. — Почему они запрещают нам видеться?

— Вполне логичная реакция. Ты очень сильно пострадала, и теперь они хотят сберечь тебя.

— Но от чего?

— Я бы поставила вопрос по-другому, — протягивает Кира. — От кого.

Мне хочется узнать больше, но я не знаю, о чем именно спросить: мысли сталкиваются, сплетаются, смешиваются, и я не в состоянии выделить один главный вопрос.

— Мне должно быть страшно? — сарказм в моем голосе поддельный. На самом деле я начинаю нервничать. — Ты так говоришь, словно кто-то реально намерен избавиться от меня. — Подруга молчит, и тогда я испуганно отвожу взгляд в сторону, сильно прикусываю губу. — Ты серьезно? Вот это да. Кто-то хочет меня убить?

— Прошу тебя, — Кира встает с кровати и подходит ко мне. — Прошу тебя, только не паникуй.

— Не паниковать? Господи, кто-то подстроил аварию, чтобы свести со мной счеты, а ты предлагаешь не обращать на это внимания?

— У меня нет доказательств. Возможно, это лишь выдумки, и на самом деле вы с Лешей пострадали случайно.

— Ты хоть сама в это веришь? — Я кладу ладонь на лоб. — Наша дружба с двухсторонней связью. Так что я тоже прекрасно чувствую, когда ты лжешь.

— Лия, в данной ситуации нужно отбросить эмоции. Необходим холодный расчет, а рубить сгоряча, ты и так умеешь.

— Умею? — я нервно смеюсь. — Я об этом не знала!

— Послушай, я не собираюсь говорить тебе о том, что ты в безопасности. Но пока рядом с тобой я и Шрам — ты можешь быть спокойна.

— А когда я останусь одна? Ради бога, скажи мне, кто хочет от меня избавиться, и тогда я хотя бы перестану быть такой уязвимой. Эта беспомощность выводит из себя.

— В том-то и проблема! — Кира качает головой. — Я не знаю, кто.

Я усмехаюсь и недоуменно вскидываю брови.

— Как это не знаешь?

— Мы считаем, что смерти подстраивает та банда, о которой тебе рассказывал Максим, но кто её предводитель? Загадка для всех.

— Вот это да. — Я откидываю назад голову и улыбаюсь. — Ты ведь шутишь?

— Мне совсем не смешно, Лия. Не все шестнадцать убийств связаны с нашей стаей. Только девять из них. Но ты должна понимать, что эти люди были нашими друзьями, и, потеряв их, мы сожалели так же сильно, как если бы потеряли членов семьи.

— То есть самоубийства подростков — это не следствие инициаций?

— Конечно, нет!

Я удивленно отхожу назад, и обхватываю себя руками.

Итак, только что все мои догадки и выводы перевернулись с ног на голову. Я не могу поверить в то, что так сильно могла ошибаться.

— Шрам принимает смерть каждого члена нашей стаи на свой счет, — горько сообщает Кира и подходит к окну. — Это убивает его. Я чувствую.

— Но почему вы бездействуете? — почти шепотом спрашиваю я. — Почему ещё не обратились в полицию?

— В этом нет смысла. Нам всё равно не поверят. Подростки, которые играют с огнем, часто обжигаются. Поэтому в их смерти обвиняют лишь их самих, и не думают о том, что кто-то может быть к этому причастен.

— Тогда распустите стаю.

— Считаешь — это выход? — блондинка резко поворачивается ко мне лицом и пронзает таким недовольным взглядом, что мне становится неловко. — Для многих наша стая является семьей, поймешь ты это или нет? Уйти — значит, стать одиноким. Стать ненужным. — Кира поджимает губы и неуклюже поправляет кофту. — Я ведь потеряла тебя, и не знала, как мне справиться с этим. Будь я одна — мне бы осталось только наложить на себя руки. Но Шрам, Макс, ребята: все они не позволили мне этого сделать. Поэтому я сейчас стою перед тобой, и поэтому мы сейчас можем разговаривать.

— Но, что тогда нам делать?

— Закрывать эту тему и поскорей поехать в бар, — встряхнув головой, подруга улыбается и идет к выходу. Она пытается вести себя непринужденно, но я вижу, как напряжены её плечи и как дрожат губы. — Будем решать проблемы по мере их поступления.

— Как скажешь, — в моих словах так же присутствует фальшь. Я понимаю, что проблема уже поступила, но не могу найти сил на её решение. — Только оставлю записку Карине.

— Зачем?

— Вдруг она всё-таки решит заговорить со мной.

— Лия, в этом нет смысла.

— Есть, — я пишу на бумажке адрес и аккуратно вывожу: мне тебя не хватает. — Она моя сестра.

— И что?

— Она — моя стая.

Кира выходит из комнаты, и я следую за ней. Шрам ждет нас в коридоре, недовольно

смиряет меня взглядом.

— Уже? Чего вы так рано?

— Не нуди. — Блондинка надевает на плечи кожаную куртку, а я в это время подкидываю записку под дверь Карины. — У нас были дела.

— Я так и понял.

— Лия? — я выключаю свет в зале и смотрю на Киру. — Забери, пожалуйста, мой телефон. Я на кухне его забыла.

Киваю и, накидывая на ходу пальто, направляюсь на кухню. Здесь идеальная чистота. Чашки стоят на полотенце, фрукты разложены в миске, а булки спрятаны на полке под хлебом. Такое чувство, что Стас знал, где всё должно находиться. Пожимаю плечами, беру сотовый блондинки и возвращаюсь в коридор.

— Да, ты просто отчаянная домохозяйка, — я улыбаюсь и смотрю на Шрама. — В моей кухне в последний раз было так чисто, когда я готовилась ко дню рождения мамы.

— Я задумался, — саркастически протягивает парень. — Не сомневайся: мытье твоей посуды не доставило мне колоссального удовольствия.

Смеюсь вместе с Кирой, беру пальто Макса, и мы, наконец, выходим из квартиры.

Когда мы садимся в машину, на улице уже темно. Я отказываюсь ехать спереди, потому что ещё чувствую себя не комфортно в автомобиле, и поэтому усаживаюсь сзади. Меня посещает странная мысль: откуда у Стаса и Максима столько денег? Не каждая семья может позволить себе две машины, но я быстро отбрасываю эти вопросы. Их семейное благосостояние — не моё дело.

Вскоре я узнаю, что Кира живет в десяти минутах езды от моего дома. Это цепляетещё больше: она всегда была так близко, но я этого попросту не замечала. Выдыхаю и смотрю в окно. Хочу запомнить дорогу.

— Ты как? — Шрам поворачивает ко мне голову. — Хорошо себя чувствуешь?

— Да, всё отлично. — Мы ждем Киру уже пять минут, и я нервно мну ладони. Из головы не выходит разговор с подругой. Мне кажется, что я близка к разгадке, и в то же время, я ощущаю непреодолимую пропасть между вопросами и ответами. — Можно спросить тебя?

— Конечно. Спрашивай.

Итак, финальный аккорд.

— Я же была в твоей стае, так ведь?

— Ну, вообще-то, — встретившись со мной взглядом, Стас запинается и выдыхает. — Да, Лия. Была.

Моё сердце падает. Я слышу его бешеный стук и медленно закрываю глаза. Мои опасения подтвердились, и больше нет смысла отрицать очевидное. Пазлы становятся на свои места, картинка восстанавливается.

Итак, я была членом стаи, я участвовала во всех противоправных действиях, и я ответственна за свои поступки. Теперь ясно, почему Карина боялась меня, и известно, от чего родители так рьяно стараются скрыть моё прошлое.

— Пребывание в стае как-то связано с моей амнезией? — тихо интересуюсь я. — Падение со здания — это результат испытания, инициации?

— И да, и нет, — аккуратно отвечает Шрам. — На самом деле, ни я должен тебе об этом рассказывать.

— А кто?

— Лия, — парень серьёзно хмурится. — Пойми меня, я не имею права вмешиваться. Потерпи, и ты узнаешь правду. Я уверен, что этот человек сам скоро придет к тебе, и вам придется серьёзно поговорить.

— То есть ты не скажешь, кто он?

— Нет. Я не могу.

Я ценю людей, которые могут держать секреты, и поэтому не продолжаю расспрашивать Стаса. Конечно, в глубине души, мне хочется узнать ответ на вопрос, но почему-то сейчас, мне кажется, что я и так достаточно для себя открыла.

Я не знаю, когда приходит Кира. Положив голову на кресло, я внезапно теряюсь в пространстве и засыпаю. Признаться, это отличный выход из моего положения: думать стало больно.

Когда мы приезжаем, меня будит Стас. Он специально долго сигналил и протягивает моё имя. Я раздраженно открываю глаза и зло смотрю на парня.

— Жить надоело? — сонно хриплю я, на что Шрам лишь улыбается. Он отдает ключи Кире, и выходит из машины.

— Одевай, — блондинка протягивает мне шорты. — Ты спала так безмятежно. Наверно, очень устала.

— На самом деле, нет. От чего мне уставать?

— От работы мозга, — язвительно отрезает Кира и наблюдает за тем, как неуклюже я нацепляю шорты. Это очень трудно сделать, так как я до сих пор чувствую ноющую боль в плече и не могу сильно согнуться. Но, в конечном счете, мои джинсы становятся ненужными, и я облегченно выдыхаю.

— Слава Богу.

— Идем.

Кира выходит из машины, дожидается, пока вылезу я, и закрывает автомобиль. Мы проходим несколько шагов вперед, прежде чем я начинаю осознавать происходящее вокруг. Здесь нет толпы, нет людей, кажется, что набережная вымерла. Вокруг лишь темнота, фонари и звезды.

— Мы точно приехали по адресу? — неуверенно интересуюсь я и поправляю шорты. Давно ничто так не обтягивало мою задницу. — Здесь подозрительно тихо.

— Вечеринка проходит внутри, а не снаружи.

Я киваю, и следую за блондинкой. Кира надела короткое красное платье. Едва ли оно что-то прикрывает, но ей безумно идет. Кожаная куртка закрывает плечи, сапоги прикрывают щиколотку. Всё так гармонично и сбалансировано, что я невольно начинаю завидовать.

Когда мы входим в бар, меня одолевает странное чувство дежавю. Но теперь я знаю почему.

Свет взрывается передо мной фейерверком, толпа подростков появляется перед глазами, и я ощущаю тепло, которого мне не хватало на улице. Меня охватывает атмосфера свободы и безнаказанности. Уверена, некоторым из присутствующих ещё нет и восемнадцати. Но все без исключения держат в руках по кружке пива, или по рюмке виски. Я прохожу глубже и замечаю Шрама. Он уже стоит возле барной стойки и общается с двумя молодыми парнями. Те следят за его жестами так заворожено и влюбленно, что меня начинает пугать подобная верность. Из колонок рвутся наружу басы, музыка опьяняет и отрезвляет одновременно. Я уже чувствую, как начинаю двигаться в такт мелодии, произвольно, случайно, но мои шаги ступают точно на вторую долю, и я ничего не могу с собой поделать.

— Как здесь много людей, — громко протягиваю я, и смотрю на Киру. Она опять

улыбаются, и я думаю, что улыбка ей очень идет. — Неужели все эти люди — члены стаи?

— Так и есть. Кирилл, или Тошак, — она указывает на худого парня, с огромной татуировкой в виде льва на шее. — Он договорился со своим знакомым, и тот выделяет нам каждое третье воскресенье для подобных собраний.

— Это круто.

— Не то слово. Мы можем веселиться здесь до утра, и никто нам ничего не скажет! — Мы обе пытаемся перекричать музыку, но это довольно трудно сделать. — Я хочу чего-нибудь выпить. Ты как?

— Мне Джека.

— А вкус у тебя не изменился, — с сарказмом усмехается подруга и направляется к барной стойке.

Я провожаю её взглядом, улыбаюсь, и вдруг ловлю себя на том, что начинаю искать кого-то. Перебираю людей по очереди, слежу за их передвижениями, действиями, внимательно исследую столики напротив входа, рассматриваю стулья около бара. Но, к сожалению, никого не нахожу. Расстроено выдыхаю, и сильнее прижимаю к себе пальто Макса. Внутри появляется какая-то тяжесть. Я не признавалась, но видимо, для прихода сюда у меня была всего лишь одна причина. И она испарилась, едва прошло десять минут.

— Кого-то ищешь?

Я резко оборачиваюсь и не могу скрыть легкой улыбки. Все же банальные вещи случаются. Например, ты можешь искать человека, а он оказывается за твоей спиной. Удача или судьба?

— Давно ты здесь? — я смотрю в темно-синие глаза Максима. Он выглядит безупречно: в черных джинсах и белой футболке. Мне становится жарко.

— Уже час. Помогал настроить инструменты.

— Инструменты?

— Да, — он чешет голову. — Ребята надеются на живую музыку, но мне удалось подключить лишь одну электрическую гитару. Аппаратура старая: я решил не испытывать её на прочность.

— Я... — откашлявшись, тихо выдыхаю. — Я хотела вернуть кое-что. — Протягиваю парню пальто. — Спасибо. Я забыла тебе отдать его, а потом вообще как-то вылетело из головы.

— Точно. — Он забирает пальто у меня из рук. — У меня была мысль оставить его у тебя.

— Зачем?

— А вдруг тебе станет холодно?

Я глупо улыбаюсь, и ненавижу себя за это.

Что происходит? Мы встречались раза четыре. Из них, в первый раз, этот парень избил меня, во второй — спас мне жизнь, в третий — угостил чикенбургером, и в четвертый... я качаю головой. Четвертого раза даже не было!

Мне становится так душно, что я невольно расстёгиваю ворот рубашки.

— Кстати, чужачка, ты отлично выглядишь, — отрезает Макс.

— Спасибо. Я... — прикусив губу, указываю в сторону барной стойки. — Я пойду, выпью.

Парень хочет сказать что-то ещё, но я срываюсь с места. Подлетаю к Кире и буквально вырываю из её рук рюмку с виски. Мгновенно усушаю её и откидываю назад голову.

— Бог мой, — усмехается блондинка. — Да, ты алкоголичка!

— Возможно.

Жидкость обжигает горло, кипятком спускается вниз по пищеводу. В животе загорается пламя, легкие сдавливаются, и я крепко зажмуриваюсь.

— Всё в порядке?

— Всё отлично.

— Ты уверена? — Кира касается моего плеча, оборачивается и наверняка видит Макса, потому что говорит. — Ясно. Знойный парень лишил тебя ума и рассудка.

— Я не понимаю, что со мной. — Внезапно признаюсь я, и осознаю, что сболтнула лишнего.

— О чем ты?

Выдыхаю, придется договорить.

— Присутствие Макса действует на меня очень странно. — Я подзываю бармена и указываю на пустую рюмку. Тут же он наполняет мне её новой порцией Джека, и я вновь расправляюсь с ней за раз. — Мне не удается контролировать себя, когда он рядом. Я начинаю нести чушь, улыбаюсь, как идиотка, смеюсь над его тупыми шутками. Но, Кира, я ведь его абсолютно не знаю! Мы и виделись-то с ним пару раз.

— Успокойся. Он просто тебе нравится.

— Но почему? Почему он мне нравится?

Блондинка смеется и осушает свою рюмку.

— Ну, возможно, потому что он высокий, накаченный парень. Умный, богатый, красивый...

— Оу, прекрати.

— Но это же правда. — Кира толкает меня в бок и улыбается. — Не бойся его. Он не такой как остальные и никогда не причинит тебе вред.

— И когда же он стал не таким, как остальные? — я вновь пью виски, и уже не вижу, как бармен наливает мне новую порцию.

— Давно, Лия. Очень давно.

Я отрываю взгляд от стола, и украдкой смотрю на Максима. Он разговаривает с братом, улыбается и выглядит таким привлекательным, непринужденным, что у меня потеют ладони. Мне хочется встать и вновь подойти к нему. Хочется послушать его голос, и даже просто находится рядом.

— Нет, — я резко разворачиваюсь лицом к рюмке. — Я так не могу.

— Но почему?

— Потому что это не правильно.

Кира недовольно закатывает глаза.

— Не придумывай себе лишних проблем. Их и так очень много. — Блондинка серьезно смотрит на меня. — Если ты его хочешь, в этом нет ничего противозаконного.

— Кира!

— Что? Что тут такого? Тебе не пять лет, и он не в детском саду. Если вас тянет друг к другу, не сопротивляйтесь!

— Прислушиваться к животным инстинктам не в моих правилах.

— А кто тебя будет спрашивать? — блондинка осушает новую порцию ликера и довольно улыбается. — Ты все равно не сможешь долго сопротивляться. Вопрос только в том, когда и где ты сорвешься.

Я безнадежно выдыхаю, и ощущаю жар во всем теле. Мне хочется окунуться в холодную воду и не вылезать оттуда весь оставшийся вечер. Но вместо этого я вновь пью виски и вновь ощущаю огонь в легких.

Закрываю глаза, хочу успокоиться, остудить пыл, но алкоголь серьёзно берется за меня. Я понимаю абсолютно всё, что происходит, я в состоянии контролировать себя, стоять на ногах, связно говорить и мыслить, но я не делаю этого. Кажется, что сейчас именно тот момент, когда мне под силу исполнить любое своё желание.

Неожиданно меня пробуждает грохот. Я слабо поднимаю голову и осматриваюсь. Толпа пародирует ритм из песни Queen — *Wewillrockyou*, ударяя кулаками о стол, а затем сливаясь в громком хлопке. Меня должен испугать подобный обряд, но вместо этого, я искренне улыбаюсь, и смешиваюсь с подростками, чувствую себя частью механизма, стаи. Худой парень, кажется тот самый Кирилл, который договорился об аренде бара, выходит на сцену и начинает петь. У него неплохо выходит, местами, правда, его английский кажется мне примитивным, но я всё равно смеюсь, улыбаюсь, ударяю руками о барную стойку и кричу вместе со всеми короткий припев в две строчки. Атмосфера стоит опьяняющая. Если бы сейчас кто-то вывел меня в центр зала, я бы непременно начала танцевать или петь, хотя не умею делать ни первого, ни второго.

Внезапно Кира откидывает рюмку за спину. Та с грохотом разбивается о пол, но звук растворяется в крике толпы. Естественно, никого это не заботит. Только меня. Мои глаза округляются, и я хочу отчитать подругу за подобное легкомыслие, но не успеваю этого сделать. Блондинка решительно забирается на барную стойку.

— Кира! Стой! — мой крик не перебивает ор подростков, и я вижу лишь то, как она отдаляется от меня, размахивая руками в стороны. Блондинка откидывает ногами рюмки и стаканы, разбивает их, топчет. Я обеспокоенно слежу за реакцией бармена, но он лишь смеется, как и все остальные в баре. Когда стойка подходит к концу, один парень помогает Кире спуститься, а затем Кирилл поднимает её за руку на сцену. Подруга хватается электрогитару, подпекает толпе, кричит и вдруг начинает играть. Это тот самый момент в песне, когда с солом вступает Брайн Мей.

Я не замечаю, как растворяюсь в музыке. Кира играет так красиво и профессионально, что я чувствую восхищение. Гордость. Люди любят её, они дышат вместе с ней, одним кислородом. Они и, правда, её семья. Моё лицо расплывается в улыбке. Я так счастлива, что подруга нашла себя, нашла себя здесь, среди этих парней и девушек. И теперь мне кажется, что это не сборище отморозков, не сборище животных или аморальных людей. Я вдруг понимаю, что в стае собрались лишь те, кому некуда идти. Кира потеряла подругу, Максим потерял вкус к жизни, Стас потерял самого себя. Одинокие души. Все они нашли своё призвание здесь, в месте, где нет правил, нет ограничений, где ты способен быть самим собой и не носить повседневные маски, и это прекрасно. Прекрасно, когда ты можешь жить так, как хочешь, а не так, как должен.

Я оглядываюсь, и замечаю улыбку Шрама, слышу крик Максима. Братья стоят рядом со сценой и продолжают отбивать ритм, ударяя по громадной прямоугольной колонке. Мне приходит в голову странная идея, и я подчиняюсь ей. Встаю, решительно выдыхаю, иду к Максиму и Стасу, как вдруг резко останавливаюсь. Меня, словно отталкивает невидимой волной. Я недоуменно поднимаю голову, и осознаю, что вновь ощущаю в ней дикую пульсацию. Мне больно. Очень больно. Хватаюсь рукой за лоб, ищу глазами поддержку, и вдруг замечаю нечто иное.

Себя.

Моя копия танцует в центре зала. На ней короткое кожаное платье с глубоким вырезом на спине. В правой руке бутылка Джека, и она держит её крепко, властно. Наверно, боится уронить, хотя вряд ли думает об этом. Я бы не думала. Опять эти зеленые пряди, они отвратительны. Татуировка на запястье выглядит свежей. Яркой. Сейчас она поблекла, стала темно-серой, впиталась в кожу. Копия отпивает Джека, и медленно двигается в такт недостижимой для меня музыки. Я наклоняю голову в бок, оцениваю

себя же со стороны. Мне кажется, что я никогда не умела так танцевать, так одеваться, так подавать свой образ окружающим. Эта девушка, уверенная в себе, легкомысленная, безрассудная. Я вижу огонь в её глазах. И это единственное, что так сильно отличает нас друг от друга. У меня в глазах лишь зеленая радужка, а у неё целая жизнь.

Неожиданно копия останавливается и смотрит в мою сторону. Она улыбается, и протягивает:

— Иди же ко мне.

Я недоуменно оборачиваюсь и вижу за своей спиной, лишь танцующих подростков. Никто из них не обращает на меня ни малейшего внимания.

— Давай. — Вновь смотрю на копию. — Кто-то же должен отвлечь меня, иначе я расчешу руку до крови, эта татуировка жутко зудит. Поверь мне. — Девушка игриво сужает глаза и качает головой. — Ну как хочешь. Сам напророчился!

Затем она вдруг срывается с места и бежит на меня. Я поздно начинаю отходить назад. Наши траектории сталкиваются, врезаются, и копия вновь испаряется, оставив после себя лишь легкую дымку.

Шок. Я ошарашенно оглядываюсь, и осознаю, что опять видела галлюцинацию. Опять! Мне становится страшно, безумно страшно, и даже алкоголь сейчас не помогает. Я хватаюсь руками за голову и испуганно сжимаю глаза. Не хочу верить в происходящее. Это не реально! Это вымысел! Нормальный человек не должен видеть таких вещей. Ни в повседневной жизни, ни после аварии. Вообще никогда! Из истерики меня выводит запах ржавчины. Я резко убираю с головы руки, опускаю их ниже по лицу и ощущаю пальцами горячие линии крови под носом.

— Черт, — судорожно придавливаю ладонью рот, и срываюсь с места.

Несусь в туалет.

Здесь две кабинки, они пусты, и я безмерно этому рада. Включаю кран с водой и промываю лицо. Руки трясутся, они отказываются меня слушать. В конечном счете, я сдаюсь и, отступив назад, припадаю спиной к одной из кабинок. Свободной рукой набираю побольше салфеток из рулона, прикладываю к их носу и опускаю голову. Не знаю, что делать, и не могу заставить себя думать. В голове то и дело взрываются мысли. Я чувствую, как они пульсируют, как вены выступают на лбу, и как горят щеки. В тайне радуюсь, что рубашка черная. Если капли и попали на неё — их не видно.

Кровь не останавливается. Я выбрасываю мокрые салфетки и набираю новые. Беспokoюсь ещё больше. Сильное кровотечение может привести к обмороку. Я даже не замечу: выйду в зал и упаду у всех на виду. Такой вариант мне не нравится. Но едва я это понимаю, как дверь открывается. Я не успеваю её придержать, и в туалет входит Кира. Улыбка исчезает, когда девушка замечает кровь на моем лице.

— Боже мой! — она стремительно приближается ко мне, но я отворачиваюсь. Не хочу, чтобы она видела меня в таком состоянии. — Что с тобой?

— Уйди, пожалуйста. — Прошу я, хотя понимаю, что блондинка теперь не оставит меня одну.

— Лия, у тебя кровь!

— Неужели?

— Откуда? Ты ударилась?

— Нет. — Я выбрасываю салфетки и вновь набираю новые. — У меня заболела голова и вдруг... — пожимаю плечами. — И вот, что вышло.

— Тебе нужно в больницу, — заключает Кира, но я лишь нервно усмехаюсь.

— Издеваешься? — Закрываю и открываю глаза. Чувствую легкую слабость, но не подаю вида. — Я только сбежала оттуда. Хочешь меня заново посадить в палату? Ну, уж нет.

— Это не шутки.

— Умоляю тебя! Это всего лишь кровь из носа! Давай ещё проведем реанимацию.

— Не смешно.

— Да, брось. Я в порядке. — Отнимаю салфетки от носа и искренне надеюсь, что кровотечение остановилось. Впервые мои мольбы услышаны. — Вот видишь? Я вновь готова идти и веселиться.

— Ты уверена? Голова не кружится?

— Всё отлично. — Я промываю лицо и пытаюсь говорить непринужденно. На самом деле, мне страшно, не меньше Киры. — Ты божественно играешь на гитаре.

— Спасибо, — блондинка улыбается и ставит бутылку с WhiteHorse на пол. — Я училась в музыкальной школе.

— Правда?

— Да. — Она заходит в кабинку, а я тщательно промываю руки. Не хочу, чтобы кровь осталась на них, как осталась в прошлый раз. — Мама отправила, хотя папа был категорически против. Его раздражала гитара, её звук, струны и даже сам вид чехла, он вечно ныл и жаловался. Но я была примерной девочкой: мама сказала — пришлось повиноваться. Правда, я искренне ненавидела все эти занятия: хор, муз литература, а сольфеджио вообще сводило меня с ума. Я на стенку лезла от доминант, субдоминант и тоник. Хотела бросить. Но затем кое-что случилось. Папа подал на развод. — Я слышу, как Кира открывает дверь, и смотрю на неё в отражении. — Доучилась назло ему, и до сих пор играю, надеясь, что он мысленно это слышит и ему так же плохо, как было плохо маме, после его отъезда.

Я неловко киваю. Мне жаль, что в семье Киры случилось подобное, и поэтому мне становится грустно.

— Забудь, — блондинка моет руки и поднимает бутылку с пола. — У всех есть свои скелеты в шкафу, просто я не делаю для тебя их тайной.

— А я делаю?

— Ты мне многое рассказала в своё время, — хитро протягивает Кира. — Но я никогда не заставляла тебя. Тебе хотелось поделиться — я была рядом.

Я киваю, и мы выходим из туалета.

— А как на счет Стаса? — Я игриво улыбаюсь. — С ним у вас тоже есть общие секреты?

— О, ради Бога, — категорично чеканит девушка и пьет из бутылки. — Я что похожа на влюбленную идиотку?

Я смеюсь и отнимаю WhiteHorse. Делаю глоток и корчусь. Ничего отвратительно никогда не пробовала. Откашливаюсь, жмурюсь. Едва сдерживаю тошноту.

— А как... — запинаясь и смотрю на подругу. — Как выглядят влюбленные идиотки?

Недолго думая, Кира восклицает:

— Как ты!

Дальше происходит нечто невообразимое.

Белая лошадь действует на нас так сильно, что мы с Кирой отрываемся от реальности. Плаваем по бару, летаем над полом и парим с музыкой. Вскоре к нашей компании присоединяются Стас, Максим и Кирилл. Все мы смеемся, пьем по очереди из одной бутылки и делаем то, что никогда бы не сделали. Шрам и Макс спорят, у кого на счету больше безумных испытаний. В итоге, мы придумываем игру: чей поступок переплюнет по степени рациональности другой поступок, тот и победил. Название предложил Кирилл. Никто его не понял, но все согласились. Стас говорит, что сможет выпить целую

бутылку Белой Лошади за три минуты. Что ж, секундомеры наготове. Глаза предводителя красные, мутные и блестящие. Все мы не понимаем, что происходит, но тот не осознает этого, даже когда припадает губами к горлу бутылки. Мы кричим, отсчитываем минуты, и я ору как дикая, когда остается пятнадцать секунд. Но Шрам уже готов. Он выпивает виски, разбивает пустую Белую Лошадь об пол и победоносно рычит.

Затем очередь Макса. Я наблюдаю за ним, не свожу глаз с его липкой от пота шеи, с его загорелой кожи, с его губ и накаченных рук, просто не могу оторваться. Иногда мне хочется стать к нему предельно близко, он это видит, и тоже ощущает электричество в воздухе, но нас всегда отвлекают. Как и сейчас. Когда мы направляемся к выходу из бара, я оказываюсь к нему так близко, что наши локти соприкасаются. На секунду мне кажется, что Максим хочет взять меня за руку, но тут, словно из-под земли вырастает Кира. Она хватает меня за талию и уводит вперед. Хочется ударить её, но я лишь смеюсь. Не могу больше ничего сделать.

Мы оказываемся на улице. Я не понимаю зачем. Но тут вдруг вижу, как Максим снимает с себя футболку, джинсы и идет к реке. У меня сердце замирает. Я вырываюсь из рук блондинки и бегу следом за ним.

— Ты что? — ору я. — Не надо! Вода ледяная! На дворе... — я запинаюсь, морщусь, думаю и неуверенно выпаливаю. — На дворе ноябрь!

— Не волнуйся. — Его глаза горят, и в этот момент я искренне надеюсь, что их пожар согреет его, когда он погрузится в воду. — Я ведь не просто так бесстрашный, чужачка. Я справляюсь.

Отпускаю его, хотя не хочу. Спина Макса даже в темноте выглядит накаченной и твердой. Сейчас бы прижаться к ней, и остановить время.

Меня отвлекает Кирилл. Он подходит и спрашивает:

— А разве вода не холодная?

Боже, какой идиотский вопрос! Я одаряю парня высокомерный взглядом и вновь смотрю на берег. У меня всё ещё есть желание кинуться вслед за Максимом, но я не двигаюсь. Уже поздно. Наблюдаю за тем, как разгоняясь, он прыгает в реку, на секунду задерживается под водой, а затем выныривает с безумным криком. Я начинаю дышать вместе с ним.

Возвращаемся в бар. Садимся за тот же столик, только теперь Макс между мной и Стасом. Он мокрый, он дрожит, но он улыбается. Кто-то нашел старое одеяло. Он завернулся в него и выглядит смешным. Мне это даже нравится.

— Итак, твоя очередь, — Шрам указывает на Киру.

— Неужели?

— Так и есть.

Честно сказать, я сбилась со счета, и уже абсолютно не понимаю, кто и что делает. Видимо, и, правда, очередь Киры. Блондинка пьяно покачивается, думает. Затем она довольно выпрямляется, встает из-за стола, хочет что-то сказать, но вдруг сгибается.

— Я сейчас, — бросает она, прикрывает рукой рот и несется в туалет.

Парни взрываются хохотом, а я иду за ней. Бегу. Врываюсь и вижу, как она сидит на полу, придерживает волосы.

— Оу, Кира.

— Ничего, — протягивает она болезненным голосом. — Иди. Я скоро вернусь к вам.

— Но...

— Иди, говорю, — её глаза смиряют меня недовольным взглядом. — Это тебе не носовое

кровотечение. Прошу, уходи.

Она резко закрывает дверь кабинки, и я слышу, как ей вновь становится плохо. Выдыхаю, и возвращаюсь в зал.

Максим смотрит на меня, когда я присаживаюсь. Он не задает вопрос вслух, но я вижу его интерес, и одобрительно киваю. Кажется, мы поняли друг друга. Оглядываю ребят. На лице Шрама до сих пор играет улыбка, и я раздраженно выпаливаю:

— Сейчас выпьешь ещё одну бутылку виски, если будешь смеяться над ней, понял?

— Да, я просто...

— Ничего не знаю, — перебив, отрезаю я. — Не играй со мной, Стас. Иначе я отправлю тебя в соседнюю с ней кабинку.

Кирилл и Макс удивленно вопят, а Шрам улыбается. Правда, на этот раз я уверена, что его улыбка больше от смущения, чем от радости.

Игра продолжается.

Кирилл уверяет, что сможет простоять вниз головой десять минут и при этом выпить целую бутылку Джека. Серьёзное заявление!

Мы окружаем парня, когда тот переворачивается и становится на руки. Макс приносит бутылку Дениэлса, бросает в неё трубочку и ставит рядом с головой Кирилла.

— Начинай, — командует он, и я умираю от смеха, когда вижу красное, потное и липкое лицо парня. Господи, чем мы занимаемся? Но мне так хорошо, смешно и легко, что я не обращаю внимания на безрассудность данной ситуации. Кирилл пьет не так быстро, как Стас, но вскоре и его бутылка становится пустой. Вместо того чтобы нормально встать на ноги, парень неуклюже падает и что-то бормочет себе под нос. Шрам поднимает его, и усаживает на стул.

— Ты как, Тошак? — интересуется он. — Может, ещё разок?

— Нет, — пьяно протягивает Кирилл. — Только если вы мне заплатите.

— Ну, да, конечно. Я видел, как несколько капель Джека упали на пол, так что денег ты не получишь.

Мы вновь смеемся, и тут я неожиданно понимаю, что настала моя очередь. Смех пропадает где-то внутри, и я отхожу назад. В голову ничего не приходит. Я не смогу выпить бутылку виски за три минуты, не смогу прыгнуть вледеюную реку, не смогу встать на руки. Что же мне сделать?

— Кажется, твой черед, Лия, — заплетающимся языком сообщает Шрам. — Что же ты нам покажешь?

В животе завязывается узел, и я вдруг понимаю, почему Кире стало плохо.

— Только прошу тебя, — неожиданно медленно и несвязно восклицает Кирилл. — Прошу, отбрось эту чертову храбрость. Оставь её нам, мужчинам. — Он указывает на меня пальцем и громко произносит. — Ты — женщина!

— Я думаю, она в курсе, — предполагает Максим, но парень продолжает.

— И ты должна быть сексуальной.

— О да, — смеется Стас. — Не выдумывай. От неё мы этого никогда не дождемся. Бревно и то двигается соблазнительней. А эта малышка даже не знала, что надеть в бар.

Его слова ударяют по мне, словно пощечины. Я разъяренно сжимаю руки в кулаки.

— Что ты сказал?

— А разве не так?

Шрам улыбается. Я понимаю, что он пьяный, что я пьяная, что все мы пьяные, но парень не на ту напал.

— Смотри и наслаждайся, — ядовито бросаю я, и хватаю со стола бутылку виски. К счастью, она не полная, и мне не составляет труда допить содержимое до конца. Тут же в голове что-то стреляет. Меня шатает, но я решительно иду к центру зала. Бросаю по пути бутылку, она падает и катится в противоположную от меня сторону. Музыка становится громче, она давит на меня, на мои плечи, на моё тело. Такое чувство, что органы стремятся вверх, потому что мне хочется оторваться от пола и полететь, хочется парить в невесомости. И моё желание исполняется. Закрываю глаза. Вспоминаю, как двигалась копия и повторяю её движения, качая бедрами и перебирая волосы. Мелодия становится томной, и это пробуждает во мне странные чувства. Пожар в груди разгорается до такой степени, что кожа достигает огромной температуры. На шее выступает пот, мне безумно жарко, и я расстёгиваю все пуговицы на рубашке. Теперь чуть-чуть легче. Скольжу руками по своему телу, чувствую ветер в волосах и поворачиваюсь вокруг себя. Я не вижу людей, но знаю, что сейчас Стас смотрит на меня, знаю, что он ощущает желание, что он хочет подойти ко мне и притронуться к моей разгоряченной коже. Но он не сделает этого, потому что я не позволю. И это наверняка возбуждает его ещё сильнее.

Неожиданно чувствую чье-то горячее дыхание. Максим. Только он может быть рядом со мной. Его тело прижимается ко мне, я ощущаю запах мяты и убеждаюсь в правоте своих мыслей. Не сопротивляюсь. Его торс холодный. Тело ещё не согрелось после реки. И это соприкосновение огня со льдом вызывает во мне такие эмоции, что я откидываю назад голову, и блаженно выдыхаю. Парень скользит пальцами по моим рукам, опускается ниже, притрагивается к бедрам, и вдруг нежно касается губами моего плеча. Я испускаю стон. Кладу свои руки поверх его, и наши пальцы сплетаются. Прекрасное ощущение мужской силы, мужской власти над женщинами. У меня голова кружится, и вовсе не от виски. Я готова упасть в объятия Макса и остаться в них навечно. Навсегда. Затем парень осыпает поцелуями мою ключицу, шею, подбородок. Я не могу остановить его, и не хочу этого делать. Мне приятно, мне очень хорошо. Мне нет смысла сопротивляться. И когда уже нет пути назад, и ткань начинает мешать, закрывая тело, я слышу грохот.

Мы нехотя отстраняемся друг от друга и резко поворачиваем головы в сторону выхода. Не понимаю, что происходит. Пытаюсь сосредоточиться, но перед глазами плавают черные точки. Когда картинка становится четкой, проходит несколько секунд.

Хаос. Подростки носятся по бару, хватают со столов вещи, и бегут к выходу. Я хочу спросить у Максима, что происходит, но он опережает меня:

— Нужно уходить. — Берет за руку и тянет за собой. Я послушно плетусь рядом, шатаюсь из стороны в сторону, но отважно держусь на ногах.

Неожиданно рядом возникает Стас. Он берет со стола куртку и недовольно отрезает:

— Полиция. Кто-то нас сдал.

— Два года не сдавал, а сейчас у него вдруг проснулась совесть?

— Не важно. Нужно поскорей убираться отсюда. Я поведу.

— Нет, лучше я. — Максим серьёзно смотрит на Шрама. — После реки я немного освежился, и практически пришел в норму. Ты же несколько минут назад выпил целую бутылку Белой Лошади. Рисковать не стоит.

Братья обмениваются кивками, Стас отдает Максиму ключи, и в этот момент я внезапно примерзаю к полу. Сердце останавливается, меня пронзает легкая судорога.

— Лия?

— Подождите, — тихо шепчу я и встревоженно смотрю в глаза Максима. — Кира!

Вырываю руку и бегу от парня в противоположную сторону. Он кричит что-то, пытается вернуть меня, но я не останавливаюсь. Врываюсь в дамскую комнату и вижу блондинку. Она лежит на кафеле с закрытыми глазами. Замечаю в её ладони две синие таблетки, и

искренне надеюсь, что они от головной боли.

— О, боже мой, — опускаюсь рядом с ней на колени. — Кира! очнись!

Подруга не реагирует. Включаю кран с холодной водой и начинаю обрызгивать её лицо.

Неожиданно в туалет входят братья. Макс садится около меня, а Стас держит дверь.

— Что с ней? — взволнованно спрашивает Шрам. — Она без сознания?

— Не знаю, — мои руки трясутся. — Когда я вошла, она уже была в таком состоянии.

— Всё в порядке, — ощупывая шею, отрезает Максим. — Она просто слишком много выпила.

— А что за таблетки?

— Наверно, её тошнило.

Парень нервно выкидывает синие капсулы в туалет.

— Какая разница, — Стас выглядывает за дверь и выдыхает. — Нужно уходить отсюда, скорей!

— Чего вы боитесь? — удивительно, но страх вытесняет алкоголь. Я практически осознаю всё, что происходит. — Полиция не имеет права арестовывать всех подряд. Мы ничего не сделали.

— Бар полон подростков, которым ещё жить и жить до совершеннолетия. Ты в их числе, между прочим, — объясняет Шрам и горько улыбается. — Но, на самом деле, у нас проблемы будут в любом случае.

— Почему?

— Потому что мы банда отморозков, забыла? Стереотипы не ломаются. То, что ты изменила свое мнение, не значит, что нас благословят полицейские.

— Идемте, — Максим берет Киру на руки и встает. — Потом поговорим.

Я киваю, и мы выбегаем из туалета.

В баре практически никого не осталось. Стас помогает встать паре парней, подталкивает какую-то брюнетку к выходу. Будит бармена, вытаскивает его за шиворот из-под стола и грубо бросает к двери. Осматривается, пробегает по залу и только когда понимает, что все сбежали, выходит сам.

Я ничего ему не говорю, молчу, но внутри чувствую благодарность. Возможно, он не такой плохой, как кажется. Возможно, и в нем есть что-то человеческое.

До машины остается несколько метров, когда я слышу гул сирены. Стас начинает ругаться, Максим не сбавляет скорости, но всё тщетно. На набережной пусто, все члены стаи успели убежать. Лишь мы остались на этой улице. Лишь я, Стас, Максим и Кира, попались в лапы ментов. Из-за поворота вылетают два полицейских автомобиля, нас освещают их фары. Шрам нервно улыбается, пинает ногой пустую бутылку Джека, а я испуганно сглатываю. Из салона выходят двое мужчин и говорят нам поднять над головой руки. Мы не сопротивляемся.

Глава 7. Семейное дело

Только через несколько часов я начинаю трезво мыслить. Картинка стоит перед глазами, разум чист и свеж. Но от осознания произошедшего мне становится лишь хуже. Я не знаю, что делать, как выпутываться из данной ситуации, я понятия не имею, что скажу маме, и как мы с ней будем после этого общаться. Мне страшно.

Хотя в то же время, я чувствую злость. Да, именно её. Несправедливость выедаёт внутренние органы. Я готова орать во все горло о том, что впервые пошла в этот чертов бар, и попала туда именно в тот день, когда стаю сдали, и нагрязнула полиция.

Откидываю голову назад и чувствую холод бетонной стены.

В камере тихо. Стас улыбается, смотрит перед собой, молчит, и меня это пугает. Его ухмылка наверняка что-то значит. Понятия не имею, что. Вряд ли эта ситуация смешная. Тогда, возможно он просто нервничает?

Перевожу взгляд на Максима. Он сидит в противоположном от меня углу, что сбивает с толку. Я сейчас как никогда нуждаюсь в поддержке, но этот парень даже не смотрит на меня: думает, иногда закрывает глаза, и мне кажется, что спит.

До сих пор не понимаю, как так вышло, что мы танцевали вместе, что он осыпал поцелуями мою шею. Но вряд ли я об этом жалею. Возможно, алкоголь просто дал мне уверенности в себе, позволил случиться тому, чего я хотела. Разве это плохо? Разве за желания должно быть стыдно?

К камере подходит высокий, худой мужчина. Он уставший, недовольный, хочет спать, но вместо этого он обязан быть здесь. Я его понимаю. Несправедливость.

Мужчина открывает решетку и невнятно произносит:

— Следуйте за мной.

Улыбка на лице Шрама становится ещё больше. Может, он сошел с ума?

Я аккуратно встаю и иду последней. Меня пугает настроение Стаса, и раздражает поведение Максима, поэтому я хочу быть отдельно от них, хочу быть отстраненной и невидимой.

Единственный человек, который меня сейчас волнует, это Кира. Я не видела её с момента, как нас привезли в участок, вплоть до данной минуты. Меня терзают вопросы: вдруг ей плохо, вдруг она попала в больницу, вдруг ей нужна помощь. Но у меня нет ответов. Я пыталась найти их у сотрудников полиции, но никто не обратил на меня внимания. Видимо, разговаривать с провинившимися у них строго запрещено.

Из раздумий меня выводит вид пола. Всё время, что мы идем, я смотрю вниз, и сейчас вижу, вместо побитой плитки красивый, новый линолеум. Поднимаю голову, и понимаю, что попала в недавно отремонтированный коридор. Здесь красивые стены, ровный потолок, пахнет мебелью и клеем. Переступаю через порог, и случайно врезаюсь в спину Макса.

— Прости, — слова в воздух. Парень даже не оборачивается.

Сжимаю руки в кулаки, и еле сдерживаюсь от порыва врезать Максиму по голове. Его поведение кажется мне не столько странным, сколько низким.

Сопровождающий открывает массивную дубовую дверь и впускает нас в кабинет. Я не успею прочитать имя и фамилию на табличке. Послушно вхожу вслед за братьями, и мы выстраиваемся линейкой перед длинным высоким столом.

— Можешь идти, — отрезает широкоплечий мужчина, и худой служащий оставляет нас, мгновенно покинув комнату. Полицейский стоит к нам спиной, почему-то я пугаюсь его хриплого голоса. Нервно осматриваюсь: здесь несколько стеллажей с книгами и папками. В углу диван, фикус, телевизор. Похоже, на сон.

Мну перед собой руки. Ладони вспотели, мне жарко и страшно. Закрываю глаза,

пытаюсь ровно дышать, но то и дело сбиваюсь. Неожиданно для себя радуюсь, что Карина осталась дома. Вот и нечто хорошее в этой целой куче неприятностей.

— Если я скажу вам лишь только то, что вы мне надоели, я не объясню и десятую долю того, что я испытываю сейчас, — холодным, размеренным голосом сообщает мужчина. Я испуганно сглатываю, и оглядываю братьев. Они спокойны и расслаблены. Просто удивительно. — Уже не в первый раз мы обсуждаем с вами то, что дозволено, а что запрещено, но я сталкиваюсь с безумным непониманием, которое на данный момент начинает меня уже бесить!

Мужчина резко разворачивается, и я вижу его раздраженное лицо с темно-синими глазами. Вижу черные посидевшие волосы, длинный нос и острые скулы. Вижу широкие плечи, смуглую кожу, гордую осанку, и недоуменно замираю. Он кого-то мне напоминает, но кого?

— Пап, — внезапно протягивает Стас, и я ошеломленно раскрываю глаза. У меня внутри все органы переворачиваются от удивления и шока. — Уже около четырех утра. Зачем ты нас держишь?

— Затем, что вы перешли все границы! — недовольно восклицает мужчина и стучит рукой по столу. — Вы чего добиваетесь? Хотите сесть за решетку?

— Конечно, нет.

— Тогда какого черта вы делаете? Нам поступает звонок о том, что целая толпа подростков распивает алкоголь на набережной. Я хотел прикрыть данное заявление: сразу понял, чьих рук это дело, но через час какая-то девушка жалуется на то, что два парня возле бара пытаются её изнасиловать. На такие вещи я глаза закрывать не стану! Это уже не просто административный штраф, это уголовное преступление!

— Что? — наконец, отмирает Максим. — О чем ты? Какая девушка?

— Звонок был анонимным.

— Вот и человек, который нас подставил, — тихо протягивает Стас и смотрит сначала на брата, потом на меня. Он вновь улыбается и переводит взгляд на майора полиции. — Пап, здесь нашей вины нет.

— Вашей вины никогда ни в чем не было. Сколько раз вы стояли в этом кабинете, столько раз вы оправдывались передо мной, но я решил, больше не слушать эту чушь. Ваша банда, — он выплевывает это слово и его лицо искажает злость. — Ваша банда — это рассадник грязи. Вы — мерзкие животные, которые не чтут законы, мораль и правила.

— Что ты сказал? — слова задевают Шрама. Он резко выступает вперед и сжимает руки в кулаки. — Никогда не говори так о моих людях!

— Ты заигрался! — Мужчина обходит стол и начинает двигаться к Стасу. — Ты потерял разум и чувство ответственности. Раньше я прикрывал твоё пристрастие к алкоголю, сейчас я должен прикрывать твоё пристрастие к преступлениям?!

— Та девушка, — жестко чеканит Шрам. — Она нас подставила. Не было никакого изнасилования. Все члены стаи находились в баре!

— Откуда тебе знать? Ты следил за ними в перерывах между рюмками?

— Я всегда за ними слежу!

— Не бери на себя так много, — холодно отрезает мужчина и останавливается в нескольких сантиметрах перед Стасом. — Ты маленький щенок, который не способен справиться даже с собственной сессией в институте. Чего ты добился? Собрал стаю брошенных собак? Возьми же себя в руки! Хватит губить свою жизнь!

— Моя жизнь — не твоё дело.

— Я больше не буду тебя прикрывать, и клянусь, — в глазах мужчины огонь. Он

поднимает палец и указывает им на парня. — Клянусь, если тебя посадят за решетку, я не стану противиться.

— Папа...

— Заткнись, Максим! — взрывается он. — Ты был моей надеждой, но в итоге, стал таким же, как он.

Мне больно смотреть на данную ситуацию. Я прикусываю губу, и отворачиваюсь. Не могу видеть униженное лицо Стаса, не могу видеть, убитого словами отца, Макса.

— Ты многого не знаешь, — всё-таки протягивает парень, и смотрит на брата. Шрам стоит тихо, пытается совладать с эмоциями. Тогда он продолжает. — Нас подставили. Мы попали в трудную ситуацию.

— Так выпутывайтесь! — с абсурдом кричит мужчина. — Выпутывайтесь из неё так же ловко, как впутывались.

— Мы пытаемся. Но это не просто.

— Каким же образом вы пытаетесь? Напиваясь в баре?

— Хватит, — неожиданно рявкает Стас. — Хватит нас отчитывать. Нам не по пять лет!

— Я напомню тебе об этих словах, когда ты в очередной раз придешь ко мне просить денег.

Лицо Шрама становится непроницаемым. Он отворачивается, и я вижу, как сжимаются его руки. Хочется подойти к нему, успокоить, привести в чувство, дать несколько минут на отдых, но я стою. Я знаю, что мои действия сейчас никому не помогут, и поэтому не двигаюсь.

— Я отпущу вас, — тише сообщает мужчина и выдыхает. — Но это в последний раз. Ваши поступки стали приносить мне слишком много проблем. Например, — он пожимает плечами. — Например, та блондинка, которая была с вами. — Я мгновенно поднимаю голову и смотрю на отца братьев.

— Кира? — Стас едва слышно произносит её имя. Мы напряжены, мы испуганы и растеряны. — Что с ней?

— Она в нашем отделении, у медиков. У неё острое алкоголическое отравление. Максим, — Мужчина смотрит на сына. — Ты же начинающий доктор. Ты же должен был проверить её состояние.

— Я... я проверял...

— Пульс и дыхание — это не все. Она едва не задохнулась от рвотных остатков, пока вы ехали сюда.

— А можно её увидеть? — неожиданно спрашиваю я, и взгляд темно-синих глаз направляется ко мне. Сначала мужчина изучает моё лицо, потом наверняка начинает гадать, была ли я в кабинете с самого начала разговора, но затем он выдыхает.

— Можно. Она пришла в чувство несколько минут назад. Я поэтому и не вызывал вас раньше: хотел убедиться, что из участка вы уйдете в полном составе.

Я киваю, братья неподвижно стоят рядом.

Сегодня всё пошло не по плану. Стас недоволен, он зол, и я уже чувствую, как он выплеснет свой гнев на членов стаи. Но, тем не менее, я предвкушаю свободу. Пусть отец братьев и пытается выглядеть жестким, принципиальным злодеем, он, на самом деле, обычный человек, со своими слабостями и недостатками. С одной стороны семья, с другой — ответственность и совесть. Что выбрать? Естественно, он склоняет чашу весов в пользу сыновей, правда, на этот раз они втроем высыпали слишком много песка.

Я встряхиваю головой, возвращаясь к реальности.

Теперь Шрам не остановится, и проверит всех новичков таким образом, что наша «семья» превратится в стаю одичавших волков. И от этого мне не становится страшно. Я ловлю волну, на которой находится парень, и неожиданно осознаю, что полностью с ним согласна. Если враг внутри, мы должны его отыскать. Предателю не место среди нас. И я приложу все усилия, чтобы правда всплыла наружу.

Когда нас выпускают, мы молчим. Я до сих пор мну руки, Стас больше не улыбается, а Максим тяжело дышит. Мы идем по коридору, и видим вдалеке двух мужчин. Они придерживают Киру. Прибавляем скорость.

Блондинка находится под действием каких-то лекарств. Она не понимает, что происходит, и совершенно не отличает мое лицо, от лица Стаса, а его лицо от лица Максима. Мы выходим на улицу, находим пригнанную машину Шрама и занимаем места в салоне. Я сажусь назад, Кира тоже. Она кладет голову ко мне на колени и, когда за нами закрывается дверь, засыпает. Макс за рулем. Стас сидит рядом и пристально смотрит перед собой. Не думаю, что он отказался вести автомобиль из-за алкоголя. Тот давным-давно выветрился. Наверно, парень боится, что в порыве гнева не сможет себя проконтролировать. И я рада, что он осознает свою слабость и чувствительность.

Когда мы подъезжаем к дому Киры, Шрам молча выходит из машины и открывает заднюю дверь.

— Давай, — хрипло произносит он, и я приподнимаю блондинку. Та что-то мычит, пытается сопротивляться, но у неё нет сил даже на то, чтобы открыть глаза. — Я надеюсь, её мама дома. В противном случае я позвоню вам, и останусь с ней.

Максим кивает, и следит за тем, как брат несет на руках Киру к многоэтажке. Выдыхает.

Я прикусываю губу, и опускаю взгляд на свои руки. Мне бы волноваться о том, что я скажу дома, но нет. Я беспокоюсь совершенно по другому поводу.

— Я... — удивленно поднимаю голову. Не верю, что Макс прерывает тишину. — Я хотел сказать тебе кое-что.

— И что же? — меня раздрают противоречивые чувства. С одной стороны мне хочется быть жесткой, хочется сказать, что мне плевать на его слова и оправдания. Но так кричит лишь половина моего сердца. С другой стороны, я ощущаю трепет. Мне необходимы сейчас теплые, искренние слова, и я наотрез не могу прислушаться к бунтующей ноте.

— Я должен извиниться за свое поведение.

— Так и есть.

— Прости, мне не стоило вести себя таким образом, — парень на секунду ловит мой взгляд в зеркале, но затем я опускаю глаза. — Это было некрасиво по отношению к тебе.

— Ты прав. — Я выдыхаю. — Я не ожидала такого.

— Я тоже! — парень усмехается. — Кто мог подумать, что я накинусь на тебя? Этот чертов алкоголь вскружил мне голову, я не понял, как встал из-за стола, пошел к тебе и... — Я не слушаю, что он говорит дальше. Внутри что-то сжимается. Становится больно и неприятно. Отворачиваюсь. Не могу поверить в то, что сейчас Максим извиняется не за своё поведение после танца, а за сам танец! — ... так что прости. — Заканчивает он, и я приказываю себе дышать ровно. Не выходит. Говорить не получается. В горле стоит ком, и меня вдруг одолевает такое дикое желание выбежать из машины и дойти до дома пешком, что по телу проносится судорога! Но я не двигаюсь. — Чужачка, я...

— Ты прав, — неожиданно для самой себя отрезаю я, и холодно смотрю на Максима. Мной владеет гордость. Не думаю, что это полезное качество, но на данный момент, оно оказывается спасительным. — Мы совершили ошибку. Но не стоит принимать её близко к сердцу. Ты был пьян, я была пьяна...

— Да, я именно это и хотел сказать, — приглушенно протягивает парень.

— Так, что, — пожимаю плечами. — Хорошо, что мы разрешили данную проблему. Признаться, я хотела поговорить с тобой, ещё в участке, но ты, кажется, спал.

— Я думал.

— Думал? А. Ну ясно. Хорошо, — поджимаю губы. — Спасибо. И мне не нужны твои извинения. Ошибку совершил не только ты, так что просить прощения у меня не надо.

— Лия, я...

— Тебе хочется обсудить что-то ещё? Мне кажется, обсуждать больше нечего.

— Просто мне не нравится, что теперь наши отношения испорчены. Я же вижу по тебе, ты ведешь себя иначе.

— Какие отношения? — Я устало выдыхаю. — Макс, у нас с тобой нет отношений. И не переживай. Я буду вести себя так же, как вела себя раньше: как совершенно чужой для тебя человек.

Наверняка, парень заметил, что все мои слова граничат между: я — само спокойствие, и как же хочется разодрать тебя на клочья. Но мне плевать.

Есть одна прописная истина, и я, наконец, осознала её суть.

Нельзя никому доверять.

Все люди вокруг, все они — чужие. Нет близких, нет родных, нет важных. Есть просто те, кто рядом, и те — кто далеко. По сути, и у тех и у других, имеются огромные отличия. Но на самом деле, верить нельзя никому из них. И в этом главная их схожесть.

Родители — самые близкие люди. Они мне лгут уже целый год.

Сестра — родной человек. Она предаёт меня, и не видит в этом ничего противоестественного.

Леша — лучший друг. Человек, который рядом только тогда, когда ему выгодно.

Кира — подруга. Четыре месяца не объявляется, а потом говорит, что не могла нарушить обещание. Чушь.

Максим — храбрый парень, телохранитель. Сначала спасает жизнь, а потом говорит, что наши отношения — ошибка.

Итак, кому же из них можно доверять? Кто из них по-настоящему близкий и родной? А ведь я была уверена, что у меня есть семья, есть друг, есть люди, на которых я могу положиться.

Вот моя самая большая ошибка: не танец с Максом, а безоглядное доверие.

Я наивный ребенок, который считает, будто люди творят только добрые дела, а потом Господь Бог гладит их по головке.

Пора с этим заканчивать. Никто не живет ради кого-то. Все живут ради себя. Родителям выгодно скрывать от меня правду, они её скрывают, сестре выгодно выглядеть жертвой — она ею и притворяется, Леше выгодно торчать в машине, когда меня избивают — и он сидит там, Кире выгодно было не вмешиваться в мою жизнь — она и не вмешивалась.

И, конечно, Максим. Ему было выгодно расслабиться и повеселиться в баре. Он это сделал.

И только я осталась у разбитого корыта. Только я оказалась самоотверженной идиоткой, которая верит каждому прохожему и незнакомцу. Больше не буду такой. Не могу и не хочу.

— Что скажешь своей маме? — неуверенно спрашивает парень. Наверно, не может терпеть тишину.

— Какая разница, — апатично отрезаю я.

— Ей вряд ли придется по душе, твой поздний приход.

— Разберусь, как-нибудь.

И вновь молчание.

Максим задел меня. И я не собираюсь делать вид, словно ничего не произошло. Естественно, устраивать истерику не в моих правилах, но притворяться камнем без чувств — преступление по отношению к самой себе.

— Ясно.

Смотрю в окно, жду Стаса. Впервые мне искренне хочется увидеть этого парня. Во-первых, он разрядит воздух в машине, а, во-вторых, мы, наконец, двинемся к моему дому.

— Лия, прости.

— Боже мой! — с абсурдом восклицаю я. — Макс, ты, что никогда не танцевал с девушками? Никогда не расслаблялся в баре? А? Успокойся и прекрати извиняться.

— Но мне неудобно.

— Как же такое случилось?

— Что именно?

— Как что? — я подсаживаюсь ближе. Теперь мною владеет не гордость, а непонятное мне чувство уверенности и безнаказанности. — В тебе смешиваются просто поразительные и уму непостижимые вещи! Ты лихач — доктор, решительный мямля...

— Чужачка, — резко обрывает меня парень. — Не позволяй себе слишком многого.

— Значит, тебе можно, а мне нет?

Он зло смотрит на меня.

— Знай, что я жалею, что прикоснулся к тебе.

Максим произносит эти слова так холодно и ненавистно, что у меня внутри переворачивается желудок. Я колеблюсь несколько секунд: думаю, ударить мне его или просто выйти из машины. Но ответ приходит вместе решительностью. Улыбаюсь, придвигаюсь практически вплотную к парню и шепчу:

— Мне тоже жаль.

К BMW подходит Шрам, и я откидываюсь назад. Складываю перед собой руки и пребываю в странном состоянии. Мне не хочется плакать, не хочется смеяться. Я в недоумении и ступоре, хотя со стороны пытаюсь выглядеть легко и непринужденно.

Тяжело выдыхаю.

— Что такие задумчивые? — садясь, тихо спрашивает Стас.

— Ничего, — резко отрезает Максим и заводит машину. Мы грубо трогаемся, и едем так быстро, что меня бросает из стороны в сторону. На повороте, я ударяюсь головой о стекло, и зло прикусываю губы.

— Ты чего? — недоуменно спрашивает Шрам, оглядывается назад. Смотрит на меня. Может, ждет, что я отвечу? Зря. — Мне кажется, на сегодня хватит острых ощущений.

— Что с Кирой? — проигнорировав брата, тянет Макс. — Её мама была дома?

— Да.

— И как она отреагировала?

— Как обычно. — Стас выдыхает. — Наорала на меня, а потом поблагодарила за то, что я принес её дочь домой.

Я удивленно смотрю в окно.

Насколько разными бывают семьи. Я уверена, что моя мама не ограничилась бы простым: спасибо. И Шрам не ограничился бы простым: до свиданья.

— Её мать идиотка. — Неожиданно заявляет Макс. — Возможно, Кира перестала бы пить так сильно, если бы она хотя бы раз заставила её остаться дома.

— Так что с тобой? — в ответ Максим разгоняется ещё сильнее, и Стас недовольно выдыхает. — Ты что, оглох? Сбавь скорость!

— Командуй своей стаей, а не мной.

— С ума сошел?

— А в чем проблема? Боишься быстрой езды?

Не обратив внимания на ехидство брата, Шрам решительно хватает рукой руль и выворачивает его вправо. Машина кренится в бок, и я испуганно впиваюсь ногтями в сидение. Неожиданно страх напоминает о себе, сердце начинает дико стучать, и я уже не нахожусь в этом салоне. Нет. Я нахожусь вновь на переднем сидении, говорю с Лешей, вижу перед бампером препятствие и лечу навстречу лобовому стеклу.

— Отпусти!

— Сбавляй скорость идиот!

Их крики звучат на фоне. У меня перед глазами вертится картинка подлетающей сумки, картинка волос, вспыхнувших перед лицом. Закрываю глаза, пытаюсь ровно дышать.

— Макс, — тихо шепчу я. Мне страшно говорить. Почему страшно? Фобия? Нет. Только не у меня. — Максим!

Братья не смотрят в мою сторону. Машину носит из стороны в сторону, в один прекрасный момент, мои пальцы выпускают сидение, и я грубо врезаюсь в боковую дверь. Испускаю стон, и чувствую злость. Именно она помогает мне выйти из транса.

— Прекратите! — ору я, и резко подрываюсь вперед. — Прекратите сейчас же!

Я хватаю Стаса за плечи и оттаскиваю в сторону. Тот сопротивляется, и сбрасывает мои руки.

— Не лезь! — недовольно отрезает он.

— Да, какого черта? — мечусь. Не знаю, что делать. Паника, дикая паника. Смотрю на Макса, на руль, на дорогу. Судорожно дышу. Вновь пытаюсь кричать: меня не слышат. Оглядываюсь. В голову ничего не приходит. Ударить водителя — спровоцировать аварию. Но разве это ухудшит положение?

Наверняка, ухудшит. Вижу бешеные глаза Стаса. Слышу его ор. Прошу, умоляю остановиться. Тщетно. Мне трудно дышать. Страх сдавливает легкие, и я резко расстегиваю верхние пуговицы. Мне плохо. Очень плохо. Мне нужен воздух. Срочно нужен свежий воздух!

И тогда, не понимая, что делаю, я обхватываю одной рукой, крепко-крепко, сидение Шрама, а второй открываю дверь машины.

Воздух грубо врывается в салон. Холод обдаёт моё лицо, и я громко вдыхаю.

В ту же секунду BMW с визгом тормозит, и дверь по инерции захлопывается.

— Какого черта? — растерянно выкрикивает Максим. — Ты спятила?!

Я не отвечаю. Хватаю сумку, и вырываюсь из машины. Испуганно переставляю ноги, и

спотыкаюсь. Врезаюсь руками в столб, обнимаю его, облакачиваюсь об бетон головой.

Главное дышать, дышать, дышать...

— Что с тобой? — голос Максима близко. — Ты...

— Не подходи ко мне, — тихо отрезаю я. — Только посмей.

— Лия? — теперь меня спрашивает Стас. — Это всего лишь маленькая ссора.

— Маленькая ссора? Да, вы оба — конченные идиоты! — ору я, и отрываю голову от столба. Смотрю на братьев, не могу сдержать в себе злость. — Чокнутые! Ненормальные психи! Вам поиграть захотелось!?

— Перестань. — Макс улыбается. — Покричала и хватит. Поехали дальше.

— Кретин! Надоело жить, так скинься с крыши, но не обрекай других на гибель!

— Ну чего ты?

— Боже мой, — опускаю глаза на свои руки. Они трясутся. — Господи... я думала, мы погибнем. Я думала...

Мне до сих пор страшно. Прерываюсь, и прикусываю губу.

— Успокойся, — устало отрезает Шрам. — Дороги пустые! Сейчас уже утро.

— Я спокойна, Стас, — шепчу я. — Я абсолютно спокойна...

Тут мой взгляд встречается с взглядом Максима. Он недоуменно изучает меня. Прищуривается, намеревается что-то спросить, но замолкает. На его лице внезапно появляется новое выражение, и он тяжело выдыхает.

— Черт...

— Что? — Стас смотрит на брата. — Что с тобой?

— Чужачка, прости, — Макс приближается ко мне, но я отступаю назад. — Я совсем забыл об аварии.

— Ничего страшного. Я не удивлена.

— Правда. Мне очень жаль.

— А в каких ситуациях, ты не испытываешь сожаления? — холодно спрашиваю я, и смотрю на парня. — В каких ситуациях ты действуешь так, как нужно? Как правильно?

Он не отвечает, и тогда я усмехаюсь.

— Катитесь оба к черту.

Разворачиваюсь и ухожу.

Я чувствую, как Максим прожигает мне спину, и слышу, как Шрам спрашивает, о чем это я. Но мне плевать. Руки до сих пор трясутся. Я засовываю их в карманы шорт и придавливаю к ногам.

Удаляюсь от своей стаи дальше. Как можно дальше.

Глава 8. Ядовитый день

Просыпаюсь, и удивленно смотрю перед собой. До сих пор не могу поверить в то, что пришла домой раньше мамы и благополучно избежала скандала.

Смотрю на часы и поднимаюсь с кровати. Голова ноет, перед глазами прыгает шкаф, зеркало, стол. Жмурюсь и облакачиваюсь о стену. Перевожу дыхание.

Сегодня я не буду сидеть дома. Не собираюсь больше играть в бедную овечку. Надоело чувствовать себя слабой и такой же тонкой, как лед весной. Пойду в школу.

Тело наливается свинцом, когда я выхожу из комнаты и иду в ванну. Сейчас около семи утра: мой сон продлился чуть больше часа. Но это незаметно. Такое ощущение, будто я и вовсе не ложилась. Дома тихо, спокойно. Я даже соскучилась по подобной атмосфере.

В ванной смотрю на себя в зеркало. Под подбородком остался небольшой шрам, синяки впитались в кожу и больше не видны, красноватое пятно на лбу едва заметно. Мну щеки и удивляюсь, своему скорейшему выздоровлению. Возможно, и, правда, несмотря на обилие неудач и неприятностей, я счастливица. В каком-то смысле.

Протираю руками лицо и выдыхаю. Вчерашний алкоголь отразился на моей физиономии: выгляжу я, как заядлая алкоголичка с серыми кругами под глазами и характерным усталым видом. Больше никакого Джека. Больше никакой Белой Лошади.

Улыбаюсь. Вряд ли данное обещание проживет долго, но я хотя бы должна постараться его выполнить.

Моюсь, чищу зубы и иду на кухню. Делаю чай, пока он закипает — одеваюсь, и недоуменно усаживаюсь за стол. Оглядываюсь вокруг. Слишком все гладко и спокойно. Так не бывает.

Решаю сходить за Кариной. Она давно уже должна была выйти, чтобы поесть или умыться.

Открываю дверь в её комнату, и удивленно замираю: там пусто. Кровать не тронута, сумки нет. Ищу её телефон: тщетно.

Разворачиваюсь и стремительно иду обратно на кухню.

Как же мне надоело тревожиться! Надоело быть ответственной, старшей сестрой, ведь, по сути, Карина уже взрослая. Она сама в состоянии следить за собой, сама может контролировать свои действия и поступки. Но нет. Что-то в моей голове срабатывает, какой-то механизм, и я не могу сидеть на месте. Сразу начинаю волноваться, искать подвох. Осточертело это чувство ответственности, словно, если она пострадает, в этом будет лишь моя вина, и ничья больше.

Пью чай и встревоженно смотрю перед собой. Как бы мне хотелось проснуться и позабыть обо всем, что происходит. Как бы я хотела, чтобы мы с Кариной начали общаться так же, как прежде. Она моя сестра, в конце концов. Ссориться с ней нелогично, неправильно. Мы должны поддерживать друг друга, а не точить ножи в соседних комнатах.

— Не верю своим глазам, — с сарказмом протягивает сонный женский голос, и, развернувшись, я вижу маму. Она укутана в плед и зевает. — Ты добровольно решила пойти в школу?

— Надоело сидеть дома, — всё ещё взволнованно, поясняю я. Нужно успокоиться и взять себя в руки.

— А где Карина?

— Она уже ушла.

И снова ложь. Мне противно слушать то, с какой легкостью я обманываю маму. Это не я. Это кто-то другой. Хотя с другой стороны, я прикрываю сестру. Может, в такой ситуации приврать не является преступлением?

— Почему вы не поехали вместе?

— Да, мы до сих пор не помирились, — объясняю я. — Разговариваем, перекидываясь фразами. Как чужие.

— Ничего страшного, — мама улыбается и наливает себе кофе. — Скоро вы позабудете обо всех ссорах.

Я киваю. Хочу поскорей уйти из кухни, так как больше не могу сдерживать внутренние эмоции, но не успеваю.

— Как вчера прошел день? — мама пристально смотрит на меня. — Ты позанималась, как я тебя просила?

— Я... — опять врать? Господи. — Я сделала несколько тестов по русскому. И ещё написала сочинение по английскому. Отнесу сегодня его учительнице на проверку.

— А что с биологией и химией?

— Мам, давай придем к компромиссу. Если до нового года ты не увидишь, что я серьёзно настроена поступать на факультет журналистики, то можешь спокойно послать меня учить ваши медицинские штучки.

— Этот компромисс бессмысленный. Пока я буду следить за тобой, пройдет много времени.

— И всё же, дай мне шанс, — прошу я. — Мне не по душе, становиться врачом, и ты это прекрасно знаешь. Потратить годы на то, что совершенно не нужно — не менее бессмысленно.

Мама задумывается и неуверенно пожимает плечами.

— Как хочешь. Это твоя жизнь.

В её голосе звучит явное неодобрение, но я не обращаю внимания. Киваю и выхожу из кухни. У меня и так достаточно проблем. ЕГЭ кажется просто спичкой в огромном разбушевавшемся пожаре.

На остановку я прихожу как раз в тот момент, когда нужный автобус срывается с места. Недовольно выдыхаю и сильнее закутываюсь в пальто. Отмечаю, что оно не такое теплое, как пальто Макса, и корю себя за подобные мысли.

Больше никакого Макса, больше никакой стаи.

В груди что-то ноет. Возможно, мне не по вкусу данный вывод: отказаться от ночной жизни, может, и правильное решение, но от его принятия — становится грустно и как-то пусто внутри. Я не смогу уйти из стаи просто так, и главное: я понятия не имею, почему.

Нужный автобус приходит только через пятнадцать минут. Я успеваю оконечить и проклянуть все подъезжающие маршрутки. Выходит так, что в школу я приезжаю на пять минут позже. А в кабинет попадаю с опозданием на целых десять.

Учительница не хочет впускать меня. Начинает отчитывать и ругаться. Но затем, видимо, вспоминает, что я лежала в больнице и позволяет занять место.

Я закатываю глаза и сажусь за парту. К чему устраивать концерт, если я в любом случае добьюсь того, что мне нужно?

— Лия, мы записали две новые темы. — Учительница смотрит на меня сквозь свои квадратные очки и хмурится. — Возьми конспект у кого-нибудь, хорошо? Иначе на контрольной попадешь в курьезную ситуацию.

Я киваю, и не могу скрыть улыбки. Только учителя способны говорить подобные фразы подобным тоном, употребляя подобные слова.

Когда преподаватель начинает что-то писать на доске, я наклоняюсь вперед и легонько касаюсь плеча Марины. Та разворачивается и поджимает губы.

— Ну как ты?

— Отлично. — Трубечка первая, кто спросил о моем самочувствии. — Жива, как видишь.

— Ты всех напугала.

— Почему?

— Как почему? — она заправляет за ухо локон русых волос и пожимает полноватыми плечами. — Все боялись, что ты вновь потеряешь память. Это бы сломило тебя.

Я улыбаюсь, хотя внутри уже чувствую, как растёт желание ударить одноклассницу по голове. Боже мой, ну кто способен говорить такие глупые вещи? Наверно, только безмозглые дуры.

— К счастью, всё обошлось. Я хотела попросить тебя одолжить мне конспекты. Сможешь?

— Конечно. Только после урока, хорошо?

— Да, естественно.

Отодвигаюсь назад и вижу, как одноклассница вновь поворачивается к своей тетради. Скрещиваю на груди руки: школа явно не моё место. Может, в институте всё изменится? Если я, конечно, туда поступлю...

В классе я единственная, кто сидит без пары. Наверно, надо воспринимать это как попытку всех ребят огородиться от особы, чья жизнь вечно висит на волоске. Хотя, какое им дело? Я, что, ношу в школу оружие, или прилюдно кидаюсь под машины? Что во мне странного, и почему меня нужно бояться? Старые вопросы, на которых нет ответов.

Я очень долго жду звонка. Мне кажется, что проходит целая вечность, а не сорок пять минут. В моем случае тридцать пять.

Встаю, беру у Марины тетрадь, собираю учебники и медленно плыву по течению.

В коридорах, как на дороге: двухстороннее движение. Я становлюсь в крайний правый ряд и переключаю скорость. Хочется попасть в кабинет истории и бездумно уснуть на парте.

Но когда я прохожу мимо столовой, то вижу, как мне кто-то машет и останавливаюсь. Присматриваюсь, тяжело выдыхаю. Кира.

Какие бы чувства не бушевали во мне, желание узнать, как она себя чувствует, перевешивает гордость. Поэтому я проскальзываю между прохожими, и подхожу к блондинке. Та сидит за столом и устало держится за голову. По-моему, ей гораздо хуже, чем мне. Глаза Киры красные, мутные. Она бледная и слабая. Мне кажется, что если я коснусь её плеча, подруга рассыплется на маленькие кусочки.

— Ну, привет, — хрипит она.

— Привет. — Я сажусь напротив и недоуменно складываю перед собой руки. — Как себя чувствуешь?

— Паршиво. Как ещё? — Кира усмехается. — Такое ощущение, что вчера стадо слонов станцевало на мне грязную мамбу.

Улыбаюсь, вспомнив фильм Потрошители. Кажется, он снят по книге с таким названием.

— Почему тогда пришла в школу?

— А что сидеть дома и выслушивать мамины вопли? Нет, уж. — Блондинка осматривает меня, и уголки её губ ползут вверх. — А ты достаточно хорошо выглядишь для девушки, выпившей вчера три бутылки виски.

— Я не пила столько.

— О, ну да, конечно. Мне показалось.

— Тебе много чего вчера показалось, — поддеваю я.

— Всё так плохо? — Кира качает головой и закрывает глаза. — Последнее, что помню это своё отражение в зеркале. Умываюсь, чувствую новый прилив слабости и темнота.

— Может, не стоило пить те таблетки? — предполагаю я. — Смешивать алкоголь и лекарство рискованное дело.

— Какие таблетки?

— Как, какие? — непроизвольно подвигаюсь ближе к подруге. — Когда я пришла в туалет, увидела в твоей руке несколько синих таблеток. Решила, что у тебя разболелась голова или схватил живот.

— Считаешь, я чокнутая? — девушка поднимает глаза и смотрит на меня так, словно я оскорбила её. — Естественно, смешивать Джека и аспирин будет только идиот.

— Тогда откуда они у тебя появились?

Кира не успевает ответить.

Астахов подкрадывается ко мне со спины и резко хватает за плечи. Наверно, он хотел испугать меня, но я не реагирую. Теперь я боюсь абсолютно других вещей.

— Решил всё-таки пойти со мной на контакт? — с безобидной усмешкой спрашиваю я и наблюдаю за тем, как парень садится рядом.

— Решил, что не смысла игнорировать единственного близкого человека.

— О Боги, — тянет блондинка. — Прекратите. Иначе, меня опять начнет тошнить.

— Что с тобой? — Астахов кладет портфель на стол. — Неудачный вечер?

— Как раз наоборот.

— Ты выглядишь так, словно тебя прокрутило в мясорубке.

— Спасибо, — ядовито благодарит Кира. — На самом деле, я не нуждаюсь в твоих комплиментах.

— Я и не думал отпускать их тебе.

Пока идет война между мужским и женским полом, — кто сильнее заденет другого, — я задумчиво опускаю голову на стол.

Итак, Кира не собиралась пить таблетки, но они каким-то образом оказываются в её ладони. Первое, что приходит на ум, это, конечно, подстава. Выходит, те синие капсулы не лечат голову или живот. Они пригодны для чего-то другого. Вот только для чего?

Звенит звонок, и я нехотя поднимаю глаза на друзей. Надеюсь, что на друзей. Вчерашние мысли атаковали меня под действием злости и обиды. Возможно, я погорячилась, решив, будто близких людей не существует. Но пока не хочется делать скоропостижных выводов.

— У меня история, — сообщаю я.

— Я только что был там, — Астахов достает тетрадь из портфеля. — Петрова дала нам контрольную, так что возьми. — Он протягивает её мне. — Там есть ответы на новые темы.

— Спасибо.

— А что делать мне? — Кира устало встает и вновь протирает лицо руками. — У меня биология. — Она тяжело выдыхает. — Если я увижу человеческую селезенку или распятую жабу меня стошнит прямо на парту. Клянусь Богом, стошнит.

- Иди домой.
- Там мне не станет лучше.
- Тогда не иди.
- Астахов, твоя логика просто великолепна!
- Потерпи немного, — предлагаю я, и краем глаза вижу, как Леша улыбается. — Уроки закончатся, и пойдем домой вместе.
- Хочешь, чтобы я ждала ещё три часа?
- У меня остались литература, МХК и физкультура. Бред, а не уроки, так что я могу составить тебе компанию.
- Отлично. — Кира кивает парню, а затем улыбается мне. — Представляешь, сам Астахов составит мне компанию.
- Ладно. Делайте, что хотите, а я уже опаздываю.

Встаю и иду в кабинет.

Неожиданно понимаю, что должна проверить бар, попытаться найти таблетки. Вдруг одна из них осталась на полу?

В таком случае, мне даже выгодно не пересекаться сегодня ни с Кирой, ни с Лешей. Я хочу самостоятельно разрешить проблему, которая касается не только меня, но и всей стаи. Хотя нет. Я не просто хочу. Я должна.

Откуда чувство ответственности в этот раз? Карина моя сестра — в данной ситуации моё желание разобраться вполне естественно. Но что здесь? Понятия не имею, но не могу сопротивляться.

Итак, решение покончить со стаей откладывается. И я не расстроена. Напротив, на моем лице появляется улыбка. Узнать правду, докопаться до истины — как же приятно не следовать за кем-то, а самой решать проблемы, справляться с неприятностями без чьей-либо помощи. Это вдохновляет на подвиги. Я уверена: большинство людей, делающих что-то важное и выдающееся, прибывают именно в таком настроении.

После истории, я уже не настроена идти на последующие уроки. Меня тянет на улицу, я хочу поскорей обыскать бар. Но прогулять английский, литературу и физику не вариант. Только не в первый день, после выписки из больницы.

Я заворачиваю за угол, и неожиданно врезаюсь в кого-то. Поднимаю глаза. Вижу Карину.

Хочу сказать ей о том, что она слепая идиотка, как вдруг замечаю огромный отек на её щеке, и замираю. Сестра растеряно опускает голову, надеется скрыть его, но уже поздно. Я уже увидела.

- Господи, — беру Карину за локоть и тяну на себя. — Что с тобой?
- Отпусти, — рявкает она, и закрывает лицо свободной рукой.
- Кто тебя ударил?
- Не твоё дело!
- Откуда это? — я раздражена. Гнев кипит в жилах, громко выдохнув, я толкаю сестру вглубь коридора и припечатываю спиной к стене. — Кто это с тобой сделал?
- Я сказала, отпусти!
- Карина! Перестань сопротивляться!
- Отпусти меня! — она резко вырывает руку и смотрит на меня так, словно я оскорбила

её, унизила. В глазах сестры столько ненависти, что у меня скручивает желудок. Карина качает головой и чеканит. — Больше никогда не прикасайся ко мне, ясно?

— Да, что с тобой такое? — в моем голосе столько отчаяния. — Что происходит? Откуда этот отек? — Смотрю на овальное пятно темно-красного цвета, и прикусываю губу. — Скажи мне, прошу тебя.

— Просто оставь меня в покое!

— Но почему ты не хочешь рассказать? Почему скрываешь? Карина, я же твоя сестра. Ты можешь мне доверять.

— Держись от меня подальше, — проигнорировав вопросы, отрезает она и разворачивается ко мне спиной.

— Эй! — Я грубо хватаю сестру за плечо и поворачиваю лицом к себе. — Я ещё не договорила.

— Зато я закончила.

— Боже, да что с тобой происходит?

— Ещё раз притронешься ко мне, и я скажу маме, что это ты меня ударила. Ясно?

— Что? — я ошарашено расширяю глаза. — Что ты сказала?

— Что слышала. — Сестра неуверенно поправляет волосы, прикрывая отек.

— Ты, что, сошла с ума?!

— Я надеюсь, мы поняли друг друга.

Затем Карина смиряет меня жестким взглядом и уходит.

Вот так просто, моя сестра разворачивается ко мне спиной и начинает идти в противоположную сторону.

У меня в груди что-то взрывается. Становится так больно, что я невольно хватаюсь рукой за сердце и отхожу назад. Нахожу опору спиной, откидываю голову и закрываю глаза. Не могу поверить в то, что человек, которого я вырастила практически в одиночку, разговаривает со мной в подобном тоне. Чувство дикой обиды проедает органы, словно кислота. Мне хочется кричать от досады, хочется вопить во все горло. Но я молчу. Прикусываю губу и открываю глаза. Надеюсь, увидеть, как Карина возвращается ко мне. Но она этого не делает. Более того, я уже даже не замечаю её удаляющейся спины.

И тут вдруг мне становится ясно: пора менять свой план.

На лице у сестры отек: удар, размером с кулак. Если она подхватила его не в стае, тогда где? Выходит, что некоторые ушибы, гематомы и синяки могли возникать на её теле не по вине Шрама и его сборища. По словам предводителя, она проявляла себя раза три, четыре максимум. Откуда тогда отеки в течение месяца? Как появились багрово-синие пятна на лице, руках и животе? Где она находилась до поздней ночи?

Вывод: Карина лжет. Она нагло лжет и собирается скрывать правду. Она пропадает, набирается проблем, возвращается, унижает меня и думает, что всё нормально? Она, серьёзно, так думает?

Я сжимаю кулаки. Не стерплю подобного отношения к себе! Не стерплю, когда мне плюют в лицо. Не стерплю, когда мою сестру бьют! Не стерплю, когда она позволяет этому случиться.

Срываюсь с места и иду к расписанию. У Карины ещё один урок, но пойдет ли она на него?

К черту английский, литературу и физику. Теперь у меня появились более важные дела.

Я бегу на химию.

Захожу в кабинет и натывкаюсь на недоуменный взгляд Дениса Воротникова. Жирный, низкий мальчик. У него воняет изо рта, и я знаю об этом, потому что Карина сидит вместе с ним уже два года.

— Ты не видел мою сестру?

— Видел. — Парень пытается выглядеть взрослым и статным. Но на самом деле, мне даже смешно от того, как выперта его грудь и как сомкнуты брови. Это не производит никакого впечатления. — Она попросила, чтобы я прикрыл её.

— Прикрыл?

— Да. Вроде Карина собиралась уйти домой. Сказала, что у неё болит голова.

Киваю и несусь вон из кабинета. Надеюсь, перехватить её у раздевалки. Так и происходит.

Карина надевает пуховик, перекидывает через плечо сумку и двигается к выходу.

Я не отстаю.

На улице сестра сворачивает в противоположную от остановки сторону, идет вдоль небольшого рынка и пересекает проезжую часть. Я уверенно слеую за ней, хотя понятия не имею, куда ведет данный маршрут.

Карина сбавляет скорость и идет в сторону аптеки.

— Лия?

Недоуменно замираю, услышав своё имя. Осматриваюсь, и замечаю Киру с Лешей. Непроизвольно пригибаюсь и прижимаю палец к губам.

— Тише, — требую я, и подхожу к друзьям. — Вы что здесь делаете?

— Решили купить слойки. — Безобидно протягивает блондинка. — А вот что здесь делаешь ты? Разве мисс правильная девочка, не должна была пойти на уроки?

— Планы изменились.

— Почему?

— Карина, — я киваю в сторону аптеки. — Что-то не так.

— О чем ты? — Леша серьёзно смотрит на меня.

— Я только что столкнулась с ней в коридоре, и знаете, что увидела? — Мои глаза наполняет гнев. — Отек. Огромный отек на её лице.

— Отек? — Кира удивленно вскидывает брови. — Но откуда?

— Понятия не имею! Если она зарабатывает себе синяки не в стае, тогда где? — Я протираю лоб и тяжело выдыхаю. — Именно поэтому я решила не идти на уроки и проследить за ней. Вдруг она приведет меня к подонку, который оставил на её щеке этот отек.

— Ох, ты как всегда! — возмущается Астахов. — Почему не сказать нам? Почему решаешь всё самостоятельно?

— Проблемы моей сестры не должны вас касаться.

— Ах вот как. — Усмехается парень. — Неужели?

— Лия, — вступает в разговор Кира. — Не говори глупостей. Леша прав: идти одной — полное безрассудство, особенно сейчас, когда в нашей стае происходят странные вещи. Кто знает, что может случиться.

— И что теперь вообще не выходить из дома? Сидеть в четырех стенах и молиться? — я

саркастически усмехаюсь. — Карина — моя сестра, не ваша. Вы не обязаны носиться за ней и прибирать то, что она натворила.

— Зато мы будем носиться за тобой, — отрезает блондинка. — В твоих же интересах рассказывать нам сразу, что к чему, чтобы потом мы не нахватались неприятностей.

— Что за глупое желание защитить меня?

— Почему глупое? — удивляется Астахов. — Вполне нормальное. Ты бы сделала то же самое на нашем месте.

Я смотрю на парня и выдыхаю. Он прав. Я бы не осталась в стороне, будь у него или у Киры проблемы.

— Хорошо, — я взмахиваю руками. — Как хотите. Если вам охота прибавить к своим проблемам ещё и таинственные походы моей сестры: давайте. Я не против.

— Вот и отлично.

— Смотрите, — Кира указывает в сторону аптеки. — Твоя сестра купила что-то и сейчас идет к остановке.

— Я слышала, родители не скупилась тебе на новую машину? — я поворачиваюсь к Астахову.

— Так и есть.

— И где же она?

— Возле школы.

— Тогда скорей иди за ней. Мы не должны упустить Карину из вида.

Парень кивает и срывается с места.

— Как вовремя мы купили слойки, — улыбается блондинка. — Хотя бы перекусим, играя в детективов.

— Как вовремя Леше купили машину. — Поджимаю губы: мне сейчас не до еды.

Неожиданно я замечаю, как за несколько метров до остановки, Карина резко сворачивает вправо и скрывается в узком переулке.

— Черт её подери! — выругиваюсь и растеряно смотрю на Киру. — Куда она пошла?

— Понятия не имею.

— Мне нужно за ней.

— Подожди, — блондинка ловит мой локоть, когда я срываюсь с места. — Астахов подъедет через несколько секунд. Давай подождем.

— Что? О чем ты? Мы опоздаем. — Выдыхаю. — Я не могу упустить Карину. Я должна идти!

— Но Лия.

— Ты знаешь, куда я пошла. Дождись Астахова, и идите за мной. Ясно?

Вырываюсь и бегу через дорогу. Слышу, как блондинка кричит мне вслед, но не оборачиваюсь. Почему-то в голове возникает образ злой Киры. Сомкнутые брови, покрасневшие щеки. Эта девушка, так же как и я не терпит, когда что-то выходит из-под контроля.

Меня едва не сбивает автобус, когда я пробегаю около остановки. Приходится налететь на какую-то женщину. Та недовольно фыркает, и начинает причитать. Мне плевать.

Я забываю о ней так же быстро, как срываюсь с места и вновь продолжаю бежать за

сестрой.

В переулке, куда несколько минут назад свернула Карина, темно и грязно. На стенах старые граффити, на мокром асфальте остатки еды и гнилые коробки из переполненных мусорных баков. Стоит ужасная вонь, и мне приходится прикрыть рукой нос. Иду дальше, и натываюсь на высокую арку. Пройдя через неё, выхожу во двор. Оглядываюсь и замечаю сестру. Она неуверенно осматривается, и даже на таком большом расстоянии, я вижу страх на её лице. Может, даже панику.

Порывшись в сумке, Карина подходит к детской площадке и садится на колени около поломанной качали-вертолета. Затем она достает синий пакет, открывает его, проверяет содержимое, ещё раз оглядывается, и я резко прячусь за угол. Тяжело выдыхаю и осторожно выгибаюсь, чтобы продолжить следить. Вижу, как сестра прячет пакет на дне качели, резко поднимается и начинает стремительно двигаться в мою сторону.

Уверенно отбегаю от арки и скрываюсь за мусорным баком. В горле поднимается ком, меня начинает тошнить, едва я замечаю остатки какого-то прогнившего мяса. Приходится глубоко вдохнуть и крепко зажмурить глаза. Это первый раз в моей жизни, когда я прячусь на мусорке.

Хотя, может и не первый...

Слышу, как сестра бежит по мокрым лужам. Она испугана, я это чувствую. Я даже улавливаю её громкое, прерывистое дыхание, когда она выбегает из двора и несется в сторону остановки. Неужели Карина плачет?

Отбрасываю эту мысль и открываю глаза. Осторожно выглядываю из-за мусорного бака, и медленно поднимаюсь на ноги.

Мои извилины работают слишком быстро. Куча идей сваливается на мои плечи, и они начинают давить на них сильнее, чем эти грязные старые стены переулка.

Что в пакете? Чего так боится Карина? Откуда её отек?

Я срываюсь с места и иду к детской площадке. Только когда передо мной оказываются качели-вертолет, я понимаю, что не шла, а бежала. С любопытством сажусь на колени и дрожащими руками достаю, тщательно спрятанный на дне, синий пакет.

Выдыхаю.

От мысли о том, что я сейчас увижу, мне почему-то становится не по себе.

Открываю его и замечаю на дне деньги. Много денег.

Мои глаза широко раскрываются, когда пересчитав, я обнаруживаю сорок пять тысяч.

Испуганно прячу содержимое обратно, и громко выдыхаю. Откуда у Карины столько денег? Неужели моя сестра воровка, а отек на щеке — это лишь последствие после преступления?

— Эй ты!

Растеряно смотрю назад и вижу двух парней. Они высокие. Они злые. И, кажется, они пришли за тем, что сейчас находится у меня в руках.

Я резко поднимаюсь на ноги, и автоматически прячу пакет за спину.

— Что вам нужно? — решительно спрашиваю я.

— Отдай пакет, иначе у тебя будут большие неприятности, — угрожает мне brunet в темно-зеленой куртке. Я бы сказала, что ему лет двадцать, может даже года двадцать три, но приходится опровергнуть данную теорию. Я замечаю, что из-под расстегнутой ветровки выглядывает воротник коричневого пиджака. И это говорит мне о том, что парень школьник. Почему я так думаю? Просто в соседнем лице форма сделана из такой толстой ткани. Мы всегда смеялись над тем, как коричневые пиджаки глупо смотрятся вместе с темно-сиреневыми штанами. — Я даю тебе несколько минут.

— С каких это пор школьники отнимают деньги у других школьников?

— Ты нарываешься? — усмехается его напарник. Он чуть пониже, но зато у него широкие плечи. Уверена, драться этот парень умеет очень даже хорошо. — Просто верни нам пакет.

Итак, у меня два варианта. Или быть побитой за то, что начну сопротивляться, или быть побитой за то, что легко сдалась.

Что выбрать?

— Я так понимаю, именно вы угрожали моей сестре, — осторожно начинаю, и мимолетно смотрю на арку. Возможно, мне удастся сбежать. — Вы не подумали, что вам так просто не сойдет это с рук.

— И что ты нам сделаешь?

— Речь сейчас не обо мне. Если мой отец узнает, что на его дочь подняли руку какие-то шивые придурки, он убьет вас. Так и знайте.

— И где сейчас твой папочка? — холодно спрашивает тот парень, что с широкими плечами и делает шаг ко мне навстречу. — Не думаю, что он успеет приехать из Москвы и спасти твою задницу.

Данные слова застают меня врасплох. Оказывается, эти двое знают достаточно много обо мне, и о моей семье. Я не брала такие подробности в расчет.

— Вот оно что, — улыбаюсь я, хотя внутри горю от страха и адреналина. — Так вы должны и меня знать, раз в курсе, где сейчас мой отец.

— Естественно, — отрезает брюнет. — Тебя все знают, Лия, по прозвищу Кобра.

Я растеряно застываю.

Итак.

Кобра?!

Меня тянет на смех, но почему-то я не могу даже пошевелить губами. Страшно становится не столько от того, что мне дали такую глупую и отвратительную кличку, сколько о того, что люди знают обо мне гораздо больше, чем о себе знаю даже я сама.

— Отдай пакет, — повторяет парень. — Отдашь, и мы разойдемся.

Я не отвечаю, и начинаю судорожно думать. Что делать? Драться с ними — полное безумие. Я не смога задеть Макса. О чем можно говорить сейчас, когда передо мной уже два высоких и сильных противника?

Но отдать деньги. Неужели я настолько слабая, что даже не попытаюсь сопротивляться?

— Я верну вам пакет, но только при одном условии, — уверенно отрезаю я, и смотрю на парней. Кажется, они меня слушают и серьезно настроены вести переговоры. Может, год назад, в качестве Кобры, я была достаточно опасной? — Скажите мне: кто угрожает моей сестре и откуда у неё синяки? Почему она приносит вам деньги? И приносит деньги кому? Уверена, вы лишь поставщики.

— К сожалению, мы не сможем ответить на эти вопросы, — улыбается брюнет.

— Придется, — жестко выпаливаю я. — Иначе деньги уйдут вместе со мной.

— Зачем тебе такие проблемы? Хочешь опять попасть в больницу?

Я стискиваю зубы и смотрю на противников так, словно они куски мяса, а я голодный дикий зверь. У меня внутри что-то взрывается, хочется с криком кинуться и оторвать этим безмозглым идиотам головы. Хочется спросить: что вы делаете? В какую игру играете? Здесь речь уже не идет о синяках и ранах. Поднимается вопрос жизнь и смерти. Неужели никто кроме меня до сих пор этого не понимает?

— Ещё раз, — протягиваю я, и пронзаю противников ядовитым взглядом. — Значит, ли это, что аварию подстроили вы?

— Ты лезешь не в своё дело, — саркастически поясняет широкоплечий парень. — Вот и получаешь по заслугам.

Последняя капля.

Не знаю, что на меня находит, возможно, дикая злость, возможно, дикая паника, но я вдруг срываюсь с места, нагибаюсь, хватаю мокрый песок и кидаю его в глаза брютету. Пока тот вычищает лицо, я со всей силы ударяю локтем второго парня в шею и слышу, как тот стонет от боли.

Улыбаюсь, и бегу к арке. Когда я оставляю позади мусорные баки, то слышу крик противников. Они бегут за мной, и, кажется, я сильно их разозлила.

Прибавляю скорость и вылетаю из переулка, словно обезумевшая. Ищу глазами Киру и Лешу. Уже представляю, как наору на них за то, что они так долго возились с машиной, но никого не нахожу. Несусь дальше. Неожиданно для самой себя придумываю два запасных плана. Первый — ловлю любую маршрутку или автобус и уезжаю подальше отсюда. Второй — бегу в школу. Там меня никто не тронет.

Но мне не приходится воспользоваться ни одним из вариантов.

Замечаю Киру, машу ей руками, кричу что-то, как вдруг вижу высокого парня. Он стоит сзади неё, и он держит блондинку за шею.

Испуганно торможу, и оглядываюсь. Те два парня совсем близко.

— Лия, беги! — орет мне Кира, но я теряюсь, смотря то на неё, то на приближающихся соперников.

Что делать? Что же делать?

— Лия!

Нет времени думать. Нужно действовать.

Я осматриваюсь и вижу открытый люк на тротуаре, бегу к нему, разрываю пакет, и купюры, словно в замедленной съемке, падают на дно канализации, промокая и теряя всякую ценность.

Вот оно моё решение. Лучше уничтожить деньги, чем отдать их противникам.

Неожиданно со спины на меня наваливается огромный груз. По голосу я определяю брютета. Ругаясь, он грубо заламывает мне руки и ударяет кулаком по ребру. Я сгибаюсь, сжимаю губы и расплывчато вижу двух женщин. Они смотрят на меня с жалостью, сожалением, но даже не останавливаются. Быстро проходят мимо и скрываются из вида.

Второй парень орет что-то, изучает дыру на тротуаре и начинает пинать ногой крышку люка. Он зол, и я отказываюсь даже думать о том, что эти двое со мной сделают.

— Идиотка, — чеканит брютет.

— Нужно было ответить на мои вопросы, — тихо парирую я, и украдкой смотрю в сторону Киры.

Блондинка стоит рядом с дешевой Ладой. Её держит за руки какой-то парень. Когда он понимает, что ситуация вышла из-под контроля, то достает из машины плотный мешок, надевает его на голову Киры и толкает её в машину.

Я внезапно понимаю, что и меня ждет подобная участь.

Но мне не страшно. Я даже рада, что теперь нас отвезут к более влиятельному человеку, к тому, кто управляет всеми пешками, которые сейчас держат меня или блондинку за руки.

Просто безумие какое-то.

От таких чувств мне становится не по себе. Кто знал, что моё безрассудство так сильно развито. Это сюрприз не только для врагов. Это сюрприз даже для меня.

— Что же вы делаете-то, а? — неожиданно слабым голосом спрашивает пожилая женщина и подходит ко мне. Она ставит трость рядом с ногами брюнета и поднимает на него недовольный взгляд. — Чего ты так девочку держишь? Ей же больно.

— Не лезь не в своё дело, старуха.

— Ты со мной так не разговаривай, — причитает она. — Ты имей совесть и думай, что говоришь.

— А то, что? Что вы мне сделаете? — парень зол, я чувствую, как вскипает его организм: руки становятся горячими и липкими. Он дергается в сторону пожилой женщины, и я протестующе выгибаюсь.

— Не трогай её! — встречаюсь с брюнетом взглядом. — Только попробуй её тронуть.

— Отпусти бедняжку. — Волосы бабушки седые, практически белые. Сама женщина маленького роста, беззащитная и слабая. У неё морщинистое узкое лицо и серые бесцветные глаза. Мне вдруг становится страшно. Я пугаюсь, что парень навредит ей. Он не упустит шанса, если тот подвернется. — Я пожалуюсь на тебя. — Продолжает пожилая женщина, и пристукивает тростью. — Я найду твоих родителей!

— Уходите, — прошу я, и с жалостью смотрю на бабушку. — Уходите скорей.

— Я тебя не оставлю. Пусть он ответит за свои поступки! Где это видано, чтобы молодой человек так обращался с девушкой? Вот в моё время дети не вели себя подобным образом. В мое время юноши с горячими сердцами никого не давали в обиду, они были добрыми и честными.

— Вот и возвращайся в своё время! — раздраженно кричит брюнет. — Старая дура.

Глаза бабушки наполняются слезой. Она сжимает губы и неуверенно топчется на месте.

— Не должна земля носить на себе, таких как ты.

— Да, отвали же ты от меня!

Брюнет остро реагирует на её слова. Его правая рука выпускает моё запястье и взмахивает вверх. Я не успеваю сообразить, что происходит. Просто резко становлюсь перед кулаком и отлетаю назад от удара. Меня кренил в сторону, я случайно задеваю бабушку, и мы неуклюже падаем навзничь.

Слышу смех парня, и растеряно подрываюсь с асфальта. Вижу рядом женщину, начинаю тяжело дышать и виновато помогаю ей подняться.

— Боже мой, простите, — шепчу я. — Простите меня, пожалуйста.

— Он хотел меня ударить, — шокировано восклицает бабушка и смотрит на меня так, словно я привидение. — Он хотел меня ударить!

— Поднимайтесь, прошу вас.

Я тяну женщину вверх, и одновременно борюсь с приступом гнева. Мне ужасно хочется выбить этому брюнету все зубы, а затем заставить его прилюдно просить у бабушки прощение. Посмотрела бы я на него. Остались бы его слова такими же острыми, если бы он был не в состоянии произнести даже собственное имя?

— Вы как?

— Пойдем, — парень хватает меня за плечо и тащит за собой, а я ошеломленно смотрю на женщину. Она стоит, не двигается, просто-напросто не верит в то, что на неё поднял руку какой-то щенок. Оглядываюсь, надеюсь, что кто-нибудь ей поможет, но понимаю,

что люди на остановке вымерли. Там пусто. Никто не хочет нажать себе проблем. Абсолютно никто.

— Ты кретин, — ядовито произношу я. — Когда-нибудь я заставлю тебя сожалеть.

— Я так не думаю. — Брюнет подводит меня к машине, берет из рук широкоплечего парня мешок и грубо натягивает мне его на голову. Затем он стягивает мои запястья тугой веревкой, и я слышу его ухмылку. — Кажется, наша змея, наконец, угодила в петлю.

Глава 9. Пренеприятнейшие подробности

Мы едем минут сорок. По-крайней мере, мне так кажется.

В течение этого периода времени, я слышу тяжелое дыхание Киры, но мы не переговариваемся, так как прекрасно осознаем, что каждое наше слово станет достоянием всех присутствующих в машине.

Когда нас вытаскивают из салона, я неожиданно для себя улавливаю посторонний шум, и неуверенно делаю вывод, что заложников трое. В животе завязывается узел: неужели Астахов так же угодил в лапы этим отморозкам?

Меня хватают под руки и тащат по скользкому асфальту. Я пытаюсь уцепиться за какие-то детали, заметить нечто такое, что поможет мне понять, где я нахожусь: тщетно. Такой способностью обладают только гении.

Меня сажают на стул. Спину обдаёт холодный пластмасс, и я морщусь. Вот уж угодила в веселую ситуацию. И что же мне теперь делать? Как выбираться?

Внезапно темнота исчезает перед глазами: с меня стягивают мешок, и я невольно щурюсь. Свет в помещении неяркий, но почему-то роговицу щиплет. Я пытаюсь привыкнуть к обстановке, замечаю перед собой смазанную фигуру и сглатываю. Оглядываюсь, вижу рядом два стула. На них сидят девушка и парень. Кира и Леша. Отлично. Теперь и они попали в неприятности по вине моей недалекой сестры. Замечательно!

— Ты хорошо сохранилась, — отрезает женский голос, и я удивленно смотрю на девушку. Её лицо пока смазано, не вижу его очертаний. — Я думала, всё будет гораздо хуже.

— Я должна понимать, о чем ты?

— Но, а кто как не ты?

Улавливаю сначала ошеломленный вздох Киры, а затем замечаю, как сжимаются её кулаки. Не могу придумать оправдание такому поведению, и вновь поворачиваюсь к девушке.

Наконец, передо мной предстает четкая картинка.

Волосы незнакомки собраны в тугой хвост. Они рыжие, словно бронза или языки пламени. Глаза девушки голубые, широкие. На щеках рассыпаны веснушки хаотичными, корявыми точками. Я нахожу привлекательными её скулы и длинную шею. Хочу продолжить исследование, но теряю смысл.

Как гром среди ясного неба передо мной возникает автомобильная авария. Я спрашиваю Лешу о стае, он растеряно смотрит на меня, пытается ответить, а потом перед носом машины появляется препятствие. Девушка. Эта девушка.

— Вот это да, — как-то истерично протягиваю я, и качаю головой из стороны в стороны. Вскидываю брови. — Просто не верится в то, что я, наконец, познакомилась с тем неизвестным препятствием, из-за которого теперь на моем виске красуется белый шрам.

— Наташа, — незнакомка улыбается и подходит ко мне. — Приятно увидеть тебя вживую, а не через стекло автомобиля.

— Взаимно. — Я нахожусь на грани странных чувств. Мне хочется или орать от злости или смеяться от безумия. Пока не знаю, что выиграет. — И о чем же надо было думать, чтобы добровольно встать посреди дороги?

— О многом.

— К примеру?

— О мести.

— Мести? — я фыркаю. — Как низко. А более возвышенной цели не нашлось?

— Пока нет. — Девушка кашляет и изящно протирает рукой рот. — Не вовремя заболела. Но и такое бывает. В конце концов, на улице приближается зима.

— Будем говорить с тобой о погоде?

— А о чем хочешь поговорить ты?

— Ну, не знаю, — я пожимаю плечами и нервно улыбаюсь. — Например, о том, как такая как ты, смогла подчинить себе двух качков из лица?

— Я никого не подчиняла. — Поясняет Наташа. — В нашей семье нет такого понятия, как повиновение. Все делают то, что считают нужным.

Я на мгновение задумываюсь, складываю пазлы воедино.

Итак, моя сестра связалась с ещё одной стаей, которая, придется отметить, называет себя немного по-другому, более цивилизованно.

Семья.

Оглядываюсь и сжимаю губы.

Я в логове противника. Здесь темно, потому что мало окон. Пахнет гарью и алкоголем. Стены бетонные, крепкие, лампы — с синей подсветкой. Где же я?

Выдыхаю. Придется развязать этой красавице язык.

— Только не говори, что ты предводительница этой семьи, — осторожно протягиваю я.

— И не скажу. Это не так.

— Тогда кто?

— Ты, Кобра, никогда не умела сдерживать себя, — улыбается девушка и подходит ко мне так близко, что я улавливаю в воздухе запах её лавандовых духов. — Вечно задавала вопросы, пыталась навязать всем своё мнение...

— Как же так вышло, что все знают, кто я, а я — нет.

— Не нужно было падать с крыши.

Я уязвленно замираю, но всё же выдавливаю улыбку. Эта игра перестает мне нравиться.

— Здесь душно, — отрезаю я. — Может, открыть окно?

— Серьёзно? — Наташа хитро сужает глаза. — Не думай, что я идиотка. Любой звук сможет рассказать тебе о нашем местоположении гораздо больше, чем я или некто иной в комнате.

— А в чем прок скрывать адрес этого помещения?

— Она скрывает не только адрес, — невнятно протягивает Кира, и я поворачиваю голову в сторону подруги. Решила заговорить? Наверно, взяла себя в руки. Рыжая подходит к блондинке и резко стаскивает с её лица мешок. Глаза девушек встречаются, и между ними проносится нечто странное, тяжелое, полное сожаления, обиды и злости. — Правда, Наташа?

— По-моему, ты постарела, — делает вывод Рыжая.

— Просто не верится. — Не обратив внимания на сарказм, протягивает Кира и нервно поджимает губы. — Как ты могла так поступить?

— Не тебе судить меня.

— А кому же?

— Кому угодно, но только не тебе!

— Вы знакомы? — я чувствую себя отсталой, и начинаю злиться. Это колоссальное неведение сводит с ума.

— Были знакомы, — поправляет меня Наташа. — Много изменилось с тех пор, как мы перестали общаться.

— Что именно?

— Какая разница? Это не вечер встреч, так что перейдем к делу. — Рыжая поправляет тугий хвост и тяжело выдыхает. — Ты, — она смотрит на меня. — Ты уничтожила деньги, а они были нам нужны.

— Не стоило втягивать мою сестру, — решительно отрезаю я. — Вы сами нарвались на неприятности.

— Мне плевать на твои сердечные травмы, Кобра. Мне нужны деньги! Сейчас! Мне нужны эти гребанные сорок пять тысяч! Это вам так повезло. — Она нервно усмехается и начинает расхаживать из стороны в сторону. — Предводители — сыновья сноба, который сидит на целой куче денег. Вы не задумывайтесь над тем, как сложно их достать. А ведь без них нет семьи. Без них не снять гоночный корт, и не заплатить за аренду вокзала. Без них не вызвать врача и не оплатить свет и воду в логове.

— Откуда эти деньги у Карины? И почему она прятала их на детской площадке?

— А ты теряешь хватку...

— Объясни!

— Ну, а как ты думаешь? — Наташа останавливается передо мной и взмахивает худыми руками. — Деньги твоя сестра стащила из копилки родителей. Где она ещё могла их взять?

— О, боже мой, — я испуганно замираю, и внезапно понимаю, что уничтожила сорок пять тысяч, которые принадлежали моей же семье. — Твою мать.

— Вот и я о том же.

— Но почему Карина? Почему мы?! У меня в семье не так много денег, что мы смогли оплатить все ваши расходы.

— Со всех по чуть-чуть, и вот уже что-то.

Я презрительно смотрю на Рыжую, и горю от злости. Возникает непреодолимое желание вскочить со стула и врезать этой идиотке по лицу, но я связана, я вновь беззащитна и беспомощна.

— Безумие! — взрываюсь я. — Что вы себе позволяете? Какое имеете право угрожать мне и моей семье?

— Не строй из себя жертву, Кобра.

— Не называй меня так! Моё имя — Лия.

— Это было твоим именем. — Усмехается Наташа. — Ты перестала быть человеком в тот самый момент, когда превратилась в ядовитую змею.

— Не понимаю, о чем ты.

— Не слушай её, — вмешивается Кира. — Она пытается задеть тебя.

— Ну, естественно пытаюсь. Ведь как-то, да надо причинить боль этой каменной глыбе!

— Что я тебе сделала? — недоуменно спрашиваю я. — Чем так глубоко обидела?

— Как же просто жить, забыв обо всем, что натворила, — мечтательно протягивает Рыжая и вновь улыбается. — Никакого угрызения совести, никакой ответственности...

— Скажи мне правду!

— Теперь не ты главная, Кобра, — властно восклицает Наташа. — Теперь я говорю, а ты подчиняешься. И вот мое первое условие. — Она выхватывает из кармана нож и резко подлетает к Леше. Тот ещё сидит в мешке и даже не представляет, с каким диким выражением на лице Рыжая нависает над ним. У меня внутри все органы сворачиваются в трубочку. Я испуганно затаиваю дыхание и неотрывно слежу за девушкой. — К завтрашнему дню ты принесешь мне ровно сорок пять тысяч, иначе...

Она грубо стаскивает мешок с головы парня, наклоняется, чтобы приставить нож к его шее, но ошарашенно замирает.

Впрочем, как и мы с Кирой.

Вместо Астахова на стуле оказывается Максим.

На его лице проносится мимолетная улыбка, он подрывается с места, отталкивает Наташу к стене, и отключает её грубым ударом по шее.

Я теряю дар речи. Ошеломленно наблюдаю за тем, как парень развязывает руки Киры и приближается ко мне. Он садится на колени, и аккуратно, нежно освобождает мои запястья от оков.

— Вот вы и свободны, — тихо произносит он, и я невольно улыбаюсь. Смотрю в темно-синие глаза Макса и не могу сдержать восхищения. — Мы можем уходить.

— Но как?

— Оперативный план спасения.

— Как ты узнал о том, что нам грозит опасность?

— Кира позвонила, — парень смотрит на блондинку, и та самодовольно улыбается.

— Конечно, я сообщила Шраму и Максиму о том, что ты понеслась за своей сестрой в неизвестном направлении и оставила меня в одиночестве наблюдать за этим безумием.

— Но где Леша?

— Не знаю. Я нашел в машине лишний мешок, и пока, какой-то качек связывал Киру, притаился на заднем сидении. Возможно, тот парень, о котором ты говоришь смог сбежать, — поясняет Максим.

Как всегда спас только свою шкуру. В духе Астахова.

— А Стас?

— Он ждет нас на выходе. Я активировал в телефоне: поиск. Так что брат давно знал о нашем местоположении.

Ошеломленно качаю головой и встаю со стула.

— Просто невероятно!

— Нужно бежать, пока она не очнулась, — напоминает Кира и пронзает Наташу презрительным взглядом. — Эта сучка ещё за всё ответит.

— Остынь, — советует Макс. — Давай забудем о ней на время. Эмоции нам ни к чему.

— Забудем о ней? — интересуюсь я. — Почему? Кто она такая?

— Позже.

— Опять позже? Мне уже осточертело ждать!

— Потерпи, — серьёзно отрезает парень. — Выберемся отсюда — поговорим.

— Потом ты или передумаешь, или вообще начнешь сожалеть о том, что связался со

мной. Я же помню, каким счастливым ты был вчера в машине, когда сообщил мне, что...

— Чужачка, пойдем. — Он хватает меня за руку и тянет к выходу. — Сейчас не подходящий момент для выяснения отношений.

— А будет подходящий?

Я фыркаю, вырываю кисть и отодвигаю парня в сторону. Хочу идти впереди.

— Не истери, Лия! Я, твою мать, только что спас вам жизнь!

— У меня всё было под контролем, — вру я.

— Да, неужели? — нервно усмехается парень. — И это ты называешь под контролем?

— Эй, — недовольно окликает Кира. — Успокойтесь. Что за разборки? У нас нет на это времени.

— Скажи об этом ей.

— Скажи об этом ему! — недовольно взрываюсь я и резко поворачиваюсь лицом к Максиму. У него глаза такие же, как и у меня: огромные, налитые злостью и обидой. — Не притворяйся невинной овечкой, Макс. Мы вчера едва не угодили в аварию по твоей вине, так что благодарить мне тебя не за что.

— Там где ты, там и неприятности! — раздраженно протягивает парень. — Просто поразительно, как такая безобидная малолетка способна притягивать столько проблем!

— Малолетка? — меня передергивает, и я решительно шагаю вперед. Теперь нас разделяют несколько сантиметров. — Как ты меня назвал?

— Ради бога, — взывает Кира и недовольно отбирает у Наташи нож. Рыжая до сих пор без сознания. — Если вы не прекратите, я уйду и оставлю вас здесь для дальнейшего выяснения отношений! Возьмите себя в руки! — Блондинка резко отталкивает сначала Максима, а потом и меня в сторону. — Позже подеретесь. Сейчас нужно выбирать!

Я тяжело дышу. Борюсь с огромным желанием врезать парню по лицу, оставить там красный отпечаток, доставить ему боль, такую же, как он доставляет мне.

Громко выдыхаю, и протираю руками лицо.

Ну почему он так влияет на меня? Почему мне так плохо, когда он кричит, или злится, или когда пытается оттолкнуть меня, или что-то скрывает? Я с ума схожу от непонятной связи. Максим никто для меня. Чужой человек. Я его абсолютно не знаю! Так почему кровь стынет, почему хочется реветь от одного его обидного слова, почему я готова провалиться сквозь землю, только бы не видеть в его глазах разочарование или гнев. Почему когда уголки его аккуратных губ поднимаются, у меня сжимаются ребра, и почему его обычные на первый взгляд темно-синие глаза не дают мне и малейшего шанса оторваться от них.

Я безнадежно падаю в какую-то дыру. Меня затягивают невидимые клешни в бездну полную необъяснимых странных вещей. Здесь нет звуков, слов, нет людей, нет кислорода. В этом мире я задыхаюсь от своих же чувств. В груди что-то взрывается, ошпаривает все органы, и заставляет или испытывать невероятное удовольствие, или ноющую боль. Как избавиться от этих эмоций? Как вернуться в мир, где есть другие люди, есть нечто другое кроме глаз Макса, его губ и черных волос? Как задышать заново и оказаться на поверхности?

— Лия, — Кира берет меня за руку. — Пойдем же.

Киваю.

Стараюсь взять мысли под контроль. Эмоции и, правда, мешают, отвлекая от главных проблем, от главных целей. Моё увлечение Максом не приведет ни к чему хорошему. Я знаю. Так что логичней было бы просто-напросто забыть про него, выкинуть из головы.

— Я пойду первым, — тихо сообщает парень, открывает дверь, и у меня от его голоса

мурашки несутся по телу. Такое дикое желание в груди злиться на Макса, ненавидеть его за те, слова, что он мне наговорил, но я не могу. Становится тошно. С каких это пор я стала такой сентиментальной и сопливой?

Выпрямляюсь и уверенно следую за парнем по узкому коридору. Надеюсь избавиться от бешеного стука в груди и пота на ладнях.

— Здесь так тихо, — замечает Кира, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть её лицо. — Разве это возможно? Шуметь должны хотя бы трубы, или сквозняк.

— Мы в подвале, — сообщает Макс. — Трубы проходят с другой стороны, а все щели надежно скрыты. Единственное, что меня настораживает, это запах.

— Запах?

— Да. Чувствуете? — он недоуменно осматривается. — Пахнет газом.

Блондинка поднимает подбородок, и её лицо становится серьёзным. Нахмурившись, она прикусывает губу.

— Ты уверен?

— Абсолютно, — парень вновь берет меня за руку. Только на этот раз гораздо уверенней. — Быстрой. Нужно смыться отсюда.

— Что происходит? — я ничего не понимаю. — Максим.

— У меня плохое предчувствие.

— Только не говори, что ты считаешь, будто этот подвал хотят подорвать, — смеясь, протягивает Кира, на что парень не отвечает. У меня застывает кровь, а блондинка судорожно выдыхает. — Серьёзно? Но ведь это безумие!

— А ты раньше не догадывалась, что имеешь дело с психами?

— Но Макс! — противлюсь я. — Какой в этом смысл? Банде нужны деньги. Убив нас, они их не получат!

— Они в любом случае ничего не получают, чужачка, — горько улыбается парень. — Вот и хотят замести следы.

— Тогда почему мы ещё не бежим? — панически шепчет Кира и прибавляет скорость. Она вырывается вперед, и оглядывается. — Ну же!

— Подождите, — растеряно протягиваю я и притормаживаю. Максим смотрит на меня так, словно я слабоумная и крепче сжимает руку.

— Ты чего? — жестко чеканит он. — Нужно торопиться!

— А как же Наташа?

Мой вопрос приводит друзей в шок и недоумение. Кира фыркает, пожимает плечами.

— По делам ей.

— Как ты можешь так говорить? — возмущаюсь я. — Никто не заслуживает смерти.

На этих словах я выдергиваю кисть из оков Максима, но парень ловко останавливает меня, ухватившись за плечи.

— Стой, — командует он. — Ты никуда не пойдешь.

— Мы должны вернуться за ней, Макс! Какой бы плохой и ужасной не была эта девушка, она не должна умереть.

— Ты даже не представляешь, о чем говоришь.

— Я как раз-таки, представляю. А вы, по-моему, решили, что можете жонглировать

человеческими жизнями так, как вам заблагорассудится. — Я стискиваю зубы и недовольно качаю головой. — Вы ошибаетесь.

— Наташина судьба — не наша проблема!

— Как ты можешь так говорить? — удивляюсь я, и разочарованно выдыхаю. — Я думала, ты другой.

— Что? О чем ты?

— Ни о чем.

Я вновь пытаюсь вырваться из рук Максима. Но он лишь сильнее сжимает мои плечи, становится поперек дороги, сопротивляется, и тогда я неосознанно выставляю вперед локоть. Кость ударяет ему по скуле, парень ошеломленно откидывается назад и врезается спиной о бетонную стену.

Мне хватает нескольких секунд. Я решительно несусь обратно по коридору и вламываюсь в комнату, где стоят три стула: стул — для меня, стул — для Киры, и стул — для Астахова. Вижу на полу Наташу. Сажусь рядом и встряхиваю её за плечи.

— Эй, — протягиваю я. — Нужно уходить.

Девушка не реагирует, и я взволнованно выдыхаю.

— Наташа, прошу тебя. Скорей, очнись.

— Она не проснется, — недовольно отрезает мужской голос, и в проходе я вижу Макса. — Я ударил её по сонной артерии, и она уснула часа на три.

Не дожидаясь моего ответа, парень подходит к Рыжей, поднимает её на руки и идет к выходу.

— Не отставай, — просит он, и мы вновь бежим по серому, бетонному коридору. Запах гари усиливает, становится практически невыносимым, и я начинаю кашлять.

— Чужачка?

— Всё в порядке.

— Прикрой рукой нос.

— А как же ты?

— Говори меньше, — командует он.

— Подожди, а что с Кирой?

— Я сказал ей не ждать нас. — Максим усмехается. — К счастью, она не такая безбашенная, как ты.

Я киваю, и продолжаю бежать следом за парнем. Мы проходим мимо поломанного автомата с кофе и чаем. Затем я замечаю коробку с использованными лампочками, стопку пыльных стульев, диски, колонки и стол. Думаю, для чего все эти вещи, и пытаюсь понять, где мы находимся. Но мозг отказывается думать из-за обильного запаха газа. Через пару минут перед глазами начинают кружиться стены и падать потолок. Я хватаюсь руками за все, что находится рядом, не хочу отставать и ковыляю ногами. Кашель раздирает горло, и я мимолетно думаю о том, как сейчас тяжело Максиму.

Внезапно цепляюсь ногой за поломанную доску, и легкая боль обжигает голень.

Я тихо стону, но бежать не перестаю. Наконец, мы выходим в какое-то большое помещение, напоминающее танцпол. Я уже не пытаюсь разглядеть всё досконально. Просто следую за парнем, и испускаю громкий вздох, когда мы оказываемся на свободе. Кислород сначала обжигает грудную клетку, я невольно сгибаюсь, но затем на смену коликам приходит облегчение, и на моем лице появляется улыбка.

— Слава богу, — выкрикивает Кира. Она стоит около машины Стаса. Тот за рулем: видимо не хочет выходить на случай, если придется резко и быстро трогаться. — Я уже думала, вы заблудились!

— Мы тоже так думали, — протягиваю я, и откидываю назад голову. Перед глазами до сих пор кружится небо.

— Хорошо, что Макс прогадал с запахом, иначе мы бы сгорели заживо.

— Но почему тогда в помещение никого нет? Почему нас никто не пытался остановить?

— Может, они поняли, что это бесполезное занятие, — улыбается блондинка. — Боже, — протягивает она. — Как же я рада, что мы выбрались оттуда! Мне так страшно стало, когда Максим про взрыв заговорил. Я уже подумала, что...

Не знаю, как это происходит.

Оглушающий грохот врывается в мою голову, меня толкает невидимой волной вперед, и я грубо падаю на асфальт. Горячие потоки воздуха обжигают тело, несмотря на то, что оно прикрыто одеждой, обломки здания падают вниз, словно ливень, и я истошно кричу.

Вижу, как Кира летит спиной к машине, как её припечатывает к двери ударная волна, вижу, как её золотые волосы становятся серыми, грязными от поднявшейся пыли. Вижу, как она скатывается по крылу автомобиля и оседает на асфальте.

Собираюсь вскочить с места, подбежать к ней, но замечаю справа тело Максима. Рядом с ним Наташа. По лицу парня течет тонкая струя крови, а у Наташи порваны джинсы, и в ноге торчит какой-то безобразный небольшой обломок.

Ору имя Бесстрашного, но он не слышит меня.

Я не слышу себя.

В ушах звенит, во рту пыль и грязь. Я чувствую прилив сил, однако не могу встать. Спина горит, будто на неё взвалили груды поджаренных на солнце камней, и я лежу припечатанная к холодной земле.

Неожиданно вижу, как из машины выбегает Стас. Он хватается руками за голову и несется первым делом ко мне. Берет за плечи, кричит что-то. Я не разбираю слов. Сосредотачиваюсь на его губах, пытаюсь уловить смысл.

Тщетно.

Отпустив меня, Шрам бежит к Кире, проверяет её пульс, открывает дверь BMW. С легкостью поднимает блондинку на руки и кладет на заднее сидение. Затем бежит к брату.

Испуганно кричит, бьет его щеки, но в итоге, ничего не добивается. Стаскивает с шеи черный шарф, обматывает им голову Макса. Затем аккуратно тащит его в салон машины, ненадолго задерживается там, фиксируя голову брата таким образом, чтобы она не ударилась, когда автомобиль сдвинется с места.

Я смотрю на Шрама, и не могу сдержать слез. Мне хочется встать, мне хочется помочь! Но я могу быть лишь зрителем. Могу лишь беззащитно лежать, плакать и кричать, и при этом даже ничего не слышать.

Когда Стас в очередной раз бежит в мою сторону, он ошарашенно прилипает к земле. Замирает. Смотрит перед собой, и не может пошевелиться.

Я затаиваю дыхание, слежу за его взглядом и понимаю, что так он реагирует на тело Наташи. Почему?

Неуверенно парень оседает рядом с Рыжей, и проводит руками по её лицу. Его пальцы дрожат. Я замечаю, как трясутся его плечи, как качается тело, и я недоумеваю. Почему он медлит? Почему не действует?

Выкрикиваю: Стас!

Он оборачивается, и вдруг я вижу его красные глаза. Его убитые горем глаза.

У меня внутри вспыхивает пламя. Я смотрю на Стаса и буквально ощущаю всю его боль, чувствую его растерянность и обиду. Хочу сказать что-то, надеюсь, успокоить его, но не успеваю.

Протерев руками лицо, парень всё-таки встает, поднимает Наташу и бредет к машине. Он сажает девушку вперед и пристегивает.

Затем возвращается ко мне.

Вновь начинает что-то говорить, и я улавливаю помехи в воздухе. Улавливаю некоторые слова.

— ... что..... твоя спина.....нужно быстрее.....дай... мне.

Абсолютно ничего не понимаю, но непроизвольно протягиваю вперед руку. Стас хватается за неё и кивает. Аккуратно помогает мне подняться, и тащит в сторону автомобиля.

— Ты.....Кира и Максим... присмотри... я рядом, если что.

Киваю, и сажусь рядом с блондинкой. Обхватываю её руками и, что есть сил, прижимаю к себе.

Наблюдаю за тем, как Шрам оказывается за рулем, как заводит машину. Он поворачивается ко мне, проверяет, всё ли в порядке, и медленно трогается.

Вскоре, ко мне начинает возвращаться слух. Я уже слышу, как работает двигатель автомобиля, слышу, как дышит Кира, и главное, я слышу, как стонет Максим.

Почему это главное?

Потому что это означает, что он жив. Что он ощущает боль, а, значит, не потерял чувствительность.

Ещё потому что биение его сердца — самое важное для меня в жизни. Я не знаю, откуда эти эмоции, но уверена, что они правильные и искренние.

— Стас, куда мы едем? — тихо спрашиваю я, и вижу удивленные глаза предводителя.

— Тебе уже лучше? — интересуется он.

— Да. Лучше.

— Это хорошо, — он плавно поворачивает руль и выдыхает. — Мы едем домой. Ко мне домой.

— А который час?

— Без двадцати четыре.

— Мне нужно позвонить маме, — растерянно отрезаю я. — Иначе, она будет волноваться.

— Давай уже от меня, — предлагает парень. — Нам осталось ехать минут десять. Не больше.

Я киваю, и поворачиваю голову к окну. Надеюсь что-то увидеть, но замечаю лишь смазанную картинку серого города.

Внутри бушуют странные чувства. Я не верю в то, что только что оказалась в центре таких опасных и реальных событий. Не верю в случившееся. Нас хотели убить. Опять. Нас хотели подорвать, сжечь заново.

Сглатываю, и испуганно прикрываю глаза. Стараюсь не показывать ужаса, прикусываю губу, сжимаю руки в кулаки, но всё равно ощущаю дикую панику. У меня голова

кружится от того, что кто-то намерен избавиться от меня. И этот кто-то настроен серьёзно: он готов пробовать ни один раз, и он не успокоится, пока я не сыграю в деревянный ящик.

— Лия? — опускаю взгляд вниз, и вижу, как Кира медленно открывает глаза. — Какого черта я опять без сознания?

Усмехаюсь, и спокойно выдыхаю: хорошо, что с блондинкой всё в порядке.

— Кажется, Максим не прогадал, — медленно тяну я. — То место взлетело на воздух через минуту после того, как мы выбрались наружу.

— Невероятно, — заключает девушка и осторожно приподнимается. Она разминает шею и вытягивает вперед руки. — Надоело отрубаться. Чувствую себя идиоткой.

— Я тебя прекрасно понимаю.

— Кира? — Шрам смотрит на блондинку. — Слава Богу, ты очнулась. Всё в порядке?

— Да. Я цела и невредима.

— А что там с Максом?

— Он дышит, — заключает девушка, аккуратно приспускает черный шарф с его головы и цокает. — У него рана на виске.

— Большая?

— Приличная. Идет кровь.

— До сих пор?

Кира кивает, и Стас крепко сжимает руль.

— Не волнуйся, — уверенно отрезаю я, хотя на самом деле сама сгораю от нервов. — Он выкарабкается. Сейчас промоем рану, забинтуем...

— А вдруг что-то серьёзное? Наверно, я должен отвезти его в больницу.

— Это паршиво, когда пострадавший — наш единственный врач, — горько усмехается Кира и вновь смотрит на Макса. Он дышит неровно, прерывисто. Создается впечатление, что ему сильно больно. — Мы бессильны, как дети.

— Мы и есть дети, — отрезаю я. — Не забывайте об этом.

— Говори за себя, — спорит Шрам. — Я давно перерос тот возраст, когда желание посидеть в социальных сетях заменяет реальное общение.

— А перерос ли ты беспомощность? По-моему нет.

— Лия, что будем делать с деньгами? — неожиданно вспоминает блондинка, и все мои органы одновременно скручиваются в трубочки. — Сорок пять тысяч — это слишком много.

— Не напоминай.

— О чем вы? — спрашивает Стас, и Кира за несколько минут выкладывает ему весь разговор, прозвучавший в подвале. Удивляюсь безумной дикции подруги, но не нахожу ни одного изъяна.

— То есть теперь ты, моя Любимица, залетела на сорок пять тысяч. — Он поджигает губы и внезапно нервно усмехается. — Повезло.

— Я понимаю, что тебе очень смешно, Стас, но на самом деле — мне крышка. Когда мама узнает, что деньги пропали, она убьет меня.

— Но с чего ты решила, что она обвинит именно тебя?

— Это дело времени. Мама в любом случае узнает правду, а правда заключается в том, что я разорвала пакет на улице, и выкинула все наши сбережения, все, твою мать, скоро пять тысяч, в канализационный гребанный треклятый люк!

В машине повисает тишина. Мы смотрим друг на друга, не знаем, что сказать, как выбраться из этого дерьма, что делать, и вместо того, чтобы придумать реальный план, попытаться разобраться, мы одновременно взрываемся диким хохотом.

Смех не прекращается несколько минут. Я беру себя в руки, только когда Стас паркуется около высокой многоэтажки. Он громко выдыхает, и поворачивается ко мне. На его лице до сих пор играет улыбка, и я непроизвольно представляю внешность парня без шрама. Каким он был? И каким он стал.

— Можешь не волноваться на этот счет, — неожиданно протягивает он, и я непонимающе хмурюсь.

— В смысле?

— В смысле, я дам тебе сорок пять тысяч.

— Что? — я откидываюсь назад и начинают качать головой. — Я не возьму деньги.

— Возьмешь.

— Нет! Ты с ума сошел? Это же не три тысячи, и даже не десять. Я не смогу вернуть тебе такую сумму.

— А я говорил что-то про возврат?

— Стас...

— Что? — Парень пожимает плечами и придвигается ближе ко мне. — Ты попала в такую ситуацию по моей вине, и я не позволю тебе пострадать.

— О чем ты? Здесь нет твоей вины.

— Есть.

— Но где?

— Как это где? Лия, если бы ты не была в нашей стае, если бы не эти чокнутые, — он косится в сторону Наташи и тяжело выдыхает. — Если бы не всё это дерьмо, ты бы не влипла так сильно.

— Но я не смогу взять у тебя деньги.

— Сможешь, иначе я приду к твоей матери и сам отдам их.

— Ты не посмеешь.

— Ещё как посмею! — заявляет он. — Выбирай.

Я прикусываю губу, и недовольно смотрю на парня.

— Я, конечно, благодарна тебе за то, что ты хочешь помочь, но это полное безумие. Твой отец сказал, что больше не станет спонсировать тебя деньгами. Отдашь мне сорок пять тысяч и останешься на мели.

— Это уже мои проблемы.

— Нет! Раз мы одна стая, значит это и мои проблемы тоже.

— Перестань отпираться. Я всё равно не поменяю своего решения.

— Но почему? — я удивленно смотрю на Шрама. — Почему ты так беспокоишься обо мне?

— Потому что ты — это ты. Потому что ты, Лия, моя любимица, — с сарказмом поясняет

парень, и на моем лице непроизвольно всплывает улыбка. — Так что закончим этот разговор.

Стас выходит из машины, обходит её и открывает заднюю дверь.

— Я понесу Макса, а вы вдвоем отвечаете за эту. — Он кивает в сторону Наташи.

Отмечаю пренебрежение в словах парня, но быстро забываю об этом. — Справитесь?

— Конечно.

Выбираемся с Кирой из салона, и внимательно осматриваем друг друга. Блондинка устало протирает лицо, заправляет волосы за уши и выдыхает.

— С тобой точно всё в порядке? — переспрашиваю я, вспоминая, как подруга ударилась о крыло автомобиля.

— Всё отлично, — Кира выдавливает улыбку. — Бывало и похуже.

— Разве?

— Нас ещё, конечно, не подрывали, но я сильная девочка. Справлюсь как-нибудь.

Киваю, и мы с трудом вытаскиваем Наташу из машины. Идем к оранжевой новостройке. Не успеваю разглядеть полностью всё здание, но ту часть, которую замечаю, считаю красивой. Мне нравятся балконы, широкие большие окна, и я ловлю себя на мысли, что не отказалась бы здесь жить.

Рядом Стас на спине волочет брата. Он выглядит таким подавленным, что у меня зажимает в груди. Наверно, волнуется за Макса. А может, жалеет о том, что собрался отдать мне практически все свои сбережения. Прикусываю губу: не хочу быть в долгу, это не моя природа. Я не привыкла забирать у людей что-то важное и нужное. Это эгоистично, и как-то неправильно. Но разве у меня есть выбор? Конечно, я могу повести себя принципиально и отказаться от помощи. В конце концов, насильно Стас мне деньги не вручит, но есть ли в этом прок? Вернутся домой, рассказать маме правду, и что делать дальше? Смотреть на её слезы, на её обиду, на её разочарование и подавленность? Это вариант, но самый плохой, самый недопустимый. И что выходит в итоге?

Выдыхаю.

Кажется, придется поспорить со своей природой.

Спрашиваю Шрама, на каком он живет этаже, и ужасаюсь, услышав ответ.

К счастью в здании работает лифт, и нам не приходится подниматься на одиннадцатый этаж пешком.

Когда мы оказываемся на месте, я удивленно осматриваюсь.

Мне не впервой видеть богатую, современную обстановку. Например, дом Астахова огромный, шикарный. Его родители, оба, работают в Газпроме, и они смогли позволить себе и лужайку перед коттеджем, и зал, больше, чем вся моя квартира вместе взятая. Но у Стаса скомбинированы две поразительные вещи: красота и уют, и от этого мне становится так спокойно, так приятно и так трепетно, что я мгновенно забываю о боли в спине. Забываю даже о взрыве и о том, что кто-то пытался меня похитить. А это много стоит.

— Прекрасная квартира, — с восхищением протягиваю я, и мы с Кирой опускаем Наташу на багровый, мягкий диван. Подкладываю под ногу девушки пакет, свою грязную сумку, чтобы ничего не испачкать, и вновь поворачиваюсь к Шраму. — Всегда мечтала о такой.

— Правда? — Парень скрывается за одной из дверей и возвращается уже без Максима. — Я рад. Кстати, — он смотрит на меня. — Кровь у моего брата остановилась. Он даже говорил только что.

— Говорил? — удивляюсь я.

— Что-то про Сочи и шаурму...

Улыбаемся, и я облегченно выдыхаю. Как же хорошо, что ему лучше.

— Вы не против, если я приму ванну? — спрашивает Кира, и я удивленно поворачиваюсь к ней лицом. Такое легкомысленное поведение говорит лишь о том, что она частенько здесь бывает.

— Конечно, — отрезает Стас.

— Тогда вы знаете, где меня найти.

Наблюдаю за тем, как блондинка идет по коричневому, мало освещенному коридору и выдыхаю: о такой раскрепощенности мне остается лишь мечтать.

— Обожаю её, — улыбается Шрам, и я недоуменно разворачиваюсь к нему.

— Кого её?

— Киру. Она великолепная девушка. Никто не умеет справляться и переносить неприятности так, как это делает она.

— Да. — Киваю. — Кира быстро обо всем забывает.

— Нет-нет, — качается головой парень и снимает с себя свитер, оставаясь в одной лишь серой майке. Я замечаю его руки, и смущенно сглатываю. Отлично. Теперь мало того, что я согласилась взять у него деньги, теперь я ещё и увидела его полуголым. — Она всегда помнит каждое событие, каждую мелочь. Просто Кира способна держать все эмоции в себе. Перерабатывает их самостоятельно, ни на кого не выгружая. Это прекрасное качество, свойственное лишь ей одной.

Стас достает из шкафчика аптечку, садится рядом с Наташей, и кладет её ногу к себе на колени.

— Где вы нашли её? — тихо спрашивает он, закатывает штанину и аккуратно извлекает из икры обломок. Кровь покрывает его пальцы, и парень придавливает рану ватой.

— Она была в подвале, — очнувшись, отвечаю я. — Кажется, именно Наташа руководила теми парнями, что пошли за Кариной.

Стас выдыхает.

В комнате повисает тишина. Парень обрабатывает порез спиртом, протирает его, вновь обрабатывает. Я наблюдаю за его действиями и не понимаю, почему тот молчит. Разве говорить и бинтовать лодыжку нельзя одновременно?

— Я должна поговорить с тобой, — отрезаю я, и сажусь напротив. Вижу, как Стас бросает в мою сторону быстрый взгляд, но он мгновенно его отводит.

— О чем?

— Обо всем. — У меня столько всего накопилось, что я начинаю заводиться. — Никто не хочет сказать мне правду, и из-за этого мы попадаем в неприятности. Я... я знаю, что ты не должен выкладывать передо мной все карты, что ты не вправе сказать мне то, что сказать должен другой человек, но Стас... - наконец, парень смотрит на меня. — Стас, пожалуйста, помоги мне понять, что происходит.

Шрам выдыхает и откладывает ногу Наташи в сторону.

— Что ты хочешь узнать?

От того, что парень позволяет мне задать вопросы, кровь в жилах резко подогрывается. Я поддаюсь немного вперед, протираю лицо и убираю назад волосы.

— Начнем, пожалуй, с того, почему те два качка и Наташа, назвали меня Коброй. Что это значит?

Стас усмехается.

— Все очень просто. Иногда в стае человеку дают прозвище.

— Прозвище?

— Да, за какие-то определенные действия. Я — Шрам, и как ты думаешь, почему? — парень горько улыбается. — Макс — Бесстрашный. Кирилл — Тошак.

— Но почему я Кобра? Я такая же отвратительная? Я обижала людей? Делала им больно?

— Ты думаешь совсем в другую сторону, Лия. — Парень сплетает перед собой пальцы и улыбается. — Ты была такой же смертоносной, такой же ловкой, быстрой и мудрой. Достаточно было одного удара, чтобы ты обезоружила противника. Всего лишь одного! Я всегда восхищался твоей силой. А люди... люди просто любили и уважали тебя.

От его слов, мне становится неловко. Я ошеломленно смотрю на Шрама, и не верю в то, что он говорит. Меня любили? Я была сильной? Просто абсурд какой-то.

— Ты серьезно?

— Можешь не верить, но это так.

— Почему тогда меня никто не узнал, когда я впервые пришла за Кариной?

— Состав стаи изменился после того, что с тобой случилось, — тихо отрезает парень. — Кто-то ушел, потому что испугался, а кто-то — потому что перестал в меня верить.

— Но что произошло? Как я потеряла память?

— Опустим этот вопрос.

— Но Стас!

— Или продолжаешь спрашивать что-нибудь другое, или заканчиваем интервью.

— Ладно, — обижено отрезаю я, и тяжело выдыхаю. — Как на счет Наташи?

— А что с ней не так?

— Ни Макс, ни Кира не хотели её спасти, — серьезно заявляю я, и вижу, как Шрам отводит взгляд. — Почему? Что она натворила?

— Не думаю, что ответ на этот вопрос как-то прояснит данную ситуацию, — шепчет парень, и встает с дивана.

— И это все? — возмущаюсь я. — Это все ответы, которые ты мне можешь дать?

— А что тебе ещё нужно?

— Ещё?! Ты мне ничего не сказал! Ни почему Наташа меня ненавидит, ни почему она хочет моей, нашей смерти! Что происходит, Стас? — я подхожу к предводителю, и смотрю ему прямо в глаза. — Почему нас пытаются убить?

— Потому что мы связались с кретинами, Лия.

— И как же мы с ними связались?

— Ответ тебя вряд ли устроит.

— Как? — напористо восклицаю я. — Скажи! Мне надоело находиться в постоянном неведении. Раз уж я член вашей стаи, так позволь мне быть в курсе дела.

— Тебе не обязательно быть в курсе всех наших дел.

— Стас! Скажи!

Парень недовольно смотрит на меня. Его скулы напряжены, зубы стиснуты. Он собирается уйти, как вдруг резко выдыхает. Качая головой, он отрезает:

— Ты — точка соприкосновения. Довольна?

Я недоуменно хмурюсь.

— Я? При чем тут я?

— Ещё до того, как попасть в мою стаю, ты числилась в другой семье. В семье, где сейчас нашла себе пристанище Наташа.

— Что? — удивляюсь я. — Шутишь, наверное. С чего вдруг я там числилась?

— Спроси у другого человека. Не у меня.

— Почему не у тебя? Ты же знаешь ответ.

— С чего ты решила, что знаю? — Шрам усмехается. — Я на самом деле, понятия не имею, что ты там забыла.

— Но разве семья, где сейчас Наташа, не образовалась позже вас?

— Нет, — категорично отрезает парень и вновь смотрит на меня. — Ты перешла ко мне в конце сентября. Как сейчас помню этот день: на тебе было синее платье, пиджак и грязные кеды. Я подумал: какого черта эта низкая, слабая девчонка притащилась? Она ведь даже себя на ногах еле держит. — Парень улыбается. — Хорошо, что моё первое впечатление оказалось ошибочным.

— Но почему же я перешла?

— Не знаю, Лия. До сих пор, не знаю. Через несколько месяцев в нашей стае начали гибнуть люди. — Стас отходит от меня, садится за черный, овальный стол. Наливает себе воды и выдыхает. — Я не мог понять: что же происходит? Решил, что в стае предатель. Естественно, поиски начал с новичков. Опросил пятерых парней, двух девушек, проследил за ними, разузнал всю их подноготную. Пусто! Ни одного изъяна. Все обычные школьники, студенты. Все учатся, отдыхают дома, развлекаются с нами: ничего сверхъестественного и плохого. Был ещё один парень. Но его я быстро отбросил. Слишком уж он казался мне слабым и бесхребетным.

— Так, и что? — я присаживаюсь напротив, и нагибаюсь чуть ближе, чтобы лучше слышать.

— Осталась лишь ты одна. — Шрам горько улыбается и прокручивает на столе уже пустой прозрачный стакан. — За два месяца, ты стала не просто частью коллектива, ты стала частью моей семьи, и мне даже подходить к тебе с подобными вопросами было смешно. Хотя... хотя знаешь, в глубине души я, наверно, просто боялся услышать утвердительный ответ.

— Неужели я могла предать вас? О чем ты говоришь? — я обижено сутулюсь. — Я не такая. Я бы не смогла так с тобой поступить.

— После очередного парада, в стиле: предводитель произносит речь, и все мы весело танцуем около колеса обозрения, я подошел к тебе. — Продолжает парень. — Я взял тебя за руку, положил к себе на плечо и сказал: Лия. Мне нужна правда. И знаешь, что ты ответила? — Стас усмехается. — Ты сказала: мне тоже.

Я ошеломленно смотрю на Шрама, и вспоминаю свой сон. Вспоминаю, как уже видела то, что он мне описывает.

— Боже мой...

— Я тут же понял, что ты не можешь быть предателем! — горячо восклицает Стас. — Я посмотрел на тебя, и всё понял!

— Господи, — я устало протираю руками лицо. — Как же сложно.

— Сложно?

— Да, сложно.

— Что именно?

— Как что? — я поднимаю глаза на Стаса и растерянно пожимаю плечами. — Посмотри в кого я превратилась! Посмотри! Я абсолютно ничего не помню, и я бесполезна. Я, словно атрофированная часть вашей стаи. Возможно, когда-то я была нужной, но сейчас...

— Не говори так. Ты сильная, и ты со всем справишься.

— Я сильная? Разве? По-моему, после потери памяти, я стала иной. Не такой, как прежде. Я больше не мудрая, не ловкая. Я не понимаю, что происходит, как выпутываться из данной, ситуации, в каком направлении двигаться. Я больше не Кобра, Стас! Я никто.

— Девиз нашей стаи. Ты помнишь его? — неожиданно спрашивает парень.

— Конечно.

— Он был создан не под влиянием Белой Лошади, как может показаться, — усмехается Шрам и придвигается ближе ко мне. — Он олицетворяет наши сильные стороны. Олицетворяет то, что помогает нам побеждать, жить и действовать.

— Слова ничего не значат.

— Значат люди, из-за которых эти слова обретают смысл, — соглашается парень, трактуя предложение по-новому. — Не знаю почему, но меня всегда манило небо... — Стас мечтательно откидывается на спинке стула. — Я хотел стать независимым, самостоятельным, свободным. Не думаю, что мне уже удалось исполнить это желание, но я пытаюсь. Правда, пытаюсь.

— И к чему ты это говоришь?

— К тому, что наш девиз был создан не из воздуха. Четыре... — Шрам запинается. — Три предводителя, три слова.

— Так четыре или три?

— Три.

— Свобода, бесстрашие и самоотверженность, — протягиваю я, пробуя существительные на вкус. Хочу перевести тему, так как не понимаю, к чему клонит предводитель. Но вдруг передо мной открывается новая дверь. Я ошеломленно поднимаю взгляд на Стаса и вновь повторяю. — Свобода, бесстрашие и самоотверженность! Черт меня подери. Как я раньше не додумалась.

— Понятия не имею, — саркастически протягивает парень.

— Свободу олицетворяешь ты. Логично, учитывая твою тягу к самостоятельности и к независимости. Макс олицетворяет Бесстрашие: проще простого. Кажется, у этого парня совсем не страхов.

— Бесстрашный не тот, у кого нет страхов, а тот, кто способен их контролировать.

Я киваю и хмурюсь.

— Самоотверженность, — смотрю на Стаса и вижу его лукавую улыбку. Недоуменно опускаю взгляд на свои руки и вспоминаю тираду парня на кухне. Он говорил, что только единицы обладают самоотверженностью. Значит, ли это, что я отношусь к тем избранным единицам? Живот скручивает, и мне приходится сгорбиться. — Неужели я была предводителем? — Шепчу, рассматриваю черный стол. — Просто невыносимо.

— Так и есть.

— Почему ты не сказал мне раньше?

— Потому что раньше я не был уверен в том, что ты вернулась окончательно.

— А сейчас уверен?

— Сейчас, да.

— Три предводителя? — удивляюсь я. — Просто средневековье какое-то.

— Вообще-то после несчастного случая, Макс отказался управлять. Он посвятил себя стае, наконец, стал её частью.

— Да, он сказал, что главный ты и только ты.

— Не говори так, словно это подарок свыше, — отрезает парень. — Ставить задачи и организовывать испытания — это не все мои обязанности. Я несу колоссальную ответственность за всех вас, и смерти, — это слово Стас выплевывает, и его лицо становится недовольным. — Все смерти впитываются в меня, словно в губку. Я слышу ночами голоса тех, кто умер, Лия. Я иногда вижу их на улицах, путаю с другими людьми, бегу в толпе, пытаюсь догнать несуществующие фигуры. — Парень прикрывает глаза и крепко сжимает стеклянный стакан в руке. — Нет ничего хорошего в том, чтобы справляться с проблемами самостоятельно. Нет ничего хорошего в том, чтобы стать одиноким ради кого-то, ради жизни других людей.

— Но у тебя ведь получается, — успокаивающе протягиваю я, и улыбаюсь. — Ты отличный предводитель, Стас.

Мои слова звучат искренне. На долю секунды, я думаю, как же мне удалось так спародировать решительность в голосе? Но потом, вдруг понимаю: это правда. Я на самом деле уважаю Шрама и считаю его хорошим предводителем. Странно, но моё сердце уверено в его силе и отважности. Теперь я готова доверить ему свою жизнь.

— Нет. Мне не хватает Бесстрашия Макса, и твоей Самоотверженности.

— Но теперь мы рядом, — я кладу руку поверх его руки. — Я — здесь, Максим тоже. Ты не одинок.

— Ты даже не представляешь, насколько я одинок, — приглушенно отрезает парень, и убирает руку. Он медленно встает, протирает лицо и горько улыбается. — Ты должна была позвонить маме.

— О боже! — я резко подрываюсь. — Черт. Забыла.

Парень усмехается и следит за тем, как я несусь к своей сумке. Вытаскиваю телефон, вижу несколько пропущенных звонков от Астахова, и набираю номер. Надеюсь, что мама не станет кричать.

После нескольких гудков мама отвечает.

— Да?

— Привет, — протягиваю я и двигаюсь вдоль коридора. — Я задержусь сегодня, хорошо?

— Задержишься? — удивляется она. — Почему?

— Хочу погулять.

— А дома ты ничего не хочешь сделать?

— Что, например? — аккуратно интересуюсь, и сворачиваю в одну из комнат. Здесь темно. Я облакачиваюсь спиной о стену.

— Ну, не знаю. Убраться, или сесть уроки. Считаешь, тебе не найдется дел?

— Ну, мам. Чего ты? Я ненадолго.

— Лия. Хватит бездельничать. Иди домой и приготовь ужин. — Слышу шум, на фоне чей-то смех и недоуменно хмурюсь.

— А ты где?

— Я у Кристины.

— А, ну ясно. — Тетя Кристина — это мамина подруга по работе. Замечательно: то есть она ходит по гостям, а мне, значит, нельзя. — Пожалуйста, — протягиваю я. — Я не допоздна.

— С кем ты собралась гулять? — выдыхает мама.

— С Астаховым.

— А разве у Леши сейчас не должно быть занятий по информатике?

— Их отменили. — Боже, лгу и не краснею! Хотя, интересный вопрос: где же он сейчас, если не со мной, и не дома? — Ну, мам, пожалуйста. Хочешь, я буду звонить тебе?

— Лия...

— Я не долго! — воспользовавшись неуверенностью в ее голосе, обещаю я. — Серьёзно.

— И сколько длится твоё недолго?

— Не знаю... Может ещё час, два.

— Очень не долго, — усмехается мама, и я слышу очередной раскат смеха. Видимо, в гостях у тети Кристины собралась вся больница. — Ладно. Не позднее девяти, поняла?

— Да, конечно.

— Всё, звони мне если что.

— Хорошо, — я улыбаюсь и кладу трубку. До девяти ещё пять часов, а я ведь отпрашивалась всего на два.

Рада, что мама не ставит меня в рамки. Это позволяет быть свободной.

Или освобождает время для того, чтобы попасть в неприятности.

— Чужачка?

Я испуганно вздрагиваю. Понимаю, что нахожусь в спальне. Здесь задернуты шторы, свет практически не поступает в комнату, темнота покрывает книжные полки, длинный стол, комод. Слабое свечение подчеркивает таинственность серых стен и синего пола. Я улавливаю приятный запах. Запах мяты. Осматриваюсь, привыкаю к темноте и неожиданно вижу на кровати Максима. Он выглядит уставшим, больным. Ребра сдавливают сердце, и мне приходится глубоко вдохнуть. Подхожу к парню, сажусь рядом и кладу руку на его горячий лоб.

— Ты как? — мой голос совсем не такой, как прежде. Он приятный, низкий, нежный. Иногда я удивляюсь, как тембр может меняться в зависимости от того, с кем и как ты разговариваешь. — Голова сильно болит?

— Совсем не болит.

— Ну, конечно, — улыбаюсь я, и аккуратно глажу волосы парня. — Надо промыть рану.

— Какую рану? — Макс усмехается. — Тебе, наверняка, показалось.

— К сожалению, не показалось.

Я встаю, и иду к выходу.

— Ты куда? Лия?

Поворачиваюсь и чувствую такую дикую тягу к парню, что становится страшно.

А Макс смотрит на меня. Ему плохо, уверена, сейчас единственное, что должно волновать его — это головная боль. Но нет. Он смотрит мне в глаза так растерянно и нежно, что в душе переворачиваются все мысли, чувства, желания. Я улыбаюсь.

— Я вернусь через минуту.

Так и происходит. Захожу в ванну, выслушиваю недовольные причитания Киры, нахожу небольшое полотенце, смачиваю его и возвращаюсь в комнату.

— Приподнимешься немного, — Максим садится, облокачивается о деревянную спинку кровати и внимательно следит за моим лицом, хотя лично я смотрю на его рану. Боюсь опустить глаза ниже.

— Как остальные? — тихо спрашивает парень. — С ними всё в порядке?

— Да. — Я протираю кровь на его виске, и поджимаю губы. — Кира уже нежится в ванной, Наташа спит на диване.

— А Стас?

— Стас страдает от одиночества. — Я хотела пошутить, но выходит как-то плохо. Максим грустно выдыхает, и морщится, когда я придавливаю полотенце к ране.

— Больно? Прости.

— Нет. Всё нормально.

— Я не хотела.

— Всё хорошо, — уголки его губ приподнимаются, и я робко улыбаюсь в ответ. — Ну, а ты как?

— Отлично, — наконец, я говорю правду, и это греет что-то внутри. — Ударная волна оттолкнула меня, но я удачно приземлилась.

— Везучая ты, чужачка.

— Так и есть. Кстати, — я убираю полотенце со лба парня, и всё-таки опускаю глаза ниже. Наши взгляды встречаются, и мне стоит огромных усилий продолжить говорить. — Я хотела извиниться за то, что устроила в подвале концерт. Ты спас нас, и мне не стоило кричать.

— Ничего страшного. Я понимаю, как тебе трудно. Слишком многое свалилось на твои плечи, так что просить прощение не стоит.

— Стоит, — твердо отрезаю я. — Трудно, не трудно — какая разница? Я повела себя нагло, эгоистично. Кто знал, когда взорвется подвал? А вдруг мы бы не успели выбраться и подлетели на воздух из-за того, что я решила поистерить? — Выдыхаю. — В любом случае, прости. Иногда я не могу себя контролировать.

— Я тоже.

В глазах Максима что-то загорается. Почему-то мне кажется, что парень имеет в виду свой порыв в баре, наш танец. В тот день никто не смог взять верх над своими эмоциями.

— Тебе нужно отдохнуть, — заботливо шепчу я. — Поспи.

— Не хочу, — отрезает он. — Правда, не хочу.

— Макс, ложись, пожалуйста.

— Я засну, и ты уйдешь.

Меня цепляют его слова. Становится так приятно и так одновременно с этим неловко. Я смущенно улыбаюсь.

— Я никуда от тебя не денусь, — обещаю и ласково глажу его черные волосы. — Поверь мне.

— Но...

— Максим, — помогаю парню лечь и укрываю его одеялом. Стеснительно поджимаю губы, наблюдая за тем, как он борется со сном. Неужели так не хочет прощаться? — Я всегда с тобой.

— Не всегда, — шепотом отвечает он, проваливаясь в небытие. — Ты уже как-то раз ушла от меня, чужачка. Ты уже оставляла меня одного.

Внутри разгораются странные чувства. С одной стороны я понимаю, что все слова парня связаны с его состоянием, с его сонливостью, болью и слабостью. Но с другой стороны...

Выдыхаю, наклоняюсь и целую Максима в лоб. Очень нежно, едва касаюсь. Этот порыв необъясним. Я не успела обдумать свои действия, не представила, что будет после них. Но я это сделала. И сейчас ничуть не жалею.

— Спи, — вновь повторяю я, наблюдая за тем, как парень засыпает. — Спи, и ни о чем не думай.

Улыбаюсь.

Как бы мне хотелось, чтобы этот момент длился вечно. Сейчас я как никогда чувствую свою силу. Чувствую, может лживое, но всё-таки теплое ощущение принадлежности к этому человеку. Он ведь нуждается во мне. Он хочется, чтобы я была рядом.

И я буду рядом.

Даже если не физически, я всегда буду рядом с ним мысленно.

Неожиданно голову пронзает судорога.

Я морщусь и недоуменно горблюсь. Протираю руками лицо, встаю с кровати и иду вон из комнаты.

Предметы кружатся перед глазами. Я хватаюсь рукой за стену и плетусь вперед. Иду. Медленно, коряво, неуверенно. Выхожу из комнаты, откидываю назад голову и громко вдыхаю воздух. Легкие сжимаются одновременно с тем, как виски вспыхивают от огромного давления.

— Что же это такое? — шепотом жалуясь я, и врезаюсь спиной в книжный шкаф. Протираю руками лицо, хочу вернуться в реальный мир, избавиться от боли. Выдыхаю, приподнимаю руки и давлю на виски.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает меня Шрам, и я недоуменно поднимаю на него глаза. Красные, испуганные глаза. — Почему ты здесь, а не в комнате?

— Я...

Меня перебивает другой голос.

— Там слишком много людей, — поворачиваю голову в сторону, и еле сдерживаю крик в горле. — А мне нужно поговорить с тобой наедине.

Моя копия, с зелеными прядями подходит к Стасу и тяжело выдыхает.

— То, что я хочу сказать, вряд ли тебе понравится, — предупреждает она, и я судорожно прижимаюсь к шкафу. Борюсь между тем, чтобы расплакаться от ужаса, или взять себя в руки, успокоиться. К удивлению, побеждает второе. Стискиваю зубы и делаю шаг навстречу копии. Хочу услышать каждое её слово.

— Что-то случилось? — взволнованно спрашивает парень. — С твоим дружкой?

— Нет. Это касается Наташи.

Стас удивленно вскидывает брови, и тут я вдруг понимаю, что на его лице отсутствует шрам. Его попросту нет!

— Боже мой, — шепчу и прикрываю рукой рот. Не верю своим глазам. Здесь парень красив, идеален. Не изувеченное лицо пропорциональное, гладкое, очаровательное. Узнаю в нем Макса, и грустно выдыхаю: как жаль, что жизнь оставила такой грубый отпечаток, на таком красивом, мудром лице.

— Касается Наташи? — переспрашивает Стас, и усмехается. — Серьёзно?

— Да. — Моя копия неуверенно выдыхает и кладет руку на лоб. — Мне трудно об этом говорить, но, кажется, я знаю, кто предатель.

Прежде, чем девушка заканчивает своё предложение, парень громко выдыхает и отступает назад.

— Что ты такое говоришь? — возмущается он. — С ума сошла?

— Но это правда!

— Лия, прекрати. — Стас обижено хмурится. — Зачем ты так? Неужели ваше соперничество заставило тебя упасть столь низко?

— Ты влюблен и слеп! — восклицает копия, и указывает на парня пальцем. — Дело не в глупом соперничестве, а в том, что я видела Наташу в «Святом Клубе».

— И что ты там делала?

— Я... — девушка расстроено выдыхает. — Я следила за ней.

— Следила? Лия!

— Что? Мы друзья, Стас. Ты мне, как брат. Но я не могу молчать.

— Сестра не стала бы ставить мне палки в колеса.

— Просто послушай меня.

— Не собираюсь, — отрезает он. — Это глупо! Знаешь, как дорога мне Наташа и всё равно заставляешь выбирать между вами.

— Я всего лишь хочу, чтобы ты меня услышал! — требую копия. — В стае проблемы, и ты об это знаешь. Если предатель не новичок, значит, он один из проверенных, старых лиц. Правильно?

— Но почему Наташа?!

— Потому что она ненавидит меня! Потому что ей надоело, что ты находишься со мной рядом, что я команду, что мне доверяют люди... Она попросту не выдержала давления, и решила отомстить всей стае, таким вот низким образом.

— Это уже выходит за все рамки, — Стас прожигает девушку яростным взглядом, разворачивается к ней спиной и выкрикивает на ходу. — Тебе пора уходить.

— Стас! Подожди!

Но парень не останавливается. Я вижу, как он скрывается за углом, и слышу, как расстроено выдыхает девушка. Протерев руками лицо, моя копия откидывает назад голову и закрывает глаза.

— Черт, — шепчет она. Замечаю, что ей очень плохо и трудно. Грудная клетка копии то и дело двигается, быстро, неравномерно. Обхватив себя руками, девушка потерянно открывает глаза и достает из кармана телефон. Набирает номер, тихо просит:

— Забери меня, пожалуйста. — Прикусывает губу. — Как ты и сказал, он мне не поверил.

Кивает, кладет трубку и начинает двигаться вдоль коридора. Доходит до поворота к

входной двери, бросает взгляд в сторону гостей, и внезапно исчезает, превратившись в легкую прозрачную дымку.

Я ошеломленно смотрю копии вслед. Не верю в то, что вижу, но уже не считаю правильным отрицать очевидное. Мои флешбеки реальны. Я вижу прошлое.

— Твою мать.

Хочу продолжить мысль, но недоуменно замираю.

Меня отвлекает странное чувство. Тягучая горячая линия спускается по губам, подбородку, капает на кофту, и я раздраженно придавливаю нос рукой. Опять кровотечение.

Несусь в ванну, врываюсь в помещение, замечаю Киру в полотенце, и резко закрываю за собой дверь.

— Господи, — восклицает она, наблюдая за тем, как я склоняюсь над раковиной и начинаю промывать лицо. — Да, что с тобой такое? Уже второй раз.

— Не говори никому, — прошу я. — Пожалуйста.

— Но почему? — Блондинка закрепляет на себе полотенце и поправляет мокрые волосы. Она подходит ко мне, кладет руку на плечо и тяжело выдыхает. — Вдруг это последствие аварии?

— Нет. Это нечто другое.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не могу рассказать, — расстроено опускаю голову на край мойки.

— Как это не можешь? — возмущается Кира. — Я здесь, и я готова слушать. Так что не тяни, и объясни мне, что происходит.

Смотрю на подругу, придавливаю нос и разоблаченно выдыхаю.

— Уверена, ты не согласишься в то, что я тебе сейчас скажу, — блондинка молчит, и я продолжаю. — У меня случаются иногда видения. Их сопровождает головная боль, а затем носовое кровотечение.

Повисает молчание. Подруга садится на край ванной, и скрещивает на груди руки.

— Так, — протягивает она. — Видения, говоришь.

— Да. С каждым разом кровь не останавливается всё дольше и дольше, впрочем, как и сами отрывки из прошлого: они удлиняются. — Промываю нос теплой водой, и стою над раковиной. — Понимаю, звучит так, словно я сошла с ума, но это правда. В первый раз, я увидела себя же в больнице. Моя копия говорила с кем-то по телефону: она была расстроена, зла и озадачена. Возмущалась и кричала. Во второй раз, она появилась в баре. Танцевала со свежей татуировкой дабл ю, — украдкой смотрю на свое тату и морщусь. — В третий раз, то есть сегодня, копия настигла меня в коридоре. Она общалась со Стасом, причем на его лице ещё отсутствовал шрам! Представляешь?

— Лия, — Кира нерешительно пожимает плечами. — Я хочу тебе верить, но...

— Знаю, это бред. — Грустно выдыхаю и устало поникаю. Кровь не прекращает течь, и силы начинают предательски испаряться. — Не нужно было тебе рассказывать.

— Нет! Конечно, нужно! Просто... — блондинка встает и неожиданно обнимает меня. Я не ожидаю такого порыва, удивляюсь, но не отстраняюсь. Её крепкие руки помогают устоять на ногах, и это замечательно. — Уверена, что это не галлюцинации?

— У меня в прошлом были зеленые пряди в голове?

— Да...

— Значит, не галлюцинации. — Закрываю, и испуганно моргаю. — Кровь до сих пор идет.

— Максим проснулся? Может, его позвать?

— Нет. Он спит.

— Так разбудим его. Стас сказал, что он вроде как уже хорошо себя чувствует.

— Кира, что ты такое говоришь? Максу нужно отдохнуть.

— Он сильный мальчик. — Отрезает блондинка. — Я уверена, что он не против был бы помочь тебе.

— Нет, будить мы его не станем в любой случае.

— Но почему?

— Потому что... — поднимаю голову и смотрю на подругу в отражении. Стесняюсь, краснею, но всё же продолжаю говорить. — Потому что, кажется, я поняла, что Макс очень много для меня значит, и похоже, я так же играю в его жизни не последнюю роль.

— Алилуя! — восклицает подруга и улыбается. — Я рада, что ты, наконец, осознала это.

— Наконец?

— Конечно. Слишком долго ты вспоминаешь человека, за которого готова была умереть.

— Всё так серьёзно? — я спрашиваю ради приличия. На самом деле, мне известен ответ.

— Так серьёзно, что даже скучно, — язвит Кира и поджимает губы. — Только объясни мне, почему ты не хочешь поведать ему о своих таинственных видениях и кровотечениях из носа? Вдруг он сможет помочь.

— И выставить себя душой?

— Ну, посвети ему хотя бы в то, что уже третий раз удачливо избегаешь обморока.

— Рассказать ему о кровотечении, значит взволновать и озадачить. К чему парню лишние проблемы? — Выдыхаю. — Пусть лучше побеспокоится о своей ране на виске.

— Ты всё такая же самоотверженная, — выдыхает подруга, и закатывает глаза к потолку.

— Что ты имеешь в виду?

— Как что? Макс — начинающий врач: может, он в состоянии помочь. Но нет: ты выбираешь тот вариант, который облегчит жизнь ему, но доставит уйму неприятностей тебе.

— А ты как хотела? Жаловаться, не в моих правилах.

— В твоих правилах рисковать и набивать шишки.

Кира выдыхает, подходит к своим вещам и неожиданно достает из сумки маленькую бутылку с бронзовой жидкостью. Открывает её и жадно припадает к горлу губами.

— О Боже, что это?

Вытирает подбородок рукой.

— Виски.

— Откуда он у тебя? — ошеломленно спрашиваю я. — Не рановато ли для алкоголя? Ты же только утром жаловалась, что тебе плохо.

— Самое время, чтобы выпить. — Блондинка вновь глотает жидкость. — Я хочу расслабиться.

— Сумасшедшая.

— Знаю.

— Просто удивительно. — Тяжело выдыхаю, задумавшись над тем, что любовь Киры к алкоголю можешь привести к серьёзным последствиям. Пытаюсь откинуть эти мысли. Смотрю на свое отражение, разглядываю глаза, и вдруг осознаю, что вижу в них нечто новое. Словно меня, наконец, наполнили тем содержимым, которого не хватало на протяжении четырех месяцев. Приходится признать, что в таком состоянии, я больше похожу на свою копию, чем на саму себя. — Знаешь, меня с самого начала потянуло к Макс, но я не понимала почему. Сначала думала, что манит его внешность, его ум. Но теперь я знаю, — улыбаюсь и прикусываю губу. — Знаю, что меня манил он сам. Манил тот факт, что в моем сердце кто-то есть... но кто? — Протираю нос, и усмехаюсь. — Черт меня подери, Кира. Как такое возможно? Я влюблена в человека, которого забыла. Разве это нормально?

— В жизни всё возможно, — блондинка кладет подбородок мне на плечо. — Когда расскажешь ему о том, что всё вспомнила?

— Я пока не вспомнила, — поправляю подругу, и выдыхаю. — Пока что, я лишь почувствовала.

— Но он должен знать. Максим заслуживает правды.

— Нет никакой правды, Кира. Мои предположения основываются лишь на том, что сердце выпрыгивает из груди, когда я его вижу, а живот скручивается в трубочку и провоцирует головокружение с тошнотой. Но вдруг всё это лишь игра воображения? — Хмурюсь, и радуюсь, что кровь остановилась. Промываю лицо, тянусь рукой к полотенцу и прикладываю его к носу. — Что если Макс плевать на меня? В конце концов, давай вернемся в прошлое и вспомним, как он избил меня, вспомним, как он кричал, что не хочет меня видеть в стае.

— Ты смеешься? — возмущенно восклицает подруга, взмахивая уже полупустой бутылкой. Когда она успела её осушить? — Милая моя, раскинь мозгами. Он каждый раз спасал тебе жизнь, и не потому что хотел побить девушку, попасть под поезд или угодить в руки к ментам. Он рисковал многим ради тебя, лишь потому что дорожит твоей жизнью! Разве это не повод задуматься и перестань винить его во всяких глупостях?

— Эта глупость не проходила на моем плече неделю, — обижено тяну я.

— Лия, прошу, не выдумывай. Смешно слышать от тебя такое. — Блондинка отходит в сторону и придавливает мокрые волосы руками. — Я бы на твоём месте не теряла времени. Макс и так слишком долго тебя ждал. Не надо мучить его теперь, когда ты обо всем догадалась.

— Я никого не мучаю. Я просто не знаю, как мне себя вести.

— Не нужно знать! Просто подойди к нему и скажи, что он тебе дорог. Что в этом сложного?

— Хватит, Кира. Всё не так просто, как кажется, — протираю руками лицо. — Посмотри на нас! Мы постоянно ссоримся. Вечно кричим друг на друга, спорим. Он абсолютно не понимает меня, а я не понимаю его. Иногда мне кажется, что это человек-камень! Да, он добрый, и его глаза очень, очень красивые. Но давай поговорим серьёзно. Максим иногда ведет себя слишком высокомерно. А мне не нравятся высокомерные парни, ясно? А ещё он считает меня маленькой, незащищенной, уязвимой девочкой, но я не такая. Я, может, совершаю ошибки и вечно попадаю в какие-то неприятности, но это не значит, что я слабая. А он именно так и думает! — недовольно взмахиваю руками. — Он не уважает меня, раз считает трусихой и слабачкой. И какие тогда могут быть отношения у таких людей? А? Скажи мне, какие? — Неожиданно подруга усмехается. Я сначала думаю, что мне показалось, но затем она вновь улыбается. — Что? Что смешного?

— Ничего.

— Ну!

— Да, правда, ничего.

— Кира! — Я выпрямляюсь и подхожу к девушке. — Сейчас же скажи мне, что заставило тебя рассмеяться, после такого трогательного эмоционального признания?

— Это не важно. — Смирью подругу недовольным взглядом, и та, поджав губы, разоблаченно выдыхает. — Просто я где-то уже это слышала.

— В смысле?

— В смысле, каждый раз, когда вы ссорились с Максом, а происходило это довольно-таки часто, поверь мне, я оказывалась твоим личным психологом, и выслушивала подобные жалобы, претензии. — Кира улыбается. — Ты всегда была недовольна тем, что Макс не доверяет тебе. Говорила: почему он не позволяет мне справиться с проблемой в одиночку? Я ведь смогу, я ведь сильная! — Девушка качает головой и мутно смотрит на меня. — Но на самом деле, его желание сделать тебя маленькой и беззащитной, было связано лишь с тем, что он за тебя волновался. Максиму всегда было спокойней, когда ты не ввязывалась в конфликты, стояла за его спиной. Так он контролировал ситуацию, защищал тебя.

— Ты так говоришь, словно я постоянно влипала в неприятности.

— Так и есть. Ты вечно набиралась проблем.

— Да, ладно, — я удивленно присаживаюсь на край ванны. — И что же именно я делала?

— Мне и вспоминать страшно! — блондинка садится рядом, глотает виски и задумчиво облизывает губы. — Как-то раз тебе не понравилось, что твой одноклассник, Женя, полностью передрал твою аттестационную контрольную работу по физике. Он, конечно, тот ещё придурок: списал всё, как скопировал. Учительница это заметила, и поставила тебе неудовлетворительно. А ты так готовилась, хотела угодить родителям, сказать: вот, я умею не только гулять до ночи и приносить тройки, но и шевелить мозгами. А в итоге вышло, что мама запретила нам видаться, тебя заперли под семью замками, и ты не попала на концерт Би-2, куда копила деньги с начала сентября.

— Вот это да! — возмущаюсь я. — А я ещё говорила с ним после операции.

— Удивительно, как решился заговорить с тобой он. — Кира горько улыбается. — Ты хотела натравить на него троих наших ребят, на что Шрам и Максим естественно отрезали твердое: нет. Расстроилась, обиделась, но руки не опустила. После школы заманила бедного парня в кино, а по пути избивала так сильно, что он ходил две недели с шиной на руке.

Я расширяю глаза, и недоуменно вскидываю подбородок.

— О чем ты? — мне не по себе от её слов. — Я не могла так поступить.

— Женя, конечно, никому не рассказал. Признаться, что его избивала девчонка на голову ниже — это ведь так унижительно.

— Но как я справилась с ним? — удивленно восклицаю и недоверчиво качаю головой. — Ты видела Женю? Помнишь, как он выглядит?

— Ты же Кобра, Лия, — напоминает мне Кира. — Побить Женю было проще простого.

Я встаю с края ванны и недовольно складываю перед собой руки.

— Я бы никогда так не поступила.

— Я как-то сказала тебе, что ты любишь рубить сгоряча, — вспоминает подруга и неуверенно пожимает плечами. — Так оно и есть.

— Но это бред, — защищаюсь я. — Я избивала человека? Я? Не говори глупостей. Я даже драться не умею.

Кира вновь смеется, и мне приходится задуматься.

Черт подери. Каким монстром я была год назад?

— Ясно. Что ещё?

— Хмм... — подруга пьяно хмурится. — Однажды, ты заметила, как два парня издевались над собакой. Они привязали беднягу к дереву, кидали в неё камнями.

— Какой ужас, — Всегда злили люди, считающие, что издевательства над слабыми делает им чести. — Мерзкие идиоты.

— Ты, конечно, вмешалась. Отвязала дворнягу, спасла ей и жизнь, но сама попала в непростую ситуацию: парни решили поиграть с тобой, — подруга грустно выдыхает, и я недоуменно хмурюсь. Не понимаю, почему она расстроена на этот раз. Если Женю я избила, сославшись на тупую злость, то здесь вполне уместна хорошая встряска мозгов для обоих ублюдков. — Лия, — Кира пьяно смотрит на меня, хотя пытается выглядеть серьёзно. — Один из них попал в больницу с сильным сотрясением мозга.

— Так ему и надо, — немного испуганно отрезаю я. — В следующий раз будет думать, прежде чем решит поиздеваться над животными, или другими, более слабыми людьми.

— Он умер.

Словно приговор, звучат её слова. Я отхожу назад и с ужасом выдыхаю.

— Что?

— Кровоизлияние в мозг.

— Ты ведь шутишь?

— Такими вещами не шутят, — шепчет блондинка. — Он скончался спустя три дня, после операции.

— Зачем ты говоришь мне такое? — с болью восклицаю я. — Зачем?

— Ты должна быть в курсе.

— В курсе чего? Что я монстр!

— Успокойся, — легкомысленно выдыхает Кира. — Его смерть — не твоя вина. Говорят, он до этого подрался ещё с кем-то, много курил, почти неделю ходил с повышенным артериальным давлением. Так что инсульт был неизбежен.

— Спасибо. Ты облегчила мои страдания. — Выдыхаю, и подавлено иду к выходу. — Мне нужно домой.

— Подожди! — блондинка срывается с места, и останавливает меня. — Чего ты? Я не хотела обидеть тебя.

— Ты не обидела меня.

— Лия! Ну, прости. Я решила, что лучше ты узнаешь такие подробности от меня, чем от кого-то другого.

— Так и есть. Но мне, правда, нужно домой. — Не правда, но я не хочу сейчас находиться здесь. Мне нужно подумать. — Позвоню, когда доеду.

— Эй! Бронская! — тянет девушка и хватает меня за руку. Я поворачиваюсь и резко выдыхаю. — Ну, перестань. Я всё это сказала лишь потому, что считаю неправильным скрывать от тебя правду. Ты слишком долго была в неведении. Теперь пора наверстать упущенное.

— И почему нельзя было начать навёрстывать упущенное с чего-то хорошего? Или я, на самом деле, такой монстр, каким меня видят родители, сестра?

— Плохое было, Лия. И не нужно его отрицать. — Блондинка пьяно хмурится. — О хорошем ты и так узнаешь. Не лучше бы вооружиться своими прошлыми ошибками и не допустить их сейчас?

Я недолго думаю.

— Нет. Не лучше.

— Но почему?

— Потому что ты хотя бы могла постараться реабилитировать меня к жизни! Из моей памяти вылетел целый год, это сводит с ума, Кира. И знаешь, мне бы хотелось услышать что-нибудь хорошее, ободряющее, а не сразу же осведомиться в том, как я помешенно избивала людей! Или... или о том, как я их жестоко убивала! — Тяжело дышу и обижено хмурюсь. Мои глаза наливаются слезами. Я не верю и не хочу верить в то, что способна на нечто подобное. — Тебе не понять, что я сейчас чувствую. Да, я согласна: плохое было. Но почему ты начала свой рассказ именно с этого? Неужели, — я растерянно моргаю, прикусываю губу. — Неужели за весь прошедший год, я не сделала ничего хорошего, стоящего? Не сделала того, чем сейчас могла бы гордиться?

— Лия...

— Спасибо тебе, — смахиваю с глаз слезы. — Спасибо тебе, подруга.

Вырываюсь из ванны, и стремительно направляюсь к выходу.

— Ну, подожди, — воеет сзади блондинка и бежит следом за мной. — Пожалуйста, прости. Я не подумала.

— Теперь нет смысла брать свои слова обратно. Ты уже всё сказала, а я уже всё услышала.

— Тот парень умер, да. — Тараторит блондинка. — Но это был несчастный случай! Ты не при чем. Твоей вины нет!

— Нужно было говорить об этом раньше, а не сейчас, когда я уже успела себя возненавидеть.

— Лия, всякое в жизни случается. И плохое, и хорошее. И как бы сложно не было это признавать, но все мы совершаем ошибки. Абсолютно все.

— Да, спасибо, что просветила.

— Не понимаю, почему ты злишься.

— Потому что я не убийца! — резко развернувшись, кричу я. Не ожидаю от себя такой реакции, но не противлюсь дикой злости. У меня внутри горят все органы, горят глаза и ладони. Я судорожно выдыхаю. — Я не убийца.

— Знаю, — шепчет Кира и испуганно замирает. — Я знаю это.

— Тогда почему все, сказанные тобой слова, говорят об обратном? — обижено вскрикиваю я, и вновь протираю лицо. — Почему ты только что сравняла меня с землей, Кира? Почему?

— Я лишь хотела сказать тебе правду...

— Что здесь происходит? — неожиданно спрашивает Стас и выходит в коридор. Он недоуменно смотрит на меня. Видит слезы и растерянно переводит взгляд на Киру. — Что ты ей сказала?

— Ничего, — защищается блондинка. — Ничего такого, что должно было её обидеть.

— Ты не обидела меня, — ядовито чеканю я. — Ты просто-напросто убила во мне веру в себя!

— Лия, — Шрам подходит ко мне и берет за руки. — Что случилось? Скажи мне, что?

— Ничего.

— Не закрывайся. Объясни мне.

— Ты так говоришь, словно всё прекрасно понимаешь, — меня начинает колотить. Я чувствую, что слезы уже несутся по щекам, что ноги дрожат, что лицо покраснело. Но я не сопротивляюсь. — Да, Стас? Ты знаешь, какая я на самом деле.

— Лия, прошу тебя, успокойся. Не суди себя за прошлое. Ты там больше не живешь.

— Разве? Тогда почему мне кажется, что я никак не могу начать жить в настоящем?

— Ты уже начала, — уверенно отрезает парень. — Сейчас, здесь, в этот самый момент ты вспомнила про те ошибки, которые когда-то уже успела себе простить. В этом нет смысла!

— Как же нет? — испуганно спрашиваю я, и взрываюсь плачем. — Я чудовище, Стас.

— Нет, конечно, нет! — Парень неожиданно обнимает меня, и сжимает в объятиях так крепко, что у меня перехватывает дыхание. — Я не знаю, о чем именно тебе рассказала Кира, но в любом случае прошлое позади. Ты уже пережила его, уже расплатилась за свои ошибки, усвоила их. Не заставляй себя заново страдать.

— Но я не могу. Я не могу.

— Тшш, — успокаивающе шепчет Шрам, и поглаживает мои волосы. — Ты справишься. Даже если тебе придется пережить это снова, ты справишься.

Наступает тишина, которую прерывают лишь мои всхлипы. Я держусь за парня так крепко, что начинают болеть пальцы, полностью сводит руки. Мне очень плохо, и очень обидно. Я никогда не смогла бы даже подумать о том, что человек умер по моей вине. Это так отвратительно и мерзко. Плачу. Сильней вжимаюсь в Стаса и мысленно благодарю его за то, что он не отпускает меня.

Людам свойственно ошибаться. Все мы когда-то говорим ни те слова, совершаем ни те поступки, приходим ни к тем выводам, или прощаем ни те вещи, которые дозволено прощать. Но есть определенный лимит.

Солгать маме или сбежать с уроков, подставить друга или избить человека. У каждого действия свой процент неразрешимости. И если сложить все мои ошибки, суммировать каждый мой промах, заблуждение, недостаток или провинность, я превышу этот лимит. Я превышу допустимую норму, и окажусь в самом низу без родителей, друзей. Я останусь одна вместе со своими грешками, ложью, совестью. И это убьет меня. Я знаю, что это меня убьет.

Глава 10. Причины, из-за которых хочется потерять память

— Я позвонила Леше. — Сообщаю и сажусь за стол. — Он скоро приедет за мной.

— Тебе с сахаром? Хотя о чем это я, — парень достает чашки, ставит их на столешник и насыпает в каждую заварки. — Ты всегда пила такой сладкий чай, что я сомневался, то ли ты в чай добавляешь сахар, то ли в сахар чай.

Непроизвольно улыбаюсь, хотя внутри буквально сгораю от стыда.

— Ты как? — он садится рядом.

— Так себе.

— О чем тебе рассказала Кира?

— О моих грешках, — усмехаюсь, чувствую, как глаза наполняются слезами, и прикусываю губу. Отворачиваюсь в сторону, пытаюсь вновь привести себя в чувство. — Она посвятила меня в то время, когда я была бешеной Коброй, а окружающие люди — грушами для битья.

— Мы все совершали ошибки, — размеренным голосом протягивает Шрам.

— Возможно. Но вряд ли каждый из вас обречен какого-нибудь человека на гибель.

— Я уже говорил тебе о том, что виню себя во всех смертях своих подопечных.

— Это другое.

— Это то же самое.

— Нет! — настаиваю я. — Ты не являлся причиной, понимаешь? Ты всего лишь наставник, организатор. Люди сами выбирают: рисковать или нет, прыгать или нет, драться или нет. А я... — запинаясь и поворачиваюсь лицом к Стасу. — Я — причина. Я убила того парня.

— Лия, прошу тебя, остановись. — Шрам недовольно выдыхает. — Ты не убивала никого! Наверняка ты говоришь о том придурке, у которого произошло кровоизлияние в мозг. — Я киваю, и Стас подходит ближе ко мне. — В том случае нет твоей вины. Парень был обречен. Врачи зафиксировали высокий сахар в крови, артериальное давление...

— Но если бы не я, он смог бы прожить дольше.

— Если бы не ты, он бы никогда не понял, что значит быть слабым и беззащитным. Он бы никогда не осознал всю ценность силы и того, как ею надо пользоваться.

— Да, кто я такая, чтобы лишать человека жизни? — ненавистно выплевываю я. — Я не имела права объяснять ему, что хорошо, а что плохо, таким способом! Он умер, Стас! Он умер!

— Вот скажи мне: ты бы смогла простить человека, который совершил в прошлом нечто подобное?

— Конечно, нет.

— Ошибаешься, — протягивает Шрам. — Ты бы простила.

— Если ты так думаешь, значит, ты плохо меня знаешь.

— Это ты плохо себя знаешь, Лия. А я... — Стас поджимает губы и грустно выдыхает. — Я помню, как один парень попал в похожую ситуацию. Он был подавлен, разбит. Не хотел жить, даже пытался покончить с собой, но ты... — он смотрит на меня так, словно я святая. От этого становится неловко, особенно теперь, когда я узнала, кто я на самом деле. — Ты поддержала его. Не позволила согнуться, наложить на себя руки. Ты спасла его, Лия.

— Возможно, там была совсем другая ситуация, и вообще, нечестно использовать против меня факты, о которых я не помню.

— Вспомнишь когда-нибудь, — улыбается парень, заливает заварку кипятком и переставляет чашки на стол.

Выдыхаю. Пытаюсь забыть о том, что натворила в прошлом, но это оказывается не эффективным способом решения проблемы. Возможно, нужно не забыть, а смириться? Или не смириться, а понять?

— Вух, — протягиваю я. — Тяжелый день сегодня выдался.

— Не то слово, — Стас садится напротив меня и усмехается. — Знаешь, Кира замечательная девушка. Храбрая, сильная, верная. Но вот что она не умеет делать, так это держать язык за зубами. Особенно, когда она пьяна.

— Откуда знаешь, что она выпила?

— Я её мутные глаза вижу за километр. Мне не привыкать.

Выдыхаю.

— Мне, наверно, не стоит злиться. На самом деле, Кира лишь сказала правду. Но кто это любит? — улыбаюсь и размешиваю чай. — Наверно, никто.

— В следующий раз просто останови её, прежде чем будет поздно.

— Постараюсь. Стас...?

— Мм?

— Что такое «Святой клуб»?

— Откуда ты о нем знаешь?

— Да, так. — Отпиваю чай. — Всплыло в памяти.

— Это место, где обычно собирается «семья» Наташи. — Он покачивает головой. — Я там был пару раз, и, если честно, не впечатлен. Обыкновенное заведение. Танцы, музыка, девушки и алкоголь.

— А зачем ты туда ходил?

— Хотел что-то разузнать. Уже не помню что именно.

— Ясно. — Грею руки, обхватив чашку ладонями, и задумчиво выдыхаю. — Мне жаль, что в прошлом, я была плохой. Правда, жаль. И если я причинила тебе боль, как-то тебя обидела — прости. Вряд ли я сделала это специально.

— О чем ты? — улыбается парень. — Ты была моим лучшим другом.

— Серьёзно?

— Да, я считал тебя своей сестрой. Помнишь, ты неожиданно решила, что являешься моей любимицей? — Я киваю, на что Стас усмехается. — Так и есть. Почему-то я всегда знал, что могу на тебя положиться, могу тебе доверять.

— А Наташа? — вопрос непроизвольно срывается с губ, и я смущено опускаю взгляд. — Я не хочу лезть туда, куда не следует, но... но мне кажется, что между вами что-то было.

— Тебе не кажется.

— Просветишь меня?

— Тут нечего рассказывать, — отрезает парень. — Я любил её, и слепо верил в то, что она любит меня. Это из той серии, когда люди совершают ошибки, и потом очень долго за них расплачиваются.

— Так она всё-таки предала тебя, — протягиваю я, и расстроено выдыхаю. Шрам понимает, что это не вопрос и удивленно вскидывает брови.

— Почему у меня такое чувство, будто ты знаешь гораздо больше, чем рассказываешь?

— У меня такое же чувство, правда, оно касается не только тебя, но и всех меня окружающих людей.

— И всё же, — настаивает парень. — Откуда ты знаешь, что Наташа предала меня?

— Иногда, кое-что всплывает в моей памяти, — осторожно сообщаю я. — И этот случай один из тех мгновений, о которых я вспомнила.

Стас задумчиво смотрит на полупустую чашку. Он колеблется, хочет что-то сказать, но молчит. Мне становится интересно. Прикусываю губу и нетерпеливо придвигаюсь ближе.

— Что? — с любопытством спрашиваю я. — Что ты хочешь сказать?

— Да, ничего.

— Стас.

— Просто... Просто у меня такое чувство, будто всё повторяется, — парень, улыбаясь, хмурится и поднимает на меня взгляд. — Опять тайны, опять смерти. Я думал, опасность позади.

— Считаешь, я тому причина?

— Нет! Конечно, нет. Не знаю, что происходит, но я уверен, что ты здесь не при чем.

— Тогда как ты объяснишь, что проблемы появляются вместе со мной? — я усмехаюсь, хотя от своего же вопроса хочу спрятаться под стол.

— Совпадение.

— Очень странное совпадение.

— Возможно, — Стас тяжело выдыхает. — Думаю, что безопасней сейчас было бы прервать инициацию. Когда разберемся со всем, тогда и возобновим встречи.

— Мне жаль, но это разумная мысль. — В кармане звонит телефон, и я робко поджимаю губы. — Это Леша. Наверно, он уже подъехал.

— Леша, — пробуя на вкус, повторяет Шрам. — Ты можешь ему доверять?

— Безусловно.

Встаю из-за стола и подхожу к своим вещам. Наташа до сих пор спит, поэтому приходится вытаскивать сумку медленно и осторожно, чтобы не разбудить её.

— Мне казалось, что твоего дружка зовут по-другому. Признаться, забыл уже, как он выглядел, но...

— Забыл? — я замираю, надевая пальто. — Вы были знакомы?

— Естественно. Он же пришел вместе с тобой.

— Пришел куда?

— Как куда? В нашу стаю.

Удивленно расширяю глаза, и чувствую, как безвольно повисают руки. Вскидываю брови, недоверчиво хмурюсь, и ощущаю внутри нечто странное: словно мне только что сообщили, что у меня есть сестра-близнец.

— Астахов был в твоей стае?!

— Он не рассказал тебе, — расстроено выдыхает Стас и протирает руками лицо. — Прости, я думал, ты знаешь.

— За что ты извиняешься?

— За то, что опередил его.

— А это плохо? — мне не нравится грустный тон Шрама. Я начинаю волноваться. — Есть что-то, что он от меня скрывает?

— Поговори с ним, — советует парень. — И будь храброй.

— Боже, Стас. Ты меня пугаешь.

— Ещё раз прости, — искренне извиняется предводитель и подходит ко мне. Он кладет руки на мои худые плечи и виновато хмурится. — Прости.

— Ничего не понимаю.

— И не нужно. Главное не руби сгоряча, как ты любишь, хорошо? Выслушай этого парня, и только потом думай о том, что будешь делать. Договорились?

— А почему я не должна его слушать?

— Например, Макс не стал бы, — серьёзно отрезает Стас.

— И почему? — недоуменно восклицаю я. — Между ними что-то произошло?

— Все вопросы к своему дружку. Поверь, он знает ответы.

— Замечательно.

Я недовольно направляюсь к выходу, и смиряю парня рассерженным взглядом. Он лишь улыбается: чертов обманщик. Хотя, на данный момент Стас единственный человек, решившийся прояснить ситуацию. Возможно, ему так же, как и мне, надоело влипнуть в неприятности.

— Не руби сгоряча, Любимица, — пропевает мне вслед Шрам. — Хотя если ты оторвешь этому мальцу голову, я не буду против.

— Спасибо за совет.

Саркастически улыбаюсь, разворачиваюсь к парню спиной, как вдруг он ловит меня за локоть.

— Подожди. Мы кое-что забыли. — Стас оставляет меня буквально на минуту. Когда он возвращается, в его руках находится пакет. — Держи.

— Что это?

— А как ты думаешь?

Недоуменно вскидываю брови, забираю пакет, заглядываю в него и ошеломленно охаю.

— Я совсем забыла.

— Отдай деньги маме, — серьёзно протягивает парень. — Я уверен, они вам не помешают.

— Стас, огромное тебе спасибо, — я благодарно киваю и неуверенно приобнимаю спасителя за шею. — Это очень много значит для меня.

— Я ничего не пожалею для своей сестры, Лия. — Признается он. — Запомни это. Абсолютно ничего.

Киваю, выпускаю парня из объятий и смущенно поджимаю губы. Его поступок кажется мне героическим, и я ловлю себя на мысли, что горжусь этим человеком.

Теперь ясно, что никто лучше Шрама не сможет сочетать в себе одновременно и свободу, и бесстрашие, и самоотверженность. Вот почему он главный: он сердце нашей стаи.

— Спасибо, — еще раз шепчу я. — Мне пора.

— Не покалечь дружка, — напоследок восклицает Стас, и я выхожу из квартиры.

Спускаюсь, вылетаю из подъезда и направляюсь к новой машине друга. Не дожидаясь, его приглашения, резко открываю дверь и вваливаюсь в салон.

— Ого, — протягивает Астахов удивленно. — Ты просто торнадо. Я хотел выйти к тебе, но...

— Какого черта? — взрываюсь я. — Вот бы убить тебя!

Резко поддаюсь вперед и ударяю парня по голове. Он вовремя уворачивается, и поэтому я лишь задеваю плечо.

— Ты чего? — растеряно выкрикивает Леша. — Свихнулась?

— Мог бы и раньше сказать мне о том, что был в стае Шрама! — обвинительно восклицаю я.

— Что?!

— Не притворяйся! Теперь я знаю правду.

— Лия, это в прошлом!

— Какая разница? — возмущенно пишу я. — Ты был в стае, Астахов! Почему ты не рассказал мне об этом? Ведь ты всё знал... — я ошеломленно откидываюсь назад. — Ты знал, что я — Кобра, знал, что я была одним из предводителей, знал, что Кира моя подруга, и ты... — я смотрю на парня, и чувствую, как горит лицо. — Ты знал, как я потеряла память. Ты! Вот почему Стас не стал ни о чем рассказывать... Он хотел, чтобы мне поведал историю именно тот человек, который к этому причастен!

Парень разоблаченно выдыхает и кладет руки на руль. Его пальцы сжимают кожаный чехол и становятся бледными. Дыхание учащается, становится тяжелым.

— Как ты мог? — шепчу я, рассматривая друга. — Как ты мог скрывать от меня такое?

— Я это делал, — размеренно чеканит парень. — Ради тебя.

— Ради меня?

— Конечно! — он протирает руками лицо и убирает назад волосы. — Естественно, рано или поздно, ты бы узнала правду, но я... я хотел дать тебе больше времени.

— Для чего, Леша?

— Для того чтобы ты успела ещё хотя бы чуть-чуть пожить так, как живут обычные люди! А не ввязаться в эту историю с убийствами, смертями и сплошным предательством.

— Но в итоге ты подставил меня, — напоминаю я и обижено хмурюсь. — В итоге, моё неведение привело к тому, что пострадали люди.

— Прости, — выдыхает парень. — Мне жаль, что так вышло, но я не считаю свой поступок неправильным. Я пообещал твоим родителям, тогда, в больнице, что не позволю истории повториться, и я держался столько, сколько это было возможным.

— Пообещал? О чем ты?

— Думаю, наконец, настал тот момент, когда скрывать от тебя что-либо уже попросту нет смысла. — Астахов тяжело выдыхает. — Позволь мне рассказать всю правду. Возможно, после нее ты расхочешь общаться со мной, возможно, ты меня

возненавидишь. Но... — парень виновато смотрит вверх, и я замечаю накопившиеся слезы в его глазах. — Но я не осужу тебя, ведь сам уже давным-давно себя ненавижу.

— Леша, — испуганно выдыхаю я. — Не говори так. Я не могу тебя ненавидеть, ты же мой лучший друг.

— Скоро твое мнение изменится

— Нет. В любом случае, я на твоей стороне. Поверь, — кладу руку на плечо друга, и чувствую, как внутри сжимаются органы: смотреть на красные и потерянные глаза Астахова невыносимо. — Я с тобой.

Парень кивает.

— Однажды, в клубе, мы с тобой наткнулись на странную компанию. Эти ребята любили рисковать всем, но, зато получали гораздо больше: они получали свободу. Так как ты обожала в то время совершать безумные поступки, мы прилипли к ним. Стали частью их семьи. Мы совершали невообразимые вещи: ты стала королевой «поединков». Драться научилась у мастера по смешанному стилю, который сам счел неразумным принимать участие в боях подобного вида.

— У кого же?

— У меня, — парень улыбается, и смущенно выдыхает. — Я обучил тебя тактике одного удара, и за совершенно исполнение, тебя прозвали Коброй. Ты стала легендой: девчонка ростом с восьмиклассницу побеждала соперников вдвое больше, едва прикасаясь к ним. Невероятно.

— Но почему ты не принимал участие в боях?

— Не любил пачкать руки, — усмехаясь, поясняет Астахов и продолжает. — Позже, мы с тобой стали не просто частью семьи, мы стали ее главой. Деньги моих родителей обеспечивали нам безнаказанное появление в различных местах города, а твоя сила вела за собой толпу. — Задумчиво смотрит на меня. — От прежнего предводителя ты избавилась очень просто: одержала победу на дуэли, заняла его место. Затем возглавила не только организаторский процесс, но и стала сама продумывать испытания, искала новичков, выбирала, кто пройдет, кто нет. Иными словами, ты попала в свою среду и не собиралась её покидать.

— Что же произошло? — недоуменно интересуюсь я. — Почему мы с тобой оказались в стае?

— Дело в том, что стая Шрама образовалась через несколько месяцев после нашего с тобой прихода в семью. Естественно, ты не одобрила «новую восходящую звезду», сказала проследить за соперниками и узнала, что предводители настроены серьезно. Члены нашей семьи переходили к ним. Стас придумывал то, что нам с тобой было не под силу, и людей это безумно интересовало, к тому же он не имел проблем с законом: папочка вечно заметал за ним следы. И тогда в твою голову пришел великолепный план.

Почему-то внутри всё сжалось. Я неуверенно посмотрела в глаза друга, и сразу же поняла, что он имеет в виду.

— Мы пришли к ним в качестве новичков, — подтвердив мои мысли, отрезает Леша. — Ты решила, что разрушить стаю изнутри гораздо умней, и ты оказалась чертовски права.

— Боже мой, — ошеломленно выдыхаю я и прикрываю рот рукой. — Так я предатель. Я, а не Рыжая.

— Пришлось усердно поработать, чтобы испортить отношения между предводителями стаи. — Продолжает Астахов. — Наташа начала ревновать Стаса к тебе, следила за нами, даже как-то раз попала в «Светой Клуб», хотя туда пускают лишь своих, но в итоге она ничего не добилась и просто-напросто сошла с ума. Они расстались, а ты заняла ее место: стала предводителем.

— Так Наташа тоже была предводителем?!

— Да, и она даже олицетворяла одно из слов, в их чертовом девизе. «Свобода, Бесстрашие, Мудрость и Самоотверженность».

Всё-таки четыре слова.

— Мудрость, — эхом повторяю я. — Наташа была самой умной, поэтому почувствовала нечто неладное. Она поняла, что мы предатели, но ей никто не поверил! — Я ошарашенно отворачиваюсь и чувствую, как слезы подкатывают к глазам. — Боже мой. Что же мы с тобой натворили?

— Мы были на высоте, Лия! Стая Стаса постепенно становилась твоей стаей. Люди любили тебя, обожали. Их вдохновлял тот факт, что самая обычная девушка смогла управлять целой толпой, даже главным предводителем. Это было невероятно. Кобра, пришедшая всего несколько недель назад, имела гораздо больше власти, чем те люди, которые возглавляли стаю месяцами! И ты приготовилась нанести последний удар: свергнуть Шрама и объединить две семьи в одну. Правда, для финального аккорда придумала особую основную тему. Избавиться от Стаса было бы гораздо проще, если бы его отношения с братом провалились в Таргарары, и ты с превеликим удовольствием, просчитав все плюсы и минусы, взялась за Бесстрашного.

— Макс, — шепчу я и испуганно вжимаюсь в сидение. — Что ты имеешь в виду?

— Этот парень был всего лишь ещё одним средством против Шрама, неплохим средством, так как на их отношениях строилось само понятие стаи. Разрушишь связь — получишь бесхребетное сборище недоумков, не знающих что и как делать. Без духа, без цели, без воли.

— Неужели я так могла поступить с Максимом? Не говори чепухи. Это невозможно.

— К сожалению, возможно. Ты медленно, но четко вставала между братьями. Пыталась их рассорить, выдумывала несуществующие проблемы, а затем была для каждого по отдельности лучшим другом и советчиком. Однажды, из-за тебя братья даже подрались. Сильно подрались. Шрам рассек бровь: ему наложили три шва, а докторишка вывихнул руку.

— Но какая им из этого выгода? Зачем драться? Ради чего?

— Ради несуществующих идеалов. Ты хороший психолог, Лия. Изучила слабости каждого, и давила на них таким образом, чтобы желания братьев неминуемо сталкивались.

— Например, какие желания?

— А как ты думаешь? Стас был за жесткий контроль, ему всегда нравилось таскать с собой этот чертов секундомер, он не останавливался, придумывал изощренные методы борьбы, заставлял проходить испытания до тех пор, пока мозги из ушей не вылазили. А Макс выступал за более лояльное отношение. Ему казалось, что в стае главным должен быть не тоталитарный режим, а смелость, дух, воля. Лучше один раз побороть свой страх, чем сто раз подряд избивать того, кто слабее.

— Максим рассуждает более зрело, — задумчиво протягиваю я. — Это не значит, что Стас плохой предводитель, но доброты у Макса, наверно, гораздо больше.

— Наверно. Правда, вряд ли тебя в тот момент волновала истина. Ты сначала говорила: пора ужесточить испытания! Хватит принимать всех, кого не попадя! А потом кричала: боже мой, Стас, зачем же так издеваться над людьми? Больше самоотверженности и силы духа.

— Раздвоение личности? — недовольно спрашиваю я, чувствуя, как разговор проедает клетки мозга.

— Нет, — саркастически отрезает Астахов. — Банальный способ поссорить братьев из-за глупой женщины.

— Не верю твоим словам.

— Не верь.

— Это нечестно! — злюсь. — Почему мне надо расплачиваться за ошибки, которых я не совершала?

— А кто же их совершил?

— Как кто? — оглядываюсь и прикусываю губу. — Не знаю, Леша. Не знаю! Но уж точно не я!

— Лия, успокойся. С чего ты вообще взяла, что это ошибки? — парень пожимает плечами и смотрит на меня так, как он умеет: серьёзно, решительно. — Все твои прошлые действия можно оправдать.

— Да, неужели?!

— Конечно! Ты отстаивала честь семьи, и не могла сдаться, поддавшись эмоциями. Одно из важнейших качеств лидера — хладнокровие. — Парень выдыхает. — У предводителя не должно быть выбора между тем, что «хорошо», а что «плохо». У него должно быть только слово — надо.

— И это слово погубило не одного человека, — жестко чеканю я, и протираю руками вспотевшее лицо. — Что было дальше?

— А дальше всё пошло под откос. — Отвечает Астахов.

— И почему же? По твоим словам, всё шло просто идеально, — яд в моем голосе не поддельный. Тяжело выдыхаю. Неприятно осознавать, каким чудовищем ты, порой, можешь быть.

— Потому что ты тянула, хотела окончательно рассорить братьев и только потом избавляться от Шрама. Считала, будто ничего не выйдет: мы поспешим, и потеряем всё, что успели нажить, ведь стаю просто так не сломить.

— Это правда. Их отношения, возможно, гораздо сильнее, чем родственные узы.

— Тебе никто не поверил, — шепчет Леша. — Решили, будто ты просто привязалась к стае и не хочешь покончить с ней.

— Логично, — предполагаю я, на что Астахов прожигает меня обиженным взглядом. А он не любит это сборище...

— В нашей семье начались недовольства, предводителем вновь стал Ворон.

— Ворон?

— Это его прозвище.

— Так, и что?

— И то, что он не был таким же милосердным, как ты. Он не считал нужным придумывать план или рассуждать над стратегией. Он просто-напросто решил избавиться от стаи, от предателей. Началась череда несчастных случаев...

— И мы с тобой бездействовали?

— А что мы могли? — удивляется Леша. — Ты пыталась исправить ситуацию, разговаривала с Вороном, объясняла, что он зря ввязывается в неприятности, но не смогла ничего сделать. Парень сошел с ума. Полный злости ещё с того раза, когда ты свергнула его, он выместил всю злость на стае, используя далеко не традиционные методы. Ты хотела придумать что-нибудь, но не смогла, ведь тогда пришлось бы признаться Стасу, что предатель не Наташа, а мы с тобой.

— Господи. Что мы с тобой за чудовища? По нашей вине погибли люди!

— Они погибли, потому что оказались не в то время, не в том месте.

— Считаешь, это оправданием? — кричу я и рассержено смотрю на друга. — Мы причина многих смертей, Леша, и я не думаю, что теперь нам обеспечена дорога в рай.

— Плевать на рай. Меня больше волновала твоя судьба. — Признается парень. — Ты находилась на лезвии ножа, понимаешь? Так боялась потерять отношения с нашей семьей, и одновременно не могла наблюдать за тем, как гибнут люди. И тогда я решился на отчаянный поступок. Я решил признаться.

— Что?! Ты? — удивленно смотрю на парня, прекрасно осознавая, что он никогда раньше не повел бы себя подобным образом.

— Да, я собирался сказать, что я предатель, сказать, что Наташа так же мне помогала, и что мы вдвоем с ней причина тому, что сейчас происходило. Тогда Шрам взялся бы за ум, и смог приостановить череду смертей.

— Но это несправедливо!

— Я знал, что ты так решишь, и именно поэтому отправился к Шраму в одиночестве. В тот день, проходило испытание на крыше. Человек обвязывал канат вокруг своей талии, и прыгал в бездну с пятого этажа: очередная проверка на прочность нервов. — Астахов тяжело выдыхает и задумчиво смотрит на меня. — Стас был не в настроении. Кажется, утром он провалил экзамен в институте и поэтому сейчас не собирался идти со мной на контакт. Но я был напорист. Сказал: мы должны поговорить, иначе ты так и не узнаешь, кто настоящий предатель в стае. Шрам заинтересовался, но поставил мне условие: поговорим, если я пройду испытание. Отличное условие! — недовольно восклицает Леша и нервно улыбается. — Я с детства боялся высоты, и прыгнуть с крыши для меня было равносильно самоубийству. Что делать? Как быть? Вариантов не оставалось. Я привязал себя к канату, увидел эту высоту, вырвал возле края, и вновь вернулся к бортику. Так страшно мне ещё никогда не было, но я понимал, что должен положить конец всей этой череде самоубийств и смертей. Ради тебя, Лия. Я хотел прыгнуть ради тебя. Но...

— Но...? — дожидаясь продолжения, протянула я.

— Я не успел. Ты вбежала на крышу, стала орать, что я псих, и что ты не позволишь мне спрыгнуть.

— Хоть что-то хорошее, я сделала.

— Да, но есть одно «но». Правила стаи для всех едины: ты или проходишь испытание, или вылетаешь. Раз согласился — исполняй, а струсил — тебе здесь не место. Правда, был один обходной вариант. Его придумала ты, когда только возглавила стаю: пункт о замене. Если находится в стае человек, готовый пройти испытание вместо тебя, результаты аннулируются, а ты можешь спокойно числиться в ней, как ни в чем не бывало.

— Я заменила тебя, — понимающе шепчу я, и озадачено хмурюсь. — Так ведь?

— Я... я до сих пор не понимаю, как позволил этому случиться! — искренне восклицает Леша и виновато откидывает назад голову. — Боже, я был таким придурком! Разрешил тебе встать на этот край, прыгнуть. Мне... мне так жаль.

— Но что же произошло?

— Канат оборвался, — тихо сообщает Астахов. — Ты самоотверженно заняла мое место, и лишила себя самого дорогого: памяти.

Ошеломленно отворачиваюсь, закрываю глаза. Вот оно. Вот тайна моей амнезии. Я прыгнула с крыши, канат оборвался, тело грубо врезалось в асфальт, и год жизни вылетел из моей пробитой головы. Вот тот самый момент, которого я ждала. Вот он.

— Оборвался канат, — повторяю я, и внезапно усмехаюсь. Нервно прикладываю ладонь ко рту, качаю головой, не верю, схожу с ума, ужасаюсь. — Какая дикая глупость.

— Ты спасла мне жизнь, — с восхищением протягивает Астахов. — Ты спасла меня, Лия.

— И это единственное, чему я искренне рада.

— Я знаю... знаю, что ты хороший человек! Просто ты попала в нехорошую ситуацию.

— Нет, Леша. — Горько отрезаю я, и поворачиваюсь лицом к другу. — Не важно, какие проблемы сваливаются тебе на шею. Важно то, как ты их решаешь. Именно это определяет, хороший ли ты человек, достоин ли ты жить, сможешь ли ты стать счастливым. Я провалила этот экзамен, — нервно всхлипываю и поджимаю губы. — Оплошала по самое не хочу.

— Лия...

— Нет. Не надо, — я останавливаю его, взмахнув рукой. — Не стоит жалеть меня. И слова твои успокаивающие я не хочу слышать. В них нет смысла, он потерян, так как ничто не сможет изменить правду, переписать прошлое или стереть истину. Я испортила жизнь многим, я изувечила то, во что сама же верила. Играла на чувствах, обманывала и презирала: неважно каким образом, главными остаются факты. А они свидетельствуют о том, что во мне не осталось ничего человеческого. Даже у каменной глыбы, — я громко вдыхаю воздух, борясь с прикатившими слезами. — Даже у неё больше развиты чувства, совесть и мораль.

— Не говори так.

— А как говорить? Нет, мы, конечно, можем претвориться, будто всё нормально, и вообще ничего не происходило. Но это ведь неправда! На моих плечах груз ответственности, весом в несколько тон. Там сосредоточены человеческие жизни, чувства, надежды. Там гораздо больше, чем один безобидный обман третьеклассника. И что ты предлагаешь с ним сделать? Выкинуть? Избавиться от него? Забыть? Ну, нет, — качаю головой. — Так не прокатит.

— Я предлагаю тебе смириться, — неуверенно шепчет Астахов. — Прошлого не исправить, зато, позабыв о нем, ты обеспечишь себе будущее.

— Какое будущее может быть у человека, обрешшего друзей, родных, близких на страдания? А? — Я горько улыбаюсь и смотрю в окно. Там начинает темнеть, небо оседает над городом, покрывает крыши домов темно-сиреневым пластом. Дети идут, спешат домой. Они смеются, ни о чем не думают, ни о чем не беспокоятся, ни о чем не подозревают. Сейчас та маленькая девочка, ворвется к себе в комнату, включит телевизор и под звуки любимого мультика начнет делать уроки, валяться на диване, или играть в компьютер. Она никак не связана с убийствами, её никак не касаются подростковые суициды, бойцовские клубы. Она счастлива. И она по-настоящему свободна. Жаль, что это время пролетает так быстро. — Отвези меня домой.

— Уверена, что не хочешь больше поговорить? — Астахов смущенно ерзает на сидении и проглатывает ком в горле. — Я ведь всегда готов поддержать тебя.

— Мне кажется, что мы уже достаточно на сегодня придумали причин, из-за которых, как бы смешно это ни звучало, хочется потерять память. — Нервно усмехаюсь. — Может, я счастливица? Не каждому позволено совершить столько зла, а потом попросту забыть о нем. Многие живут с содеянным целую жизнь, а мне предоставлен шанс начать всё заново. Вдруг это судьба?

— Так, может, стоит воспользоваться этим шансом?

— Ты, правда, считаешь, что это хорошая идея?

— Не знаю. — Парень заводит двигатель и пожимает плечами. — Не знаю, Лия.

Глава 11. Одинокое одиночество

Приходится отбросить эмоции на неопределенный срок.

Мы с Лешей поднимаемся ко мне, находим мою сестру на кухне, я облегченно выдыхаю, наконец, могу попытаться начать трезво мыслить.

В зале придумываем с другом хитрейший план.

Пока Астахов разговаривает с Кариной, читает ей тирады и объясняет, что она набитая дура, я пробираюсь к ней в комнату и прячу пакет с деньгами под кровать. Ни то, чтобы было гораздо сложнее положить сумму на место, в копилку родителей: просто у меня есть неплохая идея, которая позволит держать сестру в ежовых рукавицах.

— Спрятала? — интересуется Леша, когда мы вновь встречаемся в зале.

— Ага. — Киваю. — Надеюсь, сработает. Кстати, чтобы не выглядело слишком жестоко, я тридцать тысяч положила на место, а пятнадцать бросила Карине под кровать.

— Правильно.

— Да.

— Думаешь, твоя мама убьет её?

— Конечно, нет, — я уверенно смотрю на парня. — Карина — любимица в семье. Если я — образец плохого примера, то она — ангел воплоти.

— Тогда почему твои родители не решат, будто это ты подставила её?

— Потому что мне это невыгодно. Домашний арест сестры лишь усугубит моё положение: придется сидеть с ней, следить за тем, чтобы она нигде не шлялась.

— В таком случае, я не понимаю, в чем прок этого плана.

— В том, что Карина будет дома, и это не позволит ей ходить по переулкам и прятать родительские деньги на дне поломанных качелей. — Иду в сторону своей комнаты, и слегка прихрамываю. Порез дал о себе знать. — В любом случае, я успокоюсь, если буду знать, что с сестрой всё в порядке. Устала волноваться из-за неё.

— Что с ногой? — взволнованно спрашивает Астахов и нагоняет меня. — Ты ранена?

— О да, — саркастически смеюсь. — Скорей вызывай скорую!

— Не смешно.

— Расслабься. — Вдруг вспоминаю все события сегодняшнего дня, вновь мрачнею. — Вот уж дерьмо. Не знаю, как теперь со всем этим смириться.

— Придется, иначе ты никогда не восстановишься.

— Ясное дело, что никогда. Даже если смирюсь, моя жизнь кардинально изменится, не станет прежней. — Поджимаю губы. — Сегодня впервые за все эти долгие дни, я почувствовала реальную потребность в тех вещах, в которых раньше не видела смысла: семейный ужин, просмотр фильма, горячая ванная, сон... Я даже согласна сделать уроки!

— Сошла с ума, — горько усмехается парень.

— Возможно.

— Я думаю, тебе просто стоит отдохнуть. Набраться сил, подумать. Не накручивать себя, ни в коем случае, лишь осмыслить происходящее. — Астахов пожимает плечами и опускает взгляд на мою большую ногу. — Точно не болит?

— Не волнуйся. Все хорошо. — Лгу, но уже не замечаю.

— Тогда мне пора. — Парень идет к выходу. — Тебе предстоит тяжелая ночь.

Киваю, хотя в глубине души чувствую, что мне предстоит не тяжелая ночь, а тяжелая жизнь. Я никогда не смирюсь с тем, что причинила человеку зло. Никогда не приму тот факт, что сумела испортить ему жизнь.

Выдыхаю.

Рассчитывать на легкое восстановление не стоит.

Когда Леша уходит, внутри меня остается осадок. Я не знаю, куда идти, что делать, о чем думать. Мне страшно и непонятно одновременно. Никак не получается донести до своей головы, те вещи, о которых мне рассказал Астахов. Я вроде услышала каждое его слово, но, видимо, ничего не осознала.

Иду на кухню.

Карина сидит за столом, что-то пишет в тетради, параллельно смотрит телевизор.

— Нам нужно поговорить, — тихо произношу и облакачиваюсь спиной о дверной косяк. Сестра не реагирует. — Не стоит молчать. Проблемы не исчезнут, если мы не будем о них говорить.

— У меня нет проблем.

— И поэтому ты украла деньги родителей?

Карина нервно откладывает карандаш и поднимает на меня свои красные, уставшие глаза. Недоуменно замираю: столько обиды, разочарования и беспокойства в её взгляде. Мне становится не по себе.

— Что ты хочешь от меня услышать? — недовольно интересуется сестра. — Я не скажу тебе ничего, ясно? Так что не трать своё время впустую.

— Наш разговор не может быть потраченным временем, — успокаивающе заявляю я. — Поверь, мы нуждаемся друг в друге больше, чем ты себе представляешь.

— Я не нуждаюсь в тебе.

— Почему? Что изменилось за последние несколько месяцев?

— Многое.

— Это как-то связано с тем, что ты попала в компанию Рыжей девушки?

— Не лезь туда! — огрызается Карина и неожиданно подрывается с места. — Не лезь!

— Хватит скрывать от меня очевидные вещи! — возмущаюсь я. — Только идиотка не заметит, что у тебя неприятности.

— Какая тебе разница? Я сама справлюсь со своими проблемами.

— Так они все-таки есть...

— О Господи, — взрывается сестра и резко собирает в руки грудку учебников. — Ты как всегда в своем репертуаре: пытаешься разрешить ситуацию в одиночку.

— Нет! Я не собираюсь справляться одна. Я жду твоей помощи. — Подхожу к Карине и неуверенно кладу ладонь на её плечо. — Помоги мне понять, что происходит.

— Просто не высовывайся, — сдернув руку, шепчет она. — Затаись и никуда не лезь.

— Звучит так, словно ты защищаешь меня.

Сестра не отвечает. Выдыхает и идет к выходу.

— Карина! — окрикиваю и несусь следом за ней. — Подожди. Постой!

— Оставь меня в покое.

— И не подумаю.

— Придется. — Сестра заходит в свою комнату и, прежде чем захлопнуть дверь, выкрикивает. — Не доверяй никому. Даже мне.

Останавливаюсь перед закрытой дверью, и рассерженно ударяю о стену ногой. Осточертело носиться за Кариной и вымалывать у неё ответы. Осточертело!

Протираю руками лицо и несусь в ванну. Надеюсь, что вода поможет успокоиться.

Врываюсь в помещение, стягиваю волосы в тугий пучок. Выдыхаю, прикусываю губу, когда снимаю джинсы.

— Ауч, — жжет. Недовольно морщусь и приподнимаю ногу. На икре порез: длинный, но не глубокий.

Включаю душ, стягиваю оставшуюся одежду и аккуратно становлюсь под потоки воды. Глубоко выдыхаю.

Главное успокоиться.

Неожиданно чувствую колики на спине, на лопатках и пояснице. Недоуменно прохожусь по коже пальцами, разворачиваюсь к зеркалу и вижу, что спина покрыта синеватыми кругами. Словно разводы, на лопатках дымчатые следы от ударной волны, покраснения и крошечные царапины. Испуганно задерживаю дыхание, не представляю, что случится, заметь это мама, и обессиленно облокачиваюсь головой о кафель. Слишком много проблем, которые не под силу решить обыкновенному подростку. Слишком много вещей, справится с которыми, помочь сможет лишь реальный опыт, а не хорошо развитая фантазия.

Я ещё долго стою в ванне, греюсь под горячей водой, мерзну от панического страха. Пытаюсь понять, что делать, как быть. Но не прихожу ни к одному логичному выводу. Жизнь смазывается в одну сплошную полосу. Я уже не вижу, что было в прошлом, что в настоящем. Не вижу будущего. Сейчас я ощущаю острое недоумение, будто меня заперли в вакууме без кислорода. Билет наружу — раскрытие одной тайны.

Иногда мне удается дать правильный ответ, отыскать истину, но выходя из одного вакуума, я попадаю в другой, который ещё меньше, ещё крошечней. Опять пытаюсь выбраться. Тщетно. Меня вновь закрывают в новом помещении, вновь откачивают воздух, вновь требуют ответов.

Под конец кислорода в моих легких не остается, и я задыхаюсь.

Из ванны выхожу пропаренная, уставшая. Через силу сажусь за уроки: переписываю конспект Трубецкой и читаю физику. Абсолютно не отмечаю смысла в словах, но продолжаю пробегать глазами по тексту.

Закончив, иду на кухню и готовлю ужин.

Затем плетусь обратно в свою комнату и обессиленно падаю на кровать. Тут же спину слегка обдаёт жаром. Но это такая мизерная боль, что я не отдаю ей должного внимания. Выключаю лампу, смотрю в потолок и наблюдаю за тем, как свет исчезает, превращая бежевые обои в серые, затем в темно-синие, а после — в черные.

Так бы всегда чувствовать время, чувствовать, как оно тянется, чувствовать, как оно медленно плетется за нами, за вечно бегущими людьми.

Но это глупая иллюзия для тех, кто считает, будто у него на всё хватит часов, дней, месяцев. На самом деле время идет с такой дикой скоростью, что правильным было бы лишь ужаснуться и попытаться не упустить ни секунды.

Я так и вижу перед глазами табло. На первом месте дни, которые тянутся безумно долго. Затем часы, минуты, секунды. И лишь миллисекунды заставляют задуматься, показывая, как цифры в бешеном ритме сменяют друг друга.

Вот я лежу на кровати, смотрю на это табло, а время идет. Бежит. Несется. Никого не ждет.

Чего же тогда жду я?

Не знаю. Переворачиваюсь на бок, и закрываю глаза. Возможно, я жду, что решение само собой свалится мне на голову. Что прощение снизойдет с небес, а вина таинственным образом испариться.

Эти мечты лишь доказывают, насколько я неспособна сейчас справиться с существующими проблемами. Я подросток. Ребенок. Я могу лишь жаловаться, сетовать и пенять на судьбу. Что вы от меня хотите? Чего ждете?

Я совершила ошибку, натворила кучу глупостей, но ведь дети всегда ошибаются. Им можно простить оплошности. Можно закрыть глаза на частые промахи. Можно!

Тогда почему внутри что-то рвется наружу? Почему так плохо?

Я сворачиваюсь в клубок, и беззащитно зажмуриваюсь.

Не считаю себя верующей, но мне кажется, что когда-нибудь я отвечу за свои ошибки. В жизни на удивление часто действует правило «бумеранга». Если ты причинил кому-то зло, оно непременно к тебе вернется. Возможно, сейчас, возможно, чуть позже. Но рок никого не обойдет стороной, так как равновесие и справедливость — есть гарантия нашей жизни. Иначе, все бы мы уже давным-давно сошли с ума от бессмысленной свободы и безнаказанности.

Кто знает, может, уже сейчас рок навис надо мной, и я расплачиваюсь за свои ошибки.

Я одна. Я одинока. Никого нет рядом, и никто мне не поможет. А даже тот, кто захочет — не сможет этого сделать, так как мои ошибки непрощительны. На них нет оправдания, следовательно, нет и способа помочь.

Выходит, моя расплата заключается в одиночестве. Мне предстоит справиться со всем без чьей-либо опоры, самостоятельно. И это самое сложное, так как чувствовать себя чужим и ненужным очень больно для любого человека.

Даже для меня.

Глава 12. Фальшивка

Я плачу. Я сильно плачу, трясусь, дрожу, не могу контролировать себя. Вытягиваю вперед руки и крепко прижимаю к себе Лешу.

— Нет! — прошу я. — Пожалуйста, не надо!

— Рано или поздно это со всеми происходит.

— Но не с тобой.

— И со мной тоже.

— Но почему?

— Потому что пришло время, — Астахов поглаживает мою спину. — У нас есть ещё несколько часов.

— Несколько часов? — ужасаюсь я. — И ты так спокойно об этом говоришь?

— А как я должен говорить?

Парень отстраняется, и серьёзно смотрит мне в глаза.

— Будь сильной, — приказывает он.

— Но я не могу.

— Ты должна.

— Леша, я... — Астахов уходит. Внутри всё сжимается. — Нет, — шепчу. — Нет! Постой. Подожди! — друг отдаляется от меня всё дальше. — Не покидай меня. Пожалуйста!

— Кобра, — я испуганно вздрагиваю и вижу перед собой маму. Она в черном костюме, бледная, и она только что назвала меня по прозвищу. — Пойдем со мной.

— Куда?

— Пойдем.

Мама тянет меня к каким-то длинным, бесконечным столам. Вокруг них скопились люди, в основном женщины. Они режут фрукты, овощи, колбасу. Раскладывают на тарелки бутерброды, грибы и канапе.

— Помогай, — приказывает мама, уходит, и я сглатываю. Вытираю слезы, осматриваюсь. Вдруг вижу вдалеке Киру. Бегу к ней.

— Эй, — я едва не врезаюсь в блондинку. Та пьет виски из чашки. Кажется, это мамин любимый сервиз. — Мы должны что-то придумать!

— Ты чего такая нервная? — удивляется подруга. — Давай лучше выпей со мной, расслабься.

— Да, не собираюсь я расслабляться!

— Господи, Лия. Утихомирь пыл. Что никогда не была на похоронах?

— Очнись! — визжу я. — Это Лешины похороны! Леша скоро умрет!

— И что? Все умирают.

— Издеваешься?!

— Милая моя, — Кира отставляет чашку, кладет мне на плечи холодные руки. — Ты ничего не сможешь сделать. Такова жизнь.

— Нет!

Я сбрасываю ладони подруги, бегу как можно дальше от неё. Натыкаюсь на маму, резко поворачиваюсь к ней спиной и несусь в сторону актового зала. Тут тоже много людей. Мои одноклассники сидят на предпоследнем ряду, Трубецкая машет рукой, подзывает меня к себе. Я нехотя приближаюсь.

— Мне так жаль, — протягивает она, и жалостливо улыбается. — Астахов ведь был твоим другом.

— Почему был?

— Как почему? Он ведь скоро умрет.

— Не правда, — я глубоко втягиваю воздух, и испуганно прикрываю глаза. — Нет, он не умрет. Нет, нет.

— Ну чего ты сопротивляешься? — удивляется Марина. — Людям свойственно уходить.

— Замолчи.

— Законы природы не перепишешь.

— Замолчи.

— Такова его судьба.

— Замолчи!

Я зло размахиваюсь, хочу ударить Трубецкую по губам, но тут мою руку перехватывают. Растеряно поворачиваю голову в сторону.

Макс.

— Ты чего? — недоуменно протягивает он, сжимая мою кисть. — Опять взялась за своё? Да? Решила подраться?

— Нет, — оправдываюсь и горблюсь. — Нет, я не хотела.

— Хотела. Ты собиралась ударить её.

— Но она плохо говорит о Леше!

— И что теперь? Из-за этого она заслуживает того, что ты собиралась сделать?

— Максим, — беззащитно протягиваю я, и тянусь к парню. — Максим, что же мне делать?

— Не надо, — он отстраняется. — Не прикасайся ко мне.

— Что? — ошарашено замираю. — Почему? Ты больше не любишь меня?

— А разве когда-то меня любила ты?

— Конечно!

— Всему виной твоя память, — недовольно усмехается Макс. — Ты ведь забыла, да? Наши отношения — фикция, обман. Фальшивка.

— Не говори так.

— А как говорить? Ты добилась своего. Сыграла на чувствах, и исчезла из моей жизни.

— Максим!

— Нет, — парень грубо выпускает мою руку и жестко чеканит. — Я сожалею, что отдал тебе свое сердце.

Разворачивается и уходит. Бросает меня.

— Макс! — кричу и вытираю слезы. — Максим, вернись, пожалуйста!

От горя не могу остановиться, и взять себя в руки. Судорожно плачу, пьяно отхожу назад, как вдруг врезаюсь во что-то твердое спиной. Оборачиваюсь. Ладонями прикрываю рот, чтобы сдержать крик.

Это поминальный стол.

На нем стоит огромная фотография Астахова: его улыбающаяся физиономия, обрамленная каштановыми кудрями, очаровательные ямочки, густые брови. Вокруг свечи, свечи, свечи. Какие-то бумажки, игрушки, медали. Перед глазами всё плывет, но я успеваю уловить одну фразу:

— Это из-за тебя, Бронская. И ради тебя.

— Нет!

Подрываюсь на кровати, испуганно сглатываю.

Недоуменно протираю руками лицо, понимаю, что оно мокрое и встаю с постели. Приближаюсь к зеркалу, вижу красные глаза, уставшее, невыспанное лицо. Грустно выдыхаю, хочу вновь пойти лечь, но вместо этого плетусь в ванну.

Дома тихо.

Наверно, никто ещё не проснулся.

Бросаю взгляд на настенные часы. Полчетвертого. Не удивительно, что все ещё спят. Только мне снятся кошмары, и только мне суждено видеть их каждую ночь.

Включаю свет, прохожу в ванну. В зеркале все то же уставшее выражение. Умываюсь прохладной водой, и облегченно выдыхаю: хорошо, что всем кошмарам приходит конец. Неожиданно усмехаюсь, вспомнив сон. Просто поразительно, насколько глупыми и, порой, нелогичными бывают события в сновидениях, и какого мы хотим порядка в жизни, если даже во снах не способны ничего контролировать?

— Лия? — Растеряно оборачиваюсь и вижу на пороге Карину. — Ты чего не спишь? Сейчас и четырех нет.

— Приснился кошмар, — поясняю и выпрямляюсь. — А ты что ходишь?

— Услышала, что кто-то в ванной. Решила проверить.

— Ну, как видишь здесь я.

— Ясно. — Сестра кивает, смотрит на себя в зеркало и сонно зевает. — Тогда я пойду дальше спать.

— Да, иди.

Карина собирается уходить, когда в ванной внезапно проносится глухой хлопок и резко выключается свет. Мы обе вскрикиваем, пугаемся и прыгаем навстречу друг другу.

— Какого черта? — визжит сестра. — Что это было?

— Наверно, выбило.

— Думаешь?

— Ну, а что это ещё может быть. — Тянусь рукой к другому выключателю. У нас в ванной две лампы, возможно, заработает вторая. — Осторожно, — пальцы нащупывают кнопку, я надавливаю, и помещение вновь озаряется светом. — Вауля.

— Ужас, — протягивает Карина, и испуганно выдыхает. — Твою мать. Так и инфаркт случиться может!

Улыбаюсь, опускаю взгляд и вижу осколки от лампы на полу, в мойке.

— Не шевелись, — приказываю, и недовольно выдыхаю. — Вокруг битое стекло.

— Стекло?

— Да, нужно убрать его.

Мы наклоняемся и начинаем аккуратно собирать большие осколки. Сваливаем их в мойку, затем опять нагибаемся.

— Никогда не слышала, чтобы лампочка взрывалась, — причитает Карина. — Особенно в четыре утра.

— Нам всё равно скоро в школу.

— Скоро? До подъема ещё можно было спать два часа!

— Ну, иди. Я сама доубираю.

— А потом выслушивать о том, что ты молодец, а я — ленивая задница? Ну, уж нет.

Улыбаюсь, прохожусь рукой по полу, убеждаюсь, что там чисто и складываю последние осколки в раковину.

— Нужно пропылесосить. — Жду ответа от Карины, но она молчит. — Ну да, конечно. А я вдруг решила, что ты и, правда, намерена мне помочь. — Смотрю на отражение сестры в зеркале, и неожиданно замечаю в её руке длинное битое стекло. — Карина?

— Ты упустила один.

— Давай его мне. — Протягиваю руку, но сестра не двигается. — Эй. Чего ты? Не пугай меня.

— Это из-за тебя, — шепчет она, и внезапно резко поднимает осколок, на уровень своей шеи. Я ошеломленно расширяю глаза, и не успеваю сказать ни слова, когда она громко продолжает. — И ради тебя!

Затем Карина грубо вонзает стекло себе в шею, я ору, утопаю в крови, пытаюсь ей помочь, тяну вперед руки, и...

И вновь открываю глаза.

Сон во сне.

Кошмар в кошмаре.

— Твою мать, — протираю руками лицо и недовольно смотрю на часы. К счастью, уже утро. Время практически не потрачено впустую. Практически.

Выдыхаю. Наверно, можно ещё полежать пару минут, чтобы прийти в себя.

Обеспокоенно переворачиваюсь на бок, поджимаю под себя ноги. Страх не собирается покидать тело: всё кричит, скребется, ноет. Едва перед глазами возникает картинка поминального стола, или осколка в руках Карины, я содрогаюсь. Не хочу осознавать то, что видела. Потеря таких близких людей, как сестра или друг не укладывается в моей голове, не рассматривается, как нечто реальное, бытовое, возможное. Прикусываю губу, хмурюсь: в глубине души понимаю глупость произошедшего, но всё равно почему-то боюсь.

Смотрю на часы.

Можно полежать ещё пять минут.

Переворачиваюсь на другой бок.

И присниться же такое! Вот хоть пиши письмо в высшие инстанции, чтобы избавили навсегда от сновидений. Ужас. Чувствую себя отвратительно. До сих пор улавливаю в воздухе запах крови, и немею от страха, от боли, от потери. Мне без Карины никак

нельзя. Нет-нет. Никак. Она даже не представляет, как много значит для меня, какую большую роль играет в моей жизни.

Выдыхаю и ложусь на спину.

Я до сих пор помню, как лет в шесть сидела с крошечной Кариной дома, покародители были на работе. Помню эти бешеные эмоции: этот страх за неё, за её самочувствие, за её безопасность. Голова всегда шла кругом, и эти ощущения настолько въелись мне под кожу, что я не могу от них избавиться, и по сей день. Дикое переживание, безумная тяга, волнение, страх: я засыпаю и просыпаюсь с этими чувствами. Считаю себя обязанной охранять её, защищать. Считаю себя её опорой, противоядием, водой в засуху. Я та, кто должен быть у сестры постоянно, регулярно, беспрекословно. Я та, кто ей нужен!

Почему она этого не понимает? Почему отталкивает меня?

Я отдала ей часть своего сердца, часть своей жизни. И мне больно от той мысли, что она больше во мне не нуждается.

Я грустно выдыхаю, проваливаюсь в размышления, а когда выплываю из них, обнаруживаю стрелку часов далеко за пределами семи.

— Черт, — подрываюсь, бегу в ванну. Она закрыта. Бью по двери кулаком. — Эй, я опаздываю! Пожалуйста,пусти меня.

— Не мое дело, — отрезает сестра, и я раздраженно выдыхаю. Ну, почему, порой, от безмерной любви хочется свернуть ей шею?

— Карина!

— Отвали, — пропевает она, на что мне приходится никак не среагировать: драка утром — не самое хорошее начало дня.

Иду в комнату, надеваю мятый свитер и джинсы. В портфель забрасываю то, что лежит на столе: надеюсь, мне повезло, и это именно те учебники, которые нужны. Затем нервно несусь на кухню. Рассыпаю сначала заварку, потом сахар, ударяюсь коленкой о ножку стола и рычу, словно дикая, от злости.

— Потихе, — усмехается мама, и я раздраженно встречаю её на пороге. — Ты так соседей спугнешь.

— День не очень.

— Нужно было ставить будильник.

— Он не сработал, — лгу и язвительно усмехаюсь: на самом деле я даже забыла о том, что такая функция существует в моем телефоне. Как-то мысли о стае совершенно вытеснили мысли о жизни. — Почему Карина так долго в ванной? Ей что не надо в школу?

— У неё первая физкультура. — Мама достает себе чашку и ставит её на стол.

— И что?

— Вчера ей было нехорошо. Так что наворачивать круги по залу для неё сейчас не лучшая идея.

— О, ну да. Это ведь Карина: её ветром снесет, снегом заметет, дождем намочит...

— Перестань, — мама усмехается. — Хватит язвить. Лучше давайте сегодня устроим девичник. Папа возвращается послезавтра из Москвы.

— И ты хочешь отметить последние дни без него?

— Я хочу просто посмотреть фильм со своими детьми, это смертельно? — она заливает кипяток себе в чашку и облакачивается спиной о холодильник. — Купим мороженое и включим «Сумерки».

— Оу, мама. Какие «Сумерки»? — я недовольно закатываю глаза. — Ты что сегодня дома?

— Да. У меня выходной, и я не собираюсь провести его в одиночестве. Если не хочешь смотреть этот фильм, найди другой. Мне все равно. Главное, просто побыть вместе.

— Не думаю, что Карина обрадуется такому предложению.

— Заодно и помириться, — улыбается мама. — Нельзя вечно воевать друг с другом.

— Не мне надо об этом говорить, — допиваю чай и выдыхаю. — Ладно. Приду после занятий по русскому языку, и посмотрим что-нибудь.

— Вот и договорились. — Целую маму в лоб, и иду к выходу. — У тебя есть деньги на автобус?

— Да.

— Позвони, когда доедешь.

Киваю, хотя прекрасно осознаю, что не стану перезванивать. Мама тоже это понимает, но никак не может отучить себя от привычки видеть во мне семилетнего ребенка.

Естественно, в школу я опаздываю.

Учительница по литературе не хочет впускать меня в кабинет. Отчитывает, поучает, в общем, расслабляется и получает удовольствие. Я стаю и терпеливо выслушиваю все её причитания, хотя в мыслях представляю, как подхожу и грубо ударяю её головой о стол. О, прекрасные мысли.

После этого урока, в кабинет приходит мой классный руководитель. Она худая. Уставшая от жизни женщина. Я вижу насколько надоело ей преподавать, вижу, как плохо и тяжело у неё на душе. Она прекратила радоваться очередному утру в тот самый момент, когда стала учительницей. Бедная женщина. Мне всегда было жаль тех людей, которым приходилось делать то, что забирает любовь к жизни.

Вспоминается старая поговорка: он умер или стал учителем.

Смешно.

Скрипя зубами, классный руководитель напоминает о том, что через месяц начнутся репетиции к выпускному. Вероника Петровна так же говорит о деньгах, которые должны сдать родители, о сценарии к последнему звонку, и о вальсе. Девочки сразу же начинают мысленно кричать от восторга, парни одновременно вжимаются в стулья, и я одна не понимаю, почему люди вообще реагируют на сказанные слова. Кому какое дело до выпускного? Неужели меня должен волновать треклятый вальс, в то время как какая-то банда подростков желает моей смерти? Не смешите. Плевать на праздник, плевать на шарик и платя. Я хочу жить. Большого мне не надо.

На перемене иду в столовую и встречаю Астахова. Он грустный и уставший. Меня начинает волновать состояние друга: слишком уж часто на нем нет лица.

— Как дела? — осторожно интересуется Леша, и мы садимся за наш столик около окна.

— Никак, — отпиваю сок, по вкусу напоминающий испорченное яблоко, и корчусь. — А у тебя?

— Так же. Я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке после вчерашнего.

— Все в порядке не может быть. Я узнала много интересных вещей, и теперь не думаю, что смогу вновь посмотреть на себя в зеркало хотя бы без капли ненависти и гнетущего разочарования. — Выдыхаю. — Забыла спросить: куда ты вчера пропал?

— О чем ты? — Астахов ест картошку и хмурится. — Куда пропал?

— Ты должен был приехать на машине, помнишь?

— А. Ну так я и приехал, но вас уже не было. Позвонил: ты не взяла трубку, видимо, была занята. Пришлось идти на занятия по информатике.

— О да, — нервно усмехаюсь. — Я была ужасно занята процессом своего похищения.

— Лия, в свое оправдание хочу отметить, что узнал я о твоем местоположении только спустя три часа. И помнишь, каким образом? Ты позвонила от Шрама, наплела кучу несвязных вещей и попросила отвезти тебя домой. — Астахов выдыхает. — Я обычный парень. Не супермен. Я не могу спасти тебя, всегда наперед знать о том, что может случиться. Прости, конечно, что разочаровал тебя, но я тот, кто я есть.

— Я не обвиняю тебя, Леша.

— Нет, ты именно обвиняешь, — парень недовольно горбится. — Я же вижу, как ты стала смотреть на меня с тех пор, как вновь пришла в стаю. Я не соответствую вашим идеалам: я не свободный, не бесстрашный, не самоотверженный. Я обычный, и это тебе не нравится.

— Не говори глупостей.

— Это не глупости. — Астахов откладывает вилку и тяжело выдыхает. — Сегодня я ехал в школу на маршрутке: старой, массивной, дряхлой. Папа отвез мою машину на мойку, сказал, я разучился следить за чистотой самостоятельно. Так что выбирать не пришлось. В общем, наконец, моя остановка. Я встаю, иду к выходу, пропускаю вперед маленькую девочку, лет десяти, и она высовывает голову как раз в тот момент, когда поломанная дверь неожиданно начинает закрываться. Реакция к счастью у меня хорошая. Я успел выставить вперед руку, придавил пальцами стекло, но неожиданно, — Леша усмехается. — Неожиданно мои пальцы начали скользить. На улице холодно, в салоне тепло: образовался пар. В итоге, дверь мне не удалось задержать ни на секунду. Она ударила ту девочку по виску. Не сильно. Не волнуйся. Но, тем не менее, ударила. И знаешь, в этот самый момент я вдруг понял, что никакая безумная реакция, ни сила, ни ум не смогут помочь тебе изменить то, что предписано. У меня нет сверх способностей, я не сумел бы испепелить ту дверь взглядом. Получается, что от меня нет никакого толка. Я бесполезен. И ты. И стая. Мы кучка обычных людей, Лия. Мы не герои.

— К чему ты рассказываешь все это?

— К тому, что хватит считать себя той, кем ты не являешься. Вы заигрались.

— Прекрати, — недоуменно протягиваю я. — Кто заигрался? О чем ты?

— Я был с тобой за день до того, как ты упала с крыши и потеряла сознание, — признается Астахов. — И знаешь, о чем ты меня попросила? — я сглатываю. — Ты попросила меня, остановить тебя любой ценой.

— Остановить? — удивляюсь. — Но я-то тут причем?

— Ты не сумела закончить всё в тот раз, и ты начинаешь впутываться в сети стаи снова. История повторяется.

— Просто Гарри Поттер.

— Я серьёзно! — горячо восклицает Леша. — Лия, забудь ты обо всем и продолжай жить так, словно ничего и не вспоминала.

— Но тогда все люди, которые погибли — умерли зря.

— Какая разница. Неужели ты не понимаешь, что продолжая играть в супер героев, ты делаешь только хуже?

— Ты говоришь так только потому, что не знаешь, что я чувствую. — Уверенно откидываю назад волосы и выдыхаю. — Тебе не понять меня.

— Ради чего ты бьешься? — удивляется парень. — Чего или кого тебе не хватает? Киры? Да, она умрет от алкоголизма в ближайшем будущем. Бесстрашного? Возьму на себя ответственность и напому, что ваши отношения были фикцией! Тогда, может, Шрама?

Но и тут загвоздка: ему кроме себя никто не нужен, Лия. Никто.

— Хватит.

— Такова, правда, истина. Ты хочешь расставить все на свои места, но тебя вряд ли это устроит.

— Кира пьет лишь потому, что пытается заглушить душевную боль. — Защищаюсь я. — У неё отец из семьи ушел. Чего ты ожидал?

— А какое у тебя оправдание для предводителя?

— Стас никогда не думал только о себе. Поверь мне. Он хороший человек.

— А Бесстрашный? А? Что ты скажешь на его счет?

— Наверняка, ты ошибаешься, — предполагаю и неуверенно осматриваюсь. — Мои чувства не могли быть фальшивкой. Я это знаю.

— Ничего ты не знаешь, — выплевывает Леша. — Абсолютно ничего!

— Это ты понятия не имеешь, о чем говоришь. Что на тебя вообще нашло?

— Я просто решил, что пора тебе вставить мозги.

— Ты, правда, так решил?

— Да, Лия, — Астахов отодвигает тарелку и недовольно улыбается. — Хватит уже жить в иллюзиях. Пора осознать всю серьёзность того, что происходит. Ты не обратишься в полицию, стаю не посадят, этот круговорот не закончится. В итоге, ты сама же себя тянешь в собачье дерьмо.

— Хватит отчитывать меня, — отрезаю. — Тебе о стае известно столько же, сколько мне о ядерной физике.

— Перестань уже держаться за прошлое! — просит парень. — Остановись.

— Я не держусь за прошлое.

— Держись ещё как. Отпусти Бесстрашного. Отпусти стаю. Они нечто проходящее, они были в твоей жизни и прошли.

— Макс не проходящее, — горячо восклицаю я. — И не надо говорить мне о моих же эмоциях. Я знаю, что чувствую. Так что могу заявить со сто процентной гарантией, что мои отношения с Максимом не были фальшивкой.

— Были!

— Но почему ты так в этом уверен?!

— Потому что ты была моей девушкой, Лия. С того самого дня, как мы пришли в семью, и до того самого момента, как ты упала с крыши.

Глава 13. Золпидем. После прочтения сжечь

Слова Леша не удивляют меня.

Они повергают в шок.

Иду на историю, ничего не вижу, думаю, не верю.

Мысли о том, что я встречалась с Астаховым, проедают мозг, словно голодные собаки. Мне не по себе. Мне неловко и странно испытывать то, что я сейчас испытываю. Но от чувств не убежать. И поэтому я ощущаю себя голой. Нагой.

Вхожу в кабинет, и не знаю, куда спрятаться, как скрыться. Едва приближаюсь к своей парте, как рядом возникает Трубецкая. Вместе с ней появляется воспоминание из сна и желание ударить одноклассницу по голове.

— Лия, — протягивает она, и следит за тем, как я раскладываю тетради. — У меня к тебе деловой вопрос.

— Какой?

— Деловой.

— Это я поняла. — Присаживаюсь. — Что ты хотела спросить?

— На счет вальса, — Маринка смущенно поправляет русский хвост. — Ты же будешь танцевать с Лешей Астаховым. Так ведь?

Я едва не давлюсь собственной слюной. Недоуменно вскидываю брови, рассеянно смотрю на Трубецкую, ничего не понимаю.

— С чего ты взяла?

— Ну, как с чего. По-моему вы планировали танцевать вместе ещё с прошлой осени.

— Разве?

— Не надо стесняться, — снисходительно протягивает Марина. Неужели я со стороны выгляжу, как смущенная девчонка? На самом деле, меня почему-то тошнит. — Это ни для кого не секрет.

— Допустим. Тебе с этого что?

— Мне от Астахова ничего не нужно. Я по-другому вопросу. — Трубецкая заговорчески приближается ко мне и шепчет. — Сколько в их классе ещё осталось свободных мальчиков, а? Наверняка, он знает. Спроси, пожалуйста. У нас катастрофический недобор! Столько девочек хочет участвовать, а партнеров...

— Так сами спросите.

— Ты что? Это как-то неприлично.

— Неприлично? — я недоуменно хмурюсь. Господи, видимо, мне посчастливилось перескочить ту фазу в жизни, когда девушки носятся за парнями, стесняются их и боятся заговорить. — Я могу спросить об этом с Астахова. Но вряд ли сегодня.

— Попытайся до конца недели, хорошо? — Маринка жалостливо покачивает головой. — Не хочется остаться без пары.

Я киваю, делаю вид, что сочувствую ей, хотя на самом деле не ощущаю буквально ничего. Подумаешь проблема: партнер на вальс. Смешно. Кажется, мои одноклассники не знают, что такое настоящие неприятности.

Историю я провожу в полусознательном состоянии. Никак не могу смириться со словами Леша. Мне почему-то так противно. Неужели мы могли целоваться? Могли держаться за руку? Господи.

Морщусь.

Ещё меня ужасно волнует тот факт, что я использовала Максима. В глубине души я не хочу этому верить. Пытаюсь придумать оправдание, причину. Но это сложно. Это очень сложно сделать, когда осознаешь свою некомпетентность. Как я могу здраво рассуждать, если абсолютно ничего не помню?

Я бессильна.

Приходится смириться со словами Астахова. Приходится взять себя в руки. Приходится осознать, что я играла на чувствах Макса и прекратить о нем думать. Не знаю, как на счет первых двух пунктов, но из-за третьего в голове взрываются полушария.

После школы, я иду на дополнительные занятия по русскому языку. Я очень устала, жутко хочется отдохнуть: заснуть и спать, спать, спать целую неделю. Но даже если сейчас отбросить все сложности с репетиторами, уроками и домашним заданием, я не стану более свободной. Появится лишь свободное время на мысли о стае, что, даю гарантию, непременно сведет меня с ума.

Учительница отпускает меня раньше обычного. Говорит, ей надо уехать: я и не против.

Домой идти не хочется, гулять в одиночестве — тоже.

Итак, что же выбрать?

Неожиданно вспоминаю, что бар находится в нескольких остановках от места, где я сейчас нахожусь. И это решает столько сложный спор.

Повлчу нужный автобус, нахожу сзади свободное сидение и облегченно выдыхаю. Сажусь, передаю деньги, расслабляюсь.

За окном живет город. Люди куда-то идут, торопятся, абсолютно не обращают внимания на то, что находится прямо перед их носом. Например, на мост. На Неву. Я так давно не наслаждалась Питерскими пейзажами, а они ведь прекрасны. С годами жизнь становится серой, бесцветной. Ты уже привык к тому, что есть, и даже не представляешь, как дорого и высоко это ценится. Но ведь жаль, что мы стали такими черствыми и бездушными. Жаль, что ни я, ни это женщина рядом, ни водитель — никто из нас не чувствует себя по-настоящему счастливым. А почему? Дело в проблемах? Дело в сложностях? Дело в неприятностях?

Дело в том, что люди разучились быть счастливыми.

Мы хотим улыбаться, смеяться, радоваться, но мы больше не умеем этого делать. Сплошная фальшь, игра, пресные взгляды, пресные рассуждения. Лишь дети поддерживают равновесие, считая, что в мире куча всего интересного, необъяснимого, красивого, прекрасного. Но и они вырастают. Примыкают к нашим рядам вечно недовольных жизнью людей. И это угнетает.

Сильно угнетает.

Я выхожу на нужной остановке.

Бар находится в пятнадцати минутах ходьбы отсюда. Не знаю, хорошо это или плохо. На улице прохладно, зима, наконец, начинает заявлять о себе. И, тем не менее, свежий воздух на удивление положительно действует на голову. Я успокаиваюсь и как-то рассудительно смотрю на вещи: на рассказ Астахова, на отношения с Максимом, на стаю, Карину, деньги, убийства. Я неожиданно понимаю, что не должна прыгать выше своей головы. Это не значит, что я не приложу усилий и не попытаюсь разобраться во всех проблемах. Нет. Я просто не хочу больше подвергать себя и своих близких опасности. Не хочу больше оказываться в тех ситуациях, когда исход сможет заставить винить и осуждать себя до конца своей жизни.

Внезапно вспоминаю о том парне, который погиб.

Я ведь даже не знаю его имени.

Грустно выдыхаю, и прикусываю губу.

Нет, не должно быть так. Не должен человек жить с мыслями о том, что он причинил кому-то боль. Это невыносимо. Это мерзко, чувствовать себя чудовищем.

Как же от меня не отвернулись люди? Как на меня смотрел Леша? Макс? Кира? А Стас? Он ведь готов пожертвовать своей жизнью ради любого, кто будет в этом нуждаться. Неужели и он смог меня простить?

Поразительно.

А я ведь просто хотела вспомнить свой прошлый год, наполненный событиями из школы, семьи, из жизни. Могла ли я предположить, что события, случившиеся со мной, триста шестьдесят пять дней назад, перечеркнут все то, что образовалось в моей голове уже сейчас?

Выдыхаю, и, наконец, вижу бар.

В обед здесь практически нет людей. За барной стойкой сидят три человека, из колонок играет тихая кантри-музыка. Спокойствие, умиротворение. Так прямо и не скажешь, что несколько дней назад, сюда нагрянула полиция.

Решаю не терять время, и сразу иду в туалет. В глубине души осознаю, что там убирались, и даже, если бы таблетки остались на полу, их уже давным-давно бы выбросили. Но не теряю надежду.

Зря.

В туалете идеально чисто. Никаких таблеток и поблизости нет.

— Черт, — протираю руками лицо и прикусываю губу.

В принципе, вряд ли эти улики смогли бы мне чем-то помочь. Но всё равно жаль.

Выхожу из туалета и медленно шагаю к двери. Вот моя поездка никак и не окупилась.

— Эм, девушка! — неожиданно кто-то выкрикивает. — Девушка!

Я недоуменно поворачиваюсь.

Бармен смущенно улыбается и рукой подзывает к себе.

Я не понимаю, что ему от меня нужно, думаю: он ошибся. Но всё-таки сокращаю между нами дистанцию.

— Мы знакомы?

— Нет, — парень серьёзно хмурится. — Не знакомы. Дело в том, что вы забыли свой клатч в ту пятницу.

— Клатч? — я категорично покачиваю головой и поджимаю губы. — Прости, но ты ошибся. Я не ношу с собой клатч.

— Да? Вроде это вы сидели за барной стойкой.

— Ты обознался, — я наклоняюсь ближе к бармену и шепчу. — И не удивительно, учитывая, в каком состоянии все уходили из помещения.

— Да, — парень усмехается. — Вы правы. Хотя, честно говоря, вряд ли я вас мог с кем-то перепутать. Вы замечательно выглядели. Это красное платье...

Бармен закатывает глаза, а я неожиданно понимаю, что данные слова относятся к Кире. Это она прекрасно выглядела в своем алом, коротком платье. Естественно. Кто бы сомневался.

— Ты говоришь о моей подруге, — улыбаюсь. — Именно она была в красном.

— Да?

— Да. А так как к выходу её несли на руках, она оказалась не в состоянии вспомнить про свой клатч. К сожалению.

— Тогда думаю, она не будет против, если его заберете вы?

— Конечно, — выдыхаю и благодарно улыбаюсь. — Спасибо, что вспомнил. Иначе, моя подруга, наверняка, устроила бы истерику.

— Всегда, пожалуйста.

Бармен одаряет меня очаровательной улыбкой, и протягивает заветный клатч. Черный, мягкий, маленький. Стильный. В духе Киры.

Я выхожу из бара, иду к остановке.

На улице стало почему-то холодней.

Укутываюсь в пальто, поправляю сумку и случайно, выпускаю из пальцев клатч. Он падает, катится по асфальту в противоположную от меня сторону и неожиданно открывается.

— Ох, — недовольно выдыхаю. Надеюсь, что всё в порядке, и ткань не порвалась. Не испортилась. Дохожу до места, нагибаюсь и вдруг вижу то, что безумно меня удивляет. В клатче лежит пластмассовая маленькая бутылочка, а в ней — синие таблетки. — Что?

Недоуменно рассматриваю лекарство. Кручу его в руках, читаю название: Золпидем. Хмурюсь. Как-то странно увидеть в клатче у Киры таблетки, от которых она так уверенно открещивалась.

Встаю и продолжаю идти к остановке.

Интернет мне в помощь.

Дома вкусно пахнет. Блаженно втягиваю запах в свои легкие.

Люблю, когда мама не работает. Она готовит всякие вкусности, которые ни мне, ни Карине ещё не удалось переплюнуть.

— Я пришла, — снимаю ботинки и прохожу на кухню. Мама стоит около плиты, мешает мясо в сковородке и одновременно смотрит какую-то программу. — Пахнет прекрасно.

— Раздевайся, будем ужинать.

— Сейчас. — Целую маму в лоб. — Карина уже дома?

— Да. Она в своей комнате.

Облегченно выдыхаю: хорошо, что сестра здесь. Волнение сразу же исчезает.

— Ты закрыла за собой дверь? А то вечно забываешь.

— Сейчас проверю.

Дверь я и, правда, не закрыла. Растяпа.

Иду в ванну, становлюсь перед зеркалом и аккуратно приподнимаю ногу. Царапина на икре уже затянулась, но всё равно неприятно ноет.

— Ох, — я уже устала скрывать побои.

Смазываю рану йодом, мою руки и иду в комнату.

Снимаю с себя свитер, джинсы, как вдруг слышу громкий звонок. Нервно прыгаю через кровать к сумке, выбрасываю содержимое на пол, беру телефон и смотрю на дисплей:

номер незнакомый. Недоуменно отвечаю.

— Да?

— Любимица?

— Стас? — я улыбаюсь. — Знаешь мой номер?

— Ты, правда, считаешь, что его сложно было отыскать? — парень усмехается, а затем неожиданно тяжело выдыхает. — Есть дело. Нужно встретиться.

— Я не смогу сегодня, — смотрю на дверь, и протираю свободной рукой лицо. — Мама дома. Она попросила побыть вместе.

— Это точно из-за мамы, или ты просто не хочешь приходить?

— С чего ты взял, что я не хочу?

Мой вопрос звучит неуверенно. На самом деле, я, правда, с удовольствием останусь дома. Здесь я не встречу Макса, не увижу его прекрасный глаз и не вспомню о том, что на протяжении долгого времени вешала ему лапшу на уши.

— Вчера многое случилось. — Напоминает Стас. — Я боялся, что ты передумаешь.

— На счет чего?

— На счет стаи, Лия. Раньше мы были близкими друзьями, но сейчас я не имею над тобой никакой власти, — он усмехается. — Ты не должна прислушиваться ко мне, и это сильно меня напрягает, ведь в противном случае ты вновь исчезнешь.

— Я никуда не исчезну, — обещаю и смущенно поджимаю губы. — Просто сегодня мне нужно побыть дома.

— Точно?

— Точно. Лучше скажи, что случилось?

— Ничего особенного, — парень выдыхает. — Наташа исчезла под утро. Мне кажется, что у их семьи есть какой-то план, что немало меня волнует. Я хочу сообщить всем о том, что стая больше не будет собираться. На неделю, на месяц... не знаю на сколько. Это трудный шаг, и я думал, ты будешь рядом.

Приятно слышать его слова, приятно чувствовать себя нужной. Улыбаюсь и облакачиваюсь спиной о кровать.

— Прости. Мне, правда, жаль, но я уже пообещала маме.

— Ладно. Что уж поделать.

— А Максим с тобой? — вопрос сам срывается с губ, и я прикусываю язык. Господи, почему он вечно в моих мыслях.

— Да. А что?

— Значит, ты не одинок.

— Наверно, — Стас усмехается. — Просто предводителей трое...

Киваю и громко выдыхаю воздух. Не хочется подводить парня, но семья превыше всего.

— Прости, — вновь повторяю я. — Но сегодня никак.

— Ничего страшного. Значит, встретимся завтра.

— Да. С удовольствием!

— До встречи, Любимица.

Стас кладет трубку, а я опять улыбаюсь. И все-таки он приятный парень. Мне с ним комфортно, уютно. Просто не укладывается в голове, как кардинально может измениться мнение о человеке.

Поднимаюсь с пола, бросаю телефон на кровать и натягиваю растянутую длинную футболку. Неожиданно вспоминаю о синяках на ногах и надеваю штаны. Хотя, если я постараюсь прикрыть все раны, придется снабдить себя шубой.

Сажусь за компьютер, и, пока мама не завет за стол, ввожу в поиск гугла: Золпидем.

— Хмм...

Нажимаю на первую ссылку, внимательно читаю.

Золпидем. Рекомендуются людям, у которых бессонница принимает затяжной характер.

Бессонница? У Киры?

Отодвигаюсь от компьютера и недоуменно хмурюсь.

Зачем подруге обманывать? Почему нельзя сразу было признаться в том, что у нее проблемы со сном. К чему отрицать наличие таблеток?

Из мыслей меня выводит чей-то недовольный крик.

— Мама?

Я встаю из-за стола и выхожу в коридор. Останавливаюсь, смотрю на кухню: там пусто. Разворачиваюсь и вижу открытую дверь в комнату Карины. Иду туда.

— Что такое?

Прохожу и вижу маму. Она держит в руках деньги и рассерженно машет ими перед лицом сестры.

— Мам? В чем дело?

— Ни в чем, — холодно отрезает она. — Абсолютно ни в чем. Просто Карина потеряла рассудок!

— Что случилось? — а я играю правдоподобно. Подхожу ближе, и недоуменно смотрю на сестру. Она свернулась клубком на кровати, словно загнанное в угол животное и обхватила себя руками. — Карина?

— Представляешь, Лия, представляешь? Она украла у нас деньги! Украла и спрятала их под кровать. — Мама ошарашенно взмахивает руками в стороны. — Просто не верится, что я воспитала такую дочь.

— Наверняка, этому есть какое-то объяснение.

— Да? Ты думаешь?

— Карина? — я обращаюсь к сестре, но она даже не смотрит на нас: ни на меня, ни на маму. Просто молчит, дрожит. — Каринка.

— Я звоню отцу, — отрезает мама. — Слышишь? Пусть он с тобой разбирается.

— Нет, — я останавливаю её и серьезно выдыхаю. — Не надо. Это лишнее.

— Лишнее? Твоя сестра украла пятнадцать тысяч, Лия! — вообще-то сорок пять... — И ты считаешь, что рассказать папе, лишнее?

— Просто не стоит так сильно кричать, мам.

— Стоит.

— Нет, — я понимающе поджимаю губы. — Серьезно, давай не вмешивать папу. Он от Карины не оставит и живого места. Деньги не потрачены. Так ведь? Мы просто сделаем

вид, что ничего не было, а Карина извинится и пообещает больше такого никогда не делать.

— Почему ты на её стороне? — поражается мама. — Она ведь виновата, Лия!

— Потому что все мы совершаем ошибки. И она не исключение.

— Я подумаю на счет папы, но одно я знаю точно: Карина, ты под домашним арестом. Больше никуда не выходишь, в гостях не остаешься, об улице забываешь.

Сестра и на это молчит.

Меня беспокоит её реакция, её поведение. Может, она даже рада, что все так обошлось?

— Ох, боже мой, — выдыхает мама и рассерженно идет к выходу. — Никогда не думала, что доживу до момента, когда моя дочь украдет у меня деньги.

Я грустно выдыхаю.

Жаль, что всё так вышло, но другого варианта нет. Только теперь Карина в безопасности, только теперь она дома.

Иду следом за мамой. Та выключает телевизор на кухне, в зале, стремительно несется в спальню и захлопывает за собой дверь. Громко. Сильно.

Видимо, просмотр фильма отменяется.

Глава 14. Сердце бесстрашного

Избегаю Лешу.

Вижу его в конце коридора и резко сворачиваю в другую сторону. Иду быстрее. Мне жутко не хочется с ним разговаривать, мне неловко его видеть и вообще мне сейчас не до Астахова. Слишком много плохого с ним связано.

Хотя кого я обманываю?

Ох, как же паршиво без этого парня. Я не общалась с ним день, но уже чувствую острое недомогание. Он моя поддержка, моя опора, свет в темноте. Мне без него плохо. Это факт. Но как смотреть Астахову в глаза, если я считаю его другом, в то время как давно уже для всех являюсь его девушкой? Теперь понятно, почему мама постоянно намекала мне на Лешу. Она знала, что мы встречались, и с нетерпением ждала торжественного воссоединения. Какая глупость. Неужели я любила Астахова? Не как друга, а как парня?

О боги.

Я вижу в кабинете физики Киру и подзываю её к себе.

Блондинка виновато кивает, встает из-за парты и бредет ко мне. Она расстроена, подавлена. Наверняка, считает, что вчера наговорила лишнего.

— Привет, — слабо отрезает она и робко улыбается. — Всё ещё хочешь находиться рядом со мной?

— А что поделать, — я пожимаю плечами. — Ты ведь моя подруга.

— Вчера я была дрянью, а не подругой. Пьяной дрянью. Так что прости. Наговорила тебе кучу глупостей...

— Нужно завязывать с алкоголем, — мы отходим от кабинета, и Кира облокачивается спиной о стену. — Серьёзно. Ты должна остановиться.

— Это не так просто.

— Почему?

— Потому что с проблемами все справляются по-разному, — немного нервно отвечает блондинка. — Я пью и успокаиваюсь.

— Но это вредит твоему здоровью.

— Фастфуд тоже вредит моему здоровью. Так что мне не есть в Маке?

— Тогда подумай о том, что в пьяном состоянии ты уязвима, — я серьёзно смотрю на подругу и подхожу к ней чуть ближе. — Как ты будешь защищаться, если не сможешь удержать себя на ногах?

— Я не алкоголичка, чтобы постоянно ходить пьяной, — язвительно пропевает Кира и улыбается. — Посмотри на меня сейчас: я трезвая и прозрачная, как стекло.

— Ещё бы ты приходила пьяной в школу...

— И что? Пробовали: не понравилось.

Я упускаю её комментарий. Если сейчас окажется, что я ещё и ходила в неадекватном состоянии на уроки... честное слово: придушу себя собственными же руками.

— Кира, — я сглатываю и тяжело выдыхаю. — Почему ты солгала мне, когда сказала, что не пила в баре таблетки?

— Что? — блондинка недоуменно хмурится. — О чем ты?

— Я ходила туда. Думала найти зацепки, а в итоге наткнулась на приятного бармена.

— И что?

— И то, что он отдал мне это, — я вытаскиваю из сумки клатч и протягиваю его подруге. Она неуверенно берет его и вертит перед собой, рассматривает. — Парень сказал, что его забыла девушка в красном платье. Как ты думаешь, кого он имел в виду? — Я протираю руками лицо. — Клатч выпал, когда я шла к остановке, и наружу вывалились таблетки. Синие таблетки. Те же самые, что я нашла у тебя на ладони в туалете, Кира.

— Лия, утихомирь пыл, — блондинка серьёзно смотрит на меня. — Этот клатч не мой. Я его впервые вижу.

— Как это не твой?

— Чтобы я одела под то шикарное платье эту дешевую подделку Prada? Тут оно даже через «о» написано. Смотри, — она указывает на надпись. — Prado. Я бы не позволила себе упасть так низко.

Я ошеломленно вскидываю брови.

— Хочешь сказать, клатч не твой?

— Нет, не мой. — Блондинка озадачено хмурится. — Выходит он принадлежит той девушке, которая подсунула мне таблетки. Предательницы. Что ж, — Кира усмехается. — Теперь мы хотя бы сузим круг поисков: всех парней — отбрасываем, потому что вряд ли бы кто-то из них пришел в бар в красном платье.

— Я посмотрела в интернете информацию об этом лекарстве. Это таблетки от бессонницы. Если их выпить в состоянии алкогольного опьянения, можно серьёзно пострадать.

— Получается, меня тоже хотят убить. Бог мой. Я заметно поднялась в своих глазах.

— Хватит язвить, — отрезаю я. — Это ведь не шутки, Кира.

— Ну, а что мне делать? Плакать?

— Не знаю. Странно. Мы бы заметили ещё одну девушку в красном. Ты так не думаешь?

— Судя по тому, как хорошо нам с тобой в тот день было... — блондинка качает головой. — Нет, вряд ли бы мы кого-то заметили.

— Ещё один минус алкоголя, — причитаю я. — Будь мы трезвыми, то уже давно бы знали имя стервы, которая тебя хотела убить!

— Ох, это да. Виски туманит рассудок. Но я ничего не могу с собой поделать. Когда мне плохо, лишь алкоголь приводит в себя.

— И эта девушка говорит мне, что она не алкоголичка...

— Я любитель, — с сарказмом поясняет блондинка. — Кстати, почему ты вчера не была на собрании? Шрам сказал, что распускает стаю на время, ты знала?

— Да, он звонил мне. Но я должна была побыть дома, с семьей.

— Максим спрашивал о тебе.

— Да? — меня пронзает ток. Я резко выпрямляюсь и сглатываю. — И что он спрашивал?

— Почему тебя нет, случилось ли что-то. Как всегда, в общем.

— И что ты ответила?

— Что я ничего не знаю, — усмехается Кира. — Ало, я только что сама задавала тебе эти вопросы.

— Да, ты права. Прости. У меня в голове кавардак. Просто ужас какой-то.

— Пора расслабиться.

— Возможно, но только не твоим способом.

Звонок проносится по коридорам, и блондинка раздраженно выдыхает.

— Ненавижу физику! — она взмахивает руками и отходит от стены. — Мозги на этом уроке вываливаются наружу.

— Кира, — подруга оборачивается, и я неуверенно спрашиваю. — А какие у меня были отношения с Лешей?

— В смысле?

— Ну, год назад. Как мы с ним общались?

— Отлично, — недоуменно протягивает девушка. — Как всегда — вместе и неразлучны. А что?

— Да, так, — робко улыбаюсь и поджимаю губы. — Просто спросила.

Кира кивает, идет в кабинет, а я раздосадовано выдыхаю. Как же меня достало это чувство недосказанности, словно я знаю лишь поверхностную информацию.

Поскорей бы выбраться из этих сетей недопонимания и тайн.

После уроков я встречаю учительницу, к которой хожу на дополнительные занятия по русскому языку. Она говорит, что сегодня должна уехать, извиняется, а я ликую, предвкушая субботний день дома, около телевизора, с едой. Мммм.

Вырываюсь из школы, заранее осматриваюсь, чтобы не встретиться с Лешей и несусь к остановке. Мой автобус приходит через несколько минут, и мне кажется, что день на моей стороне. Неужели?

Когда я занимаю место около окна, у меня срабатывает телефон. Смотрю на дисплей, вижу уже знакомый номер и отвечаю.

— Любимица слушает.

— Любимица? — сотовый едва не выпадает из моих рук, я краснею на глазах у всех тех, кто находится в автобусе. — И когда это мой брат успел дать тебе такое прозвище?

— Макс, — рассеяно тяну я. — Ты звонишь с телефона Стаса? Почему?

— Потому что забыл на свой положить денег. А что, это запрещено?

— Нет, конечно, нет. — Мне приходится вдохнуть пару раз холодный воздух, чтобы привести себя в чувство. Прикрываю глаза и спрашиваю. — Случилось что-то?

— Мы узнали информацию о главаре банды противников.

— Да? Как?

— Вчера Стас растянул неплохую речь на собрании о долге, предательстве, чести, и совесть одного парня дала о себе знать. Он перешел к нам из семьи, и слышал, что на руке у их предводителя татуировка Ворона.

— Ворон, — я выдыхаю. — Не удивительно.

— Ты что-то об этом знаешь?

— Немного.

— Нужно встретиться и обсудить всё.

— Да, ты прав, — я нехотя соглашаюсь, хотя не горю желанием видеть Максима. Мне стыдно разговаривать с ним, стыдно находиться рядом. Такое чувство, что я обманывала его всю жизнь, а он слепо мне верил. — У меня сегодня мама на работе в ночную смену.

Так что можете приехать ко мне.

— К тебе? Почему ты не хочешь встретиться в парке?

— Не могу оставить Карину без присмотра.

— Хорошо. Когда к тебе приехать?

— Когда сможете, — я смотрю на часы. — У вас во сколько заканчиваются занятия?

— Сегодня суббота, чужачка. Какие занятия?

— А, ну да. В таком случае, можете уже выдвигаться.

— Договорились.

Макс тут же бросает трубку, а я растеряно выдыхаю.

Вот и пожила без Бесстрашного. Хорошо пожила.

Выхожу на остановке и первым делом иду в магазин. Стас, наверняка, опять по-хозяйски расположится на кухне, и мне придется его чем-то угощать.

Покупаю круассаны, тирамису, батон. Иду домой.

Устало открываю дверь и прохожу в коридор. Слышу, как работает телевизор, выдыхаю и надеюсь, что хотя бы сегодня сестра будет в хорошем настроении. Правда, искренне надеюсь.

— Карина, — я вешаю пальто на крючок идвигаюсь в сторону зала. — А знаешь, что я тебе купила? Я купила тебе тирами... — не успеваю договорить. Примерзаю к месту, когда вижу на кухне незваную гостью, и роняю на пол пакет. Девушка держит кухонный нож на уровне Карининой шеи и глубоко дышит.

— Не подходи! — рявкает Наташа. — Иначе я её прирежу!

— Господи, ты что делаешь?

У меня, словно землю из-под ног выбили. Я ошеломленно смотрю на дикие глаза Рыжей, на испуганную сестру и проваливаюсь в бездну. Живот скручивает, органы сжимаются, сдавливают легкие. Я приподнимаю одну руку и успокаивающе протягиваю:

— Наташа, опусти нож.

— Не подходи, — повторяет девушка. — Я серьёзно.

— Что тебе от неё нужно?

— Твоя сестра так и не принесла нам деньги.

— Это я виновата в том, что вы на мели, — уверенно чеканю я. — Так что отпусти Карину, и давай разберемся между собой.

— Хватит строить из себя героя, Кобра.

— Лия, я...

— Тшш! — Рыжая резко дергает голову сестры, чтобы та замолчала и шепчет на ухо. — Ни звука, милочка.

— Я спасла тебе жизнь! — напоминаю я и пронзаю гостью презрительным взглядом. — А ты? Чем ты мне отплатила? Пришла угрожать сестре?

— Умоляю тебя, Кобра. То, что ты единожды послужила мне, никак не поможет тебе в нашей ситуации.

— Прости, Наташа. Мне, правда, очень жаль.

— Оу, — довольно протягивает она и смеется. — Ты, наконец-то, вспомнила!

— Я не знаю, что точно произошло в стае год назад, но я была не справедлива к тебе. Извини.

— Извини? Считаешь, сказала парочку добрых слов и все? Искупила вину?

— Что ещё тебе нужно? — каменным голосом интересуюсь я, хотя внутри сгораю от страха. Лезвие рядом с лицом сестры держит меня в таком напряжении, что я сжимаю руки в кулаки, и ногти впиваются в ладонь. — Чего ты хочешь?

— Отдай мне деньги, — расчетливо шепчет Наташа и грубо прикладывает нож к шее Карины. — Ты ведь не хочешь, чтобы твоя сестра пострадала. Так ведь?

Я смотрю на Карину и чувствую, как трясутся колени. Мне так страшно ещё никогда не было: ни когда сзади несся поезд, ни когда я оказалась в полиции, ни когда я попала в аварию.

Сейчас я испытываю жуткий ужас, и мне хочется тошнить.

— Хорошо, — отрезаю и поджимаю губы. — Я отдам тебе деньги, если ты отпустишь мою сестру.

— Я похожа на идиотку? — злится Рыжая. — Сначала деньги, потом Карина.

— Зачем тебе это? Наташа, скажи зачем? Ты ведь не хочешь причинять людям зло. К чему весь этот концерт?

— К тому, что за каждый проступок человек обязан платить, — жестко чеканит девушка и оскаливает зубы. — И ты заплатишь. Ты заплатишь!

— Всё, хорошо, хорошо. — Я успокаивающе киваю и глотаю, накопившуюся во рту слюну. Спорить с Рыжей сейчас попросту глупо. — Пойдем.

Я киваю в сторону зала и медленно иду к шкафчику, где обычно родители хранят деньги. Очень медленно. Боковым зрением слежу за тем, чтобы Наташа не навредила Карине.

Вытаскиваю пачку купюр, пересчитываю их и протягиваю перед собой.

— Держи. Тут ровно сорок пять тысяч.

— Вот и отлично.

Наташа грубо отталкивает сестру в сторону. Та падает на пол, ударяется локтем о стол, и тихо стонет.

У меня появляется такое дикое желание врезать Рыжей по лицу, но я беру себя в руки. В конце концов, Наташа сжимает рукоятку огромного кухонного ножа. Кидаться на неё — полное безумие.

Девушка отнимает у меня деньги, и довольно улыбается.

— С вами приятно иметь дело.

— Какая же ты сука, — с омерзением шепчу я, и пронзаю Рыжую тяжелым взглядом. — А я считала тебя человеком, просто попавшим в плохую компанию. Я ошибалась. Ты обрела настоящих друзей в «семье».

— Заметь, что это из-за тебя я там оказалась.

— Нет, Наташа. Ты могла выбрать другой вариант, но пошла по пути мести. И к чему он тебя привел? Ты совершаешь преступления, врываешься в дома, угрожаешь людям. В кого ты превратилась?

— Я делаю то же самое, что делала ты. — Рыжая улыбается. — Если мне не изменяет память, именно ты сначала была предводителем в семье, так ведь? Ты собрала всех тех людей вместе, ты направила их против Шрама, ты предатель, Кобра, не я!

— Осуждаешь меня? Осуждай. Но я хотя бы действовала так по собственной воле, а не на поводу у тупой ненависти.

— Ты ничего не знаешь! — взрывается Наташа и резко подходит ко мне. — Думаешь, такая умная? А вот и нет. Ты слепа, дорогая моя. Ты настолько слепа, что даже смешно наблюдать за тем, как наш предводитель топчет тебя.

— Знаешь, кто он? — удивляюсь и ошеломленно расширяю глаза.

— Да. Нас с ним связывает одна цель. Именно поэтому я одна из немногих, кто видел его лицо.

— Наташа, скажи мне. Скажи мне, кто он!

— О, да. Хорошая попытка.

Рыжая выставляет перед собой нож и начинает двигаться в сторону двери.

— Он тебя использует, — уверенно отрезаю я. — Ты могла умереть в том подвале, понимаешь? Здание подлетело на воздух, и твоему предводителю было плевать: внутри ты или нет.

— Всё равно, каким способом он добивается мести, Кобра. Главное, что у нас с ним одинаковая конечная остановка.

— Не глупи. Ему не важна твоя жизнь!

— А кому важна? — Наташа уязвленно поджимает губы и кричит. — Ты отняла у меня всех, Лия! — С какой ненавистью она произносит моё имя. — Всех! Отняла Стаса, Киру, Андрея, стаю. Я стала предателем, не совершив ни единой оплошности! Меня изгнали по твоей воле. Ты стояла на будке и толкала речь о том, какая я плохая, ты! До сих пор помню этот день: холод марта, серое небо, костер в парке и твои слова о том, что я променяла стаю на кучку левых отморозков. А Стас... Стас как всегда поверил тебе. И спрашивается: почему? Почему он это сделал, если я была его девушкой? Я встречалась с ним два года, Кобра! Я любила его всем своим сердцем. Почему? Почему он не встал на мою сторону? — Рыжая отворачивается, и у меня сводит живот. Как же много боли я ей причинила. — Я не знала, куда мне идти. Что мне делать. И я безумно радовалась, когда ты упала с крыши! И я безумно расстроилась, когда ты выжила!

— Мне очень жаль, — дрожащим голосом произношу я, и виновато горблюсь. — Прости меня, Наташа.

— Бог простит, — рявкает она и разворачивается лицом к коридору. Идет вперед, открывает дверь и вдруг видит на пороге двух парней.

У меня подскакивает сердце, когда заставленная врасплох, Рыжая размахивается и со всей силы вонзает нож в плечо Стаса.

По коридору проносится тихий стон.

В замедленной съемке Шрам оседает рядом с дверью, Макс хватается за плечи, а Наташа, выронив деньги и нож, несется вон из квартиры.

У меня шок. Я не понимаю, как такое могло произойти, почему братья оказались на пороге именно в этот момент, что сподвигнуло Рыжую применить оружие. Бегу. Падаю рядом со Стасом и крепко сжимаю его руку.

— Боже мой, — испуганно смотрю на Макса. — Боже мой.

Кровь начинает литься из раны, и Шрам крепко стискивает зубы. Ему больно. Ему очень больно.

— Так, — Максим встает и аккуратно поднимает вместе с собой брата. — Пойдем в ванну. Лия, помоги мне.

Ташим Стаса. Я говорю Карине избавиться сначала от крови в коридоре, затем в квартире. Пока сестра несется за тряпками и средством, приносим Шрама в помещение

и кладем в ванну. Быстрым движением, Максим извлекает нож из плеча брата, и Стас сильно ударяет рукой о кафель.

— Мне нужен бинт и перекись. Срочно!

Я несусь за аптечкой. Внезапно подскользываюсь на крови и грубо падаю на пол. Встаю, покачиваюсь, испуганно выдыхаю, вижу свои испачканные джинсы, руки и еле сдерживаю слезы.

Возвращаюсь в ванну с медикаментами.

Максим снимает верхнюю одежду с брата и серьезно напрягается.

— Я сейчас обработаю рану, а затем мы поедem в больницу.

— Нет, — этот хриплый голос принадлежит Стасу, и я удивленно вскидываю брови. — Ты и сам сможешь зашить.

— О чем ты? Нужна помощь специалистов! — кричит Макс.

— Я прошу тебя, пожалуйста.

— Но почему?!

— Тогда они заведут на Наташу уголовное дело. Я не хочу этого.

Ошарашенно замираю.

Эта девушка только что чуть не лишила его жизни, а он беспокоится о том, что она попадет в тюрьму?

— Стас, — тяну я и сажусь рядом с Максимом на колени. — Пожалуйста, давай поедem в больницу. Рана серьезная.

— Я сказал — нет. Это... — парень морщится и продолжает. — Это моё решение.

— Но Стас, — у меня глаза полны слез. — Прошу тебя.

— Нет. Я сказал, нет.

Внутри всё переворачивается.

Макс просит меня выйти. Я не сопротивляюсь.

Словно зомби бреду по окровавленному коридору и испуганно оседаю рядом с дверью. У меня начинается истерика. Дышу я часто, прерывисто, громко. Закрываю глаза, хочу прикрыть руками лицо, но вдруг вспоминаю, что и они испачканы.

— Боже мой, — дрожу. — Боже мой.

— Лия, — внезапно рядом появляется Карина, она виновато горбится и внезапно обнимает меня. Крепко-крепко. — Прости.

Сестра начинает плакать, а я не в силах её успокоить.

Мы сидим около получаса, в растерянности, в шоке. Я готова орать от страха, готова кричать во все горло, готова рычать от злости. Но я лишь молчу. Смотрю перед собой и дышу так громко, что заглушаю всхлипы сестры и стоны Стаса из ванной. У меня вены болят, они горят, словно по ним несется кипяток. Голова кругом от запаха ржавчины, от тяжелого крепкого запаха крови. И я проваливаюсь в небытие: в то время, которое осталось в моей памяти.

Я — молодая девушка, окончившая музыкальную школу, еду с родителями на море. Мы носимся по пляжу, Карина вечно кидается на мою спину, и мы бегаем по берегу, словно дикие, сумасшедшие дети. Мама причитает, чтобы я не поднимала тяжести, папа говорит, что я сильная, что я всё вынесу. А мне просто хорошо. Хорошо находиться рядом с родителями, рядом с сестрой, чувствовать запах соленого Черного Моря, видеть

высокие горы Крыма, это странное бардовое небо... Я так счастлива, что готова остаться в этих минутах навсегда, закрыть себя в этом промежутке времени и проживать его снова и снова.

Открываю глаза и вижу свои окровавленные руки.

Тут же грудную клетку что-то сдавливает. Я вдруг понимаю, что уже не будет тех спокойных дней, когда я носилась по пляжу и смеялась с того, как глупо выглядят волосы сестры после соленой воды. Уже не будет как раньше.

Теперь я видела то, что не позволит мне стать прежней.

Кровь не вписывается в поездку на Черное Море. Нож возле горла сестры не в меню Крымской Кухни. Смерть не преследует туристов в горах и не заставляет бояться до ужаса любого звука.

Я внезапно затащила себя в такое будущее, где убийства и предательства обычные явления.

Как? Как я умудрилась это сделать?!

Понятия не имею.

Стас спит в моей комнате.

Карина моет коридор.

Я тру губкой разводы в ванной и старательно пытаюсь сдерживать ужас. Внутри все органы напряжены. Все мышцы твердые, каменные. Мне приходится быстро дышать, чтобы не упасть без сил от недостатка кислорода. Но и это не помогает.

— Чужачка?

Не поворачиваю голову. Знаю, что Макс зашел в ванну, что он сел рядом, и что он тоже начал протирать окровавленный пол.

— Как Стас? — холодно спрашиваю я.

— Вроде нормально. — Парень промывает грязную тряпку и вновь наклоняется. — Рана у него глубокая, серьезная.

— Но ты зашил её?

— Да. Я сделал всё, что смог.

— Хорошо, что ты доктор, — немного успокоившись, отрезаю я и смотрю на Максима. Тот напряжен, подавлен и расстроен. — Уверена, ты справился.

— И всё же помощь врачей, настоящих врачей, в этой ситуации необходима. Я ведь студент, я пока что любитель. Мне нельзя доверять! Особенно жизнь. Особенно жизнь брата.

— Перестань. Ты молодец, — я выдавливаю улыбку. — Правда, ты спас Стаса.

— Мне так страшно. Так страшно, Лия! Я ведь... — парень отбрасывает тряпку и нервно откидывает назад голову. — Я ведь мог не успеть. Мог ошибиться.

— Теперь всё позади.

— Что позади? Мой брат до сих пор спит, у него дыра в плече размером с Евразию, он хочет казаться смелым героем, но это глупо! Это попросту глупо, ведь речь идет о его жизни.

— Макс...

— А вдруг он бы потерял много крови? Вдруг Наташа бы задела важные органы? Что? Что бы мы тогда делали? Что бы я тогда смог сделать?! Ничто, Лия! Ничего!

— Тихе, — я придвигаюсь к парню и кладу руку на его плечо. Он так растерян, так испуган. Мне непривычно видеть Бесстрашного в подобном состоянии. — Всё хорошо, ты справился. Стас спит. Он поправится, не волнуйся, и всё будет нормально.

— Я зашивал ему рану, — вспоминает парень. — Пытался выглядеть уверенным, решительным, но внутри буквально сгорал от страха. Мне вдруг показалось, что от того, как я сейчас зашью этот чертов порез, будет зависеть судьба целого человечества! Представляешь? — он смотрит на меня дикими испуганными глазами. — Представляешь?

— Максим...

— А затем, — продолжает Макс, — затем Стас вдруг отрубился. Буквально на несколько секунд он потерял сознание от болевого шока, и я, кажется, исчез вместе с ним. Клянусь, Лия, я слышал, как моё сердце взорвалось, слышал, как оно разлетелось на сотни осколков и впилося мне во все внутренности острыми ядовитыми стеклами. Я слышал! И я перестал дышать. Замер. Смотрю на свои руки, смотрю на лицо брата, смотрю на рану, и не знаю, что делать. Не знаю! У меня точно душу свело! Точно легкие вынули! Хотел было кричать, как вдруг Стас открыл глаза. Оклемаюсь: так же внезапно, как и потерял сознание. И в этот самый момент я понял, что если бы мой брат умер, умер здесь, я бы умер вместе с ним, прямо в этой ванне, в этой крови, в этих безумных попытках тупой помощи! Я бы умер, Лия, и я бы не испугался смерти вместе с ним.

— Не говори так, пожалуйста, — от мыслей, что Максим может погибнуть, у меня напрягается все тело. — Стас жив, ты жив. Всё хорошо, и не нужно думать о плохом.

— Но как не думать о плохом, если пятнадцать минут назад я зашил огромную пробоину в плече собственного брата?

Парень практически выкрикивает этот вопрос. Он испуганно замирает, а я непроизвольно прижимаю его к себе. Обнимаю, обхватываю плечи, вжимаюсь в крепкий стальной торс. Шепчу:

— Я здесь, я с тобой.

— Я так перепугался, — признается Максим и начинает водить руками по моей спине. — Так перепугался!

— Всё нормально.

— После смерти матери, мы со Стасом пообещали друг другу, что никогда не расстанемся. Что он никогда меня не бросит, а я никогда не брошу его. Не при каких обстоятельствах.

Удивляюсь, услышав о том, что мамы братьев больше нет, но не акцентирую на этом внимания. Вряд ли сейчас подходящий момент.

— Это замечательно, что вы так держитесь друг за друга.

— Да, но, Лия, он едва не оставил меня, — парень чуть отстраняется и смотрит мне в глаза потерянно, неуверенно. — Он едва не умер.

— Всё позади, — решительно отрезаю я, и беру лицо Максима в руки. — Стас жив, ты спас его, и теперь никто из вас не нарушит обещание.

— Лия, он — единственный человек в моей жизни, который ещё ни разу не бросал меня, не смотря ни на что. — Макс грустно выдыхает, и я вдруг понимаю, что не отношусь к категории людей, которые всегда были с ним рядом. Это отрезвляет меня. Заставляет вспомнить всё то, что я натворила, и мне приходится опустить руки. Я прикусываю губу и отворачиваюсь. Больно осознавать, что ты не являешься для человека тем, кем он является для тебя. Особенно, если это произошло по собственной вине.

Беру в руки губку и вновь начинаю мыть ванну.

Не нужно было вообще разговаривать с Максом. Я делаю лишь хуже, пытаюсь доказать самой себе, что не могла играть на его чувствах.

Могла ведь.

И от этого кислота проедает всё внутри.

— Всё в порядке? — недоуменно спрашивает парень, на что я лишь киваю. — Точно?

— Да.

— Я сказал что-то не то?

— Нет.

— Тогда почему ты так рьяно пытаешься оттереть уже чистое место?

Я опускаю взгляд на руки и рассеяно выдыхаю. Тут и, правда, уже чисто. Встряхиваю головой и перемещаюсь чуть в сторону.

— Чужачка, всё точно хорошо?

— Да, Макс, — я отрезаю резко, и корю себя за это. Боковым зрением вижу, как, нахмурившись, парень вновь начал оттирать пол, и виновато выдыхаю. — Прости, я просто не могу прийти в себя после того, что произошло.

— Тогда, может, стоит поговорить?

— Думаю, не стоит.

— Почему?

Потому что Наташа ранила Стаса из-за того, что ненавидит меня, потому что я отняла у неё место и обвинила в обмане, потому что сама была предателем и играла на твоих чувствах, потому что хотела избавиться от вашей стаи и продвинуть свою семью.

К счастью, я не произношу своих мыслей вслух.

Вместо этого тихо отрезаю:

— Потому что об этом сложно говорить.

— Мне тоже сложно, но, тем не менее, молчание не выход.

— Молчание не выход? — нервно усмехаюсь я и удивленно смотрю на парня. — Тогда какова причина того, что все вокруг меня только и делают, что хранят секреты? Если молчание не выход, так давай же, Макс, проясни хоть что-нибудь!

— Одно дело делиться с людьми своими эмоциями, переживаниями, и совсем другое рассказывать то, о чем сам не имеешь ни малейшего понятия.

— Мои эмоции напрямую зависят от того, что я знаю, и что я забыла. Так что единственный способ разговорить меня и сделать счастливой: это вытащить из вечных тайн и лжи.

— Твои тайны касаются не только тебя, — саркастически отрезает парень. — Не забывай о том, что ни одна ты вовлечена во всю эту канитель.

— Люди, очнитесь! — раздраженно восклицаю я. — Возможно, если бы мы сели и рассказали друг другу всю правду, мы бы смогли избежать того, что сейчас творится!

— Или бы повторили прошлые ошибки, — с безнадегой протягивает Максим и отворачивается. — О некоторых вещах лучше молчать.

— Например, о каких? Об этом? — я дергаю парня на себя и поднимаю рукав кофты. Свет падает на его татуировку: букву V. — Или об этом? — я обнажаю свой локоть. И теперь рядом находятся две татуировки. — О чем ты хочешь молчать?

— И об этом тоже.

— Возможно, если бы ты хотя бы попытался мне объяснить, что они обозначают, нам бы стало проще, — дрожащим голосом прошу я, и понимаю, что узнай я истинную природу наших чувств, я бы возможно изменила своё мнение, и перестала избегать парня, или бы наоборот попыталась стереть его из своей деформированной памяти. — Каждая тайна влечет за собой последствия. Поверь, я знаю.

— Я тоже это знаю. И я знаю слишком много. О некоторых вещах я бы предпочел забыть так же, как это сделала ты.

— Сделала я? — поднимаю брови. — Говоришь так, словно я специально сиганула с крыши и расшибла голову.

— Иногда мне кажется, что специально.

В его голосе столько боли, что я замираю. Смотрю на парня и вижу такого дикое разочарование в жизни! Хочу спросить, что он имеет в виду, но не успеваю.

В ванну входит Карина.

— Я помыла коридор и положила деньги на место, — сообщает она и небрежно протирает глаза. — Шрам, спит, я проверила. Больше не стонет. Надеюсь, ему стало лучше.

— Что на счет того, как Наташа попала в квартиру? — устало интересуюсь я, хотя в глубине души знаю ответ.

Она горбится и кивает в сторону кухни.

— Когда закончите, приходите ко мне. Нам есть о чем поговорить.

— Хорошо.

Встаю с колен и протираю мойку.

— Макс, что имела в виду Наташа, когда сказала, что я отняла у неё Андрея? Кто это? Мы с ним были знакомы?

— И это она успела упомянуть. — Парень выдыхает и поднимается. — Расскажи мне, что ты вообще знаешь о Третьяковой?

— Это её фамилия? — Макс кивает. — Ну, я знаю, что она долгое время встречалась со Стасом, а потом предала его и покинула стаю.

Опять вру. Отлично, Лия! Ты молодец.

— Так, что ещё?

— То, что она ненавидит меня, так как считает, что я встала между ней и твоим братом. И ещё она слепо верит в мою вину: будто изгнала её именно я.

Максимы вновь выдыхает. Ну, и надоели мне эти грустные музыкальные сопровождения!

— У Наташи был лучший друг, Андрей. Они выросли вместе.

— Так, и причем тут я?

— Подожди, не перебивай. — Макс протирает насухо пол и вешает тряпки на батарею. — К нам в стаю Третьякова пришла со своим близким другом, практически братом, Андреем. Как ни странно, их отношения были чисто дружескими, хотя лично я считаю, что дружбы между мужчиной и женщиной не существует. И, тем не менее, Наташа продолжала так же тесно общаться с Андреем, и одновременно встречаться со Стасом. Мой брат не видел в этом ничего плохого, и я уважаю его за дикую сдержанность. Мне бы не посчастливилось быть таким терпеливым. Делить свою девушку ещё с кем-то... — парень горько улыбается, а я громко сглатываю: видимо, ему все же пришлось пережить нечто подобное. — На одно из испытаний Третьякова не смогла прийти. Кажется, у неё

уезжали родители, и она должна была поехать вместе с ними. В любом случае, она пропускала «Чертовое колесо». Перед отъездом, она попросила Стаса проследить за Андреем. Тот относился к той категории людей, которая любила совершать бешенные, необдуманные поступки, и поэтому Наташа волновалась. Мой брат, конечно, дал обещание. Но, к сожалению, не смог его выполнить.

— Что случилось? — обеспокоенно спрашиваю я.

— Скорость на Колесе устанавливают предводители. Никто из участников не может контролировать этот процесс. Только Стас, я, ты или Наташа. — Максим облокачивается спиной о стену и протирает руками лицо. — Андрей опять заигрался, попросил моего брата увеличить скорость. Тот сначала не соглашался, а потом поддался желанию проверить этого чертова мальца и прибавил несколько минут в час. В конце концов, теплых чувств Стас к Андрею не питал, и естественно он не задумался в тот момент о последствиях. А нужно было. Парень соскользнул, и, при ударе об асфальт, поломал позвоночник. До больницы мы смогли кое-как его довести, а там уже он умер.

— О, боже мой, — я прикрываю рот рукой и потеряно выдыхаю. — Максим, сколько смертей, сколько потерь. Ради чего?

— Раньше мне казалось, я знаю ответ на этот вопрос. Сейчас — увы, нет.

— Но почему Наташа считает, что Андрея у неё отняла я?

— Потому что ты самоотверженная идиотка, Лия.

— Не понимаю...

— Стас никогда не был так подавлен. Похожее случилось только после смерти матери. Он не знал, что делать, как рассказать об Андрее Третьяковой, где найти причину своему поведению, но все тщетно. Так и не придумав выход, мой брат решил пойти иным путем. — Максим откидывает назад голову. — Он, чужачка, решил покончить с собой. После нескольких дней раздумий, Стас вышел на центральный мост, взобрался на край, и прыгнул.

— Прыгнул?!

— Да. Он прыгнул, и прыгнул весьма неудачно. При падении, он ударился лицом о какую-то корягу. Потерял сознание, и пошел ко дну. Но затем, появился наш личный супермен, готовый рискнуть всем, но спасти чью-то жизнь. — Парень смотрит на меня. — Ты прыгнула следом за ним, Лия.

— Что? Я?

— Да. И знаешь, что? Ты спасла его. Я понятия не имею, каким способом ты это сделала, как сумела вытащить из воды парня в два раза больше себя, но ты спасла.

Я ошеломленно замираю.

Так вот о чем говорил Стас на кухне: я спасла его, и я простила ему то, что он виновен в смерти человека. Боже мой, как много я о себе не знаю!

— Мой брат чуть поправился, ты пришла к нему в палату и спросила, когда он вновь вступит в наши ряды, на что Стас ответил: никогда. Он сказал, что не сможет быть рядом с Наташей, ведь она возненавидит его, а ради чего тогда ему жить? Ты и тут придумала, что сделать: сказала Третьяковой, что сама устанавливала скорости, и что именно по твоей вине Андрей соскользнул и поломал позвоночник.

Вот тут я вообще ошарашенно выдыхаю. Выпучиваю глаза на Максима и недоверчиво хмурюсь.

— Я, правда, так сделала?

— Да. Стас был против. Он буквально хотел убить тебя за такую самоотверженность, но...

— Ого, — я протираю руками лицо и растерянно оглядываюсь. — Вот это история.

— С тех пор мой брат считает тебя членом своей семьи. Он помнит о том, что ты для него сделала, и никогда не забудет. Никогда. К тому же после того случая, у него на лице остался шрам. Так что выкинуть из памяти смерть Андрея вряд ли для него возможно, даже если он очень сильно этого пожелает.

— Поэтому Стас так хорошо ко мне относится, — понимающе протягиваю я и озадачено выдыхаю. — Так странно. Раньше я слышала про себя лишь плохие истории. В смысле, эта история тоже плохая, но тут я хотя бы веду себя более-менее прилично.

— Ты всегда так себя вела, чужачка. И если ты и совершала ошибку, то специально. Не просто так. Ты всё продумывала, и выстраивала план своих действий таким образом, чтобы выигрывали все окружающие тебя люди, но не ты.

«Кто же выиграл с того, что наши отношения были фальшивкой?» — грустно думаю я, и прикрываю глаза. Мне так больно осознавать, что Макс был всего лишь частью какого-то плана. Разве такое возможно? Разве это реально?

— Ты всегда думала обо всех, кроме себя, — шепчет парень и неожиданно придвигается ко мне. — Это ужасно бесило меня.

— Почему? — робко спрашиваю я, ощущая колики по всему телу. Макс так близко, так опасно близко.

— Потому что твоя жизнь много для меня значит.

— Считаешь, я не могу постоять за себя?

— Наверняка, можешь, но я бы не хотел испытывать судьбу. Твоя боль отдается во мне, словно эхо. — Парень останавливается, и нас разделяют сантиметры. — Словно я связан с тобой чем-то настолько крепким, что противиться нет смысла. — Мои ребра резко сжимают легкие. Воздух становится горячим, тяжелым. Я ощущаю неловкость, стеснение, отвожу взгляд в сторону и чувствую, как пылают щеки. — Я и сейчас чувствую эту связь.

Сглатываю, и с трудом нахожу в себе силы вновь посмотреть на парня. Он уставший: лицо потное, уголки губ опущены, но глаза...

— Макс, — шепчу я и смущенно прикусываю губу. — Скажи, почему у меня такое чувство, словно я знаю тебя всю свою жизнь?

Вопрос срывается с губ неожиданно. Сначала я его пугаюсь, но потом уже с нетерпением жду ответа.

Через несколько секунд, парень улыбается, игриво завивает локон моих смольных волос на палец, дотрагивается до шеи и ключицы. Я замираю. Не шевелюсь, лишь наблюдаю за тем, как Максим тяжело и ровно дышит. Затем он вдруг опускает ладонь ниже и прикладывает её к моему сердцу.

— Ты такая красивая, — признается он, и я испуганно моргаю. Чувствую его руку у себя на груди, борюсь с огнем, пожаром, и с наслаждением выдыхаю. Макс замечает, как его действия влияют на меня, и придвигается ещё ближе. — Такая горячая.

Внутри что-то взрывается. Тело ноет, сводит живот. Я смотрю на Максима и вижу в его глазах такое дикое желание, что сама теряю голову.

Не знаю, что на меня находит. Не знаю, что на него находит.

Со стоном, мы врываемся в пространства друг друга и резко сливаемся в поцелуе. Мою спину обжигает стена. Я запускаю пальцы в волосы Макса и сильнее притягиваю его к себе, ближе, гораздо ближе. Он хватает меня за талию, грубо и нежно одновременно. Его холодные руки скользят по моему телу, по моей горячей коже, и я испытываю такое удовольствие, что не могу сдержаться и вновь испускаю тихий стон.

Подхватив меня на руки, Максим, покачиваясь, отходит от стены. Он резко убирает на своем пути шторы, и мы оказываемся в ванной. Автоматически включается вода из душа, и на нас рушится поток прохладной воды. Мы не обращаем на это внимания. Страсть,

накопленная, за все дни вырывается из меня, будто одичавший зверь. Я целую Максима, теряю голову, оставляю пальцами следы на его коже, выпускаю стоны, прижимаюсь сильнее и ближе. Не могу остановиться. Он тоже не может. Его правая рука держит меня так крепко и властно, что мне не сдвинуться с места. Ни на сантиметр. Она забирается мне под кофту, гладит спину, живот. Я стягиваю с него водолазку, и смотрю на белую майку, которая вмиг становится мокрой.

Голова кругом. Припадаю губами к его шее, плечам, подбородку. Слышу, как он стонет, и не могу сдержать в себе бешеный пожар. Слова Лешы о том, что я не любила Максима, сейчас не имеют под собой никакого смысла. Неужели люди, равнодушные друг к другу, могут испытывать такую страсть? Такое желание?

Неожиданно замираю. Зачем я вспомнила о Леше?

Внутри что-то выключается. Я отстраняюсь, вижу светящиеся глаза Максима, чувствую воду на своих плечах и недоуменно сглатываю. Что это было? Почему я так набросила на Макса?

— Лия?

— Подожди, — я растерянно оглядываюсь. — Прости, я...

— Нет, — парень придвигается ко мне и вновь прижимает к себе. — Не надо ничего говорить.

— Но это неправильно. То, что мы делаем... Это неправильно.

— Я знаю, — опьяняющим голосом шепчет Максим и касается губами моей шеи. Я непроизвольно откидываю назад голову и закрываю глаза. — Я знаю, но не могу остановиться.

— Хватит, — молю, хотя сама не хочу, чтобы он меня послушал. — Макс, пожалуйста.

— Любимая, — хрипло тянет он и целует мое лицо. — Родная...

— Максим...

— Единственная. Бесценная.

— Пожалуйста.

Остатки разума покидают меня. Парень гладит руками мое тело, произносит нежные слова на ухо, и сотни мурашек бегут по моей спине, заставляя ноги подкашиваться. Заставляя терять голову и равновесие.

— Я так долго ждал тебя, — признается Макс, и касается лбом моего лба. — Так долго, Лия.

Беру в руки лицо парня. Вода течет вниз по локтям, по спине, по лицу. Наши губы рядом, но мы не двигаемся. Мы смотрим друг на друга, и тяжело дышим. Пытаемся привыкнуть к близости, к желанию, к ноющему огню в воздухе.

Испытывала ли я то же самое с Астаховым?

Вряд ли.

— Сколько можно вас ждать? — неожиданно спрашивает голос, и в ванне появляется Карина. — О, господи! Простите!

Я растерянно выпускаю из рук лицо Макса, парень отстраняется, и мы поворачиваемся лицом к сестре: мокрые, разгоряченные, томные. В моих глазах шок, в глазах Максима недоумение. А Карина просто нагло разглядывает, как просвечивается торс парня через майку и даже не пытается этого скрыть.

— Мы идем, — резко отрезаю я, и смущенно протираю рукой мокрое лицо. — Уже выходим.

— Ну, я вас жду.

Сестра уходит, а мы с Максом так и не двигаемся. Громко дышим. Стоим. Молчим. Не понимаем ничего и пытаемся осознать происходящее.

Я первая решаюсь сойти с места и вылезаю из ванной. Вытираюсь полотенцем, пока Макс выжимает водолазку.

— Послушай, — неуверенно начинаю я, и кидаю парню второе полотенце. — Давай не будем спешить.

— А разве мы спешим? — спрашивает меня Максим и улыбается. — Мне так не кажется.

— Поверь, мы очень спешим. Для меня всё так быстро и... и непредсказуемо.

— Лия, Стас сказал, что ты начала что-то вспоминать. Мне показалось странным скрывать от тебя такие очевидные вещи.

— Да, но, — я выдыхаю и взмахиваю руками в стороны. — Есть кое-что, в чем я хочу разобраться, понимаешь? Да, меня тянет к тебе, да, я чувствую электричество в воздухе, но этого мало.

— Мало? — Максим отбрасывает полотенце в сторону, подходит ко мне и резко притягивает к себе. Я замирю. Прекращаю дышать. Его взгляд, его руки, его тело: всё сводит меня с ума, все заставляет трепетать от желания. — Тебе мало того, что твоё сердце вырывается из груди? Я ведь чувствую это, я знаю. Мое тоже не находится на месте.

— Максим...

— Ладно, — парень аккуратно выпускает меня из объятий и пожимает плечами. — Я не стану давить на тебя, чужачка. Но знай: на этот раз я так просто не сдамся.

— На этот раз? А был предыдущий раз?

— Был. И я отпустил тебя. — Парень хмурится, выходит из ванной и на ходу бросает. — Больше такого не повторится.

— Надеюсь, — устало соглашаюсь я, и прикрываю глаза. Еще одного такого похода в душ мое сердце не выдержит.

Глава 15. Отличный день для того, чтобы поразгребать дерьмо

Вытираю полотенцем волосы и выхожу следом за парнем. Иду по коридору. Заглядываю к Стасу. Тот спит, сопит и держится свободной рукой за больное плечо. Горько улыбаюсь и поправляю одеяло. Шрам отличный парень. Я чувствую такое тепло по отношению к нему: просто невысказанно, как может поменяться мнение о человеке.

Так же я понимаю, что, несмотря на обилие бед, Стас очень счастливый человек, ведь рядом с ним есть Максим, а он так сильно его любит. Прямо, как я люблю Карину.

Что ни говори, а родственные узы чертовски крепкая вещь.

Слышу, как кто-то стучит в дверь, и недоуменно выхожу из комнаты. Иду мимо кухни, смотрю на сестру: та пожимает плечами. Настороженно приближаюсь к входу, вдыхаю воздух и смотрю в глазок.

Резко открываю дверь.

— Леша?!

— Та дааа, — протягивает он и выставляет перед собой полный пакет. — Я купил твои любимые круассаны и спаржу. Решил, что хватит уже избегать друг друга, и стоит нормально поговорить.

— Я... — облакачиваюсь о дверной косяк и растерянно хмурюсь. — Я не думаю, что сейчас подходящее время.

— Почему? Ты... — парень вскидывает густые брови. — Ты была в душе?

— Да. — Поправляю волосы. — Я мылась, но дело не в этом.

— А в чем же?

— У меня сейчас гости.

— Гости? — Астахов недоуменно хмурится. — И что, ты не позволишь мне пройти? Серьёзно?

— Нет, что ты, — выдыхаю и широко открываю дверь. — Заходи, конечно. Я просто волнуюсь, что тебе не понравятся люди, которые пришли ко мне.

— Ты так говоришь, словно у тебя на кухне сидят Бесстрашный и Шрам.

Я виновато морщусь и громко выдыхаю. Парень удивленно проходит, снимает куртку, кладет телефон на полочку и усмехается:

— Не говори мне, что я угадал.

— Ты угадал.

— Я же просил не говорить!

— Леш, у нас просто чп, — оправдываюсь я. — Правда!

— Что уже случилось? Играли в суперменов, и кто-то выпал из окна, потому что вдруг понял, что не умеет летать?

— Не смешно.

— А по-моему смешно.

Астахов самодовольно улыбается и проходит на кухню. Видит там Максима и громко выдыхает.

— Привет, — протягивает руку. — Ты... ты тоже был в душе?

— Да, — усмехнувшись, отрезает Макс и пожимает ладонь Леша. Вот и долгожданная

негативная атмосфера.

— Дай, угадаю. Вы пришли к Лие, чтобы принять ванну, так как у вас дома засорилась труба, правильно?

— Почти.

— Будешь чай? — спрашивает Карина у Астахова и встает из-за стола. — Я так понимаю, у нас праздничный ужин. Может, достать мамин сервиз?

— Прекрати, — я неловко улыбаюсь, потому что горю желанием пристрелить себя. А мне казалось, нож в плече Стаса — самое ужасное, что можно увидеть. Нет. Встреча Макса и Леша гораздо страшней. — Давайте перейдем сразу к делу.

— К какому делу?

— Карина хотела рассказать, почему она впустила Наташу к нам в дом.

— Рыжая была здесь? — с ужасом восклицает Астахов. — Какого черта она здесь забыла?

— Пришла за деньгами, а затем попыталась убить моего брата.

— Стас в моей спальне, — поясняю я и выдыхаю. — Третьякова вонзила нож ему в плечо.

— Вы, я вижу, не скучаете.

— Ничуть.

— В общем, пора расставить всё на свои места. Мне надоело, что я абсолютно не в курсе дела, так что, Карина, просвети меня, пожалуйста, что ты забыла в семье Наташи?

— Она и брUNET шантажировали меня. Сказали, если я не исполню все их требования, они причинят вред тебе или нашим родителям. — Сестра ставит перед Лешей чашку и грустно выдыхает. — Мне ничего не оставалось, как подчиниться.

— Почему ты не рассказала мне?

— За это мне бы тоже попало.

— Но по какой причине они делали это?

— Хотели тебя задеть, — недовольно усмехается Карина. — Изначально, я находилась в семье, как приманка. Позже, мною стали пользоваться, словно марионеткой. Заставляли делать то, что сама я делать не хотела.

— Например?

— Например, позвонить в полицию, и сказать, что меня собираются изнасиловать два парня возле бара. Или подкинуть Кире таблетки.

— Но откуда ты узнала адрес? — удивляется Макс, на что я тяжело выдыхаю.

— Я дала ей. — Протираю руками лицо. — Перед уходом я кинула ей записку с адресом под дверь.

— Я забыла клатч в баре, — виновато вспоминает Карина, и отворачивается. — Забыла его на столе, а внутри находились таблетки.

— Так это был твой клатч, — ошеломленно выдыхаю я. — Это ты — девушка в красном платье.

— Да, Лия, прости, но мне пришлось. После того, как я рассказала, что потеряла сумку, брUNET разозлился. Сказал, там было что-то ещё, очень ценное, важное и ударил меня по лицу в наказание за безответственность. Вот откуда тот огромный отек.

— Кретин, — зло выпаливаю я и сжимаю руки в кулаки. — Попадись он...

— Тихо, — успокаивающе отрезает Максим и кладет мне ладонь на плечо. — Не стоит

рубить сгоряча.

Я киваю, медленно выдыхаю и вдруг вижу, как Астахов смотрит на руку Бесстрашного. Он буквально проедал её взглядом. Мне становится неловко, и я отодвигаюсь чуть в сторону. Ладонь Макса скатывается вниз, и Леша вновь может дышать.

— Что-то ещё? — растерянно спрашиваю я, пытаюсь взять мысли под контроль. Мы обсуждаем такие серьёзные вещи, а я думаю о взаимоотношениях с парнями.

— Я и не знаю, о чем ещё рассказать, — признается Карина. — Могу лишь заявить, что главарь это близкий нам человек.

— С чего ты взяла?

— Он все про нас знает. Абсолютно все! Будто следит за нашей семьей несколько лет.

— Ты его видела?

— Нет. Никто его не видел кроме Наташи.

— Какой странный выбор, — выдыхаю я и хмурюсь. — Рыжая не лучший союзник. Она колеблется, я вижу.

— Да, она особенно сильно колебалась, когда вонзила нож в плечо Стаса, — недовольно напоминает Макс. — Мне кажется, нужно искать человека с психической травмой. Только идиот захочет убить столько людей, ради одного человека.

— Кто же это может быть? — недоуменно протягивает Астахов. — Из близких? Кто?

— Понятия не имею, — я протираю руками лицо.

— Предатель наверняка в стае, — предполагает Карина. — И он играет в ней не последнюю роль.

— Хочешь сказать, главарь семьи находится вместе с нами? — удивляется Макс. — В стае?

— Да. Я думаю, да.

Это приводит всех в замешательство. Мы замолкаем, думаем, но понятия не имеем в какую сторону двигаться.

Я чувствую усталость. Не отказалась бы сейчас от долгого, крепкого сна. Смотрю на Лешу. Тот тоже выглядит разбитым и грустным. Кажется, мой друг совсем забросил свое здоровье.

— Лучше залечь на дно, — предлагает Карина. — Поверьте, та семья опасна. Не нужно высовываться.

— Но мы тоже не одуванчики собираем, — с вызовом отрезает Макс. — Бояться эту банду ещё опасней, чем действовать.

— Как драться с тем, кого мы не видим? — я недоуменно выдыхаю. — Предводитель семьи, видимо, призрак.

— Наверняка, есть тот, кто его заметил! — восклицает Астахов. — Так просто не бывает, чтобы человек не оставлял следов. Это нереально. Где-где, да проколется.

— И всё же, лучше на время успокоиться, — настаивает Карина и подходит ближе к столу.

— Ты, правда, так думаешь?

— Да. У семьи в подвале куча взрывчатки. Хватит даже на то, чтобы подорвать огромное здание.

— И какие же у семьи планы на будущее?

— Понятия не имею, — сестра устало протирает лицо. — Нас ни во что не посвящали. Я была всего лишь марионеткой, служащей, как давление на тебя.

— Отлично.

— Значит, залечь на дно, — пробуя на вкус, повторяет Максим и выдыхает. — Я никогда ещё не чувствовал себя таким бесполезным.

— Лучше бесполезным, чем мертвым.

Парень недовольно хмурится. Скрещивает на груди руки, а затем холодно отрезает:

— Пойду, проверю брата.

— Макс...

Я вижу, как он уходит, и грустно понижаю. Мне абсолютно ясно его нежелание быть слабым и беззащитным. Но что мы можем? Неужели правильной повести себя безрассудно и нарваться на неприятности, нежели залечь на дно и переждать бурю?

— Теперь ты понимаешь, почему я вела себя таким образом, — тихо шепчет Карина и виновато смотрит на меня. — Мне пришлось. Правда. Я... я не хотела обманывать, говорить такие вещи.... Было очень сложно причинить тебе боль.

— Я понимаю. — Выдыхаю и подхожу к сестре. — Они заплатят за то, как обращались с тобой. Обещаю.

— Не надо, — испуганно просит Карина. — Не надо трогать их. Лия, там собрались плохие люди, без принципов, без совести. Они совершат безумные поступки, пожертвуют своей жизнью, но выполнят приказ предводителя. Как Наташа, которая кинулась под колеса вашей машины, как брюнет, который оставил у меня на лице отек размером с теннисный мяч. Им плевать на последствия.

— Мне тоже, когда речь идет о моей сестре.

— Тише, тише, — протягивает Астахов. — Не плевать мне, так что не станем делать скоропостижных выводов.

— Не думаю, что это скоропостижные выводы. Карина — жертва, семья — виновники.

— А ты кто? Судья? Не смей меня, Лия, — парень отмахивается. — Опять решила поиграть в девочку-праведника? Забыла, что на кону ваши жизни, а не наклейки из раскраски?

— Почему ты так боишься принимать решения? Астахов, очнись! Если бы мы боялись банду так же сильно, как ты, нас бы давным-давно раздавили, словно надоедливых мух.

— А ты не думаешь, что окунувшись в дерьмо, ты не выйдешь чистой?

— Схожу, помоюсь!

— Как помылась сегодня? — парень нервно усмехается. — Скажи Максиму потереть спинку.

— Кому я должен потереть спинку? — спрашивает внезапно появившийся на кухне Макс, и Карина громко усмехается. Мы же с Лешей буравим друг друга взглядом: злым, недовольным взглядом. — Боюсь, сегодня я уже слишком устал для таких решительных действий.

— Не волнуйся, — Астахов язвительно улыбается. — Можешь сделать это не сегодня. У вас впереди ещё целая вечность.

С этими словами парень разворачивается и уходит. Я сначала мысленно посылаю его к черту, а затем произвольно несусь следом.

— Подожди! — хватаю друга за локоть. — Что нашло на тебя? А?

— Ничего на меня не нашло.

— Тогда почему ты ведешь себя, как идиот?

— Тебе показалось, — Астахов резко натягивает куртку. — Всё просто замечательно.

— Прекрати, — прошу я. — Давай не будем ссориться, Леш.

— Давай. Только как с тобой не ссориться, если ты уже не слышишь меня! Стоило стае вновь появиться в твоей жизни, и все, ты готова: забвение набирает обороты.

— Я лишь хочу во всем разобраться!

— В чем? — Парень замирает и серьезно смотрит мне в глаза. — В чем ты хочешь разобраться?

— Неужели ты не понимаешь, как важно для меня вернуть память о прошедшем годе?

— Но зачем? Желаете повторить всё то, что привело тебя к амнезии?!

— Я чувствую пустоту, понимаешь? — горячо восклицаю. — Здесь, — ударяю себя по груди и тяжело выдыхаю. — Мне необходимо заполнить её, иначе я никогда не смогу жить нормально.

— И что заполнит эту пустоту? Риск? Адреналин? Травмы?

— Люди. Мне кажется, что только в стае есть люди, которые способны вернуть меня к жизни.

— То есть я уже ничего для тебя не значу, — Астахов обижено улыбается и расставляет руки в стороны. — Отлично.

— Я не говорила этого. Конечно, ты мне дорог. Не выдумывай. Ты мой лучший друг, и...

— Я тебе не друг! — перебив, восклицает Леша. — Не друг, слышишь? И никогда им не был.

Растеряно хмурюсь. Мне абсолютно неясно, что я сейчас должна чувствовать. Разочарование в себе? Грусть по потерянным отношениям?

Не знаю.

Почему-то меня одолевает странное ощущение долга: будто я обязана быть на стороне Астахова, а не на стороне стаи.

— Прости, — опускаю голову и тяжело выдыхаю. — Прости меня, Леш.

— Ты должна отпустить своё прошлое. Оно не позволяет тебе жить настоящим.

— А какое у меня настоящее?

— Оно связано с твоими родителями, с сестрой, с выпускным, с институтом. Со мной. В твоём настоящем нет испытаний. В нём нет предводителей, посвящения, прыжков с моста и купания в ледяной воде. Речь идет о реальной жизни, а не о вымысле, который, как тебе кажется, способен принести в твою судьбу нечто хорошее.

— Но почему ты против стаи? Почему ты так сильно её ненавидишь? Что она тебе сделала?

Парень усмехается. Он прикусывает губу, а затем тихо отвечает:

— Она отняла у меня тебя.

— Леша... — ошеломленно выдыхаю. Кто бы мог подумать, что чувства Астахова настолько прочны? Неужели у нас с ним и, правда, всё было так серьёзно?

Не могу поверить.

В животе что-то обрывается. Я смотрю на друга, но уже не вижу в нем человека, которого так хорошо знала. Передо мной новый персонаж. Персонаж, который, кажется, питает ко мне искренние чувства.

— Мне пора идти, — парень горько улыбается. — Выплывай из своих фантазий, Лия. Я очень сильно скучаю по своей прежней девушке.

Затем он уходит, а я недоуменно пялюсь на открытую дверь.

Мне настолько неловко прокручивать в голове признание Астахова, что по телу проносится армия мурашек.

Молчу. Скрещиваю перед собой руки и громко выдыхаю.

Видимо, это тот самый момент, когда я не знаю, что делать.

— Чужачка?

Оу, нет. Я ужасно не хочу оборачиваться, не хочу сейчас видеть Макса.

Как же он не вовремя.

— Всё в порядке?

— Да. — Я поджимаю губы, хлопаю дверью и всё-таки поворачиваюсь лицом к парню. — Всё хорошо.

— Что с твоим дружком?

— Ничего. Ему просто нужно было уйти.

— Разговоры о ванной так сильно задевают его? — Макс шутит, но мне почему-то не смешно. Я пожимаю плечами и иду на кухню. Бесстрашный следует за мной. — Лия, что произошло?

— Я же сказала: всё нормально.

— И ты солгала.

— Какая разница?

— Что значит, какая разница? — парень выходит вперед меня и преграждает путь. Приходится остановиться. Я закатываю глаза, и чувствую внутри дикое раздражение. Мне и так паршиво. Неужели я должна выслушать ещё одну тираду?

— Макс, — выдыхаю. — Давай не будем сейчас докапываться до сути, а просто пройдем на кухню и допьем чай.

— Что он тебе сказал?

— Кто?

— Астахов.

— Ничего.

— Ничего? — Максим недовольно усмехается. — Поэтому ты сейчас готова разрушить всё, к чему прикоснешься?

— Раз я такая злая, чего ты меня трогаешь?! — возмущаюсь и вскидываю брови. — Хочется нарваться на неприятности?

— Неприятности с тобой мне не светят.

— Уверен?

— Абсолютно.

Его самодовольный вид выводит из себя. Кто сказал Макс, что он самый умный? Кто сказал Макс, что он всегда прав?

Я раздраженно выдыхаю и пытаюсь прорваться вперед. Не выходит.

— Пропусти меня. Я хочу допить чай. — Выставляю перед собой руки, вновь рвусь вперед и вновь нарываюсь на преграду. — Да, в чем твоя проблема? Просто дай мне пройти! Я сейчас не в настроении, чтобы играть.

— Никто и не играет.

— Макс, пропусти! — опять пытаюсь пройти вперед, но парень ловко останавливает меня. — Ты издеваешься?

— Я лишь пытаюсь успокоить тебя.

— Успокоить? Да, ты делаешь только хуже!

У меня кожа горит. Я на взводе. Хочется разорвать Максима на клочья и, наконец, попасть в эту злосчастную кухню.

— Я прошу тебя в последний раз...

— И что? — парень усмехается. — Что же ты мне сделаешь?

Что?!

Я со всей силы хватаю Макса за руку, выворачиваю её и оказываюсь лицом к кухне. Ударяю ногой по обратной стороне колени парня, чувствую, как тот автоматически сгибается, толкаю его в бок и валя. Я на свободе.

Собираюсь выпустить руку Максима и продолжить путь, как вдруг его ладонь крепко сжимает мою кисть, сгибает её и выворачивает в обратную сторону. Затем он резко перекидывает меня через себя, я зажмуриваюсь, парю несколько секунд в невесомости, чувствую, как оказываюсь в его объятиях, и падаю на что-то мягкое.

Недоуменно открываю глаза, вижу перед собой довольное лицо Максима и понимаю, что мы лежим на диване. А точнее я лежу на диване, а Макс лежит на мне.

— Как ты это сделал? — ошеломленно спрашиваю и прикусываю губу. — Я же Кобра. Меня вроде бы нельзя победить.

— Нельзя.

— Тогда какого черта я лежу, придавленная твоим очаровательным телом?

— Потому что лишь мне известны твои слабые места. — Парень придвигает лицо ко мне, дотрагивается губами до щеки и шепчет. — Лишь я знаю, как можно тебя обезоружить.

У меня сердце замирает. Вот-вот, и оно выпрыгнет из груди.

Ну, уж нет! Ни два раза за день!

Я глубоко вдыхаю воздух, обхватываю парня за талию и резко переворачиваюсь. Несколько секунд, и ситуация кардинально меняется. Я сверху, он снизу. Так мне больше нравится.

— Ну, и кто теперь обезоружен? — игриво интересуюсь я и улыбаюсь. Макс не отвечает. Лишь улыбается мне в ответ.

— Обезоружен я... — внезапно протягивает хриплый голос, и мы одновременно поворачиваем головы в сторону коридора.

Астахов.

— Забыл свой телефон. — Берет с тумбочки сотовый и решительно уходит. — Всё, больше не стану вам мешать.

— Леша...

Я резко спрыгиваю с Максима. Бегу следом за другом.

— Подожди!

Но он не ждет. Выходит из квартиры, хлопает дверью, и я вдруг понимаю, что сама забыла её закрыть на ключ.

— Черт...

— Чужачка, оставь его, — протягивает Максим. — Кажется, твой друг неуравновешенный.

— Не говори так о нем, — поворачиваюсь лицом к парню. — В отличие от всех вас Леша остался со мной, а не скрывался целых четыре месяца.

— Ты, правда, так думаешь?

— А разве нет? Вы все одновременно исчезли из моей жизни! А Астахов был рядом.

— Благослови его Бог. — Максим раздраженно усмехается. — Хорошо, что у тебя есть такие отличные друзья, из-за которых ты прыгаешь с крыши и теряешь память.

Ого. Неужели парень обижен? Я никогда не видела Макса задетым. И сейчас, кажется, сталь дала трещину.

— Нам лучше уйти, — отрезает он, и идет в сторону моей спальни.

— Что? Макс, — я устало выдыхаю. Надоело сегодня разгрести целый день дерьмо. — Не буди Стаса. Пусть он отдохнет.

— Не стоит о нас заботиться. Мы же оставили тебя, так что можешь с чистой совестью прогнать меня и моего брата из своего дома.

— Хватит. Прошу. Только с тобой мне не хватало поссориться.

— Никто ни с кем не ссорится, — парень поднимает брата с кровати. Тот стонет, но послушно облокачивается на свободное плечо Макса. — Я просто ухожу, даю тебе свободу.

— Но зачем?

Они идут по коридору. Я несусь следом.

— Зачем мне сейчас свобода? Ладно, ты на меня обижен, на мое поведение и на мои слова. Но не мучай Стаса. Ему покой необходим.

— Покой необходим тебе. — Макс обувает брата, затем обувается сам. — Подумай над тем, чего ты хочешь. Что и кто тебе нужен.

— Я не хочу ни о чем думать!

— Хочешь, не хочешь... тебе придется.

И он тоже уходит. Берет Стаса на руки и выходит из квартиры.

Я громко выдыхаю и недовольно ударяю кулаком о стену.

Ну, что за день?

Пойду, удавлюсь.

Глава 16. Под горячим ливнем

Как-то на море, я пошла купаться, понимая, что скоро начнется гроза.

Родители спали, сестра смотрела какой-то фильм: в общем, мой побег оказался незамеченным.

Я зашла в воду по пояс, остановилась и стала смотреть на небо. Грозовых туч было мало, но вода уже окрасилась в темно-бардовый цвет, под стать половине облаков. Вот-вот, начнется дождь. Даже запах испускал свежие, земляные ноты. Мне бы выйти на берег, укрыться в доме. Но я стояла. Смотрела вдаль и думала о том, что случится, если я окунусь с головой в пучину во время грозы. Будет ли мне больно? Будет ли мне приятно?

Грохот.

Мурашки пробежали по спине. Море разволновалось, поднялся ветер. А у меня сердце застучало так быстро, что душу перехватило. Я начала громко дышать. Да, мне было не по себе, но я не собиралась выходить из воды. Я хотела победить свой страх молнии, бури, грозы. Страх глубины моря. Страх одиночества. Страх незащищенности.

Еще один грохот.

Я сжала под водой кулаки, поджала губы. Не выйду на берег, пока не смогу контролировать эмоции.

Появились волны. Сначала маленькие, потом большие. Я отошла на шаг назад, чтобы не угодить в капкан. Но затем наругала себя за подобную трусость и вместо одного, сделала три вперед.

Тут же новая волна ударила в лицо. Ветер поднялся такой сильный, что в глазах появились слезы. Начался ливень. Вдалеке громыхнула молния, небо полностью затянуло черное полотно, и безобидное море превратилось в гигантское смертоносное чудовище.

Природных катаклизмов я боялась с рождения, и меня ужасно злил этот факт. Я не должна испытывать страх при виде грозы, не должна терять голову при сильном ветре. Я взрослая девушка, и я обязана быть сильной.

Внезапно огромная волна накинута на меня сверху. Тело неуклюже упало на бок, и я провалилась в пучину. Вынырнула, чтобы схватить кислород и вновь оказалась на дне. Начала грести руками, попыталась оттолкнуться ногами от песка. Тщетно. Море играло со мной, как с тряпичной куклой. Волны бросили меня вперед, и начали крутить, словно колесо по камням берега. Как только они отступали назад, я поднималась, плелась пьяным шагом к пляжу, но затем вновь оказывалась в цепких когтях природы.

И так несколько раз.

В конечном счете, сил не осталось даже на то, чтобы позвать кого-то на помощь. Я вдруг поняла, что не только не смогла бороться со своим страхом, я умирала сейчас по его вине.

Дикое негодование.

Я ведь пришла для того, чтобы стать сильной. А вместо этого даже не могла стоять на ногах.

Я так в тот момент разозлилась. Нашла в себе силы, рванула вперед и буквально выпрыгнула на берег. Руками затащила себя в центр пляжа, повернулась на спину и начала глотать ливень.

Моя грудная клетка поднималась так высоко и так часто, что было больно. Перед глазами всё кружилось, тошнило, ноги болели, ныли, но я вдруг улыбнулась.

Я выжила. Я смогла. Я выиграла.

Изо рта вырвался победоносный крик. Я смотрела на черное небо и больше не боялась. Теперь я знала, что могу бороться. Могу побеждать. Могу бросить вызов судьбе и не

упасть в грязь лицом.

Смех лился из меня, словно песня в честь сокрушения страха.

Я стала сильней. Я выросла в своих глазах, и это породило во мне уважение. Уважение к самой себе.

Сейчас я лежу на кровати, прокручиваю этот день в голове, и вдруг понимаю, что, несмотря на обилие опасностей и проблем, я не должна сдаваться.

Стая — это море, которое может лишить меня жизни. Но у меня всегда должны быть силы, для того, чтобы бороться.

Я обязана доказать самой себе, что способна стать сильной.

Но я не справлюсь в одиночку. Если страх природы не требовал чье-либо помощи, то страх потерять близких требует их нахождения рядом.

Именно поэтому, несмотря на раннее утро, я беру телефон и набираю номер Стаса, надеясь, что ответит мне именно Макс.

Так и происходит.

— Любимица, решила разбудить своего хозяина?

— Я не могла уснуть целую ночь, — признаюсь и свешиваю ноги с кровати. — Хотела с тобой поговорить.

— А с Астаховым ты поговорить не хочешь?

— Хочу. Но сначала с тобой.

Наверняка, Максим доволен таким ответом. Я слышу, как он откашливается, и буквально вижу его самодовольную улыбку.

— Наверно, неправильно обсуждать такие вещи по телефону. Так что, может, встретимся?

— Чужачка, — выдыхает Макс и наиграно спрашивает. — Ты собралась признаться мне в любви?!

— О, ну да. Я собралась сделать тебе предложение, так что оденься поприличней, — звлю и усмехаюсь. — Ты сегодня свободен?

— Для тебя я всегда свободен.

— Отлично. Где предложишь встретиться?

— А разве не ты приглашаешь меня на свидание? — подмечает Макс.

— Господи, ну ты можешь говорить серьёзно! — мне ужасно неловко. Я покрываюсь румянцем и смущенно падаю лицом в подушку. Честное слово: веду себя, как монахиня.

— Ладно-ладно, успокойся, — усмехается парень. — Давай встретимся возле входа в парк аттракционов.

— Отлично. Во сколько?

— Часа в три. Устроит?

— Устроит, — я робко откашливаюсь и выдыхаю. — Что ж, тогда скоро увидимся.

— До встречи, чужачка. — Его голос такой неповторимый. Мурашки по коже. Я отбрасываю телефон в сторону и продолжаю слюнявить подушку. Эти чувства сведут меня в могилу: уверена.

Неожиданно в комнату кто-то заходит. Я не отрываю лица, продолжаю думать о том, что выглядела полной идиоткой, когда меня хватают за ноги и начинают щекотать.

— Эй! — я подрываюсь, и вдруг вижу папу. Он улыбается и открывает объятия. — Я не знала, что ты уже приехал.

— Я вошел тихо, чтобы не будить маму. Она же была в ночную.

— Ага.

— Ну, как у вас дела?

— Нормально, — я специально опускаю ту тему, в которой Карина украла деньги и улыбаюсь. — А как у тебя всё прошло?

— Потихоньку. — Он поджигает губы. — Учиться после сорока не так просто, как кажется.

— Учиться и до сорока нелегко.

— Ну да. — Папа лохматит мне волосы и поднимается с кровати. — Пойду, отдохну. Ты сегодня дома?

— Вообще-то нет. Планирую встретиться с одним другом.

— С каким другом?

— Пап, — протягиваю я и усмехаюсь. — Не будь мамой, пожалуйста.

— Я просто узнал.

— Он хороший, не волнуйся, — поднимаюсь с постели и потягиваюсь. — Ни наркоман, ни алкоголик.

Мне кажется, что я говорю очевидные вещи, однако папа слушает внимательно. Неужели в прошлом у меня были друзья-психи, и он боится, что я попаду в их капкан снова?

— Не задерживайся. Хорошо?

— Конечно.

— Тебе ведь завтра в школу. — Папа идет к выходу. — Я могу подвезти вас с Мариной.

— Отличная новость. Мне в последнее время не везет с автобусами.

Он кивает, выходит, а я подхожу к зеркалу.

Смотрю на свое отражение и громко, медленно выдыхаю. Что ж, встреча с Максом, пожалуй, самое хорошее начало для столь опасного дня.

Я должна извиниться за то, что наговорила ему вчера. Должна прояснить ситуацию и объяснить свои чувства.

Хотя какие у меня чувства?

Итак.

Мне нравится Макс, я невольно завишу от него, и нет тех слов, которые смогли бы полностью описать то, что я чувствую. Мне приятно, и страшно одновременно. Разве так бывает?

Видимо, бывает.

Неожиданно я вспоминаю Лешу. Понимаю, что он очень много для меня значит, и теряюсь.

Что лучше, обрести Макса, но потерять Астахова, или вернуться к Астахову, но забыть Макса?

Бред какой-то. Не думаю, что сейчас моя главная проблема заключается в выборе парня, но почему-то не могу сосредоточиться. Наверно, для человека слишком важно иметь рядом родственную душу. Только поставив жизнь на ноги, я смогу продолжить путь.

Стягиваю волосы в хвост и выхожу из комнаты. Вижу за столом на кухне Карину. Она вновь учит уроки. Иногда мне кажется, что моя сестра не от мира сего. Ну, кто в её возрасте добровольно ранним утром в воскресенье делает домашнее задание?

Выдыхаю и приближаюсь к ней. Она грустная, уставшая. Услышав меня, Карина поднимает голову и выдавливает из себя неправдоподобную улыбку.

— Привет, — тянет она и отодвигает учебники. — Уже проснулась?

— Как видишь, да.

— Выспалась?

— Не очень, — поджимаю губы и сажусь рядом. — Целую ночь думала о том, что вчера произошло. О Наташе, о Стасе, о ребятах...

— Наверно, сложно уместить всё в голове.

— Так и есть. Я ужасно озадачена. Кто из стаи может быть предателем? Кто? Ты говоришь, что семьей управляет близкий человек, но зачем ему причинять нам боль, если мы хорошие знакомые?

— Люди способны на страшные поступки под действием сильных эмоций. Возможно, у него или у неё есть на нас какая-то обида.

— На меня, ты хотела сказать, — поправляю сестру и выдыхаю. — Паршиво осознавать, что все вокруг страдают по моей вине.

— Не говори так, — Карина кладет руку мне на плечо. — Ты здесь ни при чем.

— Я знаю, что при чем. И не отрицай. Моё прошлое содержит в себе слишком много опасных вещей. Я должна поскорей узнать правду и избавиться от того, что способно навредить вам, иначе будет поздно.

— Ты проверила содержимое клатча?

Я удивленно распахиваю глаза и громко выдыхаю.

— Черт! — хватаюсь рукой за лоб. — Я совсем забыла.

Подрываюсь с места, Карина идет за мной. Мы врываемся в мою спальню, исследуем полочки, стол, постель, и замираем.

— Не может быть... — я испуганно бросаюсь к шкафчикам. Начинаю в них рыться и высыпать содержимое на пол. Затем падаю на корточки и смотрю под кровать. — Он пропал!

— Пропал? — в голосе сестры паника. — Как пропал? Не может быть.

— Может, — встаю и недовольно прикусываю губу. — Черт. Кто-то забрал его.

— Но кто? Кто мог это сделать?

— Тот, кто вчера был у нас дома. — Я сама пугаюсь своих слов. Смотрю на Карину и растерянно отхожу назад.

— Кого ты имеешь в виду? — спрашивает сестра и взмахивает руками в стороны. — Вчера у нас побывали все!

— Ну, почему все. Гости было всего трое.

— Пятеро, — исправляет меня Карина, садится на кровать и выдыхает. — Ты забыла про Наташу.

— Точно! Наверно, она и забрала клатч, — я выдыхаю, вроде как прихожу к логичному выводу, но затем недоуменно замираю. Смотрю на сестру и вскидываю брови. — Ты сказала, пятеро? Кто же ещё?

— До Рыжей к нам приходила Кира.

— Кира?!

— Да. Она сказала, что ты не отдала ей шорты после похода в бар.

— И что? — я растеряно оглядываюсь. — Почему она решила забрать их именно вчера?

— Не знаю. Кира объяснила мне, что ужасно в них нуждается, что у неё отменили последний урок по биологии, и что...

— Какая глупость, — обрываю я и несусь к шкафу. Начинаю рыться в вещах и не нахожу шорт. — Просто смешно. Она пришла вчера без моего ведома из-за какой-то вещички? Очень странно, тебе так не кажется?

— Кажется, — Карина наблюдает за тем, как я оседаю рядом с выброшенной одеждой, и вздыхает. — Теперь под подозрением пять человек: Кира, Стас, Макс, Астахов и Наташа.

«Шесть», — думаю я, но не произношу вслух. Смотрю на свою сестру и не могу отделаться от мысли, что она способна до сих пор выполнять приказы противника.

— Что планируешь делать? — спрашивает она, а я настороженно хмурюсь. Встаю с пола и вздыхаю.

— Планирую вывести предателя на чистую воду. Если он находится среди этих пятерых, — шестерых, — людей, то мне... мне... — я задыхаюсь и отворачиваюсь. Могла ли я предположить, что окажусь перед таким страшным выбором?! — то мне придется его убить.

Уже в час дня я выхожу из дома, чтобы не опоздать на встречу с Максимом и в случае пробки, не спешить. Мне не терпится его увидеть, правда, теперь я не столько настроена поговорить о наших отношениях, сколько хочу убедиться в его не виновности.

Мысли крутятся в голове, сталкиваются, взрываются. Мне больно даже думать о том, что предатель среди столь близких мне людей.

Иду мимо детской площадки, осматриваюсь и вдруг вижу машину Астахова. Останавливаюсь.

Что он здесь делает?

Недоуменно вскидываю брови и начинаю двигаться в сторону новенького автомобиля друга. Не успею дойти до неё несколько метров, когда из салона выходит Леша: уставший, сонный. Он пытается улыбаться, но выходит плохо.

Парень нерешительно плетется ко мне, мы останавливаемся на приличном расстоянии друг от друга: шага в три. Мне обидно, что между нами такая пропасть, но, как я не стараюсь, её слишком сложно перепрыгнуть.

— Привет, — тихо тяну, и сцепливаю между собой руки. — Что ты здесь делаешь?

— Да, тут такое случилось, — робко хрипит друг и усмехается. — Я вчера нагрубил человеку, который мне дорог, и не смог смириться с этим. Ночью не заснул, выбрался из дома и вернулся к нему.

— Ночью?

— Да, я... — он чешет голову. — Я стою под твоим окном с трех часов. Но ты вряд ли заметила. В общем-то, я и не хотел заявлять о себе. Боялся, что ты никак не отреагируешь.

— С трех часов? — я искренне поражена. — С ума сошел?

— Ну, а что мне оставалось делать? Стая не должна испортить между нами отношения, Лия. Наверно, ты ещё не готова признать то, что мы встречались в прошлом. Хорошо. Отлично. Договорились. Но не вычеркивай меня из своей жизни. Пожалуйста. Я не хочу потерять тебя.

— Я тоже не хочу потерять тебя, — признаюсь и чувствую румянец на щеках. Почему-то тянет на слезы, но я быстро беру себя в руки. — Мне было очень больно, когда ты ушел.

— Но я не мог остаться. Пойми, слишком сложно смотреть на тебя с этим... — Астахов морщится и недовольно скрещивает на груди руки. — Слишком сложно видеть вас вместе.

— Я ещё не разобралась в своих чувствах к Максиму. Он мне дорог, не буду этого отрицать, но я не смогу выбирать между вами. Ты часть моей жизни, Леша. Я не собираюсь терять тебя, не смотря ни на что.

— Мое поведение, возможно, кажется тебе странным, — протягивает парень. — Но я веду себя таким образом, лишь потому что боюсь за тебя. Эти испытания, взрывы, смерти... Я не хочу, чтобы ты пострадала.

— Я понимаю, но это мой долг: я не имею права опустить руки. Я должна найти предателя.

— Но что если это перевернет с ног на голову всю твою жизнь? Карина ведь сказала, что предатель, скорее всего, близкий тебе человек. Правильно? Ну, и что ты будешь делать, если им окажется Макс, Стас? Как ты смиришься с таким поворотом? Это же сломит тебя, Лия.

— Возможно. Но тогда по моей вине перестанут гибнуть люди.

— То есть ты не хочешь оставить всё как есть? Не хочешь забыть про стаю, успокоиться и залечь на дно?

— Нет, — я качаю головой. — Я не могу забыть про стаю, потому что это моя семья. Я чувствую свою принадлежность к людям, находящимся в ней.

— Но почему?

— Не знаю, Леш. Не знаю.

Парень протирает руками лицо и тяжело выдыхает.

— Мне жаль, что они так прочно вонзили в тебя свои когти, — он горько усмехается. — Я вновь не успел огордить тебя от их безумного очарования.

— Дело не в безумном очаровании, — я подхожу к другу и смотрю ему в глаза так, как он всегда смотрит на меня: серьезно, решительно. — Дело в том, что я часть стаи. Я одна из них.

— Нет. Ты — Лия. Ты человек, а не животное.

— Пожалуйста, — протираю руками лицо. — Пожалуйста, не вини меня в моем желании разобраться в прошлом. Оно оставило слишком большой след на многих жизнях, и я не могу просто так закрыть на это глаза.

— Я понимаю.

— Тогда не сопротивляйся. Лучше помоги мне узнать правду!

— Но что, если правда не понравится тебе?

— Так тому и быть.

Друг хмурится. Он оглядывается, качает головой.

— Мне не по душе то, что ты задумала. — Астахов усмехается и неуверенно пожимает плечами. — Но, кажется, у меня нет выбора.

Я обнимаю Лешу и облегченно выдыхаю. От него пахнет кофе: как всегда. Улыбаюсь, сжимаю плечи друга крепче.

— Не хочу с тобой ссориться, — по-детски морщусь. — Не хочу!

— И не надо, — он гладит мою спину. — Я пусть и идиот, так как позволяю тебе ввязываться в это дерьмо, но все же идиот преданный. Тебя одну не оставлю.

— Ты — лучший.

— Сам знаю.

Мы смеемся и выпускаем друг друга из объятий. Наступает неловкая пауза, но затем Астахов растеряно протягивает:

— Куда ты собралась?

Сердце камнем падает вниз.

Неужели перемирие закончится так быстро?

— Я хотела увидеться с кое-кем. — Неуверенно откашливаюсь. — С Маринкой на счет выпускного.

— Да? — парень искренне удивлен. — С Трубецкой? В воскресенье?

— Ага.

— Боже, зачем?

— Она готовит сценарий. Попросила составить ей компанию. — Слова настолько нелепы и смешны, что становится буквально тошно. Но Леша мне верит. Наверно, даже не подозревает, что через минуту после восстановления мира, я примусь открыто и нагло ему врать. — Кстати, она спрашивала на счет мальчиков в твоём классе: кто танцует вальс, кто нет.

— Все уже заняты, — быстро отрезает он. — Серьёзно. Разобрали партнеров с руками. Лишь я один не поддался ни на одни уговоры.

— О, как это трогательно, — язвлю и усмехаюсь. — Будем вместе кружиться в вальсе?

— Будем. Лишь бы только не переборщить.

Переборщить — это друг в друга влюбиться?

Краснею и поджимаю губы.

И всё же будет сложно общаться с Астаховым так же, как прежде.

— Садись. Я подвезу тебя.

— Нет, нет, — отмахиваюсь и улыбаюсь. — Я на автобусе.

— Уверена? — Уголки губ парня дергаются. — У меня в салоне лучше пахнет.

— Уверена. Просто хочу послушать музыку, подумать...

— Подумать? Ты меня пугаешь, — Леша недоуменно вскидывает брови. — Какой смысл ехать в вонючей маршрутке, если есть возможность прокатиться на моей машине?

Что ж, он прав.

Выглядит это достаточно странно.

Приходится сдастся. Для полноты спектакля, сообщаю, что все равно буду слушать

музыку и не стану ни о чем с ним говорить, так как хочу сосредоточиться на собственных мыслях.

На это Астахов лишь пожимает плечами.

Возможно, он просто решил, что я спятила.

Возможно.

Мы доезжаем до школы, я уверенной походкой следую к входу, дожидаясь, пока друг уедет, и несусь на остановку. Радуюсь, что вышла заранее, ловлю нужный автобус и направляюсь навстречу Максиму.

Ловлю себя на мысли, что очень по нему соскучилась.

Внезапно начинается дождь.

Это удивительно, так как на дворе второй день зимы.

Прохожу несколько шагов от остановки, и полностью намокаю. Ветер становится резким, бьет мне в спину и в лицо. Холодный, порывистый, грубый: не умеет обращаться с дамой.

Я даже задумываюсь над тем, что Максим не придет.

Кто в такую погоду встречается в парке аттракционов?

Начинаю терять надежду. Грущу. Иду под ледяными снарядами воды, дрожу, проклиная чертов климат. И сдаюсь.

Останавливаюсь перед парком, вглядываюсь в пустоту. Никого там не вижу.

Глупая, наивная девчонка!

Естественно, Максим решил не ехать. Конечно. Мне он не сообщил, так как забыл положить деньги на телефон. Повернул обратно к дому. Позвонит уже оттуда.

Расстроено протираю руками плечи.

Пальто насквозь мокрое, волосы прилипли к лицу.

Если бы я знала, что метеорологи предскажут ливень — оделась бы соответствующе.

Вновь вглядываюсь в глубину парка, и вновь никого не вижу.

Нервно усмехаюсь, покачивая головой. В конце концов, это лишний раз доказывает, что наши отношения с Максимом — фальшь, что и требовалось доказать.

Обидно только то, что вчера мне истина казалась иначе. Обидно то, что иллюзия и страсть перевесили здравый смысл, позволили пойти на поводу у животных инстинктов. Я ведь повелась.

Разворачиваюсь спиной к парку и быстро направляюсь к маршрутке. Руки одубели, стали бледными и шершавыми. Засовываю их в карманы и сопливо вздыхаю.

Отлично. Теперь я ещё и заболела.

Пчихаю, протираю нос и непроизвольно оглядываюсь в сторону парка.

Просто не верится, что Макс не пришел. Не похоже на него.

А вдруг что-то случилось?

Нет. Что может случиться с Бесстрашным?

И всё равно в сердце тревога. Чуть замедляю темп, несмотря на сильный дождь.

Настороженно дышу, думаю, пытаюсь понять, почему Макс не пришел.

А затем слышу её.

Мелодию.

Настолько знакомую, настолько близкую, настолько волнующую, что резко прирастаю к земле и замираю.

Бум-Бум-Бум.

Кажется, мое сердце остановилось, его заменил сложный ритм песни, звучащей над всей улицей.

Внутри что-то переворачивается. Я не знаю, как объяснить то, что я чувствую, но это похоже на пожар.

Тело вспыхивает, как подожженная спичка. Я слышу музыку, я задыхаюсь от собственного дыма, я теряюсь в пространстве, в мыслях, в чувствах.

И я срываюсь с места.

Иду на звук, оглядываю всё вокруг слепым взором. Не понимаю, что происходит. Просто тянусь по ниточке, которая ведет меня к парку. Дождь льет в глаза, забирается под пальто, а я тянусь. Тянусь. Тянусь.

Затем понимаю, что мелодия доносится из колонок, прикрепленных к столбам возле аттракционов. Почему они работают в дождь, почему они вообще работают, если парк заброшен?

Пьяно покачиваюсь, шагаю к колесу обозрения и вдруг отлетаю от яркой вспышки света. Все аттракционы начинают крутиться, взмывать вверх, качаться из стороны в стороны. Загораются огни, гирлянды, подсветка. Я, обезумевши, прокручиваюсь вокруг себя. Никак не могу охватить взором всю картину полностью.

Это что-то невероятное. Что-то безумное! Что-то из ряда вон выходящее!

Я хватаюсь руками за голову, чувствую легкую боль, недоумение, и вдруг отчетливо слышу слова песни, прерванной Максимом в машине.

Я не забуду о тебе, никогда, никогда, никогда.

С тобой буду до конца. До конца. До конца. До конца.

Мозг взрывается. Сердце взрывается. Душа взрывается!

Я ошарашенно хватаю ртом кислород, разворачиваюсь, вижу Максима. Он бежит на меня. Улыбается, расставляет руки, что-то кричит, а затем неожиданно пронесется мимо. Недоуменно слежу за ним взглядом и резко выдыхаю, когда понимаю, что он несется к моей копии.

Парень подхватывает её на руки, начинает крутить вокруг себя. Он так счастлив! Он светится, излучает тепло.

А как выглядит моя копия...

Она влюблена. Это видно по глазам, по тому, как она прыгает к нему навстречу, как впивается в его губы поцелуем, как гладит его шею, плечи, лицо.

Я не верю своим глазам. Не верю, что вижу подобное.

Ошеломленно отхожу назад, поворачиваюсь лицом к скамейке рядом с зеркальной комнатой и вновь замечаю их.

Копия Макса и копия меня лежат на деревянной лавочке. Парень осыпает поцелуями шею девушки. Та смеется и кричит что-то на подобии: мне щекотно. Затем он поваливает её полностью на скамейку и наваливается сверху.

Отворачиваюсь. Не могу на это смотреть! Бегу в другую сторону, пытаюсь взять себя в руки, но отчетливо осознаю, что схожу с ума. Поворачиваю за угол, в сторону карусели и вижу, как моя копия со всего размаха дает Максиму пощечину.

— Господи.

Испуганно замираю, расширяю глаза.

Парень что-то кричит, а вторая я его даже не слушает. Орет, психует. Хочет вновь вlepить Бесстрашному ладонью по лицу, но тот перехватывает её руку в воздухе. Грубо отталкивает к стене, и, не смотря на сопротивление, примыкает к её губам с горячим властным поцелуем.

Мое сердце обливается кипятком. Жар обдаёт шею, тело, едва я замечаю, с какой страстью целуются копии. Чувствую прилив желания. Невольно засматриваюсь, не могу найти силы для того, чтобы оторвать взор от такой всепоглощающей дикости. Начинаю громко дышать.

Это просто невыносимо.

Прикусываю губу, стою под дождем, и ощущаю, как пар исходит от моего тела.

Слышу сзади шум, невольно разворачиваюсь и замечаю себя же на будке, в которой когда-то раздавали билеты. Моя копия пьяно покачивается, роняет бутылку на асфальт и без сил валится вниз. Макс подхватывает её. Испуганно протирает руками лицо и шепчет что-то на ухо. В ответ, вторая я прикладывает руку к его сердцу. Аккуратно, нежно, трепетно. Наверно, хочет услышать сердцебиение.

Вспоминаю, как в ванной, похожее сделал сам Бесстрашный и выпускаю судорожный вздох. Так вот, что это значит. Это наш символ, наш жест.

Прикрываю рукой рот и пошатываюсь назад. Не в состоянии думать, рассуждать, осмыслить происходящее, разворачиваюсь спиной к своему новому видению и бегу прочь.

Не останавливаюсь. Головная боль разрывает полушария на тысячи частей. Я пытаюсь не обращать на это внимание. Пытаюсь, но не делаю.

Слова песни так и разносятся эхом по парку:

Я не забуду о тебе никогда. Никогда. С тобой буду до конца. До конца.

Сердце бешено стучит. Несется. Бум-бум-бум-бум.

Я спотыкаюсь, выравниваюсь, спотыкаюсь, кренюсь в бок, спотыкаюсь и ударяюсь всем телом о ствол огромного, гигантского дерева. Его ветви кривыми линиями взмывают в небо. Мощное, большое дитя земли свисает надо мной и придавливает к почве, как маленького муравья. По сравнению с ним я ничто. По сравнению с ним, я пустота. Осматриваю ошеломлённым взглядом ствол, вытираю с лица капли дождя, и вдруг замечаю то, что заставляет подогнуться колени. Касаюсь кончиками пальцев вырезки и выпускаю такой судорожный вздох, что сравнить его можно лишь с болевым стоном.

Л и М. С этого момента и в вечность.

Ниже проведена полоса, а под ней зеркальное отражение заглавных букв. V и W.

Наши татуировки. Наш секрет.

Почему-то слезы вырываются из глаз. Я прикладываю ладонь к старой надписи и ощущаю такую дикую слабость. В голове крутится: Макс, Макс, мой Любимый, Максим. Как я могла забыть? Как я могла забыть тебя?

Опять слышу позади себя шум. Резко разворачиваюсь, всматриваюсь красными глазами в белую пелену ливня, и вижу Бесстрашного. Он вновь идет ко мне, вновь раскрывает объятия, но на этот раз не проходит мимо. Вместо этого, парень доходит до меня и сжимает в своих руках так крепко, что я перестаю дышать.

— Дорогая.

— Я вспомнила, — срывающимся голосом признаюсь, и кладу голову на плечо Бесстрашного. — Я всё вспомнила.

— Родная...

— Почему я забыла? — отстраняюсь и смотрю в темно-синие глаза Макса. — Почему?

— Потому что ты упала, — неуверенно отвечает он. — Ты упала с крыши, Любимая.

— Но почему? Почему я упала?

— Не знаю... не знаю!

Он вновь обнимает меня. Прижимает к себе крепко-крепко.

— Я не жил без тебя, Лия! Ты потеряла память, ты оставила меня, и я исчез вместе теми днями, что выпали из твоей головы. Мне пришлось смириться, пришлось соблюдать условия твоих родителей, хотя... о боже! Как же я желал подойти к тебе, прикоснуться к тебе, понравится тебе. Иногда следил за тобой, иногда караулил возле школы, а затем вдруг осознал, что та жизнь, в стае, лишила тебя таких важных вещей. Эта мысль убила меня мгновенно, жестоко. Я потерял всякую веру. Просто решил оставить тебя. Дать тебе второй шанс. Но как же я, черт подери, был не прав! — он приподнимает мое лицо и смотрит в красные глаза нежно, искренне. — Ты связана со стаей, с этим местом, со мной. Ты вернулась! Ты вновь появилась в моей жизни, ты... — Макс касается лбом моего лба и шепчет. — Ты моя судьба, чужачка. И я тебя люблю.

От его слов тело прошибает электрический заряд. Я судорожно выдыхаю, чувствую слезы на своих глазах и неожиданно подаюсь вперед. Кладу руки на плечи Максима, замечаю его пьяный, полный желания взгляд, и припадают губами к его губам.

Между нами проносится целая жизнь.

Словно яркая вспышка, перед глазами возникают картинки из прошлого. Как я впервые увидела Макса на посвящении, как мы впервые тайно поцеловались за колесом обозрения, как у нас впервые произошла ссора и как мы быстро и легко её разрешили. Как Бесстрашный упал с мотоцикла, и как я ходила к нему в больницу. Как мы бегали по набережной и как зарывались в январские огромные сугробы. Как танцевали в баре, и как смотрели фильмы у меня дома. Как целовались часами на пролет, и как, порой, нехотя останавливались. Как дико ругались, как я кидалась в него книгами, как он протестующе молчал целый день, как подарил мне букет роз на восьмое марта, как пришел петь Джо Дассена под балкон. Как я делала ему массаж, как не хотела отпускать до утра, как заставляла ходить в кинотеатр, и как играла ему на фортепиано сочинённые мелодии. Все эти моменты проносились между нашими душами молниеносно, мгновенно. Они наполняли мою пустоту внутри чем-то теплым, нужным. Именно тем, чего мне очень сильно не хватало. Любовью.

— Я так скучала по тебе, — шепчу и тяжело выдыхаю. — Так в тебе нуждалась.

— Родная...

— Пообещай, что больше не оставишь меня.

— Обещаю, — горячо отрезает Максим и повторяет. — Обещаю, Лия. Я всегда буду рядом с тобой.

— С этого момента и в вечность.

Парень улыбается. Его лицо озаряет свет, искры появляются в глазах. Словно Бесстрашный ожил, его сердце заработало, кровь вновь начала носиться по жилам, доставлять кислород жизненно важным органам.

Я безумно счастлива. Уже не обращаю внимания на головную боль, на слабость, на колики в глазах.

Однако нечто нехорошее всё же отвлекает меня. Вижу, как резко меняется выражение на лица Макса и отстраняюсь. Автоматически прижимаю руку к губам.

— У тебя кровь, — парень взволнованно притрагивается пальцами к моему лицу. — Что такое? Тебе больно?

— Нет. — Вру. Мне не по себе. — Всё нормально.

— Лия, нужно остановить кровотечение.

— Оно само пройдет.

— Это не впервые? — я качаю головой, на что парень недовольно цокает. — Вечно ты затягиваешь до того момента, когда всё совсем плохо. — Он снимает с себя пальто и накидывает его на мои плечи.

— Не надо. Я и так одета.

— Замолчи, Любовь моя. — Максим аккуратно убирает запачканную руку от моего лица и осматривает нос. — Кровотечение сильное. Нужно в больницу.

— Нет, — жалобно выдыхаю. — Прошу тебя, только не в больницу.

— Но вдруг это что-то серьёзное?

— Я же говорю: со мной уже было подобное. Кровь остановится через несколько минут.

— Ох, Лия.

— Не волнуйся, — я выдавливаю из себя улыбку и слабо покачиваюсь. Тут же парень придерживает меня руками.

— Не волноваться?

— Да.

— Пойдем. — Он обхватывает меня за плечи и тащит под пелену ливня. — Я отвезу тебя домой.

— Домой? — испуганно замираю. — Нет. Ты что? Я к родителям в таком состоянии не приду.

— Ко мне домой, чужачка. Думаешь, я спятил приводить тебя, истекающую в крови?

— А вдруг...

— Доверься мне.

И я доверяюсь.

Облокачиваюсь о плечо парня, и мы окунаемся в горячий ледяной ливень.

Глава 17. Душевный контакт

— Ты же сказал, что мы едем к тебе.

— Так и есть.

— Разве ты живешь со Стасом? — парень выходит из машины, обходит её и открывает мне дверь.

— Это плохо?

— Нет, просто... — беру Макса за руку и выбираюсь из салона. — Просто, я не знала об этом.

— Ну, теперь знаешь. Мы раньше жили вместе с отцом, но после смерти мамы решили съехать.

— А что с ней случилось? — вопрос сам срывается с губ. Я виновато хмурюсь и быстро добавляю. — Если хочешь, можешь, не говорить.

— Ничего страшного. — Максим выдавливает горькую улыбку, приобнимает меня за плечи и буквально тащит сквозь дождь к многоэтажке. — Она сильно болела. Опухоль.

— Мне так жаль, — я останавливаю парня в подъезде и трепетно прикладываю руку к его щеке. — Прости, что напомнила.

— Я никогда об этом и не забывал. Наверно, даже в медицину пошел из-за желания найти лекарство. Глупые детские мечты. — Парень усмехается и тяжело выдыхает. — Мою маму звали Света. И знаешь... она даже в самые трудные минуты излучала яркий жизненный свет. Когда её не стало, Стас с ума сошел. Они были безумно близки, и я её смерть сломила его, буквально высосала все соки. Он потерялся, и только Наташа смогла вывести его из бездны. — Максим качает головой и с болью протягивает. — Просто не верится, что теперь она пытается его убить.

Судьба странная штука. Я громко выдыхаю, на что парень пожимает плечами.

— Но не стоит об этом. Лучше поговорим о твоём здоровье. — Он ведет меня вверх по лестнице, так как лифт поломался, и спрашивает. — Ничего не болит? Голова? Может, тебе хочется отдохнуть?

— Перестань, я в порядке.

— Нет, не в порядке. Кровотечение из носа — это серьезно. Когда оно началось?

— После аварии.

— Лия, — парень недовольно цокает. — Ты обязана обратиться к доктору! Последствия могут быть слишком опасными. Тебе кажется, что кровь из носа — это так, бред. Ничего страшного. Но на самом деле, данная штука способна принести много проблем.

— Ты не понимаешь, — я облизываю губы. — Есть кое-что, о чем ты не знаешь. — Я начинаю тяжело дышать. Поднятие на одиннадцатый этаж дается с трудом. — Существуют кое-какие нюансы.

— Нюансы? Просветишь меня?

— Возможно. Но это... — выдыхаю и хмурюсь. — Это слишком сложно понять.

— Я пойму. И, чужачка, — парень неожиданно останавливается, притягивает меня к себе и поднимает на руки. — Ты какая-то слабенькая. Мы ещё даже до восьмого этажа не дошли, а ты уже еле стоишь на ногах.

— Ой-ой-ой, — усмехаюсь, в душе благодаря Макса за подобную помощь. На самом деле, кровотечение оставило после себя заметную долю слабости. Но Бесстрашному лучше об этом не знать. — Тебе показалось.

— Если бы.

Мы поднимаемся на одиннадцатый этаж, Максим отпускает меня, открывает дверь и приглашает пройти.

— Стаса нет, он с отцом. Я не решился оставить его одного в квартире.

— И что ты сказал папе? — я медленно снимаю с себя пальто, пока парень помогает мне разуться. — Как объяснил рану на плече у брата?

— Я уже давно перестал врать, — Макс горько усмехается. — Отец в курсе того, что происходит, и поэтому не удивился, увидев Стаса без сознания.

— Он знает, но ничего не делает. Почему?

— Потому что тогда нас посадят за решетку, чужачка. А он этого не хочет.

Я киваю, хотя не до конца понимаю логику братьев. Неужели не проще было бы привлечь полицию? Тогда никто бы не пострадал.

— Сходи, умойся, а я поставлю чайник.

Киваю и послушно бреду в ванну. Там включаю теплую воду и смываю с лица кровавые разводы. К счастью, большую часть я додумалась вытереть ещё в машине, иначе сейчас бы испугалась своего из ряда вон выходящего вида.

Когда я прихожу на кухню, Максим насыпает заварку. Он не видит меня, возможно, даже не слышит, как я захожу. Его лицо сосредоточено, мысли где-то далеко. Воспользовавшись моментом, я тихонько подкрадываюсь к нему и обнимаю со спины. Парень удивленно оборачивается.

— Чужачка, ты меня напугала.

— Прости...

Такой порыв нежности кажется мне глупый. Зачем я вообще решила обнять его? Наверно, Макс ещё не осознал окончательно, что я всё вспомнила.

Собираюсь опустить руки, когда парень придавливает их сверху своими ладонями.

— Не надо, — он сжимает мои кисти. — Не уходи.

Ничего не отвечаю. Просто облегченно выдыхаю и кладу голову на его твердую спину. От Макса как всегда пахнет свежестью, мятой. Будоражащий мысли запах.

— Знаешь, что мы с тобой такое? — неожиданно тихо спрашивает Максим, и я прикусываю губу.

— Что?

— Ветер.

— Ветер?

— Да. Он свободный.

— Но почему мы с тобой не птицы? — я с интересом смотрю на Бесстрашного. — Птицы тоже вольны и независимы. У них есть целое небо.

— Нет-нет. Ты ошибаешься. У них есть небо, но нет главного. Мы не птицы. Ведь птицы умирают, а ветер живет вечно.

Парень поворачивается ко мне лицом, и наши взгляды встречаются.

Макс касается пальцами моей щеки, внимательно исследует шею, ключицу... Затем он заправляет локон моих волос за ухо и улыбается.

— Я всегда любил твои волосы. Они такие мягкие.

— И зеленые пряди любил?

— Оу, это был безумный день! Мы тогда пошли на гонки, и ты... — неожиданно парень затихает. Он недоуменно вскидывает брови и хмурится. — Подожди. Знаешь, что у тебя были зеленые пряди? Откуда? Кира сказала?

— Хм... — я нехотя отстраняюсь и делаю шаг назад. — Это как раз из той части, которую сложно понять.

— Лия, расскажи мне.

— Ты решишь, что я сумасшедшая.

— Я никогда так не подумаю, — Максим вновь сокращает между нами дистанцию. — Давай. Не тяни резину. Ты ведь всё равно мне расскажешь.

— Что? — я усмехаюсь и скрещиваю на груди руки. — Почему это?

— Потому что у тебя никогда ничего не получалось от меня скрыть.

— Да, ладно.

— Так и есть.

— Но я ведь теперь не такая, как прежде.

— О да, — парень саркастически закатывает глаза. — Долго будешь молчать?

— Это личное, — я еле сдерживаюсь от того, чтобы не показать Бесстрашному язык. Пусть не думает, что теперь я так просто сдамся!

— Какие от меня могут быть секреты?

— Тебе не понять. Есть вещи, которые никто не должен знать. — Я пожимаю плечами и взмахиваю руками в стороны. — Так что прости.

— Ты мне не доверяешь? — почти обижено спрашивает Макс. — Или в чем дело? Боишься, что я плохоотреагирую?

— Даже Кира отреагировала так, словно я слабоумная. Естественно, ты вообще перестанешь со мной говорить.

В этот момент я понимаю, что сболтнула лишнего. Максим игриво вскидывает брови, а я рассеяно выдыхаю. Вот и канул мой план в Тартарары.

— Послушай, я, правда...

Не дослушав, Макс резко сокращает между нами дистанцию и подхватывает меня на руки. Я переваливаюсь через его плечо, начинаю дико визжать, колотить руками по спине и прошу выпустить меня. Тщетно. Парень двигается в сторону спальни. Заходит в комнату, запирает за собой дверь и кидает меня на кровать.

— Что ж, — выдыхает он и самодовольно улыбается. — Теперь тебе некуда бежать.

— Ты псих, в курсе? — я неодобрительно качаю головой. — Нельзя было просто попросить меня пройти в комнату?

— Ты бы не согласилась.

— Откуда знаешь?!

— Знаю, — Максим подходит к кровати, ставит ноги так, что мои колени находятся между ними, и начинает медленно, медленно опускаться вниз. — Так что? — он практически придавливает меня своим телом, и я чувствую, как сердце делает сальто и взрывается пожаром в груди. — Расскажешь мне?

— Правда, считаешь, что сейчас мне до разговора? — я пристально наблюдаю за губами

парня, и ощущаю дикое желание. — По-моему, есть вещи гораздо важнее и приятнее.

Вместо ответа Максим целует меня.

Сначала медленно, потом энергично. Я забираюсь руками под кофту парня, стягиваю её. Удивлюсь своей смелости, когда провожу кончиками пальцев по прессу Макса, припускаю ремень и дотрагиваюсь до резинки боксерских трусов. Парень испускает стон, а я прогибаюсь ему навстречу. Никогда бы не думала, что способна на такое.

— Лия, я всё ещё намерен услышать от тебя правду, — задыхаясь, напоминает Макс и целует ключицу. Ловко расстегивает пуговицы моей рубашки, прикасается теплыми губами к яремной впадине и опускается ниже. — Так что не думай, что я забыл.

— Я сейчас вообще ни о чем не думаю. — Прикрываю глаза, когда Максим языком касается моего живота. Испускаю стон и откидываю назад голову. — И тебе не советую.

Кажется, парень сдаётся. Я слышу, как он судорожно выдыхает, почувствовав мурашки на моей коже, и оказываюсь в плену его рук. Макс вновь прижимается к моим губам с поцелуем, только более требовательным, более жестким. Несмотря на все крики рассудка, я иду на поводу у страсти, не осознаю последствий. Возможно, это глупо. Но я подумаю об этом завтра.

Становится жарко. Я понимаю, что знаю Максима, знаю все его желания и слабые точки. Когда я прикасаюсь губами к его шее, парень испускает стон, когда я слегка прикусываю мочку его уха, он крепко и властно сжимает простыню, когда я провожу кончиками пальцев по его прессу, он выгибается ко мне навстречу и начинает часто дышать. Но это не односторонняя связь. Макс искусно владеет моим телом. Он уже не исследует его, он уже и так всё о нём знает.

Парень стягивает с меня рубашку, касается пальцами ягодиц и начинает подниматься выше, к бюстгальтеру, когда звонит мой сотовый.

Словно из сна, меня вытаскивает противная стандартная мелодия. Я смущенно поджимаю губы, извиняюсь, вылажу из-под Макса и бегу в зал. Там достаю телефон и вижу на дисплее, высветившееся имя: мама.

— Да? — я до сих пор красная, лицо потное, дыхание сбивчивое и приходится говорить медленно. — Привет.

— Ты где?

— Я с другом в парке. А что?

— Когда домой собираешься? — я слышу, как на кухне шипит масло. — Не хочешь с папой поужинать? Ты, между прочим, не видела его две недели.

— Мам, я говорила с ним утром. Он не против, что я пошла на улицу.

— И что?

— Ну, чего ты? — я поправляю спутанные волосы и сглатываю. — Я приду скоро.

— Скоро это когда?

— Ну, часика через два-три наверное.

— Ты уроки сделала? — она недоверчиво выдыхает. — Завтра в школу, не забыла?

— Мам, я помню. Всё нормально.

— Лия, давай не долго. Мы все ждем тебя.

— Не надо ждать, — я облизываю губы. — Садитесь ужинать без меня.

— А ты не хочешь прийти?

Честное слово, мамины одинаковые вопросы, заданные разными словами, ужасно

выводят из себя. Я выдыхаю и медленно протягиваю:

— Я приду. Просто чуть попозже, хорошо?

— Ладно. — Она сдаётся и выдыхает. — Только не поздно, договорились?

— Договорились.

Я бросаю трубку и протираю руками лицо.

Господи, я только что лежала с парнем в постели, накинулась на него, едва не переспала с ним...

Что со мной происходит?

Вдруг сзади в меня врывается Максим и обвивает руки вокруг моей талии. Он зарывается лицом ко мне в волосы и прикасается губами к шее.

— Кто звонил? — Его горячее дыхание обжигает кожу. Я вдруг вспоминаю, что стою в этом бюстгальтере и смущенно прикрываю себя руками. — Мм?

— Мама, — мне не по себе от такой близости, хотя сейчас подобный страх просто смешон.

— Что она хотела?

— Спрашивала, когда я приду домой.

— Всегда поражался, с какой поразительной точностью родители чувствуют неподходящий момент, — Макс усмехается и прижимает меня к себе. — Вот почему она позвонила именно сейчас? Ни на десять минут раньше, ни на час позже?

— Встроенный радар, — я всё же улыбаюсь. — Каждая мать чувствует, когда над её дочкой нависает угроза.

— То есть я угроза? — Парень поворачивает меня лицом к себе и вскидывает брови. — Боишься меня, чужачка?

— Скорей я боюсь себя.

И это чистая правда. Мои желания в последнее время не согласуются с разумными выводами.

— Я... — чешу шею и выдавливаю улыбку. — Я, пожалуй, оденусь.

— Почему? — Максим осматривает меня, и я вновь краснею. Как неловко чувствовать на себе взгляд мужчины. Хотя от этого в животе начинают взрываться шары с кипятком. Тело обдаёт жаром и образуется приятное ощущение эйфории. Он замечает, что я нервничаю, и касается пальцами моей щеки. — Ты прекрасна, Дорогая.

— Серьёзно. Мне стоит накинуть что-то сверху.

— Одень мою футболку.

Он дотягивается до шкафчика в прихожке и достаёт черное поло. Старое, чуть выцветившееся. От него пахнет так же, как и от хозяина: потом и мятой. Я надеваю футболку и более-менее спокойно выдыхаю.

— Всё нормально? — Максим неуверенно улыбается. — Прости, если поспешил.

— Это ты меня прости, — я убираю назад волосы и покачиваю головой. — Не верится, что я накинулась на тебя.

— Четыре месяца воздержания...

Я усмехаюсь, но затем вдруг замираю. Поднимаю взгляд на парня, и растеряно спрашиваю:

— А мы... ну... с тобой...

— Нет, — Бесстрашный выдыхает. — Хотя собирались... я так думаю.

— Правда?

— Ну, дело в том, что наши отношения казались нам серьезными. Мы планировали съехаться после того, как ты выступишься.

— Съехаться? — я удивленно расширяю глаза, понимая, что такое решение с моей стороны смотрится довольно-таки странным, если я в это же время продолжала встречаться с Астаховым.

— Я знаю, кое-что, что, наверно, должен тебе сказать. — Максим мешкает, а затем разоблаченно выдыхает. — Твои отношения с Лешей. Ты рассказала мне о том, что вы встречались.

— Рассказала? — опять я ошеломленно вскидываю брови. — И много я тебе рассказала?

— Просто, что вы раньше встречались, и что ты рассталась с ним, когда поняла, что я нравлюсь тебе.

— Ага. Ясно.

— Ещё мне известно о том, что он жутко ревновал. Приходилось не сильно выпячивать свои отношения, хотя у нас плохо получалось.

— Макс, скажи мне, — я тяжело выдыхаю и облакачиваюсь спиной о стену. — Что произошло в тот день?

— В какой день?

— В день, когда я упала с крыши.

— Я знаю лишь половину из того, что случилось. — Парень поджимает губы и отворачивается. Ему неприятно об этом говорить, я чувствую. — Не стоило отпускать тебя одну.

— Но почему ты не пошел со мной?

— Я был занят в институте. Приехал на двадцать минут позже и увидел... увидел тебя на земле. Ты истекала в крови. Твоя голова, — Бесстрашный стискивает зубы и громко выдыхает. — Твоя голова была пробита, но ты всё еще находилась в сознании. Я взял тебя на руки, начал звать Стаса, но тот, словно испарился. С крыши спустились члены стаи, спустился твой друг, но мой брат исчез. Не было времени на поиски. Пришлось действовать самому. Я отвез тебя в больницу, передал прямо в руки отцу. После операции он запретил мне приходить. Сказал, что если я приближусь к тебе хотя бы на метр, он, не раздумывая, убьет меня и осознанно сядет за это, без колебаний.

— Почему он так сказал?

— Потому что решил, что я виновен в том, что ты лежишь в коме. И я не злюсь на него. Он прав. Я многое в твоей жизни испортил.

— Не говори так. Ты был единственным, что поддерживало меня на плаву.

— И, тем не менее, я должен был поехать с тобой, — Максим покачивает головой и нервно протирает руками лицо. — Я до сих пор не понимаю, как позволил тебе приехать на то испытание в одиночку, ведь знал, что ты едешь туда ради Лешки.

— Откуда ты знал? — я удивленно вскидываю брови.

— Кира.

— А она откуда в курсе?

— Она была на крыше во время перепалки с Астаховым. Именно она позвонила тебе и

сообщила о том, что Леша хочет прыгнуть.

Я тяжело выдыхаю и прикрываю глаза. Сколько информации. Не укладывается в голове целостная картинка. Одно мне ясно: Максим не был со мной рядом во время прыжка, но был последним, кто держал меня за руку перед небытием.

— Я вспомнила твой запах, — признаюсь, открываю глаза и смотрю на парня. — Вспомнила запах мяты, который исходил от человека, спавшего мне жизнь.

— О чем ты? — Максим отворачивается. — Я не спасал тебе жизнь.

— А кто же тогда это сделал? — я решительно подхожу к парню и разворачиваю его к себе лицом. — Если бы не ты, я бы умерла прямо там, на асфальте.

— Любой мог отвезти тебя в больницу, Лия.

— Но сделал это именно ты.

Настроение Бесстрашного резко испортилось. Не нужно было напоминать о событиях, чуть не отнявших у него любимую девушку.

Я напряглась, думая, как исправить положение, как вновь заставить Макса улыбнуться. Сначала мне захотелось просто обнять его, но позже я поняла, что тут не обойдешься просто физической близостью. Необходим был душевный контакт.

— После аварии со мной произошло нечто странное, — медленно начала я, и увидела, как парень с интересом взглянул в мою сторону. — После сильной головной боли меня неожиданно стали посещать видения из прошлого. Я проваливаюсь в те дни, когда ходила с зелеными прядями, Стас был без шрама, а ты безумно меня любил. После коротких вспышек из воспоминаний, головная боль проходит, но неожиданно начинается носовое кровотечение. Прямо как в фильме «Эффект бабочки». Только я ничего не могу исправить. Я лишь зритель. Могу следить за тем, что происходило со мной много месяцев назад.

— Ты серьёзно? — недоверчиво спрашивает меня Максим и пожимает плечами. — Правду говоришь?

— Вот об этом я и толкую! — взмахнув руками, отрезаю я. — Ты не веришь мне. — Выдыхаю и усмехаюсь. — Но ничего. Я не виню тебя. В это сложно поверить, потому что звучит моя история, словно вымысел слабоумного человека.

— Нет, подожди.

— Забудь.

— Лия, — я собираюсь уйти, когда парень подходит ко мне, обнимает и с любопытством смотрит в глаза. — Это просто невероятно.

— Я знаю.

— Почему же ты раньше не рассказывала мне?

— Потому что я боялась, что ты решишь, будто я сошла с ума, — прикусываю губу и отворачиваюсь. — Нормальные люди не видят ничего подобного.

— Нормальные люди не теряют память, — снисходительно протягивает Макс.

— Да, но, по-моему, амнезия более распространенное явление, нежели вспышки из прошлого.

— Какая разница, ты не должна этого бояться, — парень увлеченно облизывает губы, и я замечаю в его глазах огонек: вот он, хронический врач. Всё неизведанное вызывает у него бурю эмоций. — Не скрывай от меня ничего, договорились? Думаю, мы поняли, что являемся друг для друга не чужими людьми. Так что не стоит недооценивать меня. Я всегда пойму свою любимую девушку, и всегда смогу её поддержать.

— Такое чувство, что я где-то уже это слышала.

— Конечно, — парень хмыкает. — Я говорил тебе это каждый день и буду говорить это всегда.

Я улыбаюсь, на что Максим прижимает меня к себе.

Мы долго болтаем, пьем чай, валяемся в постели. Бесстрашный иногда просто молчит, смотрит на меня, подперев рукой голову, лежит на кровати и старается не дышать. Как и я. Мы оба боимся, что вмиг испаримся, превратившись в легкую дымку. Страх потерять друг друга теперь никогда нас не покинет, и если это произойдет вновь: мы не выживем. Ни я, ни он.

Проходит неделя. Мои отношения с Астаховым не улучаются. Я этого чувствую. Тонкая стена никак не может исчезнуть между нашими лицами. Мы приходим на репетицию вальса, общаемся легко и непринужденно, но едва остаемся в машине наедине — все. Атмосфера простоты испаряется, возведя вместо себя атмосферу неловкости и обиды. Паршивое чувство. Я знаю Лешу всю жизнь, и тут — бац! Не могу найти слов на разговор в двадцать минут.

Сегодня я прошу Астахова отвезти меня напрямик к братьям. Ему это не нравится, я вижу, я ощущаю его неодобрение, но не собираюсь отступать. В моей голове есть план: глупый, ужасный план. Но я хочу его осуществить.

Друг паркуется возле дома и громко выдыхает.

— Знаешь, могла бы доехать на автобусе. — Он обиженно поджимает губы. — Мне как бы неприятно саморучно везти тебя к этому докторишке.

— Прекрати, — я отмахиваюсь и выдавливаю из себя улыбку. — На самом деле, ты здесь не просто так.

— О чем ты?

— Я решила, что пора сломить лед между вами.

— Куда ты клонишь, Лия? — Он знает, куда я клоню, просто не хочет этого признавать.

— Я поговорила с Максом. Он не против, если сегодня мы проведем вечер все вместе.

— Хорошо вам повеселиться.

— Да, нет же! — я закатываю глаза. — Ты идешь со мной.

— Спятила? — Леша нервно усмехается. — Не понимаешь, что мне неприятно находится рядом с ним?

— Не утрируй.

— Я не утрирую.

— Да, ладно. — Я недовольно складываю на груди руки. — Скажи мне правду.

— Я не утрирую, — повторяет парень, на что мне приходится резко повернуться к нему лицом.

— Я не об этом. Я о том, что ты мне сказал, на счет наших отношений в прошлом.

— И что я сказал не так? — Астахов недоуменно хмурится. — Какую правду ты хочешь узнать?

— Ты заявил, что мои чувства к Максиму — фальшь, помнишь? Но ведь это ложь.

— Лия, то, что ты сумела обвести сразу двух парней вокруг пальца — вот это ложь. А не то, что я тебе верил. Мне казалось, что обольщение Бесстрашного лишь часть плана, и ты каждый день мне об этом говорила. Ему, видимо, ты вешала на уши абсолютно другое.

— Если я такая плохая, то почему ты до сих пор общаешься со мной?

— Откуда мне знать? — парень недовольно закатывает глаза. — Просто не могу оставить тебя, и всё тут. Я для тебя ничего не значу: мы уяснили. Но это не значит, что я безразличен к тебе, ясно? И не надо мирить меня со своей стаей. Я не ваш друг, я не смогу нормально общаться с парнем, который отнимает тебя. Не смогу пить с ним чай и улыбаться, в то время как рьяно буду желать набить ему морду. И ты делаешь только хуже, сталкивая нас. Это неправильно. И это эгоистично.

— Леша, почему ты так зол?

— Да, ты что издеваешься?

— Не понимаю из-за чего сыр-бор.

— Ну и дура, раз не понимаешь.

Впервые Астахов обзывает меня. Слова проносятся по коже, словно бритва. Я обижено распахиваю глаза, и, не взирая на безумное желание вlepить ему пощечину, отрезаю:

— Зря я тебя позвала.

Резко выхожу из машины и хлопаю за собой дверью так сильно, что эхо проносится по всему микрорайону.

Не оборачиваюсь.

Несусь в подъезд и вхожу в лифт. Когда поднимаюсь на нужный этаж, вижу Макса. Он уже ждет меня у входа, улыбается. Но затем недоуменно меняется в лице.

— Что случилось?

— Ничего, — проношусь мимо и, словно ураган, оказываюсь в квартире. — Небольшое недоразумение.

— Леша не придет?

— Нет.

Максим закрывает дверь и тяжело выдыхает.

— Это была плохая идея, — он помогает мне снять пальто, так как из-за нервов я не могу скинуть его с правой руки, только лишь верчу им в разные стороны, и выдавливает улыбку. — Мы никогда не ладили, и если честно, я не очень хотел проводить время с ним.

— Значит, все счастливы, — я раздраженно протираю руками лицо, и внутри чувствую такую дикую обиду, что хочется кричать от досады. — Кира уже пришла?

— Ага. Она как раз...

— Добро пожаловать в лазарет! — неожиданно громко орет блондинка и выводит в коридор Стаса. Тот бледный, почти прозрачный. В смешном халате и тапочках. — Смотри, кто к нам пришел.

— Ради бога, — болезненно протягивает Шрам и улыбается. — Не разговаривай со мной так, словно я пятилетний ребенок. Иначе мне придется тебя убить.

— Стас, — я на несколько минут забываю о проблемах с Астаховым и подхожу к предводителю. Не колеблюсь, ощущаю внутри странную теплоту и аккуратно прижимаю его к себе. — Ну, как ты?

— Отлично. Как огурчик.

— Тогда почему ты, огурчик, не смог сам надеть на себя халат? — с сарказмом спрашивает Кира и усмехается.

— Блондиночка, ты нарываешься.

— Привет, — я не отпускаю Стаса и подмигиваю подруге. — Давно пришла?

— Наверно, полчаса назад. Мы уже накрыли на стол.

— Замечательно. Надеюсь, карты вернут меня к жизни, — я отстраняюсь и с нежностью смотрю на Шрама. — Ты напугал всех нас, в курсе?

— Я, Любимица, и сам испугался, — его губы сухие, и он быстро облизывает их. — Не часто меня протыкают ножом.

— Нужно было съездить в больницу.

— Зачем? Я в порядке. К счастью, мой брат будущее России, великий доктор.

— Так, пойдёмте играть.

Я чувствую, как Макс приятно: его щеки вспыхивают, пот выступает на лбу, но парень не хочет подавать вида. Зря. Им гордится не только Стас. Им гордятся все, окружающие его люди.

Мы усаживаемся за стол, раскладываем карты и, словно гангстеры из крутых боевиков, начинаем играть. Первые несколько конов мне ужасно везет, но затем...

— Кажется, удача ушла от тебя, — усмехается Стас.

— И перешла ко мне, — дополняет Кира, бросая карты на стол. — Учитесь детки!

— О, нет, — воет Максим и устало кладет голову на стол. — С женщинами всегда так. Ты им свое доверие, а они тебе нож в спину.

— Не жалуйся, Бесстрашный. Не везет в картах, повезет в чем-нибудь другом.

— Например, в поимке главаря семьи.

— Мы же решили залечь на дно, — напоминаю я, осматривая друзей. — Так ведь?

— Я просто пошутил, — горько улыбаясь, протягивает Макс. — Разве нельзя помечтать?

— Не думаю, что скрыться — лучшая идея, — вставляет Кира. — Это, как минимум странно. Зачем? Почему мы не можем действовать?

— Потому что предатель один из нас.

— Ну, конечно.

— Я серьёзно.

— В таком случае, этот кто-то очень хорошо играет свою роль. Может... может, это ты, братец! — Макс резко поворачивает голову в сторону Стаса. — А ну, признавайся!

— О, да. Да. Вы меня раскусили, — без особого энтузиазма протягивает Шрам и медленно встает из-за стола. — Не знаю, что у семьи за планы, и кто предатель, но я не собираюсь мириться с их наглостью. Мы заляжем на дно только по одной причине.

— По какой?

— Чтобы лучше оттуда видеть.

— Какой ты коварный, — хихикает Кира. — Я на самом деле тоже придерживаюсь того, что не стоит опускать руки. Мы не сборище игрушек. Мы люди. Их игры стоят нам жизни.

— Отдохнем, придем в себя, — глотая воды, шепчет Стас. Затем как-то странно покачивается и тяжело выдыхает. — Нам всем нужен отдых.

— Да, я бы не отказалась от отпуска, — шепчет блондинка, пока предводитель обходит

стол и начинает медленно двигаться в сторону коридора. — И от бешеных каникул.

— В институте вообще нет каникул, — вставляет Макс. — Так что не жалуйся.

— А как же лето?

— Один месяц в меде — не в счет.

— Кстати, — вспоминаю я и смотрю на подругу. — Могла бы сказать, что решила забрать шорты.

— Эм... я...

Нас отвлекает внезапный грохот. Мы поворачиваем головы и замечаем то, что заставляет кровь стынуть в жилах.

Макс срывается с места, Кира дико кричит, а я просто проваливаюсь в кошмар. Смотрю перед собой, и вижу смазанный силуэт Стаса на полу.

Он упал. Он потерял сознание. И, кажется, он не дышит.

Глава 18. Он там, откуда не возвращаются

Я выхожу из кабинета и медленно плетусь в столовую. По пути встречаю Киру. Блондинка уставшая, с неуклюже подобранными вверх волосами. На ней мятая футболка и старые джинсы. Я никогда ещё не видела Киру в подобном настроении. Мы обмениваемся слабыми приветствиями.

— Как он?

— Ещё не очнулся, — подруга протирает рукой лицо и поджигает губы. — Я провела вчера целый день в больнице. Надеялась, что Макс сможет отдохнуть, но он не отошел от брата ни на шаг.

— Бедный, — сердце сжимается. — Врачи объяснили, что со Стасом?

— Нет. Только сегодня должны прийти результаты анализов.

— Я могу привлечь своих родителей, — горячо предлагаю и с надеждой смотрю на поникшую подругу. — Они доктора, они попытаются помочь!

— Думаешь, это хорошая идея? Что если они вновь захотят отгородить тебя от стаи?

— Пусть так. Я готова сидеть дома, никуда не выходить, лишь бы Стас выздоровел.

Кира кивает. Она, как и я, понимает, что сейчас моя свобода не играет никакой роли.

Мы садимся за столик и молчим. Никто из нас не в состоянии произнести и слова. Мы так приблизились к смерти, что уже ощущали её холодное дыхание за спиной.

Неожиданно замечаю, как в столовую входит Астахов. Он гордо выпрямляется, собирается пройти мимо, как вдруг видит серую, прозрачную Киру. Его шаг замедляется. С серьезным видом, Леша сворачивает с намеченного пути и подходит к нам.

— Что стряслось? — он кладет руку на плечо блондинки. — Всё в порядке?

— Нет, — я отвечаю вместо Киры. Чувствую, что она не найдет на это сил. — Стас попал в больницу.

— Почему?

— Ещё неизвестно. Сегодня придут результаты анализов.

— Мне жаль, — искренне шепчет друг и переводит взгляд на меня. — Мне, правда, жаль. Могу я чем-то помочь?

— Чем? Сейчас мы можем лишь ждать.

Астахов выдыхает. Он осматривается, протирает руками уставшее лицо и придвигает ко мне стул. Садится.

— Значит, будем ждать.

— Ты совсем не обязан это делать, — понимающе, протягиваю я и с благодарностью смотрю на Лешу. — Честно.

— Но я хочу, — он неуверенно пожимает плечами. — Я, правда, хочу.

Больше мы не говорим ни слова. Я едва сдерживаю в глазах слезы. Видеть Астахова здесь, после того, что я сделала, после того, что я наговорила — это так много для меня значит! Я судорожно выдыхаю и тянусь к другу. Не раздумывая, Леша прижимает меня к себе и что-то шепчет в волосы. А я просто тихо плачу у него на груди. Сжимаю кофту, тону в мыслях, и просто плачу.

После уроков Астахов подвозит меня и Киру в больницу. Он не поднимается вместе с нами в палату, что не вызывает никакого удивления: второй раз сводить тучи я не

намерена, иначе мне не избежать грозы.

Опять запах медикаментов, опять старые люди, опять грязные стены. Я чувствую себя паршиво, но иду вперед. Подруга обеспокоенно прикусывает губу. Мы не обмениваемся ни словом, но прекрасно слышим мысли друг друга: нам страшно.

В коридоре вижу Максима. Он сидит на скамье, держит руками лицо. У меня внутри всё сжимается, переворачиваются органы, стынет кровь. Я прибавляю скорость и практически добегаю на парня. Сажусь перед ним на колени и дрожащими руками дотрагиваюсь до его лица.

— Макс?

— Пришли результаты, — мертвым голосом сообщает парень, не понимая глаз. — Сепсис.

— Сепсис? — я ничего не понимаю в биологии, и поэтому недоуменно сглатываю. Смотрю на Киру: она тоже не в курсе. — Что это? Что это значит?

— Это значит, что Стас здесь по моей вине.

— Нет. — Я качаю головой и нежно поглаживаю Максима по голове. — Зачем ты так? Виновата Наташа. Она ранила его.

— Лия, у Стаса сепсис! — Наконец, Бесстрашный поднимает на меня глаза. Я едва выдерживаю этот взгляд полный боли, отчаяния. Полный безудержного страха. — Знаешь, что это такое? — Я испуганно мотаю головой. — Это заражение крови.

— Но причём тут ты?

— Я должен был отвезти его в больницу. Я не имел права зашивать рану самостоятельно.

— Тише, успокойся, — я приближаюсь лицом парню и чувствую его горячее дыхание. — Всё в порядке. Это лечится.

— Очень редко.

— Я позвонила родителям. У папы в этой клинике есть знакомый-врач. Он лично займется здоровьем твоего брата.

— Если бы ни я, он бы не попал сюда, — голова парня вновь безжизненно повисает вниз. — Я во всем виноват.

— Не надо, пожалуйста.

— Я.

— Эй, — неожиданно тихо протягивает Кира. Я поднимаю голову и растеряно смотрю на подругу. Та уставилась в палату предводителя. — Ребята...

Девушка медленно опускает с груди руки и решительно проходит вовнутрь. Мы недоуменно следуем за ней и вдруг замечаем, что Стас очнулся. Его глаза чуть приоткрыты, губы растянуты в едва уловимой улыбке.

— Хотел... — он слабо запинаясь и вновь усмехается. — Хотел позвать вас, так как услышал знакомые голоса, но эти трубки... они мешают, и...

— Черт бы тебя побрал! — кричит Макс и молниеносно приближается к брату. — Когда ты очнулся? Как?

— Только что. Мне показалось, что ты плачешь, и я автоматически проснулся, дабы защитить твою честь.

— Заткнись, придурок.

Максим огрызается так нежно, что это даже нельзя посчитать оскорблением. Он сжимает слабую руку брата, садится рядом и громко выдыхает.

— Ты решил свести всех нас с ума? — истерично восклицает Кира и взмахивает руками в сторону. — Да? Так ведь? Потому что я не вижу иного повода так внезапно падать в обморок!

— Успокойся, блондиночка.

— Нет, и не подумаю! Совсем обнаглел. Он, значит, этакая дама в беде, а нам что? Помирать, пока ты лежишь без сознания?

Я усмехаюсь одновременно со Шрамом. Тот откашливается, и вновь улыбается.

— Макс, могу я попросить тебя за «даму», влить этой девушке поддых?

— Учти, я смогу дать сдачи, — с угрозой напоминает Кира. — А если серьезно, то я ночью чуть с ума не сошла. Нельзя же так пугать нас, Шрам.

— Ну, прости. В следующий раз попытаюсь оттянуть обморок до того момента, пока ты не выйдешь из комнаты.

— Как ты себя чувствуешь? — с трепетом спрашиваю я, предотвратив очередной едкий ответ блондинки, и приближаюсь к парню. Его глаза находят меня и становятся грустными. Ему плохо. Я это чувствую, пусть парень и пытается скрыть боль за тенью улыбки.

— Бывало и похуже. Ничего страшного.

— Ничего страшного? — Максим качает головой и тяжело выдыхает. — Прости меня. Это я виноват.

— Не говори глупостей, — почти громко отрезает Стас. — Узнаю, что ты берешь на себя ответственность и не оставлю на твоём теле живого места, понял?

— Но...

— Будь сильным.

Я ошеломленно слышу наставление Шрама, и обеспокоенно вспоминаю свой сон. То же самое мне сказал Леша, прежде чем умереть.

— Что нам делать? — серьёзно спрашивает Макс и смотрит на брата. — Это переходит все границы. Ты в больнице, главарь семьи на свободе. Если ещё нужно залечь на дно — я против.

— Не торопись, — мудро протягивает Стас. — Любимица сказала, что предатель среди нас, так ведь? — Бесстрашный кивает. — Значит нужно вывести его на чистую воду не силой, а хитростью.

— Каким образом?

— У меня есть один вариант. Необходимо обмануть семью. Обвести вокруг пальца. Дать им то, чего они ждут.

— В смысле? — удивляется Кира. — Предлагаешь разогнать стаю?

— Они не этого хотят, — слабым голосом отрезает Шрам. — Их единственное желание — быть центром, быть главными. Какой прок в том, что люди разойдутся по домам и перестанут ходить на испытания? Семья хочет стать лидером, хочет соединить две стаи в одну под своим правлением. Вот их цель.

— Я не понимаю, к чему ты клонишь.

— Ты прекрасно понимаешь, — Стас смотрит на Максима и между ними проносится что-то чисто братское, чисто родственное. — Это сложно, но это реально.

— Одна я не втыкаю, о чем вы? — отстраненно интересуется Кира.

— Нет, я тоже не в курсе, — прикусываю губу и смотрю на Шрама. — Может, объясните?

— Простите девушки, но это должен быть эффект неожиданности. Чем меньше людей знает, тем лучше.

— Не доверяешь нам? — вспыхивает блондинка. — Серьёзно? После всего того, через что мы с тобой прошли?

— Теперь я доверяю лишь ему, — Стас смотрит на брата, затем незаметно подмигивает мне, и вновь обращается к Максиму. — Теперь ты предводитель. Тебе решать, что делать, как действовать.

— Я не хочу занимать твое место.

— Придется. Это семейное дело. Выпадаю я — появляешься ты.

— Но ты не выпадаешь, — решительно отрезает Макс. — Ты все ещё наш предводитель.

— А ты моя правая рука, — Шрам слабо сжимает ладонь брата и горько улыбается. — Не подведи.

Неожиданно в палату заходит медсестра. Она оглядывает нас недовольными, узкими глазами и выдыхает:

— Время посещений закончилось. Попрошу всех на выход.

— Но он только что пришел в себя, — протягивает Кира. — Дайте нам ещё хотя бы пятнадцать минут.

— Это не мои правила.

— Пожалуйста.

— На выход! — писклявым голосом злится женщина, на что блондинка едва сдерживается. Я вижу, как подруга сжимает руку в кулак, но качаю головой. Никаких драк в больнице. Никаких побитых медсестер.

Раздраженно закатив глаза, Кира выдыхает.

— Я не подведу тебя, — серьёзно отрезает Макс, встает с кровати и решительно выпрямляется. — Я найду предателя, обещаю.

— Я в этом уверен.

Когда мы почти выходим, я слышу свое имя. Оборачиваюсь и незаметно приближаюсь к Шраму. Тот вновь выдавливает улыбку и шепчет:

— Макс в гневе очень похож на тебя. Любит рубить сгоряча, так что присмотри за ним, хорошо?

— Конечно, — я киваю и робко поджимаю губы.

— И ещё, ворон на запястье у предводителя — не закливайтесь на этом, ведь от тату можно избавиться. Смотрите глубже. В центр проблемы. Здесь загвоздка не в желании отомстить, здесь загвоздка в желании занять уже нагретое место. Я чувствую, когда нам хотят навредить на поводе у обиды. Здесь другое. Нас просто-напросто хотят заменить.

— Хорошо. Я учту твои слова. — Решительно киваю. — Выздоровливай. Ты нам нужен.

— Как только, так сразу.

— Девушка, — протягивает медсестра. — Вы меня не услышали?

— Всё, все. Я уже ухожу.

Машу Шраму на прощание и присоединяюсь в коридоре к Максиму и Кире.

— Он что-то сказал тебе? — с едва заметной завистью, интересуется блондинка.

— Да, он попросил не закливались на татуировке ворона.

— Но ведь это явное указание на предателя.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Так сказал Стас, и я не думаю, что у нас есть повод не доверять ему.

Проходит четыре дня с тех пор, как мы навещали Шрама. Я непрерывно размышляю над его словами, всю думаю, кого же он имел в виду, говоря о замене, но сталкиваюсь с непробиваемой стеной. У меня нет ответов, у Стаса почему-то есть зацепки. Я собиралась съездить к нему позавчера, но не успела. Репетиции вальса, подготовка к выпускному, тесты и мамины наставления заняли все время. Пришлось передвинуть встречу на сегодня. Но и тут находится ложка дегтя.

Очередная репетиция вальса.

О ней мне сообщил Леша, пару часов назад. Я думала, что опоздаю, но неожиданно папа вызвался подвезти меня.

И вот мы сидим в машине. Молчим. Энтузиазм вначале и замкнутость сейчас пугают меня. Приходится делать вид, будто я не замечаю, как он напряжен, и как дрожат мои руки.

— Я знаю о том, что Карина украла деньги, — внезапно признается папа, и я растеряно вскидываю брови. — Мама рассказала.

— Да? — качаю головой. — Мне казалось, мы закрыли эту тему.

— Её нельзя закрыть, ведь такой поступок не назовешь хорошим.

— Поверь мне, Карина не хотела этого. Её вынудили обстоятельства.

— Хотелось бы узнать какие. — Он сворачивает вправо и тяжело выдыхает. Повисает тишина, но затем он прерывает её очередным вопросом. — Это как-то связано с тем, что Станислав Древаль находится в больнице?

— Конкретно с этим — нет, — я мну перед собой руки и молюсь поскорей попасть в школу. Удивительное чувство. Никогда не думала, что попрошу об этом высшие силы. — Это связано с шантажом. Ей поставили условие: или она приносит деньги, или навредят её семье.

— В таком случае, мы должны обратиться в полицию.

— Нет смысла.

— Как это нет?

— Личность человека, шантажировавшего её, неизвестна. — Я выдыхаю и серьёзно смотрю на папу. — Поверь, если бы я только знала, кто заставил Карину пойти на такое. Я бы не сидела на месте.

— Ох, Лия. Такое чувство, что я попал в прошлое.

Слова вырываются из его рта нечаянно, спонтанно. Я удивленно вскидываю брови, пытаюсь осознать их суть, когда папа рассекречено выдыхает.

— Ты потеряла память, и мы с мамой решили отгородить тебя от того, что причинило тебе такой вред. — В его голосе метал, хотя я даже не думала спорить. — Твои поздние приходы, проблемы с учебой, синяки, протесты — всё это закончилось в тот же день, когда ты очнулась после травмы. Ты изменилась, стала лучше, и мы не захотели мешать тебе начинать новую жизнь.

— Как видишь, старая часть биографии не собирается меня отпускать.

— Попытки оставить тебя дома, наказать, пресечь споры, — продолжает он. — Все это оборачивалось против нас. Я однажды запер тебя, а ты спустилась из окна по канату,

который тебе благополучно скинул какой-то дружок с крыши. Это просто смешно, когда родители теряют контроль над ребенком, особенно над девушкой. Я понятия не имел, что упустил. Как позволил тебе стать такой, — он покачивает головой и выдыхает. — И я так обрадовался, когда ты изменилась. Лия, ты потеряла память, чуть не умерла, а я обрадовался, что жизнь приняла такой исход.

— Видимо, я доставляла вам много проблем, причиняла боль, — виновато протягиваю. — Не думала, что я способна на такое. Хотя сейчас уже сомневаюсь.

— В любом случае, что было, то было. Главное, что теперь ты изменилась. Я вижу, как поменялось твое мировоззрение, однако, боюсь, вновь потерять тебя. Или, например, потерять Карину. С тобой всё начиналось примерно таким же образом. Сначала мелкие ссоры, а потом — бац, и все. Мои слова перестали для тебя что-либо значить.

— Она не такая, — снисходительно заверяю я папу. — Она умней меня и лучше. Поверь, если бы не обстоятельства, Карина не за что бы не ввязалась в подобную передрыгу.

— Что ж, я на это надеюсь. Иначе, выходит как-то странно. Две дочки, и двоих мы не сумели воспитать.

Его слова обижают меня. Я ведь нормальная! Я ведь преданная.

Поджимаю губы, и отворачиваюсь к окну. Чувствую, как нос покалывает, как подбегают слезы, но беру себя в руки. Я заслужила такое отношение, и не важно, что я этого не помню. Я обидела родителей, и теперь обязана платить по счетам.

Сложно, конечно, чувствовать вину за то, в чем не имеешь и малейшего понятия, но нужно.

Прощаюсь и иду на вальс. В дверях меня ждет Астахов. Он робко улыбается и помогает мне снять пальто.

— Готова к очередному выносу мозга?

— А то, — я усмехаюсь, пытаюсь волнения на счет папиных слов, закинуть подальше в душу. Не до них мне сейчас. Правда. — Кто решил собираться? Я думала, репетиции теперь только на следующей неделе.

— Актив классов настоял.

— И не сидится им дома.

Учительница показывает новые движения. Затем спрашивает, кто будет делать поддержки. Леша уверенно поднимает руку, а я тяжело выдыхаю. Не слишком мне хочется быть подброшенной в воздух. Но слово Астахова — закон. Он уверяет меня, что вальс без поддержек — не вальс, и я нехотя соглашаюсь.

К концу занятия мои ребра болят от чрезмерного давления. Из-за того, что Леша высокий он поднимает меня не за подмышки, а за талию, и это плохо отражается на моем организме. Но я не жалуясь. Глупо сетовать на такую мизерную боль, когда, например, Стас лежит в больнице с проколотым плечом.

— Порепетируем потом с тобой отдельно от всех, — с энтузиазмом сообщает мне парень, когда мы выходим из кабинета ритмики. — Хочу всё досконально отработать.

— Пощади меня, — наиграно вою и усмехаюсь. — У тебя и так все отлично получается. Признавайся, ты брал в тайне дополнительные занятия.

— Да-да, конечно. И тебе бы тоже не помешало это сделать. А то движеешься, как бегемотиха.

— Что? — я толкаю друга в бок и обижено хмурюсь. — Сейчас получишь, Лешечка. Не нарывайся.

— Не забывай, что всем приемам тебя научил я, — он самодовольно улыбается и покачивает головой. — Так что, кто тут ещё нарывается.

Я смеюсь, когда слышу телефонный звонок. Вспоминаю, что забыла позвонить маме, и закатываю глаза. Сейчас опять придется выслушать тираду о безответственности. Однако на дисплее высвечивается другое имя.

— Кира? — я прикладываю палец ко рту и прошу Лешу вести себя потише.

— Лия.

Я слышу плач. Мое сердце падает навзничь. Резко примерзаю к месту и хватаюсь свободной рукой за грудь. Астахов тут же появляется рядом.

— Кира, — громко дышу. — Что с тобой? Что случилось?

— Стас... он...

Телефон выпадает из моих рук. Я смотрю на Лешу и внезапно взрываюсь плачем. Оказываюсь в объятиях парня, чувствую, как подкашиваются ноги, и испытываю дикую боль во всем теле. Едва не падаю. Ощущаю дикий холод и проваливаюсь в небытие.

Глава 19. Первый снег

Похороны решают провести в субботу.

Я нахожу черное платье. Мама вызывается его погладить. Карина не выходит из комнаты, молчит, иногда плачет. А мне больно дышать, больно ходить, больно даже думать о том, куда я должна приехать через несколько часов.

Смерть Стаса это трагедия не только для его семьи. Это трагедия для всех нас, и поэтому я обязана присутствовать на похоронах. Он сердце стаи, он её душа. Почтить его придет каждый. И мой страх подобных церемоний недопустим.

Мы с Кирой решаем ехать вместе. Её мама подвозит нас к дому Древаль. К небольшому, уютному коттеджу, на набережной Питера. Мы выходим, плетемся держа друг друга за руку. Кира то и дело вытирает лицо, взрывается плачем, затем затихает. Я уже чувствую, как от неё исходит алкоголь, но почему-то не собираюсь сейчас наставлять на путь истинный.

В доме много людей. Все стоят на первом этаже в темной одежде, тихо разговаривают и делятся переживаниями. Я чувствую себя лишней. Оглядываюсь и понимаю, что большая часть из всех присутствующих вообще понятия не имеет, кем был Стас на самом деле. Они знают общую картинку, знают лишь маску. Но не знают сути. Он ведь и не Стас вовсе. Он Шрам. Шрам!

Вновь слышу, как взывает Кира. Она безжизненно наваливается на свою мать и прикрывает руками лицо.

Отворачиваюсь. Не могу на это смотреть.

Пытаюсь глубоко дышать, но не получается. Вижу в глубине зала отца братьев. Он бледный, как стена. На его лице нет слез, нет боли. Он молчит, летает в каком-то трансе, вроде бы здесь, но одновременно далеко отсюда. Понимаю, что нужно подойти к нему, но боюсь. Что нужно сказать человеку, у которого умер сын, чтобы ему стало легче? Что?!

Смахиваю слезы.

Начинаю искать глазами Макса. Я не виделась с ним с того самого дня, как узнала о смерти Стаса. Сейчас меня терзает угрызение совести. Я кинула его в момент, когда он так сильно во мне нуждался. Но мне было страшно! Еще никто из близких мне людей не умирал, и я не знала, как надо себя вести с ним рядом. Теперь я жалею, что даже не попыталась облегчить его боль.

Но лучше поздно, чем никогда.

Какая-то женщина вдалеке смотрит на часы. Она нервно осматривается и говорит отцу братьев:

— Мы должны были начать десять минут назад. Где Максим?

Старший Древаль не отвечает. Всё так же смотрит в одну точку, не двигается.

Я обеспокоенно подхожу к Кире.

— Куда пропал Макс?

— Не... — она запинается, вытирая глаза. — Не знаю.

Выдыхаю. Протискиваюсь сквозь толпу и незаметно проскальзываю на второй этаж. Здесь длинный коридор с разветвлением в разные комнаты. Я стремительно иду вперед, заглядываю в каждое из помещений, и чуть не проношусь мимо, заметив в одном из них на кровати Бесстрашного.

Останавливаюсь и чувствую, как сердце обливается кровью.

Парень сидит спиной ко мне, громко и тяжело дышит. Его плечи опущены, волосы

свисают вниз. Черный свитер, черные брюки, в черный день. Ценой огромных усилий, я заставляю себя сойти с места и пройти в комнату. Подхожу к Максусу. Сажусь перед ним на колени, и прямо как в больнице дрожащей рукой прикасаюсь к щеке.

— Эй?

Он сдергивает мою ладонь и резко поднимает голову. Подпрыгивает с кровати, и отходит в сторону. Я встаю вместе с ним.

— Ты что здесь забыла?

— Я пришла на... — вдыхаю поглубже и продолжаю. — На похороны.

— Нет. Что ты делаешь в этой комнате? — чеканя каждую букву, злитесь Максим и прожигает меня ненавистным взглядом. — Кто позволил тебе подняться?

— Никто, просто...

— Вот и уходи!

— Все ждут тебя внизу, и я решила начать поиски со второго этажа.

— Они увенчались успехом?

— Макс, — я делаю шаг к нему навстречу, на что парень отскакивает назад.

— Не подходи. — Потом чужим голосом он добавляет. — Пожалуйста.

У меня тело сгибается, органы взрываются, ошпарив все внутренности. Боль проносится по венам и приходится сжать кулаки с такой силой, что ногти впиваются в кожу.

— Мне так жаль, — глаза наполняются слезами, и я прикрываю рукой лицо. — Господи, мне так жаль, Максим.

— Мне тоже жаль, вот только словами не вернешь моего брата. Он умер! — вижу, как парень начинает терять самообладание. — Его больше нет, Лия. Его нет!

Я всё-таки сокращаю между нами дистанцию и практически припечатываю Максима к стене.

— Не отталкивай меня, — прошу и прикусываю губу. — Я ведь с тобой. Я рядом.

— Но его нет! И в этом моя вина. Только моя.

— Не говори так. Ты здесь не причём.

— А кто причём? Кто? — он выкрикивает это вопрос прямо мне в лицо, и я вновь чувствую слезы на своих щеках. — Мой брат умер от септического шока. Нарушилось кровоснабжение органов, тканей, и наступила смерть. Знаешь, почему это произошло? — я качаю головой, прикрывая руками глаза и еле сдерживая безудержный плач. — Это произошло, потому что я решил, будто сам сумею справиться и полностью продезинфицировать рану. Я идиот, Лия! Идиот! Я должен был отвезти его в больницу, должен был обеспечить ему профессиональную помощь! Но я не смог. Я не сделал этого.

— Потому что он тебя попросил!

— Да, какая к черту разница?! — орет он. — Нужно было связать его, насильно затащить в машину, нужно было настоять на помощи врачей, тогда он был бы жив!

— Ты не можешь знать.

— Могу.

— Нет! — я втягиваю в себя воздух и сглатываю. — Ты сделал лишь то, о чем он тебя попросил. Пожалуйста, прекрати себя винить! Пожалуйста.

— Не прекращу! И никогда не успокоюсь. Он мертв, потому что я тупой идиот. Я его

убил, я!

С этим криком Макс скидывает с полки все книги, и они с диким грохотом валятся на пол. Затем он грубо отталкивает меня, пинает ногой дверь, сворачивает постельное белье, бросает его в дальний угол комнаты. Хватает рамки и одну за другой разбивает их о стену, выкрикивая имя брата, выкрикивая имя убийцы.

Я плачу, вытираю руками слезы и сгорбленно наблюдаю за тем, как Максим рушит спальню. Не знаю, что делать. Прошу его остановиться, но он не слушает. Продолжает избавляться от того, что режет сердце, словно лезвие ножа: от воспоминаний.

Я вдруг понимаю, что никакой он не бесстрашный. Он самый обычный парень, который безумно страдает, потеряв близкого человека.

Когда Максим размахивается, чтобы разбить неприкрытое зеркало, мое сердце взмывает вверх. Он сжимает руку в кулак, ненавистно смотрит на свое отражение и уже собирается пустить силу вход, когда я побегаю к нему. Крепко хватаю за спину и прижимаю к себе так судорожно, что сводит руки.

— Не надо, пожалуйста, не надо...

— Лия...

— Нет, — прошу я, и с трудом поворачиваю парня к себе лицом. — Я не позволю тебе, винить себя. Не позволю тебе, причинять себе боль, увечья. Ты не виноват в смерти Стаса, слышишь? Не виноват! И пожалуйста, не нужно этого, не надо наказывать себя! Я не могу вынести твоих попыток сгладить боль, разрушая самого себя. Не могу! Ведь ты мне нужен Макс, не отдайся от меня, не сопротивляйся. Я рядом. Я с тобой! Я никогда не брошу тебя, слышишь? Я буду здесь, — кладу руку ему на сердце. — Всегда здесь буду. Только не покидай меня, не делай себе больно! Пожалуйста, не надо!

— Но он умер.

— Он никогда не исчезнет. Он всегда останется в твоих мыслях. Но не позволяй вине отнять у тебя последние воспоминания. Не позволяй ей взять над тобой вверх!

Парень смотрит на меня. Он тяжело дышит, стискивает зубы, а затем неожиданно медленно расслабляет руки. Его кулаки разжимаются, плечи стремительно поникают, и, вдохнув большое количество воздуха, Максим без сил оседает, ведя меня за собой.

Испустив болевой стон, парень прижимает меня к себе и начинает плакать. Сильно, громко. Он трясется, зарывается лицом в мои волосы, шатается, будто находится на улице в сильный ветер. Несколько раз имя брата срывается с его губ, растворяется в комнате. Макс сжимает мои плечи, держится за них так, словно боится упасть, хотя мы и так сидим на полу.

— Тише, — утопая в слезах, шепчу я. — Я здесь, я рядом...

— Как он мог? — зло спрашивает меня Бесстрашный. — Как он мог бросить меня? Он же обещал, он же...

Парень вновь вжимается в меня. Я так благодарна ему за то, что он раскрылся для меня. Что он больше не пытается меня оттолкнуть, что он принял меня в свою жизнь, в свое сердце. Целую его в шею, в волосы и неожиданно признаюсь:

— Я люблю тебя.

Мы оба замираем. Я пугаюсь своих слов, однако понимаю, что не могу взять их назад. Это правда, это чистая правда.

— Что?

— Я люблю тебя, — шепотом повторяю я и смотрю в красные, полные боли глаза парня. — И я всегда буду с тобой. Всегда буду рядом. С этого момента...

— И в вечность, — заканчивает за меня Максим и вновь прижимает к себе. — Я так

счастлив, что ты у меня есть, Лия. Так счастлив.

Он больше не плачет, но не решается сдвинуться с места. Вытирает слезы, стесняется своего вида...

Но я не считаю позорным то, что увидела.

Боль Максима висит надо мной, будто туча, оседает на пол вместе с пылью, отражается в спасенном зеркале. Её можно почувствовать, просто вдохнув здесь воздух. Все пропитано страданиями. Все пропитано мукой. И от такого огромного количества боли, руки опускаются. Голова кружится. Тело немеет. Становится страшно. Чувства должны свести с ума, если их не выпустить. Так что абсолютно не стыдно дать им волю. Абсолютно не стыдно быть человеком.

— Пойдем вниз, — тяжелым голосом, шепчу я. — Все ждут.

Макс кивает и слабо поднимается с пола. Он разбит, он так подавлен. Я крепче сжимаю его руку: пытаюсь передать свою силу и энергию. Но есть ли у меня то, что можно передать? Кажется, я сейчас сама упаду от недостатка кислорода.

Мы спускаемся, и все люди одновременно впяливают в наши лица свои почти скорбящие глаза. Хочется кричать от несправедливости. Стас был замечательным человеком, так почему здесь присутствуют лишь те, кто притворяется? Кто выдумывает боль? Эти бабушки, и тети... Они заполняют пространство. Хотят перекусить, посплетничать и вдоволь напиться. Никто из них по-настоящему не скорбит. Никто из них не знал Шрама, как человека, коим он являлся на самом деле.

Я едва сдерживаюсь от того, чтобы не разогнать это стадо по домам. А оно так заинтересовано. Ведь безумно интересно наблюдать за отцом семейства, который потерял не только жену, но и сына. Безумно интересно наблюдать за парнем, у которого больше никогда не будет родного брата и близкого друга.

Прикусываю губу. Мне не выдержать этого общества, но ради Максима я выстою. Ради него я не разожму руку.

Через час мы приезжаем на кладбище.

Нас ведут к разрытой могиле. Несколько коллег по службе Александра Древаль несут гроб. Впереди шествует сам отец семейства. Он так же бледен, так же немногословен. Я вспоминаю тот день в полиции, и сейчас просто не узнаю черты его лица. Вот, что с людьми делает смерть.

Мы останавливаемся, располагаемся по кругу. Макс подходит к папе, Кира впивается ногтями мне в руку.

Отпевание.

Я слышу, как плачут женщины, вижу, как еле сдерживаются мужчины. Замечаю напряженные скулы Максима, его отрешенный взгляд, и поджатые губы. Но не улавливаю и капли скорби в глазах Александра.

Это настораживает меня.

Смотрю на портрет Стаса: в его взгляде — сила, в улыбке — мудрость. Приходится отвернуться, чтобы сдержать очередной поток слез. Только сейчас я начинаю осознавать, что смерть неизлечимая болезнь. Шрам не откроет гроб, не встанет и не пойдет домой. Он навечно покинул нас. Он умер.

— Аминь, — произносит священник, и гроб опускают в яму. Кто-то бросает в бездну гвоздики, кто-то — розы. Я кидаю две ромашки. Пусть они предадут ему силы там, вместе с его мамой, на небе.

Несколько солдат берут лопаты, распределяются по периметру и начинают засыпать яму землей. Слышу очередной взрыв плача. Вижу женщину. Она очень похожа на Александра, и мне кажется, что она его родная сестра. Смочив платком глаза, женщина отворачивается и кладет голову на плечо брата.

— Ничего, Сашка, — шепчет она. — Ничего. Света будет рядом с ним. Не волнуйся. Она защитит его.

В этот самый момент самообладание Александра Древаль дает пробоину. Лицо его резко опускается, глаза набиваются слезами. Качая головой, он тянет:

— Нет. — Отходит от сестры. — Нет. Стас! Стасик! — Мужчина неожиданно отталкивает солдат, запрещая им засыпать яму землей. — Там мой сын! Что вы делаете?!

Моё сердце разбивается на несколько частей. Я прикрываю ладонью лицо, наблюдая за тем, как Древаль отчаянно выбрасывает горсти земли наружу.

— Нет, нет, нет.

— Пап, — едва сдерживая эмоции, кричит Максим. — Папа, не надо.

— Там, Стасик! Там мой сын!

— Вылазь. — Максим хватает отца за руки и пытается вытянуть из ямы. — Пожалуйста!

— Максимка, чего же ты стоишь?! — таким тоном, словно его предали, спрашивает Александр. — Помоги же мне! Они закапывают твоего брата! Они хотят забрать его у нас!

— Папа.

Максим слабыми руками тянет отца, но бесполезно. К нему присоединяются ещё несколько мужчин, нас просят отойти подальше.

— Нет! — кричит Древаль, сопротивляясь. — Не трогайте меня! Нет! Стас! — его с силой тащат вверх. — Стас! Стасик! Стас! — из глаз мужчины градом льются слезы. Оказавшись на поверхности, Древаль падает на колени и взмывает голову к небу. — Куда же ты? Куда же ты уходишь от меня, Стасик?

Я отворачиваюсь и врезаюсь в грудь Кирилла. Не знаю, когда Тошак здесь появился, но не задумываюсь над этим. Лишь плачу в его объятиях. Приподнимая глаза, замечаю за спиной парня ещё несколько десятков человек. Все пришли почтить память своего предводителя. Стая пришла проститься со своим сердцем.

— Куда же ты от меня уходишь? — ревет Древаль, и Максим кладет руки ему на плечи. Сжимает их, прикусывает губу так сильно, что я даже с такого расстояния замечаю выступившие капли крови. — Прости меня, сынок. Прости! Прости, что не сберег тебя. Прости, что не уследил!

Рядом с Александром на колени падает его сестра. Она обнимает брата, громко вытягивает воздух и начинает плакать.

С каждым её всхлипом, моё сердце судорожно сжимается. Я хочу подойти к Максу, хочу поддержать его, прижать к себе, но не могу даже сдвинуться с места. Попросту не могу.

— Прости меня, Стасик!

Неожиданно Кирилл выпускает меня из объятий, садится на одно колено. Он прикладывает руку к сердцу и медленно опускает голову. То же за ним повторяют все члены стаи. Каждый держит на груди ладонь, каждый прикрывает глаза и думает о своем предводителе, который не щадил свою жизнь, который собрал всех их вместе, который олицетворял свободу, любовь и мудрость.

Я присаживаюсь на колено, прикладываю руку к груди и вдруг вижу перед собой белые хлопья. Поднимаю голову, и понимаю, что идет снег. Первый снег.

Так небо плачет вместе с нами. Так природа страдает, потеряв достойного человека.

Мы молчим несколько минут.

Когда родственники поднимают на ноги Александра, земля полностью покрывается белым ковром. Люди начинают расходиться. Все стремятся поскорей выйти с кладбища,

почувствовать запах жизни, а не запах смерти.

Стая следует к выходу, когда рядом со мной и Кирой появляется Макс.

Он наклоняется к уху блондинки и холодно отрезает:

— Собери стаю в парке. Сегодня. Через час.

Затем он уходит. Берет отца под руки и буквально тащит к выходу.

Кира недоуменно смотрит на меня, а я вытираю мокрые глаза.

Мне даже страшно подумать о том, что творится в голове у Бесстрашного. Но теперь он главный. Он наш главарь. Мы обязаны послушаться и прибыть на место ровно через шестьдесят минут. Таков приказ.

Глава 20. Святой клуб

Мы сидим на железной перекладине. Кира пьет виски, Кирилл брынчит какую-то грустную мелодию на гитаре. Стая молчит. Снег все так же медленно сыплется на землю, небо все так же плачет, а мы не в состоянии произнести и слова.

Достаю телефон и набираю домашний номер. Трубку поднимает Карина.

— Да?

— Я задержусь, — шепотом сообщаю и беспокожно наблюдаю за тем, как жадно подруга выпивает алкоголь.

— Что-то случилось? — озадачено спрашивает сестра. — Что-то серьезное?

— Не знаю. Макс попросил собраться.

— Зачем?

— Понятия не имею. Он ещё не пришел. — Прикусываю губу. — Предупреди маму. Придумай что-нибудь, чтобы она не волновалась.

— Хорошо. Но ты все равно сильно не задерживайся. — Карина вздыхает. — Как прошли похороны?

— Ужасно. Поговорим об этом дома, ладно?

— Да, конечно. Ждем тебя.

Я прячу телефон в карман и горько улыбаюсь Кириллу. Тот начинает напевать какую-то новую песню, и я прислушиваюсь к его бархатистому, красивому голосу.

И лампа не горит. И врут календари. И если ты давно хотела что-то мне сказать, То говори.

Слышу, как всхлипывает подруга. Она ненавистно отрывает губы от горла бутылки и смотрит вдаль так испепеляюще и так разбито, что у меня сжимается сердце.

— Кира...

— Он не должен был умереть, — холодно чеканит блондинка и стискивает зубы. — Он не имел права, уходить. А раз уж так случилось, то не таким способом! Он, черт подери, Шрам! Он храбрый, сильный предводитель! Он не мог сдохнуть из-за паршивого сепсиса! Не мог!

— Не надо, — я кладу руку на плечо девушки. — Пожалуйста, давай не будем бросаться громкими словами.

— А какими тогда бросаться? — Кира растеряно смотрит на меня. — Какими?! — она с силой кидает бутылку и та с грохотом разбивается об асфальт. Втянув воздух, подруга твердо отрезает. — Я убью Наташу. Клянусь. Я убью эту суку.

Я собираюсь сказать что-то ещё, но замолкаю, так как замечаю приближающуюся фигуру Максима. Он идет быстро, решительно. В руках несет две огромные черные сумки. Встаю с перегородки и плетусь ему на встречу. Что-то внутри подсказывает: надвигается гроза, но я пытаюсь подальше запихнуть это чувство. Что может быть хуже того, что уже происходит?

Бесстрашный буквально врывается в меня. Осматривает покрасневшими глазами стаю, ждет, пока внимание обратится на него, и бросает две сумки на асфальт. Из них вываливаются биты, железные палки, ножи.

Я сначала испуганно замираю. Моргаю. Не понимаю, чего он хочет. Но затем меня охватывает такой дикий ужас, что я ошеломленно покачиваюсь назад. Поднимаю взгляд на Макса и не вижу в нем и капли совести, разума. Он сломлен. И он готов отомстить.

— Я не считаю нужным толкать речь, — жестко чеканит Бесстрашный и зло стискивает

зубы. — Те, кто со мной — берите оружие из сумки. Мы направляемся в Святой клуб.

— Нет, — едва слышно выдыхаю я, и хватаю парня за руку. — Максим, не надо.

— Это не обсуждается. Не хочешь — не иди.

— Послушай меня! Нельзя заваливаться в логово противников и избавляться от них, как от не нужного мусора! Они же люди. Мы не имеем права причинять им боль.

— А мы? — взрывается парень и обиженно смотрит на меня. — Мы, что не люди? Нам можно страдать, а им, значит, нет?!

— Максим...

— Хватит, чужачка. Твоя самоотверженность сейчас ни к чему.

Я громко выдыхаю, когда вижу, что Кира пьяно вытаскивает из сумки биту.

— Стой!

— Он прав, — прервав меня, отрезает блондинка. — Кровь за кровь.

И тут начинается происходить невообразимое. Все подходят, берут оружие. У меня голова кругом от того, что они собираются сделать. Но, кажется, волнуюсь только я.

— Тошак.

— Это дело чести, — шепчет Кирилл, не поднимая глаз. — Шрам заслуживает того, чтобы за него отомстили.

Я судорожно выдыхаю. Мне определенно не нравится то, что происходит. Вспоминаю просьбу Стаса, и сильно прикусываю губу. Я не могу допустить того, чтобы Максим горяча натворил глупостей. Я обещала.

— Нужно поговорить, — решительно тяну я и хватаю Бесстрашного за руку. — Сейчас же.

— Не старайся переубедить меня.

— Замолчи.

Я тащу парня за собой. Он идет нехотя, тяжело дышит. Наверно ждет, что я сейчас устрою ему истерику. Но вместо этого, я довожу Макса до нашего дерева и, резко развернувшись, прижимаю к себе.

— Пожалуйста, — зажмурившись, шепчу я. — Прошу тебя, не делай этого.

— Лия, — обескураженно протягивает Бесстрашный. — Я должен отомстить за брата.

— Разве ты забыл о том, что я тебе сказала сегодня утром?

— Нет, но...

— Никакая боль не оправдывает то, что ты сейчас собираешься сделать. — С надеждой смотрю в глаза Максима и тону в его темных океанах. — Ты страдаешь, тебе плохо. Но это не значит, что ты можешь делать все, что тебе заблагорассудится.

— Я должен отомстить за брата, — сквозь стиснутые зубы, повторяет парень. — Стас считал тебя своей сестрой, а ты... что ты сейчас делаешь? Ты предаешь его!

— Нет, — я растеряно отстраняюсь. — О чем ты? Не говори так. Я страдаю не меньше твоего Макс!

— Да? Тогда почему ты останавливаешь меня? Стас умер, Лия! Он не заболел, и не уехал. Он умер! Неужели это не веская причина для того, чтобы свернуть всем тем, кто сейчас находится в Святом Клубе шею? — жестоко усмехается Бесстрашный. — Я не могу... не могу сесть и просто смириться. Не могу принять смерть брата. — На лице

парня появляется безумная боль, и мое сердце сжимается. Я пытаюсь остановить то, что нельзя остановить. Он уже все решил. Я проиграла. — Они совершили роковую ошибку. И они должны за неё поплатиться.

Страшная, опасная сила, которая просыпается в человеке в моменты безумной, неистовой боли: месть. Это когда голова кругом, и сердце ноет. Когда хочется избавиться от всего мира, и не думаешь, будто данная идея смешна и нелепа. Остатки разума испаряются, словно его никогда и не было. Мысли крутятся, взрываются бешеным фейерверком. Руки горят, тело горит, боль горит. В голове план страшной мести, а в глазах крик о помощи и ужас одиночества.

— Пожалуйста, — смотрю на парня, прикладываю ладонь к его холодной щеке и судорожно выдыхаю. — Прошу тебя, не делай этого.

— Я люблю тебя, — Бесстрашный порывисто притягивает меня к себе, впивается в губы крепким, властным поцелуем. Мы целуемся так, словно целуемся в последний раз, испытывая и удовольствие и боль. Это сводит с ума. Мои колени подгибаются, и свободной рукой я хватаюсь за ствол дерева, хватаюсь за наши инициалы, ещё надеюсь, что Макс никуда не уйдет. Не покинет меня. Парень отрывается от моих губ, притягивает в свои объятия и зарывается головой в волосы. Я слышу его тяжелое дыхание, слышу биение его сильного сердца, и тону в его руках. Боюсь открыть глаза, боюсь вздохнуть или пошевелиться. Молюсь, чтобы время остановилось, но этого не происходит. Бесстрашный отстраняется, целует меня в лоб, и, проведя пальцами по щеке, шепчет. — Не иди за мной.

Разворачивается и исчезает из вида, оставив после себя зияющую рану.

Я смотрю ему вслед, чувствую, как внутри разгорается пожар. Грудная клетка взмывает вверх, сдавливает легкие, затем вновь расширяется. Не знаю, что делать. Оглядываюсь. Слышу, как проносятся крики из парка. Подбодренная и слегка опьяневшая толпа подростков собралась решить проблему своим отточенным способом. Куда их это приведет? Сколько людей пострадает? Каковы будут последствия?

Прикусываю губу. Облокачиваюсь о ствол дерева и закрываю руками лицо. Кто мог подумать, что похороны предводителя закончатся дракой в его честь?

Откидываю назад голову и вдруг вспоминаю о своем видении в доме Стаса. Моя копия так же чего-то боялась. Она была расстроена и бессильна. Не знала, что делать, терялась в догадках.

Что же она предприняла? Как решила поступить?

Достаю телефон и холодными пальцами набираю номер.

— Да?

— Мне срочно нужна твоя помощь, — мой голос срывается, и я громко втягиваю воздух.

— Ты где?

— В парке.

— Буду через десять минут.

Звонок обрывается.

Задумчиво смотрю на серое небо и гадаю: что меня ждет впереди? Очередное разочарование, боль, предательство или, наконец, облегчение?

Украдкой взглядываю на вырезанные инициалы. Те Макс и Лия точно бы смогли найти выход из любой ситуации. Чем мы хуже? Нас изменило время? Жизнь? Или проблемы?

А может, нас поменяли мы сами?

— Они сошли с ума, — отрезает Астахов, выезжая на главную дорогу. — Решить

проблему кулаками — отличная идея.

— У Макса умер брат, — бесцветно поясняю я. — Он действует необдуманно. На поводу у эмоций.

— Эмоции нужно отбрасывать, когда разговор касается чьей-то жизни.

Я киваю.

Леша прав. Но, боюсь, здравый смысл сейчас не имеет под собой никакого веса.

— Что планируешь делать? — интересуется друг. — Мы опоздаем — схватка состоится.

— Значит, нам придется постараться поскорей её закончить. — Я устало выдыхаю. — Выбора нет. Нельзя чтобы на гибели Стаса висели трагические смерти.

Астахов поджигает губы и добавляет газу. Мы прилично отстаем. Наверняка, Бесстрашный уже вломился в клуб и не щадит любого, кто попадаетея ему под руку. От этих мыслей становится страшно. Неужели Максим способен на нечто подобное? Он ведь всегда был рассудительным, честным и справедливым.

Выдыхаю и отворачиваюсь к окну.

Боль творит с люди ужасные вещи. Но не испытывать её, значит не чувствовать, а не чувствовать — значит не жить.

Когда мы подъезжаем к клубу, меня охватывает паника. Несколько человек с испачканными в крови лицами, шествуют нам на встречу, вытягивают вперед руки. Они не видят, как машина появляется перед их телами, не тормозят, не пугаются. Они продолжают бездумно стонать, смеяться, кричать. Леше приходится резко сбавить скорость, чтобы не сбить их со своего пути.

— Что, черт подери, они делают? — ошеломленно восклицает он и нажимает на мерзкий звуковой сигнал. — Кидаются под колеса — идиоты.

— Она ранены, — на выдохе, шепчу я. — Нужно спешить.

— Сейчас. Найду место, чтобы припарковаться.

— Нет времени.

На ходу открываю дверь. Слышу, как Астахов орет ругательства, но не обращаю на это внимания. К счастью скорость мизерная. Я с легкостью выпрыгиваю из салона и направляюсь напрямиком к главному входу.

Чувствую запах крови уже отсюда.

Открываю высокие, металлические двери клуба и сталкиваюсь с немислимым хаосом. Толпа раненных, разъяренных подростков заполняет широкое, темное помещение. В меня врезаются ужас, страх, боль. Я прикрываю руками лицо, не в состоянии перенести то, что должна перенести, и ошарашенно припадаю спиной к стене. Взмахи бит рассекают воздух, звуки ударов эхом отдаются в его уголках. Меня придавливает к полу запах крови. Он как тяжелая масса ложится на плечи, и припечатывает к грязному, мокрому кафелю. Я ищу глазами Макса. Нужно остановить это. Срочно! Но вместо Бесстрашного нахожу парня с пробитой головой, девушку с рассеченной бровью, брюнетку с прижатой к груди рукой, и блондина с разбитым носом. У всех них хлещет кровь. Брюнетка ревет навзрыд, а блондин гладит её испачканные плечи. Я хочу помочь им, даже схожу с места, но внезапно наталкиваюсь на высокого незнакомца. Он хватает меня за локоть, и с силой крутит вокруг себя. Я едва сдерживаю равновесие. Ошеломленно выпрямляюсь и вижу, как он вновь несется в мою сторону. Автоматически выставляю перед собой блок, врезаюсь в парня туловищем, и, выпустив громкий рык, отталкиваю его на несколько метров. Тяжело выдыхаю. Опускаю взгляд ниже, и замечаю кровь на своих руках и шее. К счастью, это не моя кровь. Или, не к счастью?

Вновь оглядываюсь. От ужаса хочется кричать во все горло. Вот только вряд ли меня кто-то услышит. Избегая удары, наносимые подростками в воздух, оборачиваюсь и

неожиданно вижу Наташу.

Рыжая бледная, словно стена. Её испуганный взгляд заставляет меня удивиться. С чего вдруг Третьякова боится? Она ведь хотела этого. Она ведь стремилась к подобной развязке. Срываюсь с места и иду следом за ней.

Девушка сворачивает за угол, исчезает из вида, но позже я понимаю, что она скрылась в туалете.

С силой отталкиваю дверь и врываюсь в помещение.

— Эй! — зло орет Рыжая, однако увидев меня, затихает.

— Прячешься? — презрительно спрашиваю я и делаю шаг к ней навстречу. — Очень смелый поступок, учитывая, что все люди в клубе страдают чисто по твоей вине.

— Не понимаю, о чем ты, — огрызается Наташа, и достает из кармана нож. — Подойдешь, и я тебя прирежу.

— Это ты умеешь.

— Да, умею.

— Просто... просто скажи мне, — с болью в голосе отрезаю я, не в состоянии сдержать огромный ком эмоций в горле. — Как ты живешь с этим?

— Живу с чем?

— Его кровь на твоих руках! — взрываюсь и протираю лицо. — Ты виновата в том, что его нет. Как ты с этим миришься?

— С чем мирюсь? — с абсурдом выкрикивает Наташа. — Ты двинулась разумом, Кобра?

И тут до меня вдруг доходит одна странная вещь. Сгорбившись, я удивленно расширяю глаза и шепчу:

— Ты не знаешь? — мой вопрос больше похож на утверждение. Перейдя с ноги на ноги, Рыжая фыркает.

— Точно. Совсем свихнулась.

— Боже мой, — прикрываю рукой рот. — Ты ничего не знаешь.

— Да, о чем ты, Кобра?

Я отхожу назад и врезаюсь спиной в стену. Почему-то мне кажется, что данное известие совсем не обрадует, стоящую передо мной, рыжеволосую девушку.

— Стас умер, Наташа, — мертвым голосом сообщаю я, и поднимаю глаза на Третьякову. Та недоуменно вскидывает брови. — Сегодня утром состоялись его похороны.

— Что ты такое говоришь? — раздраженно кидает Рыжая.

— Он не оправился после... после той раны.

Девушка затихает. Её глаза следят за мной, исследуют лицо на наличие обмана, но затем неожиданно наполняются слезами. Нож выпадает из худых пальцев. Схватившись руками за лицо, Наташа резко отходит назад, взрывается плачем и оседает на пол. Сгорбившись, Третьякова кладет голову на кафедру и начинает стонать, словно раненное животное.

Не знаю, что чувствовать. Она убила Шрама. Я её ненавижу. Но почему-то жалость вскипает в крови. Я оглядываюсь, прикусываю губу и выдыхаю:

— Он не захотел обращаться в больницу, чтобы у тебя не было проблем.

— Идиот! — орет она, извиваясь в судорогах. — Почему? Почему он так сделал? Почему

так поступил?

— Наверно, потому что даже после стольких месяцев, он любил тебя.

Новая порция стонов.

Я сжимаю руки в кулаки. Понятия не имею, что делать. Добить сейчас эту суку, или пожалеть? Господи, какие разные эмоции!

Выдыхаю и резко приближаюсь к Наташе.

— Скажи мне, кто предводитель, — гладу руки на её плечи, хорошенько их встряхиваю. Рыжая поднимает на меня свои красные, слипшиеся глаза и постанывает. — Давай же! Это не вернет Стаса, но зато позволит остаться в живых другим!

— Я не могу сказать, — плачет Третьякова. — Не могу.

— Но почему?!

— Потому что должна ему.

— Кому? — меня начинает злить эта мыльная опера. Или Рыжая говори правду, или я бросаю её здесь, наедине с убивающей душу болью. — Кому ты должна?

— Я не могу сказать, — стонет Наташа. — После того, как меня выгнали из стаи, я общалась лишь с одним человеком, который и поставил меня на ноги. Я обязана ему жизнью! Он не бросил мою тушу, когда все отвернулись, мать вашу, и кинули меня за борт!

— Ты же видишь, что происходит! Погибли 16 подростков, теперь Стас! Неужели ради него, ты не скажешь мне правду? Неужели ради него, ты не попытаешься помочь своей бывшей стае?

После упоминания имени предводителя, Третьякова вновь горбится и начинает рыдать. Я разочарованно отбрасываю её плечи. Нет времени на психологический час.

— Значит так, — протираю лицо и указываю пальцем в сторону Наташи. — Жди меня здесь. Я попытаюсь остановить бойню в клубе, слышишь? А ты приди в себя, и найди силы рассказать мне правду.

Рыжая не отвечает. Я в принципе на это и не рассчитываю.

Вырываюсь из туалета и сразу же сталкиваюсь с высоким качком. Он размахивается в мою сторону. Кулак практически достигает челюсти, я испуганно расширяю глаза, собираюсь нагнуться, как вдруг передо мной возникает Кирилл. Он ловко выворачивает кисть блондина и с рыком отталкивает его назад.

— Где Макс? — благодарно киваю и кричу, дергая Тошак за локоть.

— Не знаю. Вроде был рядом с барной стойкой.

— А Кира?

Кирилл не отвечает. С пола поднимается блондин, и разъяренно бежит в его сторону.

Я сначала думаю о том, что должна помочь, но затем отбрасываю эту идею. Тошак и сам отлично справляется.

Несусь в сторону стойки, отталкиваю людей от себя в разные стороны, нарываясь на толчки, ругательства, просто на ненавистные взгляды. Но мне плевать. Я должна найти Бесстрашного и остановить этот абсурд. Сейчас же!

Внезапно вижу, как один парень поднимает с пола разбитую бутылку. Он заносит её над своей головой, собирается кинуть в скрученную в углу девушку. Та не сопротивляется. Просто прикрывает руками лицо, словно это спасет от битого стекла голову или руки. Парень испускает крик, размахивается, и я с ужасом понимаю, что согнувшаяся в три погибели девушка — Кира. Неистово ору, хватаю незнакомца за горло и толкаю в

сторону. Бутылка выпадает из его руки и окончательно разбивается, ударившись об пол.

Испуганно сажусь на колени перед подругой. Осторожно отнимаю руки от её лица, и судорожно выдыхаю:

— Кира? Эй? — сглатываю. — Ты в порядке?

— Конечно, — пьяно сообщает мне блондинка, поднимает голову и приторно улыбается. — Я почти победила, но потом вдруг в его руке появилась эта чертова бутылка, и...

— Черт, — недовольно поджимаю губы и раздраженно фыркаю. — Какого хера ты приперлась сюда пьяная?! Совсем разум потеряла? Хочешь сдохнуть?

— Не кричи на меня. Я ведь не сделала ничего плохого.

— Господи, — смотрю на Киру, и понимаю, что она ни черта не соображает. — Кто позволил тебе пойти на стрелку в таком виде?

— А кто посмел бы мне запретить?

Я взволнованно протираю руками лицо.

Итак, теперь у меня ещё на одну проблему больше.

Дьявол.

— Кира, прошу тебя, — поворачиваю лицо подруги к себе и серьёзно хмурюсь. — Никуда не уходи. Сиди здесь тихо, словно мышь. Не двигайся, не кричи, не пытайся вступить в драку, ясно? Слышишь меня? Эй!

— Да-да, — отстраненно тянет блондинка. — Сидеть и следить за всеми. Если что ударить того качка по паршивой лошадиной морде...

— Нет, черт. Кира! — устало выдыхаю и раздраженно встряхиваю подругу. — Ты должна сидеть тихо! Ни звука!

— Но почему? Он ведь явно нарывается... Эй, ты! Да, ты, козел!

Блондинка хочет встать, но я резко припечатываю её обратно. Пронзаю железным взглядом и зло чеканю:

— Если сдвинешься с места, лично сверну тебе шею, поняла?!

— Ты скучная, Лия, в курсе? Тебе просто необходимо развеяться.

— Боже, — протираю руками лицо и встаю. — Я тебя предупредила. Узнаю, что ты меня послушалась, и надеру тебе задницу, услышала?

Блондинка обижено скрещивает на груди руки, а я с грузом на сердце продолжаю искать Макса.

Осматриваюсь.

Мне пришлось слишком много времени потратить на разговоры. Я вижу, что десять минут серьёзно изменили всю ситуацию в клубе. Стая значительно проигрывает. Даже эффект неожиданности не сработал. Членов моей семьи избивают, выкидывают из помещения, унижают, заставляют просить прощения...

Я не могу на это смотреть. Прикусываю губу и судорожно думаю, что делать. Стас бы не допустил такого низкого проигрыша. Он бы не опустил до столь мерзкой отметки.

Двигаюсь в сторону бара, и вдруг замечаю группу людей, столпившихся вокруг чего-то интересного. Прорываюсь к ним. Отталкиваю подростков в стороны, вытягиваю шею, становлюсь на носки и с ужасом замираю.

В центре Максим. Он дерется одновременно с тремя парнями. Они хорошенько его

потрепали. Из носа Бесстрашного течет кровь. Губа разбита. На виске и под глазом красуются два огромных иссини-бардовых синяка. Мне так непривычно видеть Макса поверженным, что тело наливается свинцом. Руки тяжелеют и валятся вниз, под действием огромной силы тяжести. Я судорожно втягиваю воздух и испуганно ощущаю колики во всем теле. Макс, Любимый мой Максим, что же с тобой произошло?

Неожиданно к трем парням присоединяются ещё двое. Семье не нравится, что Бесстрашный до сих пор стоит на ногах, не сдаётся. На такой порыв, мой хранитель лишь улыбается. Сплёвывает кровь и выставляет перед собой руки.

— Это даже весело, — хрипит он, и отбивается от двух нападающих. Когда со спины на него накидывается брюнет, Максиму приходится тяжело. Он прогибается вперед, едва не теряет равновесие. Воспользовавшись слабостью противника, четвертый незнакомец ударяет Максима коленом по ребрам, а пятый — ногой по лицу.

Я испускаю истошный крик и рвусь вперед. Меня не пускают: какая-то незнакомка недовольно вцепляется в мою руку и качает головой.

— Туда нельзя.

— Плевать мне на тебя и на твои указы, — ударяю девушку, держащую меня за руку по плечу, и выпрыгиваю вперед.

Тут же путь мне преграждает парень. Он отталкивает меня назад: сильно, грубо, резко. Я валюсь на кого-то, спотыкаюсь, но успеваю схватиться рукой за барную стойку. Качаю головой и усмехаюсь.

— Зря ты это сделал.

— Не лезь не в свое дело, потаскуха, — отрезает незнакомец и угрожающе хрустит пальцами. К нему присоединяется незнакомка. — Вали отсюда подальше, неженка. Иначе не уйдешь живой.

Встаю. Выпрямляюсь, вижу, как за спиной качка, брюнет вновь ударяет Максима ногой по животу, и сжимаю руки в кулаки. Кровь с такой силой разгоняется по жилам, что в глазах вспыхивает пламя.

— Отойди с моего пути, — холодным тоном чеканю я, и я выпрямляюсь.

— Что? — смеется качок. — Ты мне угрожаешь?

— Я не стану повторять дважды.

— Знаешь, что, мелкая, кажется, ты давно не испытывала на себе мужской ласки.

Парень кидается на меня, хочет распустить свои руки, но фигура, внезапно возникшая передо мной, не позволяет ему этого сделать. Силуэт ловко отпрыгивает в сторону, выворачивает кисть нападавшего и с дикой силой вонзает локоть незнакомцу в челюсть. Даже в таком шумном месте, я слышу, как хрустит его кость.

— Черт, — он стонет. Девушка кидается ему на помощь, орет ругательства, но я не обращаю на это внимания.

Смотрю ошарашенно на парня, ставшего на мою сторону, и скидываю брови.

— Астахов?! — у меня сердце подпрыгивает. Он, наконец, вышел из машины! Он, наконец, пересилил себя и решил бороться!

Леша стискивает зубы и кивает в сторону Макса.

— Ты нужна ему. — Я не двигаюсь. Все ещё не верю в то, что мой друг сумел победить свои страхи. — Ну же! — кричит он. — Давай, ты же сильная. Ты справишься со всеми. Только не сдавайся! — я неуверенно киваю. Моргаю и тяжело дышу. — Лия, давай.

Сглатываю и подрываюсь с места.

Проскальзываю вперед.

Хватаю одного из парней, бьющих Максима, за шиворот и откидываю назад. Толпа недоуменно замолкает, когда ударив второго соперника в живот, я становлюсь перед Бесстрашным, раскидываю руки в стороны и выкрикиваю:

— Кто дотронется до него ещё хотя бы один раз, рискует уйти отсюда со свернутой шеей!

Блондин, недавно вонзивший кулак в лицо Макса, смотрит на меня с поразительно широкими глазами. На его физиономии играет саркастическая улыбка, шок. Усмехнувшись, он резко подходит ко мне и хватает за шею.

— Ты кто такая, коротышка, — толпа подхватывает его шутку. — Почему вякаешь, а?

— Убери от неё свои руки, — слабо хрипит Макс, и его тут же бьет ногой по голове низкий брюнет. Со стоном Бесстрашный валится на пол и пластом располагается на грязном кафеле.

— Черт, — я дергаюсь и чувствую дикую злость. Месть! Да! Я хочу оторвать всем этим подонкам головы! Они не имеют права бить его! Они не имеют права касаться его!

— Тихе, тихе, — смеется блондин. — Не брыкайся.

— Ты не понимаешь, на кого нарвался, — угрожающе чеканю я.

— Чего шипишь, коротышка?

И тут в голове взрывается некая простая и в то же время сложная истина. Я — Кобра. Я сильная, я непобедимая. Я не раз выигрывала. Не раз заставляла людей бояться. Не раз заставляла их подчиняться. Я — не Лия отныне.

Теперь я та — кем была всегда. Кобра.

— Мне, правда, не хотелось этого делать...

Парень хочет переспросить, что я сказала. Виделите он не расслышал.

Но мне плевать.

Я выворачиваюсь из его железной хватки, и со всей яростью, развернувшись, вонзаю ногу в его солнечное сплетение. Блондин отлетает назад. Затем хватаю низкого брюнета. С криком тяну его руку за спину и слышу дикий стон, исходящий из его вшивого рта. Радуюсь. Ему больно — отлично.

Несусь к ещё одному качку. Тот испуганно сжимает руки, хмурится, хочет что-то сказать — но не успевает. Я перекидываю его тело через себя и с разворота ударяю ногой по его ноющему лицу. Затем уже никто не хочет нарываться. Толпа отходит назад, пугается, однако, меня не устраивает подобная трусость. Ищу глазами тех, кто только что избивал Макса и получал от этого удовольствие. Нахожу высокого шатена. Он хочет убежать. Даже на таком расстоянии я чувствую, как от его пота несет страхом. Он жалок. Он низок. Он просто ничтожество. И меня это забавляет. Едва его тело срывается с места, я с взвешенной скоростью оказываюсь рядом, цепляюсь руками за его толстую, мокрую шею и припечатываю к стене. Парень стонет. Я грубо выпускаю его горло и наблюдаю за тем, как жирное тело оседает на пол. Слышу сзади шорок. Не оборачиваюсь, выставляю в сторону локоть и врезаюсь им в чью-то морду. Отбиваю атаку очередного смельчака. И ещё одного, и ещё. Собираюсь сломать ребра очередному претенденту, когда кто-то из толпы выкрикивает:

— Чертас два! Это же Кобра!

Смельчак замирает. Он вонзает в меня, словно клинок свой испуганный, ошеломленный взгляд и пятится назад.

Я тяжело дышу. Такая драка — непривычное дело для моего организма. Даже удивляюсь, как выдержала столь сильный напор. Наверно, действие адреналина.

— Кобра? — спрашивает кто-то. — Не может быть!

Осматриваюсь. Семья разглядывает меня, словно экспонат в музее. Одна девушка прикладывает руку ко рту и выдыхает:

— Она вернулась к нам.

Пот течет по моему лицу. Я не знаю, как реагировать на вдохновенные взгляды толпы. Недоуменно отхожу от центра, присаживаюсь рядом с Максом и приподнимаю его голову.

— Господи.

Мое сердце взрывается. Лицо парня похоже на сплошной опухший синяк. Увидев меня Бесстрашный улыбается.

— Ты мой телохранитель, — с нежностью хрипит он и кашляет. — Ты моя защитница.

— Тише, — глажу мокрые волосы парня и чувствую прикатившие к глазам слезы. — Я с тобой. Я рядом.

— Я же просил тебя остаться, чужачка.

— А я просила тебя не уходить.

— Кобра! — вновь кричит какая-то девушка, бежит ко мне, и я напряженно поднимаю на неё свой взгляд. Тут же рядом возникает Леша. Он становится передо мной.

— Не трогай её!

— Я и не собираюсь, — парирует девушка. — Это же Кобра! Мы... мы так долго её ждали!

— Но почему она на стороне стаи? — выкрикивает кто-то и толпа оживляется. — Почему она защищает их?

— Да! Почему?

— Предательница?

— Да!

Я сглатываю.

Смотрю на грязное лицо Бесстрашного и судорожно думаю. Семья двигается в нашу сторону. Она настроена решительно. Если сейчас же не принять какие-то меры, пострадают серьёзно все: не только Макс, но и Кира, Кирилл, Астахов. Я.

В конце концов, мой яд не сможет победить каждого противника, находящегося в клубе. Если вся толпа накинется на нас одновременно — мы трупы.

— Прости, — шепчу я, наклоняюсь к Максиму и выдыхаю. — Верь мне.

— Чужачка?

Отпускаю голову парня достаточно грубо. Она неуклюже валится на пол, и парень выпускает стон.

Леша недоуменно вскидывает брови. Спрашивает взглядом, что-то вроде: ты спятила? Но я настроена решительно. Выхожу вперед. Становлюсь прямо перед лицом толпы и выдыхаю:

— Ну, что? Вы повеселились? Потому что было очень сложно заманить сюда целую стаю знаменитого Шрама.

— Пытаешься спасти своим соратникам жизнь? — ядовито интересуется девушка и становится вплотную ко мне. — Да?

— Заткнись, — резко отрезаю я и пронзаю её ледяным взглядом. Незнакомка растеряно поджимает губы, пятится назад. — Ещё раз вякнешь или подойдешь ко мне так близко: я

засуну твою голову тебе же в задницу. Уяснила?

— Но...

Хватаю девушку за горло.

— Что в моих словах тебе непонятно?

— Черт, — выдыхает какой-то парень и ошеломленно плетется ко мне. — Ты вернулась, Кобра. Ты снова с нами!

— А вы, я вижу, безумно соскучились, — выпускаю шею незнакомки и брезгливо потираю руки. — Меня не было всего полгода, а вы уже нашли себе нового лидера.

— Иначе семью пришлось бы распустить.

— А вернуть своего истинного предводителя не пробовали?

— После того, как Ворон вновь стал главным, мы перестали подчиняться тебе, — взволнованно поясняет он.

— Ворон? — я сглатываю, пытаюсь выглядеть уверенно. Внутри все горит и взрывается. Становится страшно, что меня уличат во лжи. — Ну, и где же он?

— Честно признаться, мы думали, он погиб, — шепчет парень. — Но затем вдруг пришла Рыжая. Она сказала, что Ворон вернулся с новым планом: планом мести.

— И вы поверили ей на слово... — наиграно закатываю глаза. — Нашли, кому доверять! Наташа раньше была в стае, забыли?! Неужели вам не захотелось проверить достоверность её рассказней?

— Мы проверили.

— Каким же образом?

— Послали одного из нас на встречу с ним.

— Так, уже лучше. — Я оглядываю толпу и выдыхаю. — Ну и кто же этот счастливчик? Кто видел Ворона живым?

— Я, — резко оборачиваюсь. Едва удерживаю равновесие, так как человек, сделавший шаг вперед, не кто иной, как Астахов. Меня, словно окатывают ледяной водой. Тело пронзает электрический заряд, и каждый волосок встает дыбом. Приходится глубоко вдохнуть. Все кружится, кружится, кружится...

— Ты? — я побито горблюсь. Смотрю на то, как расстроен Леша и едва сдерживаю, прикатившие к глазам слезы. — Ты его видел? Ты знаешь, кто он?!

— Да.

Мир переворачивается.

Я резко становлюсь к Астахову спиной и сцепляю руки в кулаки.

Мой друг, мой лучший друг, всё это время знал, кто стоит за убийствами, кто стоит за смертями, но он молчал, лгал. Он скрывал от меня то, что изменило бы весь ход ситуации! Что могло спасти Стаса! Что могло убереечь нас всех!

Прикусываю губу и громко выдыхаю.

— Так кто же он, — ледяным тоном спрашиваю я, борясь с эмоциями. — Неужели этот именно тот Ворон, о котором идет речь?

— Да. Это Дмитрий Воронов.

Груз с моих плеч падает, но неожиданно наваливается новый.

Теперь я знаю, кто виноват в том, что происходит. Кто причина всех наших бед. Но в

бонус мне досталась ненужная информация. Астахов — предатель. И от этого тело сковывает болевая судорога.

— Отпустите заложников, — слабым голосом приказываю я, и решительно смотрю в глаза незнакомому парню. — Твоё имя?

— Денис.

— Отлично. Денис. Сейчас же распусти всех членов стаи. Я думаю, они и так поняли, что зря ворвались на нашу территорию.

— Может, стоит спросить разрешения у Ворона? — неуверенно интересуется он, на что я пронзаю его разъяренным взглядом. Парень тут же кивает. — Хорошо. Сделаем так, как ты говоришь, Кобра.

Наблюдаю за тем, как Бесстрашного поднимают за туловище Кирилл и ещё один парень. Тощак смотрит на меня так, словно я пустое место, но мне плевать. Я отворачиваюсь и вновь прикусываю губу. Чувствую кровь. Выдыхаю.

Собираюсь пойти в туалет к Наташе, как вдруг кто-то хватает меня за локоть.

— Ты! — пьяно кричит Кира, вырываясь из рук низкого парня. — Ты предала нас! Ты...

— Успокойте её, — хриплю и презрительно закатываю глаза. — Сейчас мне не до истерики какой-то алкоголички.

Подруга ещё долго кричит что-то мне вслед. Приходится приложить немало усилий, чтобы не обернуться. Жаль, что она сейчас ничего не соображает. Иначе бы поняла, что я на их стороне.

Рядом появляется Леша. Он протягивает руку, но я резко отхожу в сторону.

— Лия, подожди. Дай мне сказать!

— Не подходи ко мне, — убийственным голосом предупреждаю я.

— Но, ты не понимаешь, я...

— Чтобы духу твоего рядом со мной не было! Ясно? — обижено поджимаю губы и чувствую колики в носу. — Ты мне омерзителен! Ты, твой вид, твой голос... Ненавижу тебя!

— А я тебя люблю.

Его слова ударяют по мне, словно пощечина. Ошеломленно вскидываю брови, и качаюсь назад. Не верю, что Астахов только что признался мне в любви. Попросту не хочу верить! Встряхиваю головой, ощущаю дикую боль в сердце и тихо отрезаю:

— Мне очень жаль.

Пронзаю бывшего друга ледяным взглядом, отбрасываю за спину волосы и решительно следую в туалет к Третьяковой.

Борюсь со слезами.

Как же так случилось, что Леша предатель? Как? Почему? Он ведь был моим единственным спасательным кругом! Он всегда оказывался рядом, когда я в нем нуждалась. Что же пошло не так? Почему он решил причинить мне такую боль?

Я не смогу пережить его потерю. Мне слишком дороги его голос, его запах, его улыбка. Он часть меня, я знаю, я это чувствую! Так что же делать, когда вторая половинка оказывается злокачественной? Что делать, если понятие родственной души, неожиданно, теряет смысл?

Протираю руками лицо, и пытаюсь отбросить мысли о Леше в самый далекий кусочек моего сознания. Этот парень был самым близким мне человеком, и в одночасье — стал самым чужим.

Выдыхаю и подхожу к туалету.

Думаю о том, что теперь информация Наташи мне попросту ни к чему. Что нового она мне расскажет? Хотя, возможно, я узнаю, как найти этого Дмитрия Воронова? С Астаховым разговаривать больше нет смысла. Так может, Рыжая будет полезной?

Открываю дверь и понимаю, что в помещении никого нет.

Рассерженно осматриваю кабинки, заглядываю за угол. Пусто.

— Чертова, идиотка! — вскрикиваю и пинаю ногой мусорный ящик. Он со стуком падает, раскрывается, и наружу выплывают бумажки, салфетки, обертки. Безжизненно выдыхаю.

Отлично.

Только что читала речь о том, что не стоит доверять Наташе, и сама же ей поверила.

Тупая дура.

Устало пинаю мусор ногой к стене, и вдруг замечаю что-то массивное под слоем бумаги. Внимательно рассматриваю предмет.

Нагибаюсь, дую на салфетки. Они разлетаются в стороны, и моему взору открывается вид на клатч.

Клатч!

Растеряно беру его в руки, открываю и вижу там записку.

Тайна кроется в тайне.

— О, Да, — раздраженно протягиваю я и резко сталкиваюсь спиной со стеной. Вновь читаю послание и устало выдыхаю. — А у Рыжей неплохое воображение.

Опускаю руки.

Осматриваюсь.

Итак, Макс разбит. Кира — пьяна. Наташа исчезла. А Астахов оказался предателем.

Оседаю на полу и безжизненно прячу лицо на коленях.

Что-то стало как-то слишком сложно жить.

Глава 21. Охваченные пламенем

На этот раз я прячу клатч таким образом, чтобы ни один смертный не смог его отыскать.

Достаю с нижней полки вещи, вытаскиваю деревянную заднюю дверцу и кидаю, в образовавшуюся щель, ценную улику.

Довольная результатом, забрасываю обратно одежду и падаю на кровать. Рука тянется к телефону. Я жутко хочу позвонить Максу, Кире... и что самое странное Стасу. Мне нужен его совет. Я нуждаюсь в мудром решении, которое не придет в голову заигравшегося подростка. Мне необходим Стас.

Но это невозможно.

Шрам умер.

Переворачиваюсь на живот и устало вздыхаю.

На носу ЕГЭ, выпускной, а мои мысли витают в своем другом месте. Девочки волнуются по поводу выбора платья, я волнуюсь по поводу смерти друга.

Раньше мне казалось, что подобная ситуация может приключиться лишь в кино. Главная героиня упорно борется с несправедливостью, преодолевает различные испытания и, наконец, добивается счастливого конца для каждого персонажа. В том числе, и для себя.

Я же нахожусь в тупике.

Что мне делать? Как выбраться из ситуации таким образом, что никто не пострадал? Ни сестра, ни родители, ни члены стаи, ни члены семьи? Как?!

Резко подрываюсь с кровати и подхожу к окну. Голова раскалывается от того, что я так сильно думаю! Нет, это, конечно, правое дело, но все же...

Извилины ежесекундно напряжены. Я чувствую, как они пульсируют в висках! Как они расширяются и давят на мозги. Возникает желание удариться головой о стекло. Оно холодное... наверно, будет приятно.

Я отгоняю эту мысль. Выдыхаю так громко, что слышу собственное эхо.

Буквально несколько минут назад я досконально исследовала клатч и ничего не смогла там найти.

Тайна кроется в тайне.

Господи, какая же ты дура, Наташа! Неужели, перед тем как исчезнуть, нельзя было написать: убийца — Петя Иванов. Всё!

Прикрываю глаза и протираю мокрыми руками лицо.

Такое чувство, что я никогда не выпутаюсь из этой мерзкой паутины. Никогда!

В комнату стучат.

Я облизываю губы и медленно усаживаюсь в кресло. Выдыхаю.

— Да?

— Это я, — Карина входит настороженно. Робко улыбается и пожимает плечами. — Как всё прошло?

— Что все? — горько усмехаюсь. — Мой день можно разделить на две части. На похороны и на последствия.

— Последствия чего?

— Похорон, — словно это так очевидно протягиваю я и валюсь на кровать. Карина садится рядом. — Максиму было так больно, что он решил действовать незамедлительно.

Собрал стаю и приказал атаковать Святой Клуб.

— О, боже, — с ужасом восклицает сестра и прижимает ладонь ко рту. — Он спятил? Я же говорила: не нужно лезть туда! Не нужно!

— Нам с тобой не понять того, что чувствовал Макс. Он потерял брата. Не знаю, чтобы я сделала, если бы... — запинаясь и взволнованно смотрю на Карину. — Если бы что-нибудь случилось с тобой.

— И как же все прошло? Вы выбрались целыми?

— Как сказать. Бесстрашный разбит, Кира полностью потеряла над собой контроль. Тошак меня ненавидит. Иными словами, я в дерьме по самое не хочу.

— Но почему Кирилл ненавидит тебя? — недоуменно интересуется Карина, со свойственной ей любопытностью. — Что ты натворила?

— Я всего лишь попыталась спасти всем жизнь. — Прикрываю руками лицо и тяжело выдыхаю. — Семья Рыжей помешана на Кобре... это в корни изменило ситуацию.

— Подожди, — усмехается сестра и качает головой. — Семья Наташи помешана на тебе?

— Это долгая история, которая не имеет под собой никакого смысла.

— Как же не имеет? Если ты можешь контролировать данное стадо идиотов — смысл есть. И очень большой.

— Да, но что я могу сказать всем этим людям, если ничего не помню! — приподнимаюсь и смотрю на сестру. — Я сама же подставила себя. Память не на моей стороне, что значительно усложняет ситуацию.

— И что ты планируешь делать? — Карина недоуменно хмурится. — Выбора нет: нужно узнать, кто предводитель любыми способами.

— Я и так уже знаю, кто главарь семьи.

На мои слова сестра реагирует остро. Её глаза расширяются, становятся просто огромными. Вскочив с кровати, Карина настороженно замирает

— Кто? — резко шепчет она. — Кто главарь?

— Дмитрий Воронов, — недоуменно протягиваю я, и хмурюсь. — Я надеюсь, ты не планируешь свернуть ему шею, так ведь?

Плечи сестры опускаются. Она выдыхает и, встряхнув головой, спрашивает:

— Кто рассказал тебе об этом?

— Не поверишь, — горько улыбаюсь. — Астахов. Оказывается он предатель.

Тут Карина вовсе начинает смеяться.

Пятится назад и прикрывает руками лицо.

Приходится подождать несколько минут, прежде чем она возьмет себя в руки.

— Что с тобой? — озадачено интересуюсь я. — Тебе смешно?

Помедлив, сестра отвечает:

— Издеваешься? — она отнимает ладони от лица, и я вижу слегка намокшие ресницы. — Я в восторге от того, что всем страданиям пришел конец! Боже... — она вскидывает руки в стороны. — Наконец, можно ничего не бояться!

Такая реакция Карины заставляет меня почувствовать нечто странное в груди. Я сначала настораживаюсь, но затем ловлю поток её мыслей. Она права. Если теперь нам известно имя предателя и имя предводителя: тайны раскрыты.

Правда, со всем этим слаженным сюжетом совсем не вяжется записка Наташи. К чему она, если убийца найден?

— Я рада, что на некоторые вопросы мы нашли ответы. Но, — прикусываю губу и отворачиваюсь. — Предатель — Леша. Разве такого расклада я ожидала? Нет! Он... он мой лучший друг. Ни за что бы не подумала, что Астахов способен на подобное!

— Люди совершают ужасные поступки на поводу у чувств, — холодно отрезает Карина и пожимает плечами. — Порой, просто нет другого выхода. Ты задела его за живое. Вот он и не смог сдержаться. В конце концов, жить и ощущать себя не нужным — слишком большая плата за роль второго плана.

Я недоуменно смотрю на Карину и качаю головой:

— Предательство — это самая отвратительная вещь, к которой может обратиться человек. Мсть и то лучше. Там хотя бы отстаиваешь боль близкого, а здесь? Что здесь? Здесь нож в спину. Я доверяла Леше больше, чем родителям, прости, но даже больше чем тебе. Хотя, твою мать, о чем это я? — судорожно выдыхаю и чувствую прикатившие слезы. — Я доверяла ему гораздо больше, чем доверяла самой себе! Пойми, предательство — это самое легкое и самое смертельное оружие. Тут даже особых усилий прилагать не надо. Просто возьми — и брось когда-то дорого человека на съедение акулам. Просто, быстро и низко.

— Я думаю, у него не было других вариантов, — протягивает Карина. — Ты поставила Астахова в такое положение саморучно, и тебе приходится расплачиваться за данный проступок самостоятельно.

— О чем ты? Неужели я виновата в том, что полюбила другого человека?!

— Ты виновата в том, что позволила ему полюбить себя. Согласись, внимание со стороны Астахова всегда доставляло тебе удовольствие, и ты ни на миг не задумалась о том, чего ему стоит любить девушку, не отвечающую взаимностью.

— Хватит оправдывать его, — обижено восклицаю я. — По вине Леша погибли люди!

— А сколько людей погибло по твоей вине, — в ответ парирует сестра и решительно выдыхает. — Астахов не прав, но он защищал свои чувства. Возможно, тебе плевать на них, но ему — нет. И это нормально.

— Нормально? — я ошеломленно вскидываю брови. — Нормально?!

— Да! И знаешь что, я на сто процентов уверена, что если бы подобная ситуация коснулась Кобры, она бы не долго мыслила над тем, что в будущем сделает.

Хочу воскликнуть ещё что-то, но замолкаю.

Грудь стягивает невидимый ремень. Становится трудно дышать. Судорожно думаю, как бы оправдаться, но неожиданно осознаю, что Карина права.

Кобра бы предала. Она бы сделала это, не раздумывая.

— Так что, — тянет сестра и выдыхает. — Так что не надо обвинять Лешу во всех смертных грехах. Он тебя предал, но он действовал, как обычный, ничем не примечательный человек: эгоистично и рационально — в свое благо.

— Но разве близкие люди не должны думать друг о друге? — нерешительно спрашиваю я, когда Карина идет к выходу. — Разве близкие люди не должны друг друга поддерживать? Мы ведь для того и рядом, чтобы помогать, придавать сил...

— Нет, Лия. — Сестра холодно смотрит на меня. — Близкие люди давным-давно перестали жить во благо друг друга. Каждый сам за себя. И от этого никуда не деться.

Она уходит, а я так и продолжаю смотреть на закрытую за ней дверь в полной растерянности и недоумении.

Я оставляю Кире несколько сообщений, когда еду на встречу в Святой Клуб.

Блондинка так и не позвонила мне. Наверно, до сих пор считает, что я их предала. Смешно. Неужели, я на это способна?

Кобра способна...

Возможно, именно это и напугало подругу.

После тирады Карины по поводу Астахова, я старательно избегаю её компании. Мне страшно от того, что слова сестры могут быть правдой, а мой мозг отказывается её принимать.

На самом деле, избегать с ней встречи оказывается очень простым делом. Карина уехала на какие-то дополнительные занятия. Так что встретиться нам не предоставилось никакой возможности.

В состоянии апатии и растерянности я приезжаю в клуб.

Приходится надеть маску легкомысленной, хитрой стервы. Я устала, я не хочу претворяться, но, честно говоря, часть меня радуется. Ей понравилось быть той, кем я являюсь на самом деле — быть Коброй. И от этого путь до главного входа становится более приятным, чем я могла ожидать.

Вхожу.

Пара ребят убирает мусор после вчерашней драки. Увидев меня, они резко выпрямляются и начинают глупо улыбаться.

— Привет, — решается один из них. — Все в круглой комнате.

— Я должна помнить, где это? — лениво бросаю, не продолжая идти.

Блондин толкает смельчака в бок, и тот, откинув поломанный стул, срывается с места. Идет передо мной, оборачивается каждый две секунды. Затем открывает дверь и приглашает меня войти.

— Не стоило так напрягаться, — я закатываю глаза. Чувствовать себя важной чертовски приятное дело! Эх, жаль, что темная часть моей биографии столь плачевно закончилась.

Внутри круглой комнаты пятеро человек. Денис, с которым я уже познакомилась. Брюнетка, осмелившаяся вчера подойти ко мне ближе дозволенного, высокая шатенка — впервые её вижу, и ещё два парня. Их я отлично помнила. Именно эти два качка собирались отнять деньги, которые принесла Карина, и именно они отвезли меня в логово к Наташе.

— Ну, здравствуйте, — тяну я и, поборов страх, улыбаюсь. — Неужели это все, кто соизволил прийти? Димочка вообще боится появляться на публике?

— Мы получаем указания через Наташу, — поясняет Денис, и кивает в знак приветствия.

— А она куда подевалась?

— Со вчерашнего дня, её никто не видел.

Отлично. Третьякову я спугнула. Это плохо, учитывая, что знакомые лица здесь не помешают.

Я оглядываю присутствующих и усмехаюсь.

— Выглядите так, словно увидели призрака.

— Никто не ожидал, что ты вернешься, — огрызается брюнет, ударивший старушку на улице в тот самый паршивый день. — Чем мы обязаны такому счастливому повороту событий?

— Конкретно ты обязан сейчас целовать мне ноги, — я вульгарно усаживаюсь на стул и закидываю ногу на ногу. — Мне напомнить тебе о том, как твои грязные ручки оставили огромный синяк на лице моей сестры?

— Не понимаю, о чем ты.

— Освежить тебе память? — подаюсь вперед.

— Освежи память себе, — он ядовито корчится. — Я за этот месяц столько синяков наставил, что, прости, не заполнил лицо каждой потаскухи.

Его слова ошпаривают меня, словно кипяток. Я резко срываюсь с места, испускаю рык и грубо припечатываю парня к стене. Он стонет, но продолжает улыбаться.

— Боже, боже, боже, — хрипит брюнет. — Неужели наша Кобра, наконец, вспомнила, как выпускать яд?

— Твоё имя? — холодно спрашиваю я.

— Мы не для того собрались, чтобы душить друг друга, — размеренным тоном протягивает Денис, но его слова остаются без внимания.

— Имя? — вновь рычу я, сильно надавливая локтем на шею парня.

— Саша. Саша!

— Отлично, Шурик. Ты доставил мне слишком много проблем: одарил гематомой мою сестру, ударил меня в солнечное сплетение, затем заставил выбросить деньги...

— Я не заставлял!

— Косвенные причины тоже считаются, — игриво поясняю я, и с силой ударяю брюнета кулаком по почкам. Он стонет и горбится, на что я довольно улыбаюсь. — Так вот, мне не нравится то, что ты возомнил о себе слишком много. Я-то вижу, какое ты ничтожество, и меня не проведут твои тупые выходки.

— Я не бил твою сестру, — решительно вопит Саша и корчится от боли. — Я даже не знаю, как она выглядит!

— Ещё лучше. Ты оставил ей синяк размером с Австралию, и забыл черты её лица. Какой смелый, умный мальчик.

— Отпусти, — просит он, задыхаясь. — Пусти, мне... — глотает судорожно воздух. — Мне нечем дышать.

Несколько секунд я упорно продолжаю давить локтем красную шею парня. Слышу, как меня просят остановиться, чувствую, как на моих плечах появляются чьи-то руки, но мысленно блокирую посторонние помехи. Смотрю на бардовое лицо брюнета, вижу, как он корчится от боли, и радуюсь, что способна поставить на место какого-то лживого сукина сына. Возможно, силы Кобры привели меня к плохим, ужасным последствиям. Но, тем не менее, власть над такими вот моральными уродами, позволяет восстановить справедливость. И пусть мое прошлое — мое проклятье. С этого дня я начну расценивать его ещё и как подарок свыше.

Опускаю локоть, выдыхаю и наблюдаю за тем, как парень хватается руками за горло.

— Тебе повезло, — жестко отрезаю я, сбрасывая ладони Дениса со своих плеч. — Сегодня я в хорошем настроении.

Ошеломленные присутствующие следят за тем, как я вновь сажусь на стул и вновь кладу ногу на ногу. Возможно, они считают, будто я свихнулась. Что ж, мне это на руку.

— Итак, — выдыхаю. — Что сегодня на повестке дня?

Придя в себя, Денис садится рядом и неуверенно отрезает.

— На самом деле, на сегодня указаний не было.

— Это потому что Наташа пропала, или потому что наш великий главарь прячется за черным, темным занавесом?

— Пожалуй, по каждой из этих причин, — парень расстёгивает верхнюю пуговицу рубашки и испуганно выдыхает. — Мы планировали сегодня привести в порядок клуб. После вчерашнего балагана, разрушена половина мебели, разбиты стекла. У нас много работы, так что...

— Будем подметать? — усмехаюсь я, и откидываюсь на спинку стула. — Серьёзно? И у вашего главаря не появился в голове план, после того, как умер предводитель великой стаи, а его заместителя вчера унесли на руках полуживого?!

— Да, — Денис откашливается. — Так и есть.

— Обманываешь? Ты же знаешь, что это не лучшая идея...

— Нет, что ты. Кобра, я не настолько глуп, чтобы врать тебе в лицо.

— Надеюсь, это так, — облизываю губы и встаю из-за стола. — Что ж, тогда я вас покину. Вы уж простите, но подметать — не мой конек. — Одариваю всех высокомерным взглядом и пожимаю плечами. — Сообщите, если наш воробушек объявится. Не хочу быть в стороне, когда происходит столько всего интересного.

— Ворон, — поправляет меня Денис. — Не воробей, а ворон.

Усмехаюсь, киваю и выхожу из круглой комнаты.

Тяжело выдыхаю, когда помещение оказывается позади. В голове крутятся тысячи мыслей, и я не могу выделить ни одну из них. Почему предводитель семьи затих? Почему он в тени? Почему не хочет показать свое лицо?

— Эй! — меня неожиданно кто-то хватается за локоть. От испуга, я грубо выворачиваю чужую руку, собираюсь оттолкнуть тело неизвестного от себя, когда вдруг вижу лицо высокой шатенки. — Тише, Лия. Мне больно!

Недоуменно ослабляю хватку.

— Что тебе нужно? Разве мы не обсудили все вопросы только что в круглой комнате?

— Остынь, — девушка тянет меня за собой в углубление и выдыхает. — Я на твоей стороне.

— Что значит, на моей стороне?

— Только идиот не поймет, что ты до сих пор отстаиваешь интересы стаи. Тебе плевать на семью. Ты здесь для того, что следить за нами, а затем сливать всю информацию своему возлюбленному Бесстрашному.

От того, что мои планы раскрыты со столь явной легкостью, живот скручивается в трубочку. Я настороженно хмурюсь.

— Ты ошибаешься. Я — Кобра, и я...

— Не нужно нести этот бред, — прерывает меня девушка. — Я отлично знаю, кто ты и чего ты хочешь. В те дни, когда стая стала для тебя настоящей семьей, кто прикрывал твою задницу? Кто врал Ворону? Кто выгораживал тебя перед Астаховым? Я и только я.

— Кто ты? — сбита с толку, я отступаю назад. — Откуда у тебя столько информации обо мне?

— Ксения Добровольская. Будем вновь знакомы.

— Но я...

— Конечно, ты меня не помнишь. Ты же упала с крыши и потеряла память. Ну же, Лия! Соображай резче! Времени мало.

— Времени на что?

— Семья не доверяет тебе, так как не забыла твое предательство. Денис получил указание от Ворона. Не прямое. Ему прислали письмо.

— Что?! — я злюсь. Я хочу сейчас же пойти и свернуть этому парню шею! Я же предупреждала, что ложь обречет его на гибель. — Идиот.

— Подожди, сейчас не до разборок, — Ксюша кладет руки на мои плечи и с горечью отрезает. — Они собираются подорвать парк аттракционов.

— Зачем? Эта старая развалюха никому не мешает.

— Естественно, Ворон затеял это не ради красочного фейерверка.

— Но, тогда ради чего?

— В стае есть парень и девушка. Они наши. Прошли инициацию, чтобы следить за всеми планами Шрама.

— О, черт. Я так и знала, что кто-то докладывает информацию изнутри.

— Они сообщили нам о том, что сегодня Бесстрашный решил собрать всех в парке. Он намерен официально распустить стаю. Вновь. Только теперь навсегда.

— Так, — моя голова туго соображает. Я смотрю на Ксюшу и абсолютно не понимаю, что она пытается до меня донести.

— Лия! — вспыхивает девушка. — Они хотят подорвать парк в тот самый момент, когда там соберется вся стая! И если кто-то останется в живых — это будет чудом.

Её слова ударяют меня, словно тысячи ножей. Я испуганно прилипаю к стене и хватаюсь рукой за рот.

Боже.

Они собираются убить всех.

Всех, кто мне дорог.

Всех, кого я знаю.

Всех, кого я пытаюсь защитить.

Колени предательски подгибаются, и я еле удерживаю равновесие.

— Когда? — срывается с моих губ. — Когда они хотят это сделать?

— Через час, — Ксюша виновато поджимает губы. — Прости. Я не могла сообщить раньше, так как сама узнала обо всем утром.

— О, Боже. Я должна спешить.

— Я знаю, как тебе дорог Максим, — быстро отрезает девушка и покачивает головой. — Мне так, жаль, Лия. Так жаль!

— Мне пора.

Я срываюсь с места. Забываю поблагодарить девушку, но даже не думаю об этом.

Лечу через клуб, буквально вырываюсь наружу и внезапно сталкиваюсь с Астаховым. Грубо врезаюсь в его торс, откидываюсь назад и едва не падаю. Парень удерживает меня.

— Лия? — он недоуменно вскидывает брови. — Ты куда так торопишься?

— Отпусти, — рявкаю я. Пытаюсь вырваться, но парень стальной хваткой держит мои плечи.

— Что случилось?

— Господи, Леша! Пожалуйста, отпусти! Ты и так испортил все, что есть в моей жизни! Прощу, хотя бы сейчас дай мне возможность все исправить!

— О чем ты? Что происходит?

— Леша! — буквально ору я. — У меня нет времени!

— Если ты сейчас же не объяснишь мне, что случилось, я никуда тебя не пущу! — его серьёзный тон, выводит из себя. Я хочу врезать парню в челюсть, но не могу даже сдвинуться с места. Ученик пока не превзошел своего учителя. — Лия! Ну же! Ты только тянешь время!

— Они собираются взорвать парк! — не сдержавшись, выкрикиваю я, и чувствую прикативший к горлу ужас. Эти слова отрезвляют меня. Я неожиданно осознаю, что через час могу потерять Кирилла. Киру. Максима...Макс! Тело пронзает судорога. Глаза наполняются слезами, и я судорожно тяну. — Прощу. Отпусти меня. Я должна помочь всем, кто окажется там! Я должна предупредить их!

— О, Боже, — Астахов ошеломленно замирает. — Боже...

— Пожалуйста! — плачу и громко выдыхаю. — Пусти! Мне нужно торопиться! У меня всего лишь час.

— Поехали. Я подвезу тебя.

— Нет, — качаю головой и ядовито улыбаюсь. — Мне не нужна твоя помощь.

— Не глупи! — взрывается парень. — Ты на автобусе туда и за два часа не доедешь!

— Ты предал меня!

— И что теперь? Ты позволишь своим чувствам погубить Максима?! — Он бьет в самое болезненное место. Я горблюсь и ощущаю себя такой незащитной, что едва сдерживаю равновесие. — Поехали. Нужно торопиться.

— Но...

— Поехали!

Я подчиняюсь.

Мы бежим к машине, через несколько минут уже срываемся с места, несемся в сторону парка.

По пути я звоню пожарным. Потом набираю скорую помощь. Мои руки дрожат. Буквально ходят ходуном, словно осенние листья на сильном, порывистом ветре.

— Тебе нужно успокоиться, — отрезает парень. Я не реагирую. — Эмоции сейчас ни к чему.

— Ты так же рассуждал, когда каждый день врал мне в лицо? — в груди что-то ноет. Сердце обливается кровью и доставляет такое ужасное, тяжело чувство, что становится трудно дышать.

— Ты ничего не знаешь.

— А что я должна знать? Что может оправдать тебя, Леша? Что?!

— Я на твоей стороне, идиотка! И я всегда на ней был!

— Да?! — истерично вскрикиваю я. — Ты так считаешь?!

— Я тебя обманывал, да! — ядовито усмехается парень. — И что? Лучше уж так, чем видеть твое лицо, узнай ты правду.

— Я доверяла тебе! Считала, что мы друзья!

— Сколько можно тебе повторять? — взрывается Астахов и пронзает меня ненавистным, жгучим взглядом. — Мы никогда не были друзьями.

Отворачиваюсь к окну и прикусываю губу. Всё. Хватит! Больше не могу выслушивать его бред. И так сердце ноет от страха, от боли. Не хватало ему ещё нить от предательства.

В очередной раз набираю номер Киры. И в очередной раз она не отвечает.

Упрямая дура!

— Леша, быстрее, — отрезаю я, смотря на часы. — У нас осталось совсем мало времени.

— Я и так выжимаю больше положенного.

— Этого мало!

— Хочешь опять попасть в аварию?!

— Да, плевать мне на аварию!

— Ты никогда не могла рассуждать здраво, — орет парень. — Лия! Раскинь мозгами! Если мы сейчас врежемся в какой-нибудь столб, или в какую-нибудь иномарку, мы не поможем стае!

— А если ты будешь ехать, как черепаха — мы поможем? — истерично верещу я.

— Сто десять километров в час — это, ехать как черепаха?!

Я не отвечаю.

Лишь рычу, как одичавшее животное и прижимаю к себе колени. Испуганно закрываю глаза. Не хочу смотреть на часы, не хочу видеть цифры. Не хочу.

Прикрываю руками уши.

Мне дико страшно.

Буквально ощущаю, как внутри колотится сердце.

Бум-бум-бум. Словно удары молотком по голове.

Задерживаю дыхание и окунаюсь в беспространственную оболочку. Мне бы забыться. Мне бы перестать думать, чувствовать, слышать.

Голову сдавливают невидимые силки и возникают странные мысли.

Сколько может вынести человеческое сердце? Сколько боли, предательства, страха оно способно пережить?

Я ведь многое уже увидела. Через многое прошла. Мое сердце страдает не первый день. Так почему же оно до сих пор бьется? Почему разгоняет кровь по жилам? Почему не уснет и не затянет меня в безоблачное параллельное пространство?

Я никогда не понимала, для кого существует понятие судьбы. Неужели человек абсолютно не имеет выбора? Неужели все предопределено?

А вдруг уже написан текст для сегодняшнего дня. Возможно, я приеду, успею спасти всю стаю и прижму к себе Максима так крепко, как никогда ещё к себе не прижимала. А возможно, я не успею. Возможно, я увижу лишь страдания, плач и море боли.

Так что же мне предписано? Что ещё предстоит вынести моему сердцу?

Ответ приходит вместе с диким звоном сирены.

Я распахиваю глаза и вижу в окне — машины скорой помощи, пожарную машину. Вокруг носятся люди, черное облако гари взмывается в зимнее небо, кто-то что-то кричит, кто-то

что-то делает, а я умираю.

Умираю вместе с взорванным парком. Вместе с теми, кто не успел выбраться. Вместе с теми, кто навечно покинул этот мир.

Голос Леши, словно в тумане. Он просит меня не выходить, но я выхожу. Пьяно шатаюсь, бреду вперед, отмахиваюсь от угольного дыма в воздухе, и испуганно роняю на асфальт слезы. Иду. Женщина в форме мед. работника подлетает ко мне и орет что-то на ухо. Я не обращаю на неё внимание. Иду. Вижу пожарников, которые пытаются потушить пламя, охватившее колесо обозрения, но не останавливаюсь. Иду. Прижимаю ладонь к рту, хочу остановить поток боли, слез, тошноты, хочу, закрыть глаза и не смотреть на картину мёртвого парка, но не закрываю. Иду.

— Лия!

Голос подруги выводит меня из транса. Внезапно в поле моего зрения врывается Кира. Она испачкана пеплом, кровью. На её правой руке сильный ожег, рана. Девушка плачет, пьяно шатается из стороны в сторону, но все равно бежит ко мне.

— Господи, — судорожно выдыхаю я, и прибавляю скорость. — Кира! Кира!

Я несусь к блондинке и обнимаю её так крепко, как позволяют руки. Чувствую, что она плачет, что трясется её грудная клетка, и испуганно выдыхаю.

— Это произошло так неожиданно, — ревет Кира и повисает у меня на плечах. — Сначала на воздух взлетела зеркальная комната, потом на нас обрушились обломки автодрома. А затем... — блондинка поднимает на меня свои красные, опухшие глаза и начинает судорожно дергаться. Прикрывает рукой рот и плачет. Сильно. Громко. Мучительно.

— Кира? Что произошло потом?

— Потом взорвалась будка, в которой продавали билеты, — ревет девушка и испуганно отходит от меня. Она обхватывает себя ранеными руками и выкрикивает. — Она подорвалась как раз в тот момент, когда Максим стоял сверху! Она вспыхнула красным, ярким пламенем, и его откинуло ударной волной.

Я перестаю дышать. Вижу, как плачет Кира, как она шатается из стороны в сторону, и отключаюсь. Тьма накрывает меня. словно кто-то выключает свет. Неожиданно в моей жизни исчезает солнце, исчезает воздух. Я замираю, смотрю перед собой и буквально чувствую, как боль пронизывает кончики пальцев, поднимается выше, выше, выше, достигает сердца и взрывается, подобно огромной космической сфере. Мне не устоять на ногах. Нет. Я не смогу. Я не выдержу. Нет.

Кто-то хватает меня за плечи. Я ощущаю запах кофе и понимаю, что это Астахов. Он кричит. Он сильно кричит. Он пытается что-то мне сказать, но я его не слышу.

Прости, парень.

Но я умерла.

Только что.

Умерла, когда узнала, что половина моего сердца погибла, разорвавшись на тысячи маленьких частиц.

Рядом оказываются врачи. Они осматривают Киру, спрашивают что-то у меня. Какая-то женщина светит мне в глаза маленьким фонариком. Что она делает? Хочет увидеть мою душу?

Усмехаюсь.

Её там больше нет.

Неожиданно волна дикой боли накрывает мое тело. Я понимаю, что не могу... не могу стоять, не могу дышать, не могу двигаться. Я ничего не могу!

— Боже... — хватаюсь руками за лицо и ощущаю пальцами горячие линии слез. Ощущаю ужас. Ощущаю пустоту. Она становится материальной. Её можно потрогать! Увидеть! Почувствовать! — Максим... — срывается с моих губ. — Макс...

Я не успела спасти его. Я не успела!

— Господи, — меня пронизывает ужас. Грудную клетку раздирает дикое чувство боли! Я шатаюсь, я падаю, я лечу. Мир кружится, взмывает вверх, вниз. Он не стоит на месте, он продолжает двигаться, он живет. А я...

Я должна найти Бесстрашного. Он не мог умереть. Нет. Это невозможно. Это нереально! Он не мог уйти... не мог оставить меня.

— Максим! — срываюсь с места. Отталкиваю людей, прорываюсь вперед.

— Девушка!

Кто-то несется следом за мной. Я ощущаю преследователей, слышу их, но не останавливаюсь. Ловко лавирую между пожарными, бегу к будке, задыхаюсь в собственных слезах, в гари. Высокий мужчина раскидывает руки в стороны, что-то говорит. Я оббегаю его, уворачиваюсь от ловушки и продолжаю нестись.

— Максим! — вырывается крик из моего горла.

Прибавляю скорость.

Я должна спасти его! Я должна ему помочь!

— Стойте! — меня хватают за туловище двое пожарных. — Туда нельзя!

— Нет, пустите! — я рвусь, как могу. Толкаю мужчин в стороны, бью их, выворачиваю руки: тщетно. Они сильнее меня, и они не позволяют мне добраться до будки. — Прошу вас! Там мой парень!

— В том месте нет никого в живых, простите.

— Нет, — я взрываюсь плачем и качаю головой. — Нет, там Макс! Пожалуйста!

— Нужно уйти отсюда, иначе вам станет плохо.

— Нет, — мои ноги подкашиваются, и я неуклюже оседаю в руках у одного пожарного. Он аккуратно держит меня, поглаживает по спине.

— Пойдемте.

— Максим...

Мир перестает существовать.

Боль заполняет уголки моего тела, моего сердца, моей души. Я больше ничего не чувствую. Погружаюсь в серую тьму, умираю вместе с последними вздохами своего любимого. Возможно, он ждет меня. Возможно, я должна ему помочь.

Нет. Это мои фантазии.

Максим умер.

И я умерла вместе с ним.

Глава 22. Под водой

— Эй?

Чей-то голос врывается в мое сознание, и я с трудом открываю глаза. Голова кажется тяжелой, веки — громоздкими. Пытаюсь восстановить картинку, присматриваюсь.

— Чужачка, ты неважно выглядишь.

Чужачка?

Мозг резко взрывается. Я молниеносно подрываюсь с места, привыкаю к яркому свету и неожиданно понимаю, что нахожусь в больнице. Передо мной на сероатой койке лежит Максим. Он пытается улыбаться, но выходит плохо. Его лицо покрыто ранами, руки — ожогами.

Боже мой.

Сердце делает сальто. Я буквально чувствую, как тело пронзает судорога, как к глазам подкатывают слезы. Хватаюсь рукой за рот и резко приближаюсь к Бесстрашному. Обессилено падаю рядом с ним, беру за руку и прижимаюсь лбом к его здоровому плечу.

— Макс, — шепчу я, и начинаю плакать. — Ты жив.

— Любимая, что с тобой? — парень встревожено приподнимается. — Чего ты?

— Я... я думала...

Тело содрогает новый приступ плача.

— Лия, — Максим касается длинными пальцами моей мокрой щеки и слегка приподнимает лицо. — Почему ты плачешь? Мм?

— Я думала, ты погиб, — наконец, шепчу я, и приближаюсь ближе к парню. — Но ты... — руками глажу его щеки и прикусываю губу. — Ты жив! Ты здесь. Ты выбрался.

— Мне повезло. Волна оттолкнула меня в сторону от горящего колеса обозрения, так что я несильно пострадал.

— Максим, — прижимаюсь лбом к его лбу и никак не могу остановить слезы. — Я так перепугалась. Я ведь... я ведь не смогла бы без тебя. Понимаешь? Я...

Вновь срываюсь. Парень притягивает меня к себе, и я ложусь рядом. Кладу голову на его грудь, плачу.

— Тихе, — успокаивает меня Макс. — Все хорошо. Я рядом.

— Мне стало так страшно, — признаюсь, утопая в слезах. — Так страшно! Я не хочу без тебя жить. Я не смогу без тебя жить!

— Любимая, мы всегда будем вместе. Ты — в моей душе, а я — в твоих воспоминаниях.

Воспоминаниях?

Я напрягаюсь.

— П-почему? — срывающимся голосом спрашиваю я. — Почему в воспоминаниях?

Парень не успевает ответить.

Внезапно дверь палаты резко отлетает в сторону и в комнату врывается мощный поток воды. Окна разбиваются. Через них так же несется бешеной струей пенная бездна.

— Что происходит? — испуганно вскрикиваю я, хочу подорваться, но вдруг понимаю, что больше не нахожусь на груди Максима. Я привязана к кровати. Я одна. Никого рядом. А комната с каждой секундой все больше и больше наполняется водой.

— Эй! — кричу я, и панически осматриваюсь. — Кто-нибудь! Максим! Помогите!

Что происходит? Горло сдавливают невидимые силы. Я начинаю плакать. Сильно, громко, судорожно. Мне страшно. Сильно страшно! Я оглядываю палату, чувствую, как вода достигает моих привязанных ног, и судорожно дергаю руками. Тщетно. Они намертво прикреплены к стенке кровати.

— Помогите! — ору я, извиваясь в разные стороны. — Кто-нибудь! Прошу вас! Пожалуйста!

Тишину прерывает звук бурной реки. словно водопад, на меня сверху начинает литься вода, и внезапно с диким грохотом рушится потолок. Он падает на мое туловище, придавливает его, уносит куда-то вглубь, и хотя это невозможно, я вдруг понимаю, что погружаюсь, иду ко дну...

Руки и ноги внезапно оказываются на свободе.

Я пытаюсь пошевелить ими. Пытаюсь плыть. Бесполезно.

Мое тело оседает все ниже, и ниже. Странные силы тянут меня вглубь, и если сначала я хотела сопротивляться, то сейчас наоборот, принимаю свою смерть, как нечто неизбежное.

Я устала бороться. Устала терять близких. Устала искать выходы, когда их нет.

Может, единственный правильный вариант — это покончить со своей жизнью?

Закрываю глаза, и иду ко дну.

Самый спокойный момент за все прошедшие месяцы. И этот момент — момент перед смертью.

Родители расстроятся, если я погибну. Возможно, Карина тоже пустит слезу. Но все это сущие пустяки. Главное, что я, наконец, обрету покой, а он мне так необходим. Я так его жажду.

Погружаюсь все ниже и ниже. Сверху меня придавливает огромная масса воды, снизу — поджидает вечность. Я готова принять смерть, если это облегчит страдания. Готова умереть, если это позволит возродиться заново и исправить все ошибки. Готова пережить жизнь.

Пережить жизнь...

Чувствую, как тьма окутывает тело своим холодным одеялом. В горло впиваются тысячи ножей. Оно горит, оно нуждается, как и сердце в воздухе. Но его нет. И его не будет больше никогда.

Скоро боль исчезнет. Скоро будет хорошо. Я знаю. Я жду этого.

Но вместо загадочного облегчения, я вдруг ощущаю странное тепло на своих губах. Резко открываю глаза, и даже несмотря на воду, на мельчайшие пылинки, на мрак бездны, четко вижу перед собой Максима.

Ошарашенно хочу что-то сказать, но мои губы в его власти.

Неожиданно понимаю, что больше не чувствую колик в горле. Грудную клетку перестают сдавливать невидимые силки, кровь возобновляет круги по организму, кислород вдруг появляется в теле.

Я оживаю: Макс передает мне свой воздух, передает свою жизнь.

Он медленно отстраняется, прикасается пальцами к моей щеке и улыбается.

Боже. Какой он красивый. Я едва сдерживаю слезы. Хотя, может, и не сдерживаю. Их попросту не видно.

Его волосы смазанными черными линиями обрамляют лицо. Темно-синие глаза смотрят

в мою душу и говорят: не смей опускать руки, не смей прекращать бороться.

Но я так слаба!

Будто прочитав мои мысли, Бесстрашный притягивает меня к себе. Крепко-крепко обнимает и кладет холодную щеку на мое плечо.

Мысленно прошу: не покидай меня, пожалуйста. Останься со мной.

И в ответ слышу: я всегда с тобой, Любимая. С этого момента и в вечность.

Сердце разрывает от боли. Неужели это конец? Неужели я больше никогда не увижу Максима? Нет... пожалуйста... нет!

Парень прикасается ледяными губами к моему лбу и протягивает свою руку. Не собираюсь двигаться, так как знаю, что это означает конец всему тому, что между нами было, но все же берусь за тонкие длинные пальцы Макса. В ту же секунду, понимаю, что он начинает тянуть меня на поверхность.

Все выше, и выше, и выше. Вечность остается не в удел.

Я возвращаюсь к жизни, умирая. Ведь существовать без этого парня — значит погибнуть.

Страх одиночества проедает внутри огромную дыру. Хочу всегда находиться рядом с Максимом, хочу всегда находиться под его защитой, хочу всегда его любить и быть его любимой, но понимаю, что это невозможно.

Успеваю сжать пальцы Бесстрашного в тот самый момент, когда оказываюсь на поверхности и неожиданно подрываюсь в кровати.

Открываю глаза, осматриваюсь и начинаю плакать. Сильно плакать. Плакать так, словно потеряла не близкого человека, а потеряла свое сердце.

Моя душа мертва.

И этот сон — насмешка богов.

Лучше бы я умерла в тот самый день, когда упала с крыши. Лучше бы я умерла.

Когда умирает любимый человек, ты перестаешь быть частью мира.

Ты больше не хочешь двигаться. Не хочешь есть. Не хочешь спать. Ты не хочешь дышать.

Впадаешь в странное чувство, называемое апатией, которое выедает остатки разума, остатки чувств. И ты исчезаешь. Постепенно. Медленно. Рассыпаешься на мелкие кусочки личности, перестаешь замечать реальность и жить в ней. Ты больше не обязан ощущать силу притяжения. Тебя вполне устроит расклад, в котором земля отпустит твое тело и разрешит ему покинуть границы вселенной. Тебе плевать на окружающих. Плевать на самого себя. Ты лишен эмоций, лишь чувствуешь невыносимую боль, которая вскоре сливается с мертвым биением твоего сердца и становится неотъемлемой его частью.

Я потеряла свое будущее. Потеряла свое спасение.

Моя любовь умерла, и теперь жизнь стала не просто серой, она стала черной.

Несколько часов подряд, подушка утопала в моих слезах. Сейчас она полностью мокрая, жесткая. Но я не обращаю на это внимания. Просто лежу и смотрю в одну точку перед собой. На фортепиано. Оно когда-то излечивало раны.

Это время прошло.

С того момента, как Астахов привез меня домой, я не выхожу из комнаты и не собираюсь это делать. Пытаюсь дышать ровно, но иногда сбиваюсь и ощущаю дикую боль во всем теле. Затем вновь стараюсь восстановиться и вновь вглядываюсь в темное дерево

инструмента. Все думаю о том, что неплохо было бы позвонить тому, кто сможет его настроить.

Хотя на самом деле мне плевать.

В комнату кто-то заходит. Я не отрываю глаз от фортепиано.

— Лия?

Это мама.

— Лия? Давай поедим. Пожалуйста.

Я молчу.

— Нужно питаться, чтобы не было плохо.

Наверно, мое повторное молчание дает ей понять, что мне плевать на свое самочувствие.

— Дорогая, — неожиданно срывается мама, и я слышу, как она тихо всплакивает. Хочу посмотреть на неё, но не двигаюсь. — Пожалуйста, не поступай так с нами. То, что случилось в парке, это ужасно. Но ты не должна замыкаться в себе.

Закрываю глаза, и стискиваю зубы. Мне вновь больно. Ужасно больно! Рана раскрыта, кровь льется наружу. Судорожно вдыхаю воздух и прикусываю губу.

— Лия, пожалуйста, скажи мне что-нибудь! — умоляет мама. — Не молчи.

Её слова бьют по мне, словно пощечины. Я понимаю, что должна ответить, но не могу пересилить ноющее чувство в груди.

— Я знаю, что ты вновь связалась со стаей, и если это успокоит тебя — я ничего не скажу против. В конце концов, это твоя жизнь, и твой выбор. Мы с отцом не должны были ограждать тебя от друзей, так что прости нас.

Неужели она считает, что извинения сейчас облегчат мою душу?

Спасибо, конечно, но мне плевать.

Я молчу.

Неожиданно мама подходит ко мне, садится рядом и касается холодной рукой моего ещё более холодного плеча. Она медлит. Тяжело дышит.

Я напрягаюсь, так как уже отвыкла от подобной близости, но все же с любопытством замираю.

— Мне так жаль, — срывающимся голосом шепчет она, и краем глаза я замечаю, как безвольно повисает ее голова. — Так жаль, что тот мальчик погиб.

О боже, нет. Только не произноси его имени. Прошу. Не надо. Это меня убьет.

И, словно специально, мама продолжает:

— Максим был хорошим. Мне всегда казалось, что вы вдвоем просто попали в плохую компанию. Хотя, признаться, я не очень любила его, так как считала, будто он разрушает твои отношения с Лешей. Это глупо, наверное. — Она вздыхает, а я крепко зажмуриваюсь. Не могу слушать про него, и одновременно дышать. — И все же, я старалась сохранять в себе негативное к нему чувство. Парень влиял на тебя плохо. Ты приходила домой поздно, вытворяла безумные вещи. Папа твердил, что это Максим виноват. Что если бы не он, ты бы не стала тем, кем являлась на тот момент. И я верила. Верила и закрывала глаза на то, что он всегда доводил тебя до дома, передавал практически в руки. Максим так смотрел на тебя, — мама загадочно затихает, а я борюсь со вновь прикатившими слезами. — Так, как смотрят на драгоценное хрупкое создание. Но все же в тот день... в тот самый день, когда ты упала с крыши, я внезапно осознала, что твоя безопасность превыше ваших чувств. И знаешь, что самое интересное? Он тоже это понял. Мне так больно было смотреть на его глаза. Казалось,

что Максим умер, когда отец сказал ему не приближаться к тебе ни на шаг, но он... он выстоял. Он не проронил ни слова, кивнул и ушел. И тогда я осознала: боже, Лия, как же сильно он тебя любил! Любил тебя так искренне и безумно, что готов был подавить свои чувства, но сохранить тебе жизнь, позволить начать все заново. — Мама восторженно выдыхает, а я открываю глаза. Непроизвольно отвожу взгляд с фортепиано и смотрю на неё. Жду продолжения. Её слова соединяют меня с Максимом. Он словно оживает, когда она описывает его действия, поступки: вечно храбрый, сильный и любящий мой хранитель. — Пару раз я видела его, когда он следил за тобой возле нашего дома. Или сторожил около школы. Он всегда убегал, я не успевала с ним поговорить, но однажды, схитрив, я обвела его вокруг пальца. Сделала вид, что проведу тебя до школы, иду домой, а на самом деле свернула за угол, и дождалась, пока он тоже туда попадет. Максим сразу стал оправдываться, попросил прощения, пообещал, что больше никогда не взглянет в твою сторону. А я... я посмотрела на этого молодого, неопытного парня, посмотрела на его грустные глаза, на его уставшее лицо и просто сказала: спасибо. — Я удивленно замираю, а мама продолжает. — Это странно, но я перестала отводить тебя в школу, перестала тебя оттуда забирать. И все после нашей встречи, ведь я знала, что Макс всегда рядом с тобой. Знала, что он всегда сможет тебя защитить.

Мое сердце обливает кровью.

Он каждый день находился рядом, а я об этом даже не подозревала! Боже, почему? Почему я так много потеряла?

— И сейчас... — тихо шепчет мама. — Сейчас его нет. Такое чувство, что у тебя отняли хранителя. И мне... мне действительно очень жаль.

Как же она права. Я поджимаю губы и отворачиваюсь. Слезы вновь выступают на глазах, и приходится крепко стиснуть руки. Не хочу плакать при маме. Не хочу.

— Дорогая, не позволяй его смерти очернить твою жизнь, ведь Максим — самое светлое, что у тебя за всю эту жизнь было. — Она выдыхает. — Не каждому бог посылает ангела-хранителя.

«И не у каждого, он его отнимает», — думаю я и закрываю глаза. Слезы все-таки вырываются наружу. Текут по щекам, по подбородку, падают вниз, впитываются в подушку. Я пытаюсь перестать плакать, но от этого лишь сильнее начинаю чувствовать пустоту внутри.

— Лия, ну не надо, — виновато протягивает мама и крепко сжимает мое плечо. — Тише, тише.

Я не успокаиваюсь.

Мне ещё никогда не приходилось сталкиваться с подобным. Смерть Вовы Ситкова ужаснула меня, смерть Стаса — напугала и обезоружила, но смерть Макса... смерть Максима разбила мне сердце.

— Лия, — мама с трудом приподнимает меня, прижимает к себе и начинает раскачивать из стороны в сторону. — Всё хорошо, я здесь. Я рядом.

Испускаю стон, и вновь утопаю в слезах. Мне так больно, что я согласилась бы отключить чувства. Навсегда. Навечно. Но это невозможно. Приходится ощущать страдания во всей их мере.

— Не бойся, — шепчет мама. — Я с тобой.

Только сейчас я понимаю, насколько ничтожны попытки окружающих унять боль, успокоить. Я хотела помочь Максиму, когда умер Стас: кричала на него, старалась привести в чувство, обижалась, признавалась в любви. Теперь я знаю, что все это было бессмысленным. Никакие слова не помогут. Никакие слова не вернут человека с того света. И никто и никогда не заменит потерю. Мама рядом, да. Я знаю. Я чувствую. И я ей очень за это благодарна, хотя несколько дней назад не смогла бы себе даже представить, что буду плакать в её руках. Но сейчас я понимаю: это не то, это поверхность. Мои чувства, мои ощущения, мое сердце — всё разбито, подорвано, смыто с лица земли. В глубине я умираю, и никто не сможет это остановить.

Я тону.

Тону в боли.

Тону в отчаянии.

Тону в одиночестве.

Ничьи объятия не заменят мне рук Максима. Ничьи слова не заменят мне его голос. И ничьи чувства не заменят мне его любовь.

Я потеряла самое дорогое, что у меня было в жизни, и сейчас разрываюсь между двумя вариантами её продолжения: или сломаться, лежать здесь, в этой кровати, в этой комнате вечно. Плакать, страдать, вспоминать Максима и постепенно терять надежду в саму жизнь. Или встать, найти виновника и свернуть ему шею.

Какой же вариант мне выбрать?

Глава 23. Возвращение кобры

О тебе я хочу думать. Думаю о тебе.

О тебе не хочу думать. Думаю о тебе.

О других я хочу думать. Думаю о тебе.

Ни о ком не хочу думать. Думаю о тебе.

Я выбираю второй вариант.

Прихожу в школу. Иду в класс. Захожу. Словно по команде каждый поднимает глаза. Взгляды одноклассников проедают меня, сжигают, изучают. Они шокированы и сбиты с толку. Но мне плевать.

Сажусь за единственную свободную парту и небрежно кладу ноги на соседний стул.

Тут же ко мне поворачивается Трубецкая. Маринка поджимает губы и с интересом вглядывается в мои волосы.

— Решила опять покрасить пряди в зеленый? — глухим голосом спрашивает она, на что я лишь киваю. — Ясно. Прямо, как в старые добрые времена. — Молчу. Одноклассница не понимает. — Я слышала о взрыве в парке. Говорят, ты была поблизости.

— Неужели?

— Ага. Тебя заметили парни из параллельного класса. Сразу же рассказали нам.

— Какая у вас отлаженная система, — иронично тяну я и усмехаюсь. — Что ещё они тебе поведали?

— Да, ничего.

Лжет.

Трубецкая лжет, и я это чувствую.

— Неужели они не упомянули о каких-нибудь странных, интересных деталях? — с притворным удивлением спрашиваю я, на что Марина мгновенно ведётся. Её глаза загораются, и она придвигается ближе.

— Один парень сказал, что видел, как неизвестная троица шла с пакетами к зеркальной комнате.

— Так, так...

— Два парня и одна девушка. Возможно, они — виновники.

— И как же выглядели подозреваемые? — Боже, даже смешно, что Трубецкая оказалась полезна.

— Не знаю. — А может и не полезна. — Девушку разглядеть не удалось. А парни были поразительно схожими... так что мои информаторы запутались.

— Схожими? — я вскидываю бровь. — Что ты имеешь в виду?

Трубецкая пожимает плечами, и в класс заходит учительница.

Я раздраженно выдыхаю.

Мне абсолютно лень слушать лекцию преподавателя об иммунитете. Я отключаюсь, летаю в облаках, пока не замечаю, что кто-то резко сменил тему, начав обсуждать зимнюю суровую погоду. Это тоже не вызывает особо интереса, правда недолгое количество времени.

— У меня друг вчера на улице упал, — отрезает с первой парты Костя Симонов, и класс оживает. Всегда во благо послушать о несчастье других: это ведь такая животрепещущая тема. — Он подскользнулся, грохнулся прямо на свое плечо.

— Иу, — тянет Трубецкая.

— Ага, — довольно хихикает Симонов. — Вывих. Один знакомый сказал сходить ему в больницу, но он отказался. Решил, что сам справится. Да, нет. Сегодня проснулся, а плечо разбухло, как китайская лапша.

Класс почему-то начинает усмехаться, учительница то и дело, пытается всех успокоить, а у меня сжимаются, скручиваются внутренности.

Я резко сажусь прямо, хватаюсь руками за парту и закрываю глаза.

Главное дышать, дышать, дышать...

«— Хочешь сказать, что ты учишься в институте?

— А почему бы и нет? — парень аккуратно протягивает ко мне руки, и я, нервно прикусив губу, подвигаюсь им на встречу. — Лечебный факультет. Уже третий курс.

— Ничего себе. И кем же ты планируешь стать?

— Хирургом.

— Не повезло, — заключаю я. — Мои родители доктора, и поверь, ничего хорошего в этой профессии нет.

— Разве? — Макс аккуратно ощупывает мой локоть, ключицу, лопатку на спине, и тяжело выдыхает. — Если бы всё было так плохо, я бы не смог сказать, что с тобой.

— А ты можешь?

— Да. Ты вывихнула плечо, чужачка. Нужно поехать в больницу, иначе не сможешь скоро пошевелить рукой».

Я резко открываю глаза и поднимаю руку вверх.

— Можно выйти?

Учительница кивает, я срываюсь с места.

Несусь вон из кабинета, буквально бегу, лечу вперед. Затем сворачиваю в один из коридоров, нахожу наощупь дверь женского туалета и врываюсь внутрь.

Тут же грудную клетку сдавливают невидимые силы.

Слезы подкатывают к глазам, руки наливаются свинцов. Сердце ноет, неприлично громко ноет, и я обессиленно наваливаюсь спиной на ледяной кафель

— Черт, — сжимаю ладони в кулаки, откидываю назад голову и пытаюсь взять себя в руки. Но это сложно, слишком сложно сделать!

Одно воспоминание о нем, и все: тело пронзает электрический ток, боль возобновляется, пустота с новой силой охватывает сердце.

Что же это такое?

Мне не устоять на ногах. Я начинаю раскачиваться из стороны в сторону, прикусываю губу сильно, до крови. Зажмуриваюсь, и вдруг вижу перед собой его лицо. Его красивое, аккуратное, мужественное лицо. Его черные волосы, темно-синие глубокие глаза. Его слегка колючий подбородок, морщинки около соблазнительных губ, едва уловимые

веснушки на носу, родинку возле левой брови...

Тут же открываю глаза.

Сердце разрывается на части, боль берет под контроль разум, и, испустив громкий выдох, я разворачиваюсь и со всей силы ударяю кулаком по двери одной из кабинок. Дерево цело, я не смогла причинить ему и толики вреда. Однако на моих костяшках выступают капли крови. Ноющая пульсация охватывает руку. Мне приходится подбежать к мойке и подставить рану под холодную воду.

Выдыхаю.

С болью выдыхаю вновь.

Хочу разжать пальцы.

— Ауч, — судорога схватывает ладонь, и я замираю. Закатываю глаза и устало поникаю.

Как же мне теперь жить? Как жить без Максима? Как не воспользоваться такой соблазнительной идеей: последовать за ним?

Неожиданно в туалет кто-то входит.

Я резко разворачиваюсь, хочу прогнать посетителя к чертовой матери, но вдруг замечаю Карину.

Сестра недоуменно встречается со мной взглядом, затем опускает его ниже, к руке. Потом вновь поднимает глаза вверх и уже смотрит на меня не настороженно, а шокировано.

— Ты что сделала? — вскрикивает она. — С дуба рухнула? О боже, — она вновь громко выдыхает. — Что с волосами? Ты покрасилась? Опять? Зачем?!

— Не лезь, — грубо отрезаю я, и поворачиваюсь к ней спиной. — Не твоё дело.

— Понятно, что не мое. Просто, может не стоит калечить себя? Я понимаю, тебе плохо, но это уже перебор.

Ошеломленно смотрю на сестру и громко выдыхаю.

— Перебор?!

— Да. Не надо наносить себе увечья. Это не вернет Максима к жизни, ты же знаешь.

— Как ты можешь такое говорить? — меня буквально проедает внутри ядовитая боль. Я чувствую, как глаза становятся мокрыми, мутными, и небрежно протираю их. — Как смеешь так безалаберно упоминать о его смерти?

— Лия, пожалуйста, не нужно страдать, — виновато тянет сестра и выдыхает. — Ты не правильно меня поняла, а точнее я не правильно выразилась. Безусловно, гибель Максима — это трагедия. Но я не хочу, чтобы ты причиняла себе вред.

— Поздно. — Я выключаю кран с водой. — Я уже причинила.

— Лия, — вновь повторяет Карина и аккуратно останавливает меня, когда я подхожу к выходу. — Прости. Я ляпнула лишнее.

— Ничего страшного.

— Нет, правда. Не подумала. Извини.

Я тяжело выдыхаю. Сглатываю накопившуюся во рту слюну и протягиваю:

— Ты не виновата. Его смерть не должна отразиться и на твоей жизни.

Сестра облизывает губы, тихо спрашивает:

— И что теперь? Тебе не кажется, что пора покончить со стаей? С семьей? Стас и

Максим погибли. Это красный свет, Лия. Нужно остановиться.

Я усмехаюсь.

— Чего ты? — удивляется Карина. — Тебе смешно?

— Да.

— Да?!

— Да, — я вновь как-то истерично смеюсь, а затем холодным, четким голосом отрезаю. — Я не успокоюсь, пока предводитель семьи не поплатится за то, что он сделал. Я отомщу за всех: за Стаса, а главное за него, — с трудом сдерживаюсь и добавляю. — За Максима.

— И тебя не пугает то, на что способен предводитель?

— Нет. Отныне меня ничего не пугает. Меня лишили самого дорогого. И я не остановлюсь, пока не лишу врага жизни.

— Лия, — недовольно отрезает Карина. — Убийство — это преступление!

— А кто сказал, что я собираюсь убивать? Я пусть и Кобра, но все же в прошлом. Лишить жизни можно разными способами, и для этого не обязательно заставлять сердце предводителя остановиться.

— И что же ты сделаешь?

— Это сюрприз. — Я улыбаюсь, а сестра испуганно хмурится. Наверно, думает, что я сошла с ума. Что ж, так оно и есть.

— Лия, — раздраженно протягивает Карина. — Ты играешь в опасную игру. Что если враг умен? Что если он на несколько шагов впереди тебя?

— Это невозможно.

— Неужели?!

— Да. Я всё продумала. Предводитель скоро объявится, и тогда я избавлюсь от него раз и навсегда.

— Самоуверенность — плохой знак.

— Самоуверенность — залог победы, сестра. — Я киваю и открываю дверь. — А теперь позволь мне удалиться.

Карина отступает, а я вырываюсь из помещения.

Возвращаюсь в класс и, прикладывая огромные усилия, сажусь на место.

Выдыхаю.

Знакомо ли людям ощущение паники?

Некоторые считают, что паника — это крики, необдуманные действия, ступор. Что это страх, недоумение, истерика. Они ошибаются.

Паника — это, когда ничего не соображаешь.

Я нахожусь в школе, слышу слова преподавателя, одновременно думаю о мести, и мечтаю о воскрешении Любимого. При всем при этом, мне кажется, что я реально способна осознавать смысл лекции, спокойно избавляюсь от врага, и без особо труда верну к жизни Максима.

Вот вам и паника. Я настолько сошла с ума, что допускала возможность невозможного. Я верила в чудо, верила в справедливость, и это медленно, но верно лишало меня рассудка.

Неожиданно звенит звонок.

Я горблюсь и испугано зажмуриваюсь.

Вот он. Момент истины.

От того, что произойдет сегодня за 24 часа, напрямую зависит вся моя жизнь. Вся!

Табло появляется перед моими глазами, и я вновь замечаю, как бешено несется время.

Облизываю губы и выдыхаю.

Осталось совсем чуть-чуть.

Я смогу.

Я справлюсь.

Распахиваю глаза, надеваю маску Кобры и решительно встаю с места.

Пора осуществлять план.

Нахожу Киру в столовой. Подруга ошарашено открывает глаза, хочет что-то сказать, но умолкает. Прижимает к себе перебинтованную руку, выдыхает.

— Как самочувствие? — ядовито интересуюсь я и сажусь напротив.

— Лия, — тянет она. — Мне очень жаль, что...

— Ты оглохла? Я задала тебе вопрос?

Блондинка обиженно прикусывает губу и отворачивается. От того, что на её глазах выступают слезы, у меня внутри сжимаются все органы, но я быстро беру себя под контроль. Вскидываю брови и усмехаюсь:

— Ты разучилась говорить?

— Не говори со мной в таком тоне, — бросает Кира и, повернувшись, испепеляет меня презрительным взглядом. — Я не виновата в том, что Максим погиб.

— Правда? А отвечать на звонки ты не пробовала? — во мне вскипает гнев. — Я звонила тебе сотню раз, идиотка! Я хотела вас предупредить!

— Откуда мне было знать, что ты на нашей стороне?

— Неужели я давала повод усомниться в своей верности?

— Да, и не раз! — блондинка громко выдыхает. — Ты — Кобра, забыла? Ты способна предать, и это сбило меня с толку.

— Такое чувство, что вы вспоминаете о моем прекрасном прошлом только тогда, когда вам это выгодно, — я зло смотрю на подругу.

— Посмотри на себя, — Кира здоровой рукой указывает на мое лицо. — Как не вспоминать «о твоём прекрасном прошлом», если ты вновь стала им!

Я отворачиваюсь. Понимаю, что надела поддранные джинсы, мужской пиджак, что ночью покрасила пряди зеленым в одной из круглосуточных парикмахерских, что сижу, закинув ноги перед собой, и смотрю на блондинку с сильно подведенными глазами...

Да. Я стала своим прошлым.

Но я сделала это специально.

— Ты ничего не знаешь, — холодно отрезаю я, и вновь пронзаю подругу испепеляющим взглядом.

— Так объясни мне! — обиженно кричит Кира. — Что с тобой? Почему ты предала нас в

«Святом клубе»? Откуда знала о взрыве? Зачем покрасила волосы, и с какой целью говоришь со мной так, словно я тебе чем-то обязана? Лия, ты сошла с ума? Макс умер, а ты... — подруга прикрывает здоровой рукой рот и срывается. — А ты ведешь себя так, словно это сплетни, а не горькая правда.

— В том то и дело, — зло отвечаю я. — Он погиб. Его больше нет. Макс... — сердце сжимается. Я стискиваю зубы, глубоко вдыхаю. Бесполезно. — Макс умер, Кира. И я отлично это понимаю.

— Тогда что с тобой? — сквозь слезы спрашивает блондинка. — Почему ты ведешь себя так, словно все в порядке?

— Ты даже не представляешь, что я чувствую.

И никто не представляет. Ни один человек в столовой понятия не имеет, что значит, когда сердце взрывается, пропадает и внутри образуется ноющая пустота.

Выдыхаю.

Слышу, как Кира всхлипывает, и снисходительно признаюсь:

— Я не считаю, что ты в чем-то виновата, — подруга удивленно поднимает на меня свои покрасневшие глаза. — Я безумно счастлива, что ты цела, что с тобой все в порядке. Но, к сожалению, это не вернет Макса. Твое спасение — удача, но смерть Бесстрашного — трагедия. И поэтому я должна предпринять некие действия, которые сделают его гибель не бессмысленной.

— Так возвращение к Кобре — не просто маскарад?

— Конечно, нет.

— Что ты задумала? — Кира испуганно придвигается, и кладет свои израненные пальцы поверх моей руки. — Пожалуйста, Лия, не надо. Я потеряла Стаса, потеряла Максима.... Твоя гибель... и все... — блондинка моргает, и щеки ее покрываются кривыми мокрыми линиями. — Я не выдержу этого.

— Со мной все будет в порядке.

— Так и Шрам говорил, и Макс...

— Эй, — я приподнимаю голову подруги за подбородок и понимаю, что погорячилась. Не стоило нападать на Киру. Просто инстинкт самосохранения велел мне никому не доверять. Что ж, надеюсь, союз с подругой не обернется нам же боком. — Я справлюсь.

— Что я должна делать? — через минуту спрашивает блондинка и протирает глаза.

— Я не думаю, что...

— Ты оглохла? — пародируя меня, восклицает Кира. — Или разучилась говорить?

Горько улыбаюсь и сдаюсь. Опора не помешает.

— Хорошо. Твоя помощь мне понадобится, но, пожалуйста, ни о чем не спрашивай. Просто сделай то, что я скажу. Договорились?

— Договорились. Итак?

— Собери стаю. Опять. Только на этот раз не в парке, а в «Святом клубе».

— Где? — ошарашено переспрашивает меня Кира и расширяет глаза. — В «святом клубе»?

— Да.

— Я пообещала не спрашивать, но...

— Вот и не спрашивай, — выдыхаю и осматриваюсь. Нельзя, чтобы нас подслушали. —

Слова Стаса так и засели у меня в голове. В тот день, в больнице, он сказал, что предводитель семьи хочет занять наше место, хочет стать главным.

— И что? К чему ты ведешь?

— К тому, что я знаю, как вывести предателя на чистую воду. Он объявится, когда поймет, что его план разрушен.

— И как же ты это сделаешь? — Кира недоуменно хмурится. — Неужели думаешь, что он поведется?

— Естественно. Ему придется повестись, или он потеряет все то, что у него есть.

— Звучит заманчиво, — неуверенно протягивает блондинка.

— Сегодня наша стая должна быть в клубе примерно к пяти... я думаю, мне хватит времени.

— Хватит времени на что?

— Ты опять задаешь лишний вопрос, — вспоминаю, как раньше подобным образом отвечали мне и с грустью выдыхаю. Не знание — чертовски дрянная вещь. — В общем, ты поняла? В пять, в «Святом клубе». И ещё... приготовьтесь к тому, что вам придется соглашаться со всеми моими словами, даже если они покажутся вам бредом.

— Боже, Лия, — раздраженно отрезает Кира. — Что ты задумала?

— Увидишь. — Обеспокоенно оглядываюсь. — Много наших пострадало при взрыве?

— В основном, у всех такие же травмы, как и у меня. Не серьёзные. В больницу попал только Кирилл. Он находился рядом с будкой.

— Ясно, — обрываю подругу, так как понимаю, что дальше последует список погибших, а погиб лишь один человек. Встряхиваю головой и вздыхаю. — Собери, как можно больше людей, и приготовься к тому, что Кобра возвратится вновь. Это не шутки. Я настроена решительно.

— Надеюсь, у тебя всё получится, — Кира прижимает к себе больную руку и устало прикрывает глаза. — Как же я хочу, чтобы всё поскорей закончилось...

«Я тоже».

Именно поэтому сразу после столовой я решаю не идти на последующие уроки.

Стремительно двигаюсь в сторону выхода из школы, как вдруг сталкиваюсь с препятствием. С высоким, кучерявым препятствием, у которого огромные виноватые глаза, и поджатые, прямые губы.

— Отойди с дороги, — хочу обойти парня, но нарываюсь на очередной капкан.

— Не ожидал тебя сегодня здесь увидеть, — тихо протягивает Астахов.

— Я тоже не горела желанием встретиться с тобой, так что может, облегчим жизнь обоим, и ты дашь мне пройти?

— Мне жаль, что Максим погиб.

— Не произноси его имени, — разъяренным шепотом отрезаю я. — Слышишь? Ты не имеешь права, произносить его имя.

— Я не причастен к взрыву в парке, — горячо восклицает Леша. — Я ни за что бы не пошел ни на что подобное! Ты же меня знаешь.

— Нет. Я абсолютно тебя не знаю. Как и ты меня.

— Лия, пожалуйста... — парень протягивает ко мне руки, но я резко отступаю назад.

— Не прикасайся. — Прикусываю губу, осматриваюсь и с болью произношу. — Как же ты не понимаешь? Ты больше никто для меня. Я не хочу тебя видеть! НЕ хочу тебя слышать! НЕ хочу ничего общего иметь с тобой. Так что, прошу, оставь меня в покое.

— Хватит делать вид, словно мы чужие друг другу люди! — кричит Астахов. — Мне плевать, чего ты там хочешь. Главное, что я всегда был на твоей стороне, и ты идиотка, раз не замечаешь этого.

— Отлично. На этом и остановимся.

— Лия! Пожалуйста, поверь мне!

— Нет, — качаю головой и чувствую, как покалывает в носу. — Нет! Я больше никогда не доверюсь тебе. Все кончено. И ты ничего больше для меня не значишь, слышишь? Ничего.

— Неужели спустя столько лет, это единственное, что ты можешь мне сказать?

— Да. Хотя... — Включаю образ Кобы, придвигаюсь ближе к парню, и, усмехнувшись, шепчу. — Хотя знаешь, на языке вертится кое-что еще... — Вскидываю подбородок. Обхожу парня и произвольно нахожу восклицаю. — Трусы, Леша, долго не живут.

Без двадцати пять.

Я выхожу на небольшую сцену в клубе и оглядываю взглядом семью. Кто-то смотрит на меня настороженно, кто-то — с восхищением, кто-то — с ненавистью. По сути, мне плевать на их чувства. Хотя с другой стороны, решение толпы может все изменить.

— Здравствуйте, мои дорогие, — отрезаю и улыбаюсь. Меня встречают криками, визгом и аплодисментами. Это хороший знак. — В клубе так чисто и мило, что я прямо не верю в прошедший бурный вечерок... В общем, вы молодцы. Как я сказала, сегодня наша развлекательная программа поделится на две части. Вторая — более приятная. Думаю, все любят живую музыку? — толпа вновь одобрительно кричит, и я усмехаюсь. — Отлично. Но к ней мы перейдем только после небольшого вступления.

Семья замолкает.

Они заинтересованы, они меня боятся, и мне это нравится.

— Одну минуту. — Я ехидно усмехаюсь, ухожу со сцены. За ширмой нахожу «подарок», улыбаюсь ему и выкатываю стул на сцену. Стул, с намертво привязанным к нему парнем. Толпа ошеломленно оживает. Проносится шепот, негодование, но затем все резко замолкает: я поднимаю руку, так как собираюсь говорить. — Надеюсь, все знакомы с Денисом? — Мертвая тишина. — Прекрасно, потому что на его представление у меня попросту нет времени. Итак, всеми уважаемый Дениска, на днях обманул меня. — Парень начинает извиваться из стороны в сторону, но его руки и ноги крепко привязаны. К тому же, я не поленилась и заклеила его болтливый рот клейкой лентой. Как же беззащитно он сейчас выглядел... — Денис решил, что может соврать мне в лицо и остаться не наказанным. Он очень сильно ошибался. — Я ловко достаю нож из кармана, и кто-то из толпы испуганно визжит. — Не бойтесь. Я не собираюсь убивать его у всех на глазах. — В моей фразе двойной смысл. Надеюсь, его уловили. — Каждый должен уяснить, что ложь порождает недоверие. А как семья может сосуществовать, если мы не способны друг другу доверять? Никак. Так что, давайте сразу договоримся: больше никакой лжи. Я понимаю, как нагло сейчас выгляжу, но, что мне остается? Приходится идти на крайние меры, когда тебя обманывают, причем глупо и самонадеянно. Я не новичок, и мне не нужно страшиться общественного мнения. По-моему, все и так прекрасно понимают, что играть со мной — гнилое дело. Так что, — поворачиваюсь к Денису и прикладываю нож к его шее. — Я надеюсь, ты уяснил урок? — Парень сжимается и испуганно смотрит на меня. Плачет. — Тише, тише. Только не надо слез. Все же смотрят на тебя, Дениска. Будь храбрым, черт подери. Ведь тебе хватило смелости солгать мне, не так ли?! — убираю лезвие от его шеи и прячу холодное оружие в карман. — В следующий раз, я не буду такой доброй.

Парень закрывает глаза, а я вновь поворачиваюсь к толпе.

— Вы выполняете приказы неизвестного вам человека, — закатываю глаза и искренне усмехаюсь. — Вы ведь его даже не видели. О чем вы думаете!? Вашему предводителю плевать на семью, иначе бы он объявился.

— Почему ты так в этом уверена? — нерешительно спрашивает меня девушка в первом ряду. Она переминается с ноги на ногу и поджимает губы. — Где гарантия, что мы можем доверять тебе?

— Гарантии нет. Но я хотя бы стою перед вами. Мои слова сказаны мной, а не левым человеком.

— Хочешь вновь стать нашим предводителем?

— По сути, я никогда и не переставала им быть, — оглядываю толпу. — Несчастный случай позволил какому-то призраку завоевать ваше расположение. Но это глупый поступок. Поступок, который совершают от безысходности.

— И что ты предлагаешь нам делать?

— Ничего. Просто хватит слушать виртуальные приказы. Вы — свободные люди, и вы заслуживаете реального предводителя.

Толпа начинает обсуждать что-то между собой, шептаться, а я смотрю на часы.

Пять.

Выдыхаю, и довольно произношу:

— Кстати, забыла вам сообщить. — Неожиданно открываются двери клуба, и вовнутрь входит стая. Ведет всех Кира. Она настороженно оглядывается, затем находит меня на сцене и кивает. — У нас пополнение.

Тут и вовсе все взрываются диким негодованием.

Глаза блондинки расширяются. Она пронзает меня таким взглядом, вроде: ты спятила?

А я усмехаюсь.

— Тише, тише. Что вас так пугает? Неужели дружба между стаей и семьей невозможна?

— Они наши враги! — выкрикивает парень из второго ряда. — Мы не станем делить свою территорию вместе с ними.

— Да, — подхватывает его другой голос, принадлежащий уже члену стаи. — Ты сошла с ума!

— Нет. Я как никогда уверена в том, что делаю. — Подхожу к краю сцены и горячо восклицаю. — Хватит играть в детские игры! Мы все занимаемся одним делом, мы все хотим стать свободными. Так почему мы воюем? К чему все эти драки и перепалки? Огромная стая, единственная в городе. Неужели стоит сражаться за воздух?! Это глупая идея новичков. Сейчас перед нами появилась возможность стать мощней. Так чего вы боитесь? Чего ждете? Почему сопротивляйтесь? Я, Кобра, стою перед вами и обещаю, что обеспечу именно то, что всем нам необходимо: свободу, бесстрашие, самоотверженность. Неужели стоит проливать кровь, когда можно успокоиться и помогать друг другу? Больше никаких смертей, больше никаких похорон.... - прерываюсь, прикусываю губу и выдыхаю. — Неужели это не то, чего мы все так сильно хотим?

Люди замолкают.

Я заставила их задумываться, и это успокаивает что-то внутри.

— А главной будешь ты, так ведь? — настороженно интересуется блондин из семьи. — Не пойми меня превратно, но это как-то высокомерно, что ли...

Усмехаюсь.

Закатываю глаза и расставляю в стороны руки.

— Давай. Иди сюда. Одолеешь меня и лавры правления твои. — Парень как-то криво улыбается. — Я серьезно. Это касается каждого, кто считает, что способен занять мое место. Прошу. Решим данный вопрос традиционным методом. — Вспоминанию слова Шрама. Почему-то сейчас такое глупое сравнение доставляет мне непонятную гордость. Если я хотя бы чуть-чуть похожа на него — это прекрасно. — Ну? Не стесняйтесь. Я готова передать власть тому, кто окажется сильнее.

Люди шевелятся. Я замечаю, как к сцене движется высокий парень. Улыбаюсь.

— Отлично. — Скидываю с плеч пиджак. Выгляжу уверенной, хотя внутри сгораю от ледяного ужаса. — Выстраиваемся в очередь, ребята.

Парень забирается на сцену и решительно выставляет перед собой руки. Он высокий, крепкий. Но скорее всего медленный. Я в несколько раз быстрее. И в несколько раз умней, что тоже важно.

Парень делает два шага ко мне навстречу, выпускает с силой кулак, но я уворачиваюсь. Ловко отпрыгиваю в сторону, успеваю улыбнуться и вонзаю локоть в его челюсть. Противник кренится в бок, взывает и валится со сцены. Кто-то его ловит, но мне все равно.

— Следующий? — я оглядываю толпу. — Давайте же. Неужели ни у кого нет желания стать предводителем?

Вновь обвожу взглядом людей, и неожиданно замечаю в углу Лешу. Рядом с ним девушка. Причем не какая-то левая девушка. А до ужаса мне знакомая. Карина.

Какого черта он привел её сюда? Решил, что влияние сестры меня остановит? Он ошибается.

— Ого, — с вызовом, выкрикиваю я. — Какие люди! Может Алексей Астахов хочет сразиться со мной? А?

— Прекрати, — шепчет он, едва слышно. Но я читаю по губам.

— Чего ты? Боишься, что ученик, наконец, превзойдет учителя?

Леша не отвечает. Разворачивается и уходит.

Это бьет по мне сильнее любого удара. Я судорожно хватаю воздух и пьяно начинаю сходить с ума. Как же больно... как же больно жить.

— Ну, и иди, — кричу я, наблюдая за тем, как «друг» покидает клуб. — Катись к черту. Трус!

Люди недоуменно следят за мной. Но мне плевать. Человек, которого я любила, умер физически. А человек, которому я готова была доверить свою жизнь, умер душевно.

Стоит ли после этого носить свое тело по земле?

Определенно, нет.

— Ладно, — я прихожу в себя и встряхиваю головой. Эмоции сейчас ни к чему. — Кто-нибудь ещё планирует опробовать свои силы? — Тишина. — Отлично. В таком случае, я рада вам сообщить, что объединение произошло успешно. Если будут какие-то возражения, пожалуйста, говорите. Я всегда готова передать главенствующую позицию тому, кто докажет свое преимущество. Все честно и справедливо. Надеюсь, новые правила и новые лица без проблем приживутся здесь, в «Святом Клубе». — Вижу, что люди более-менее спокойно отнеслись к моим словам и выдыхаю. — Что ж, переходим ко второй части развлекательной программы. Знакомьтесь, не стесняйтесь, пока ребята из Архангельска будут обеспечивать нас качественной живой музыкой.

Некоторые личности довольно вскрикивают. Парни из далекого холодного городка давно начали покорять просторы Питера, и знающие — приняли их овациями.

Я ухожу со сцены.

Иду сквозь толпу. Кто-то пожимает мне руку, кто-то довольно подмигивает, кто-то все так же настороженно держится в стороне. Но мне плевать. Теперь уж точно.

Я намечено несусь к своей сестре и подхожу к ней как раз в тот момент, когда ударник начинает отбивать ритм.

— Ты что здесь делаешь? — недовольно восклицаю я. — Тут опасно находиться, Карина!

— Спятила? — проигнорировав мой вопрос, взрывается она. — Решила занять место предводителя? Ты в своем уме? Он же теперь от тебя живого места не оставит!

— Я этого и добивалась.

— Зачем? Почему просто не прекратить весь этот бред? Иди домой! Ты должна оплакивать Макса, а не строить планы по завоеванию чужой семьи!

— Домой пора тебе, — жестко отрезаю я. — Не нужно следить за мной. Я взрослая, и сама со всем справлюсь.

— Ты нарываешься на большие неприятности, Лия.

— Боже, моя сестра только что открыла Америку...

— Но зачем ты это делаешь? — вскрикивает она. — Остановись!

— И не подумаю, — хватаю Карину за локоть и тащу к выходу. — Найди своего шофера и скажи ему возвратить тебя домой.

— Астахов — не самая большая твоя проблема.

— Правда? А я-то глупая, именно так и решила.

Сестра выдергивает руку и, обернувшись, серьезно смотрит мне в глаза:

— В последний раз тебя прошу: хватит. Поехали домой.

— Позвони, когда доедешь.

Выталкиваю Карину из клуба. Успеваю заметить на её лице дикую злость и захопываю металлические двери прямо перед её носом.

Выдыхаю.

Леша перешел черту. Мало того, что предал меня, так ещё и решил воспользоваться моей сестрой.

Не будь у нас с ним прошлого, я бы свернула ему шею.

Несусь в круглую комнату. Мне нужно побыть одной. Подумать. Подышать. Такое чувство, что все это время, я не пользовалась кислородом, и от этого болит голова.

По пути встречаю Киру.

Кладу руку на её плечо и шепчу:

— Проследи за всеми, пока меня нет.

— Ты куда? — беспокоится подруга. — Всё нормально?

— Да. Я скоро вернусь.

— Где тебя искать, случись что-нибудь?

— В круглой комнате. Мне нужно немного побыть одной.

Кира понимающе кивает, а я продолжаю свой путь.

Когда за мной закрывается дверь, только тогда я спокойно выдыхаю.

Сажусь за стол и кидаю перед собой сумку. Непроизвольно достаю из неё клатч. Мои надежды на то, что придет Наташа вновь исчезли, испарились, поэтому принести сюда данную улику было бессмысленной тратой сил.

Осматриваю клатч и устало поникаю.

По моим расчетам предводитель должен объявиться в ближайшие несколько дней.

Стас очень помог мне, сказав в больнице то, что было у него в голове. Враг хотел стать главным. Я отняла у него эту возможность. Теперь он обязан бороться, а раз семья и стая подчиняются мне, у него нет союзников. Следовательно, придется действовать самостоятельно.

Отличный план. Радуется, что у меня хотя бы что-то получилось. Возможно, об этом рано говорить, но...

Черт подери. Толпа в моей власти. Это уже что-то.

Кручу клатч в руках. Кручу. Выгибаю в разные стороны. Выворачиваю и складываю. Пусть ткань с трудом поддается, мне плевать. Я издеваюсь над ним так, как душе угодно. И вдруг происходит нечто странное. Я слышу щелчок. Замираю.

Недоуменно вскидываю брови, осматриваю пустоту внутри клатча и вдруг замечаю потайной отдел.

— Твою мать, — шепчу и вспоминаю записку Рыжей: тайна кроется в тайне. У меня кровь закипает в жилах. Ошеломленно расширяю глаза и дрожащей рукой достаю обрывок какой-то бумажки. Раскрываю его. Это фотография. На ней изображен молодой парень. Он не очень высокий, но довольно-таки симпатичный. С зелеными глазами, кривой ухмылкой, копной коричневых волос. Ошарашено замечаю на его запястье татуировку: ворон, и испускаю удивленно вздох. Это Дмитрий Воронов! Это он! Но его не было сегодня в клубе... и вчера. И в день грандиозной стычки. Я вообще не помню, чтобы видела его в ближайшие несколько месяцев.

Переворачиваю фото и вижу надпись:

Моему другу. Всегда буду помнить о тебе.

Помнить?!

Меня вдруг прошибает электрический ток.

Неужели Дмитрий Воронов умер?

Но тогда как Леша мог его видеть? Как он мог говорить с ним? Как он мог передавать приказы мертвого человека?

Наташа говорила о похожей причине мести. Она перешла на сторону семьи, потому что Стас встал на мою сторону. Он перестал верить ей, больше не считал её единственной.

Я ушла от Астахова, предпочтя ему Макса. С того Леша перестал быть центром моей вселенной, и мы разошлись.

Вот вам и похожая причина.

Ревность, впоследствии одиночество, и как результат: помутнение рассудка — месть.

Прикрываю рукой рот.

— Нет, — шепчу и крепко закрываю глаза. Может, если я перестану дышать, реальность изменится? — Нет, это невозможно. Только не он.

Я едва могла смириться с мыслью, что Леша предатель. Осознать то, что он оказался предводителей семьи и виновником многих трагически смертей — было и вовсе нереальным.

Открываю глаза, отбрасываю фото и пячусь назад.

Врезаюсь спиной в стену и прикрываю руками глаза.

Боже, все сходится.

Астахов постоянно был уставший. Я думала, он волнуется, но что, если это была просто-напросто бессонница? Таблетки, тогда, возможно, принадлежали ему! Золпидем. Конечно!

А его таинственное исчезновение в день, когда нас схватили два качка и повезли в логово к Наташе. Куда он исчез? Он просто сам это спланировал.

Адрес Стаса... откуда он знал, как туда добраться? Я ведь просто попросила забрать меня, но не указывала улицу... Он сам приехал! Сам ее нашел!

Авария. Я вылетела через лобовое стекло, а он отделался переломом ноги! Просто поразительная везучесть.

И, конечно, состояние его семьи. Только он мог содержать подобное сборище, только он мог достать такие большие суммы на взрывчатку. Только он.

Я пьяно покачиваюсь.

Мир переворачивается на сто восемьдесят градусов, и я чувствую, что падаю. Это не иллюзия.

Оказываюсь на полу. Понимаю, что не могу дышать и придавливаю рукой грудь. Сначала думаю, что кислород отказывается поступать в легкие, но затем осознаю, что его попросту нет.

Запах газа проедает органы.

Мутными глазами оглядываюсь и понимаю, что попала в ловушку.

— Нет, — тяжело дышу. Ощущаю, как отсутствие воздуха сдавливает горло, и с трудом поднимаюсь на ноги. — Кто-нибудь, — слабым голосом тяну я, и бью по двери кулаками. Тщетно. В клубе играет музыка: меня никто не слышит. — Эй! Помогите. Пожалуйста.

Перед глазами мечутся картинки. Все темнеет, смазывается. Я начинаю громко и глубоко дышать, но понимаю, что и этого мне мало. Облокачиваюсь головой о дверь. Продолжаю молотить по ней кулаками, но уже едва слышно.

Меня раздирают на части два странных чувства.

С одной стороны я хочу выбраться наружу, чтобы найти Астахова и убить его. Он ведь заслуживает смерти, и я могу свершить над ним суд.

Но с другой стороны, я осознаю, что хочу остаться здесь, умереть, задохнуться, потому что знаю, что не смогу убить человека, засевшего у меня в сердце. Леша не был моим единственным. Он никогда не стал бы любовью всей моей жизни. Но он был моим другом. Братом. Он много значил для меня, и его предательство, пусть и нож в спину, но не стимул для убийства.

Слезы рвутся наружу. И я бы плакала, если бы смогла найти на это силы.

Вместо истерики, меня одолевают приступы кашля. Я больше не могу дышать, стоять на ногах, взывать о помощи.

Газ, впущенный в комнату, пробирается внутрь моего тела и забирает мою жизнь.

Падаю на колени, хватаюсь рукой за стол, пытаюсь удержать свое тело, но все же сдаюсь. Касаюсь лицом пола, вижу мутные, смазанные картинки и чувствую ледяные руки смерти на своих плечах. Они сжимают их, они впиваются в кожу. Меня пронзает очередной приступ кашля, и тело содрогается. Думаю о том, что все, что не происходит — все к лучшему, и усмехаюсь.

Идиотский вывод.

Но о чем я ещё могу думать, умирая на полу круглой комнаты?

Смерть поднимает меня на руки и несет куда-то. Я уже ничего не вижу. Невесомость заставляет мое тело порхать, летать над комнатой.

Я лишь закрываю глаза и сдаюсь.

Прости, Макс.

Я оказалась не такой сильной, какой ты меня считал.

Глава 24. Лучше поздно, чем никогда

— Знаешь, что мы с тобой такое?

— Что?

— Ветер.

— Ветер?

— Да. Он свободный.

— Но почему мы с тобой не птицы? Птицы тоже вольны и независимы. У них есть целое небо.

— Нет-нет. Ты ошибаешься. У них есть небо, но нет главного. Мы не птицы. Ведь птицы умирают, а ветер живет вечно.

Я лечу. Парю. И я не птица. Я — ветер. Мне не нужен кислород, он во мне, он вокруг меня, он повсюду, и это сводит с ума, мятные нотки будоражат кровь. Я хочу навсегда остаться здесь: в небе. Я хочу чувствовать себя свободной и живой. Вечной. Я хочу быть невидимой силой, с которой ничто не сможет сравниться.

Но я просыпаюсь.

Открываю глаза, вижу перед собой испуганное лицо Киры и начинаю судорожно кашлять.

— Черт бы тебя побрал! — орет блондинка и откидывает назад золотистые волосы. — Вы, что, все с ума посходили? Умирать вошло в моду?!

Подрываюсь. Хватаюсь рукой за горло и чувствую внутри себя пожар. Мне катастрофически недостаточно кислорода. Мне необходимо дышать.

— Может дать тебе воды?

— Что... — зажмуриваюсь и болезненно горблюсь. — Что произошло?

— Я у тебя хотела спросить, — взволнованно тянет Кира и гладит мои плечи.

— Я ничего не понимаю.

Глаза становятся мокрыми. Мне ужасно трудно дышать. Легкие сжимаются, отказываются принимать кислород. Приходится глотать воздух так громко и глубоко, что болит грудная клетка.

— Мне сказали, что тебя вынес какой-то высокий парень из круглой комнаты, — тихо сообщает блондинка. — Ты была без сознания, когда я подошла. Не дышала.

— Круглая комната... — в трансе повторяю я, и протираю руками потное лицо. — Кто-то пустил газ в помещение. Я... я вспомнила. Мне дышать было ничем. Я задыхалась. А потом стало жутко холодно и темно, и...

Неожиданно замираю. Поднимаю глаза на уставшую подругу и медленно спрашиваю:

— Кто меня спас?

— Не знаю, Лия. Никто не видел его лица.

— Это Макс, — я внезапно улыбаюсь и ощущаю слезы на щеках. — Это он, точно! Я знаю, я чувствую!

— Лия, — Кира жалостливо смотрит прямо мне в глаза. — Максим умер.

— Нет, — я качаю головой. — Это он. Я уверена! Никто другой не стал бы вытаскивать

меня. Я больше никому не нужна.

— Возможно, это Астахов.

Смеюсь. Истерично смеюсь.

— Не думаю, что мое возвращение с того света его обрадует.

— О чем ты?

— К черту этого предателя. Я разберусь с ним позже, — пьяно встаю на ноги. Шатаюсь и хватаю подругу за плечи. — Мне нужно срочно найти его.

— Кого его? Астахова?

— Нет. Макса!

Оглядываюсь. Все плывет перед глазами. Кружится. Я медленно и тяжело дышу. Стараюсь ровно стоять на ногах, но все равно неуклюже покачиваюсь.

— Лия, пожалуйста, — тянет Кира. — Тебе нужно отдохнуть. Пойдем, я отвезу тебя домой.

— Нет. Я должна... должна... — без сил падаю.

— Тише, — блондинка подхватывает меня, крепко держит как в тот раз, в парке. Даже, несмотря на перебинтованную правую руку, подруга прямо и решительна. В ней столько силы, сколько во мне никогда не будет. И силы, увы, не физической. А силы духовной. Она аккуратно взваливает мое холодное тело на себя и выдыхает. — Идем. Поспишь, наберешься сил.

— Но, Максим...

— Поговорим обо всем утром, хорошо?

— Кира, — я слабо смотрю на подругу и чувствую внезапную пустоту. Она давит на меня, прижимает к земле, не позволяет дышать. — Я ведь не хотела просыпаться.

Блондинка тащит меня к выходу. Молчит. Тяжело дышит. Но затем неожиданно грустно шепчет, и это последнее, что я слышу, перед тем, как проваливаюсь в темноту:

— Смерть — слишком щедрый подарок.

В моей жизни было много хорошего, но, боюсь, сейчас оно стерлось из памяти.

Пытаясь затуманить рассудок гневом и мыслями о мести, я окончательно потеряла связь с реальностью. Смерть Максима казалась мне вымыслом, предательство Астахова — глупой шуткой. Я отдала бы все за то, чтобы не просыпаться и умереть там, в круглой комнате, быстро, легко. Заснуть и не очнуться.

Но кто-то решил иначе. Решил за меня.

Возможно, это даже хорошо. Я устала принимать решения, и не факт, что смерть — оказалась бы правильным вариантом. Мой спаситель предпочел дать мне второй шанс. И пусть я не понимала, шанс на что именно, я должна была им воспользоваться уже не ради Макса, не ради Стаса, не ради Леши или кого-либо другого. Я должна была им воспользоваться ради себя.

Сейчас я смотрю на свое отражение в зеркале, и вижу, что мои руки опущены.

За что я боролась? За что сражалась? Как бы то ни было, все мои попытки исправить прошлое привели лишь к одинокому настоящему. И да, я даже осмелилась подумать о будущем, а ведь оно теперь у меня будет. Я жива. Я дышу. Я мыслю — значит существую.

И, возможно, жизнь дала мне второй шанс не для того, что я вновь начала сражаться. Возможно, таким образом, она предоставила мне второй шанс смириться с прошлым и, наконец, очутиться в настоящем.

Я больше не хочу терять близких. Мне и так сильно больно. Я пыталась, я боролась. И я проиграла.

Хватит.

Пора начать жить заново.

С чистого листа.

Так, словно ничего и не было.

Похороны Макса состоялись за городом. Меня не пригласили. А я и не рвалась.

Пережила его потерю вновь, хотя виду, что мне больно, не подала: остатки сильного характера.

Проходит неделя. Я умираю от непонятного ноющего чувства одиночества. Хочется сидеть в комнате. Сдаться и не выходить.

Проходит две недели. Я постепенно осознаю, что покидать границы спальни — неотъемлемая часть жизни.

Проходит месяц. И я уже привыкаю к чувству боли. Даже как-то странно просыпаться и на несколько секунд забывать о потере. А ведь после долгого сна, ты открываешь глаза в новом мимолетном мире, где нет горя, нет счастья. Есть только спокойствие и умиротворение в теплой кровати. Эти эмоции занимают рассудок секунды три. Иногда меньше, иногда больше. Затем мысли вновь попадают под атаку жизни, и становится так же плохо, как и было до этого, как и будет после.

Серое утро декабря. До Нового Года остается двадцать четыре часа.

По привычке я просыпаюсь рано. Встаю с кровати и сразу же иду на кухню. В горле пересохло. Жутко хочется пить. Завариваю себе чай и усаживаюсь за стол. Наблюдаю за хлопьями снега на улице. Красиво.

Но мне все равно.

Этот новый год будет самым ужасным новым годом за всю историю моей жизни.

Усмехаюсь.

За исключением того нового года, который вылетел из моей памяти. Возможно, он был ещё хуже.

На кухне пахнет салатами, мясом. Моим любимым шоколадным тортом. Мама вчера целый день готовила, и абсолютно забыла о том, что мне на все плевать.

Жаль её.

Она ведь так старается.

— Уже проснулась? — а вот и она. — С чего вдруг так рано?

— Просто. — Чешу нос. — Так получилось.

— Сделай и мне чай. — Молча встаю и ставлю рядом со своей чашкой ещё одну. — Как спала?

— Нормально.

— Говорят, сегодня столько снега будет! Давно уже не заваливало так улицы.

— Ага.

— Может, сходим по магазинам? — мама улыбается и облачивается спиной о дверной косяк. — Новогодний ажиотаж — это ведь так весело. Толпа людей, рвущаяся к прилавкам... ммм. Возьмем с собой Карину.

— Нет, я как-то не очень хочу. — На самом деле, я вообще не хочу. Но нужно каким-то образом смягчить ответ.

— Почему? Купим мандаринов. А то те, что привез папа, уже закончились.

— Сходите с Кариной. Я лучше дома посижу.

— Лия, — мама выдыхает и устало протирает глаза. — Ты... если ты не хочешь праздновать, так скажи. Я пойму и...

— Нет, — качаю головой и дрожащими пальцами беру чайник. — Не выдумывай.

— Я серьёзно. Мы понимает, что у тебя совсем не праздничное настроение.

— Мам, хватит. Всё нормально.

— Не нужно обманывать. Я же вижу, что все НЕ нормально.

— Тебе кажется.

— Лия... может, сходим к... — выдыхает. — Навестим отца братьев, и...

От того, что она собирается предложить, по моему телу проносится электрический разряд. Я даже подумать не могла, что подобное способно родиться в её голове. Меня качает в сторону, и я неуклюже выливаю немного кипятка себе на пальцы.

— Аууч!

Отдергиваю руку и прижимаю её к себе. Жмурюсь.

— Лия, осторожно! — восклицает мама и вихрем приближается ко мне. — Сильно обожгла?

— Нет.

— Как же ты так? Давай обработаю.

— Не нужно.

Смотрю на маму и чувствую, как боль расплзается по телу. Раскалывается голова, ноет между висками. Зачем она вообще коснулась этой темы? Зачем напомнила?

— Пойду ещё полежу, — холодно чеканю я, и выбегаю с кухни. Несусь к себе в комнату. Зло захлопываю дверь и буквально врезаюсь в её закрытую сторону. Касаюсь лбом холодного дерева, часто дышу. Пытаюсь выкинуть слова матери из головы, и у меня почти получается, как вдруг я слышу его голос:

— Я сейчас у Лии.

Внутри все переворачивается. Я отказываюсь обернуться. Отказываюсь дышать, двигаться, открывать глаза. У меня сердце разрывается на части, и я так и застываю с открытым немым ртом.

— Кира, может ты, наконец, скажешь мне, что случилось?

Сжимаю руки в кулаки.

От дикой несправедливости глаза наполняются слезами. Неужели это смешно? Неужели это нормально? Я пытаюсь смириться со смертью любимого человека, а он появляется в качестве галлюцинации! В качестве тупого последствия амнезии!

Почему это со мной происходит? Почему?

У меня тело становится тяжелым. Невидимые силы тянут его вниз. Хочется упасть, скрутиться в клубок, обхватить себя и не отпускать. Лежать вечно. Заснуть навсегда.

Но то, что происходит... то что я слышу голос своего хранителя вживую... это настолько переворачивает во мне все органы и все чувства, что я, глупая дураха, верю в его возвращение. На секунду мне, правда, кажется, что он выжил, он просто прятался и не мог раньше со мной связаться.

Но, нет.

Это лишь плод моего воображения. Издевка судьбы.

Но даже в таком состоянии, даже понимая, что надо мной смеется весь небесный свод, я громко выдыхаю, и чувствую, как внутри зарождается надежда. Если галлюцинация — это единственный способ вновь увидеть его, я согласна.

Разворачиваюсь.

И тут же едва не падаю в обморок.

На моей кровати сидит Макс. Он взволнован. Разговаривает по телефону. Ломает пальцы, тяжело дышит. Он жив, цел и невредим. Хмурится, поправляет непослушные волосы. Осматривает темно-синими глазами комнату и покусывает губу.

Я буквально не могу дышать. Прижимаю руку к груди и чувствую, как пожар боли, слез и горя поднимается к горлу. Хочется кричать от отчаяния, вопить от безысходности. Макс умер месяц назад, а сейчас он здесь, передо мной, в моей голове, и это убивает. Как наркотик: забирает силы, заставляет ощущать удовлетворение и крах жизни одновременно.

Я смаргиваю слезы.

— Максим, — срывается с моих губ.

Что можно почувствовать, увидев уже мертвого человека перед глазами?

Боль.

Только боль.

— Что он собирается сделать? — парень резко поднимается с кровати, и я нехотя выплываю из мыслей. — Останови его, Кира. Сейчас же! Он же боится высоты. — Молчание. Макс слушает душераздирающую тираду блондинки, а я прикусываю губу. Сглатываю, накопившуюся во рту слюну, и медленно приближаюсь к парню. — Я знаю, что должен был отсидеть в институте, а затем приехать на испытание, но экзамен закончился раньше. Вот я и решил сначала прийти к Лие. Мне нужно сказать ей кое-что. — Протягиваю вперед руку. Дрожащими пальцами пытаюсь дотронуться до Максима, но рука проходит сквозь плечо парня и безвольно падает. У меня рвется сердце и судорожно сводит органы. — Не говори Лие ничего, я сам разберусь с ним и... что? Черт бы тебя побрал, Кира! Когда ты успела рассказать ей? — Макс тяжело выдыхает и, не видя меня, достает из сумки конверт. Подходит к окну, приподнимает подоконник, — что казалось мне ранее невозможным, — и оставляет его там. — Я скоро приеду. Скажи Стасу держать себя в руках. Его провал по инженерной графике никак не должен отразиться на членах стаи. — Кира вновь что-то шепчет. — Все, — отрезает Макс. — Я уже бегу.

Парень бросает трубку. Решительно выпрямляется, вихрем несется к выходу и становится легкой дымкой, столкнувшись с закрытой дверью.

— Нет, — подбегаю к проходу и прикрываю ладонями рот. — Нет, нет...

Почему так быстро? Почему так быстро закончилась галлюцинация? Раньше они были длинней! Дольше!

— Нет!

Хватаюсь руками за голову.

В состоянии дикой паники осматриваю комнату. Кружусь. Борюсь с истерикой. От внезапно нахлынувшей тяжести, покачиваюсь назад. Закидываю голову и чувствую на щеках слезы.

В жизни не так, как в фильмах или в книгах. Смириться с потерей близкого человека невозможно за день, впрочем, как и невозможно смириться с потерей и через год. Смерть Макса всегда будет преследовать меня, и я не обладаю настолько сильным характером, чтобы попытаться спрятаться от реальности: буду страдать долго, мучительно, несмотря на то, что меня прозвали коброй и считают непобедимой.

Потеря любимого не просто обезоружила меня. Она уничтожила все, что у меня было. Так что слезы на глазах, полное отсутствие сил и страшная безысходность — это отнюдь не выдуманные эмоции. Это то, что я сейчас испытывала.

Медленно бреду к подоконнику. Замираю. Дрожащими пальцами приподнимаю пластиковую крышку и обнаруживаю пыльный конверт. Он аккуратно запечатан, и даже спустя столько месяцев, не тронут временем. В углу стоит дата, рядом всего лишь одно слово:

Любимой

Внутри меня что-то разгорается.

Ошеломленно открываю конверт, достаю сложенный в два раза лист. Раскрываю его и узнаю до боли знакомый почерк.

Вчера ты мне сказала, что я не романтичный. Это достаточно обидно, Любимая, ведь я из кожи вон лезу, чтобы угодить тебе. Но раз уж ты и, правда, так считаешь, мне ничего другого не остается, как попытаться тебя переубедить. В общем, именно поэтому я страдаю данным бредом и вместо того, чтобы поговорить с тобой лично, пишу письмо. Надеюсь, ты оценишь. Это в духе средневековья. Прямо как ты любишь.

Прикладываю руку ко рту, перестаю дышать. Такое чувство, словно меня обнимают со спины чьи-то теплые, крепкие руки. Я буквально ощущаю запах мяты. Он витает в воздухе, проникает мне под кожу, соединяет с Максимом.

Вчера мы плохо разошлись.

Ты сказала, что я никогда не стану бесстрашным. Я ответил, что ты никогда и не была самоотверженной.

Уже дома, прокручивая в голове все сказанные мною слова, я понял, что погорячился. Ты всегда думала о других. Ставила в приоритет желание незнакомцев. Глупо было говорить, что твоя самоотверженность — лишь хорошо приклеенная маска. Прости. Я ошибся.

Затем я вспомнил то, что мне сказала ты. О бесстрашии. Сначала я решил, будто ты тоже погорячилась. Знаешь ведь, как сильно меня задевают слова о том, что я трус. Но потом... потом я понял, что ты чертовски права.

Я не бесстрашен, хотя бы потому что безумно боюсь тебя потерять.

Именно поэтому, вчера, я кинулся за тобой. Поэтому я не позволил тебе решать проблемы в одиночку. Я не хочу рисковать твоей жизнью. Ты дорога мне, Лия. Пойми же это, наконец! И я готов тебя защищать до последнего вздоха. И не потому что ты слабая, а потому что я парень. Твой парень. Мне прекрасно известно, что ты смогла бы справиться с той сворой идиотов за баром, но я не смог бы устоять в

стороне. Ты же меня знаешь. Я не позволю кому-то причинять тебе боль, даже если для этого, мне потребуется выслушать целую тираду о том, что я тебе не доверяю. Доверяю! Ещё как. Просто ты моя девушка, и я хочу стать для тебя щитом и опорой, а не просто зрителем, тупым наблюдателем.

Те парни получили по заслугам. Возможно, я заигрался и сломал одному придурку кисть, но это было справедливо. Он поднял на тебя руку. Неужели ты, правда, решила, что я смогу оставить эту руку невредимой?

В общем, прости, что вмешался, но у меня не было выбора. В конце концов, ты бы поступила так же. Я в этом уверен.

Кстати, я нашел отличную квартиру. Съездим туда на днях, скажешь, как тебе. Если все устроит, я куплю её, обустрою, а потом уже, когда ты окончишь школу, заселимся. Не знаю, как на съезд отреагирует твой отец, но с Верой Николаевной можно будет договориться. Она не очень-то меня любит, но, тем не менее, ещё ни разу не выставляла за порог. Это отличный знак, тебе так не кажется?

В общем, Любимая, давай больше не ссориться. Тебе придется смириться с тем, что я всегда буду пытаться тебя защищать, и не для того, чтобы указать на твою слабость. А для того, чтобы подчеркнуть свое намерение вечно быть рядом.

Напасись терпения, и прими меня такого, какой я есть.

P.S.

Душа моя, даже не думай отдавать Кире диск с музыкой. Я первый попросил, так что не жульничай.

P.S.S.

Ты забыла у Стаса свою гордость. Ещё раз позволишь ему напоить тебя, и я за себя не ручаюсь!

(Да-да, я знаю о вчерашнем вечере. Кира проболталась, как всегда. К тому же они сняли на видео то, как ты пытаешься залезть на стол, падаешь и начинаешь петь «Привет, Андрей». Никогда не прощу себе того, что не смог прийти. Так бы было две записи).

P.S.S.S.

Надеюсь, ты почувствовала то, как я стараюсь. Я, черт подери, ужасно романтичный парень. И хватит уже мне говорить о том, что это не так! Иначе как возьму, да перестану тебе писать стихи или делать комплименты.

Так что поосторожней, Милая. Я слишком ранимый.

Люблю тебя! С этого момента и в вечность...

5.08.2012

Наверно, я должна плакать. Я чувствую, как к горлу подкатывают слезы, чувствую, как немеют руки и наваливается невыносимая тяжесть на плечи, но я не плачу. Я смотрю на письмо, и попросту не могу дышать. Кислорода нет.

Макс принес мне конверт пятого августа.

В этот день, я потеряла не только память, я потеряла будущее.

Опускаю руки, поднимаю взгляд и вижу свое отражение в зеркале. Я бледная, худая, с нелепыми зелеными прядями и синяками под глазами. Я разбита и потеряна. У этой девушки отняли все: дружбу, семью, любовь. Лешу, Карину, Макса.

Я одинока. Абсолютно одинока. И почему? Почему кто-то отнял у меня то, что должно было случиться? Я ведь могла уже через несколько месяцев жить вместе с Максимом! Я могла нормально общаться с сестрой, и не ссориться с лучшим другом. Но у меня отняли их. Отняли все! А главное... главное заключается в том, что я сижу на кровати, читаю это письмо и понимаю, что сама опустила руки, позволила предводителю победить. Сама! Я прекратила бороться, и вмиг стала одинокой.

Нет.

Отбрасываю письмо и резко встаю с кровати.

Нет! Так не пойдет. Я не для того, потеряла столько близких, чтобы виновник остался безнаказанным. И плевать, что предводитель Астахов. Я пообещала сестре, что справлюсь с главарем семьи, я пообещала Максиму, что справлюсь.

И я сделаю это.

Лучше поздно, чем никогда.

Надеваю вещи. Чувствую легкий запах ржавчины, автоматически прикрываю рукой рот и несусь в ванну. Хочу закрыть дверь, однако не успеваю. Вижу Карину на пороге. Она недоуменно смотрит на меня и проходит вперед:

— У тебя кровь?

— Да. — Умываюсь. Кровотечение из носа — к сожалению, не самое страшное, что сегодня мне придется пережить.

— Может, позвать маму?

— Не надо. Я сама справлюсь.

— Ты ударилась что ли? — сестра вскидывает брови и подозрительно осматривает мое отражение в зеркале. — Выглядишь не очень.

— В самый раз, — одаряю Карину злой ухмылкой.

— Что случилось? Ты ведешь себя странно.

— Почему же? Я просто, наконец, осознала, какой была идиоткой.

— О чем ты?

— Целый месяц я пряталась в комнате, — поворачиваюсь лицом к сестре и на взводе выдыхаю. — Целый, черт подери, месяц я оплакивала смерть Максима и даже не подумала о том, что нагло предаю его, сидя в четырех стенах. Он умер, потому что я обрекла его на гибель. Он умер, потому что я не смогла его уберечь. Так почему же я решила, что могу смириться с этим? Почему? — откидываю назад волосы и разъяренно смотрю в глаза сестры. — Предводитель заплатит за то, что он сделал. Пусть считает, что месяц — это фора. Я ошиблась, спрятавшись за спиной слез и горя. Я не имела права! Максим бы отомстил, и я отомщу.

— Успокойся, — обескуражено шепчет Карина. — Серьезно. Это в прошлом. Зачем ты вновь туда лезешь? Стая забыла о тебе. Семья спокойно тебя отпустила. За кого ты собираешься мстить, если ты никому не нужна?

— Да, плевать мне. Я отомщу за всех тех, кто сейчас уже сделать это не в силах.

— Стас и Максим мертвы, Лия! Твоя гибель не вернет их, неужели ты этого не понимаешь?

— А с чего ты решила, что погибать собираюсь я? — вскидываю брови. — У меня есть другой претендент на тот свет.

— То есть ты знаешь, кто предводитель, да? И ты сможешь его убить? Серьёзно? Ты?!

— У меня нет другого выхода.

— Да, ладно, — нервно усмехается сестра. — А как на счет того, чтобы уже, наконец, угомониться! Хватит. Не лезь туда, куда не нужно.

— Тебе меня не понять, — качаю головой и облизываю губы. — Постараюсь вернуться до двенадцати. В конце концов, сегодня новый год.

— Ты спятила! — кричит Карина и становится поперек двери. — Прекрати. Оставь уже всех в покое!

Недоуменно смотрю на сестру.

Она боится того, что погибну я, или того, что погибнет предводитель?

— Не говори ничего маме.

Убираю Карину с пути и несусь туда, где все началось.

Мне рассказывали об этом здании. Пять этажей грубого серого кирпича, разбитые окна и ржавые, торчащие, гвозди.

Так выглядел мой неодушевленный убийца.

Уверенными шагами я преодолеваю дистанцию от остановки до здания. Я решительна, я непоколебима. Однако когда остается совсем чуть-чуть до главного входа, тело охватывает странное чувство страха и невесомости.

Удивительно.

Выходит, что потеряла память я, а не мой организм. Он помнит то, как я упала, как я летела, он помнит то, как я грубо врезалась в землю и разбила голову.

Становится не по себе.

Ледяными пальцами открываю поломанную металлическую дверь и захожу в здание. Внутри оно выглядит ещё хуже, чем снаружи. Здесь полно мусора, воняет гнилью и ржавчиной. Прикрываю рукой рот и начинаю нерешительно подниматься вверх. Ступеньки почти не разрушены. Даже сохранились перила, правда, я не решаюсь к ним прикоснуться.

Вот и выход на крышу. Аккуратно взбираюсь по ржавой лестнице, осматриваюсь и оказываюсь на поверхности. Мороз ударяет в лицо. Снега здесь не так много, и все же маленькие холмики хаотично разбросаны по уголкам. Я ещё раз оглядываюсь, замечаю высокую фигуру парня на краю крыши и замираю.

Он пришел.

Значит, всё-таки сегодня мы поставим точку в истории, которая длится больше года.

Внезапно моя правая нога нелепо соскальзывает. Я успеваю сдержать равновесие, однако привлекаю к себе внимание.

Леша разворачивается и выдыхает:

— Осторожно.

Не отвечаю. Парень неуверенно подходит ко мне, протягивает руку, но я не нуждаюсь в его помощи. Ему самому необходим кислород, так как он задержал дыхание. Высота влияет на него плохо. Он вспотел и стал бледным.

Я вылажу на поверхность и растеряно прохожу вперед. Останавливаюсь в метре от обрыва, замираю, смотрю вниз и теряюсь в пространстве.

Итак, я на месте. Что же делать дальше?

— Я рад, что ты позвонила, — неожиданно отрезает Астахов, и я чувствую, как его взгляд прожигает мне спину. — Этот месяц стал для меня целой вечностью, так что я даже не — поверил, что ты ещё помнишь мое имя. Я должен был написать, но...

— Я знаю правду, — прерываю монолог Леша и прикусываю губу. Холодный ветер отбрасывает назад мои волосы, а я, как всегда, не надела шапку. Глупая.

— Правду о чем?

— О том, кто предводитель.

Парень замолкает. Я неуверенно поворачиваюсь к нему лицом и вижу, как болезненно он отводит взгляд в сторону. У меня от такого жеста внутри съеживаются органы. Я пусть и шла расправиться с Астаховым, всё-таки в глубине души надеялась, что предателем окажется не он.

— И что ты собираешься делать? — виноватым голосом тянет Леша. — Вот ты узнала правду... Тебе стало легче?

— Нет, — мой голос срывается. Я чувствую, как горят щеки, и резко перевожу взгляд с лица друга на серое небо.

— Я же говорил тебе, что порой лучше оставаться в неведении.

— Ты ведь понимаешь, что теперь я обязана сделать.

— Но ты этого не сделаешь, — Астахов усмехается. — Так ведь?

— Почему? — его язвительный тон включает во мне раздражение. Я сжимаю руки в кулаки и подаюсь вперед. — Что меня должно остановить? Совесть? Жалость?

— Очень смешно.

— Что смешно?

— Все это! Лия, ты сошла с ума? — парень начинает двигаться в мою сторону. — Как ты убьешь того, кто был с тобой рядом всю жизнь? Что ты скажешь родителям? Да и вообще... господи. Я уверен, что ты не сможешь, поэтому и молчал. Смысл знать о том, кто предводитель и быть не в состоянии его одолеть?!

— Почему ты так в себе уверен? — я горю от злости. Меня буквально распирает от гнева. Нас с Лешей разделяют несколько сантиметров, но такое ощущение, что нас разделяет целый океан. — Да, ты мой наставник, но я тоже не новичок. Ты отнял у меня всех, и я не намерена больше с этим жить.

Поднимаю руку, размахиваюсь. Пытаюсь ударить Астахова, однако он ловит мою кисть в воздухе и удивленно вскидывает брови.

— Прости, что ты сказала?

— Что слышал! — зло огрызаюсь я. — Как ты мог так со мной поступить? Я ведь доверяла тебе! Боже... — покачиваю головой и болезненно горблюсь. — Что же я тебе такого сделала? Что?

— Что ты несешь? — ошеломленно спрашивает Леша, отталкивая меня назад. Он выпускает мою руку, и я непроизвольно придавливаю её к груди.

— Что я несу? Что же я несу. Я говорю о том, как ты подстроил аварию, как отсиживался в машине, как подбросил свое снотворное Кире, как спонсировал покупку взрывчатки, как обманул всех нас, сказав о том, что Дмитрий Воронов жив! Но он погиб, и ты прекрасно об этом знал. — Я протираю руками лицо и с болью вздыхаю. — Ты отнял у меня всех, Леша! А главное, ты отнял у меня Максима. Он... — срываюсь и неуклюже смаргиваю с лица слезы. — Он умер, потому что ты, мой лучший друг, вонзил мне нож в спину.

— Остановись. Хватит!

— Нет, не хватит. Ты специально все это подстроил, так ведь? Да? Я встречалась с тобой, но потом вдруг полюбила Макса. Это настолько сильно свело тебя с ума, что ты даже решился пойти на убийства, на предательство.

— Прекрати нести эту чушь! — злится Астахов. — О чем ты вообще говоришь?!

— Не нужно больше претворяться. Я знаю правду. Я знаю, что ты предводитель семьи!

— Остановись! — парень резко хватается за плечи и тянет на себя. Я пугаюсь такого порыва, замираю, вижу, как в его глазах горит безумное горе, и замолкаю. — Что же ты такое несешь, а? Лия, очнись! Я не предводитель, и никогда им не был! Да, я тебя обманывал, но только ради того, чтобы ты никогда... никогда не узнала правду! Я ведь всегда любил тебя. Неужели я смог бы причинить тебе такую боль?!

Меня одолевают странные чувства. И радость, и недоумение одновременно. Я растеряно смотрю на друга.

— Но... — запинаясь и сдавленно выдыхаю. — Но кто, же тогда предатель?

— Я.

От этого голоса у меня подгибаются колени. Я поворачиваю голову и вижу, как в меня летит широкий острый нож. В силу шока и удивления, я даже не успеваю одуматься. Стою, слежу в замедленной съемке за тем, как холодное орудие летит на встречу с моей грудью, и не сопротивляюсь.

Я готова умереть, потому что моя жизнь только что рухнула, но я не умираю.

Передо мной возникает Астахов. Нож попадает ему в бок. Парень закатывает глаза, отстраняется, спотыкается о ржавый поручень и с болезненным вздохом валится с крыши.

— Нет! — ору, вытягиваю руки. Но слишком поздно. Мой друг совершает свой первый и последний полет в бездну. — Леша! — падаю на колени, и облакачиваюсь ладонями о поручень. Смотрю на мертвое тело Астахова и ошарашено замираю. Чувствую, как глаза наполняются слезами. Начинаю часто и громко дышать. В истерике надеюсь очнуться, качаю головой, жмурюсь, но не получаю ничего, кроме суровой реальности. Леша упал с крыши. А предводитель стоит за моей спиной, и я никогда не смогу его одолеть.

— Ну, неужели ты просто не могла успокоиться, а? — спрашивает меня Карина, и я взрываюсь плачем. Кладу голову на руки и без сил утопаю в слезах. — Я же сказала тебе: хватит. Но, нет. Моя сестра как всегда решила довести все до конца.

— П-по-чему?

— Что ты спросила? Прости, я не расслышала. Ты невнятно мямлишь.

— Почему? — громче повторяю я, безжизненно сгорбившись.

— Ну, а как ты думаешь? — Карина подходит ко мне, садится рядом. Облакачивается спиной о поручень и тяжело выдыхает. — Я всегда тебе завидовала. Всегда. И знаешь ли, с этим не так уж просто жить.

— Как ты могла? — из-за слез я вижу лишь смазанную картинку белой земли. — Как ты могла такое сотворить?

— Очень просто.

— Как?!

— Тихе, не кричи. Я расскажу тебе все только в том случае, если ты будешь внимательно слушать. — Вновь взрываюсь плачем и киваю. — Что ж. С Димой Вороновым я познакомилась, когда однажды проследила за тобой и Лешей. Вы ехали в Святой Клуб. Мы с Вороном встретились возле черного входа, и знаешь, что-то щелкнуло у меня тогда в голове. Он был красивым, гордым, умным. Пропустил меня, всё показал.

Позже, он сказал, что увидел во мне азарт, огонь. Поэтому не прогнал, как остальных чужаков. Но не в этом суть, — Карина выдыхает. — Меня в семью он не взял. Объяснил это тем, что сейчас у вас много проблем, и я могу пострадать.

— Какой заботливый, — срывающимся голосом вставляю я.

— Да. Жаль, что из-за тебя он погиб.

— Из-за меня? О чем ты?

— Скоро узнаешь.

— Господи, что же я сделала?

— Ох, — Карина выдыхает. — Господи, Лия, ты столько людей погубила! Просто ужас.

— Я этого не хотела.

— Хотела, ещё как. — Сестра презрительно усмехается и поглаживает мои волосы. — Все изменилось в ноябре. Прошел всего месяц с тех пор, как вы с Лешей перешли в стаю, и тут ты вдруг изменилась. Стала абсолютно другой, вечно витающей в облаках. Дима отсиживался, Астахов слепо в тебя верил, а я сразу догадалась: ты влюбилась. Все планы мгновенно канули к черту. Пришлось изменить стратегию. Раз ты не с нами, значит против нас.

— Я не понимаю...

— А что тут понимать? — злится Карина. — Твоя любовь к Максиму испортила все то, к чему мы шли. Ворон предложил новый план действия, и я с ним согласилась. Впрочем, позже к нам присоединились и Наташа с Астаховым. — Сестра убирает руку от моих волос и тяжело выдыхает. — Третьякова, убитая горем, пришла в семью, словно раненное животное примерно в конце марта. Я с ней подружилась. Даже слишком. У нас был общий враг, что значительно сблизило цели. А вот Леша... с ним было посложней. Он, тупой идиот, до конца не верил в то, что ты его разлюбила. Пришлось найти доказательства. И я это сделала. Привела его к вашему деревцу в парке. Вы вырезали там свои инициалы, татуировки. Он это увидел и загрузил. В общем, ему пришлось пересмотреть приоритеты, что послужило мне и Ворону на руку.

— Леша тоже к этому причастен?

— Конечно! — Карина смеется. — А ты думаешь, почему он вечно ходит с такими грустными глазами? Бедный мальчик, вплоть до сегодняшнего дня не мог себе простить того, что привел тебя на крышу пятого августа. Подставил так сказать. Мы, естественно, не рассказали ему самого главного, о том, что канат бракован, но, тем не менее, он сделал свое дело.

— Что? — я смотрю на Карину и не верю своим глазам. Неужели передо мной моя сестра? Моя родная сестра? Которую я воспитывала, растила... за которой я ухаживала, о которой так сильно волновалась. Боль от предательства прожигает мне грудь. Я хочу вновь расплакаться, разрыдаться, но понимаю, что слез уже попросту нет.

— Но ты ведь Кобра, — недовольно тянет Карина. — Бессмертная тварь. Упала с крыши, врезалась головой в асфальт, пробила, мать твою, череп, и осталась жива! Просто невероятно. Счастливая сука ты, сестра. Но и тут история не заканчивается. Ты потеряла память, вроде как ушла с дороги, но сорвалась одна моя «собака». Астахов. Наташа проболталась о том, что канат был испорчен, и наш разгневанный силач Леша решил самостоятельно расправиться с Вороном. Один на один.

Карина встает, и я поднимаюсь на ноги следом за ней. Смотрю на то, как она отходит к центру и размахивает руками в стороны:

— Он убил его, Лия. Наш святоша, Астахов убил человека, представляешь? — сестра достает сигареты. Прикуривает, а я ошарашено замираю. Нахожусь не в состоянии поверить её словам. Замираю и тупо пялюсь в злые глаза Карины. — Тебе, наверняка, известно, что Леша хорош в бою. А тут он был ещё и в гневе... — Она выдыхает дым в мою сторону. — Раскроил ему череп, словно орех.

— Боже мой, — хватаюсь руками за рот и испуганно пячусь назад. — Он не мог. Он...

— Я тоже не могла поверить, — перебивает меня сестра. — Но, что мне оставалось? Кроме того, что я потеряла любимого человека, я ещё и стала свидетелем его смерти. Леша рвал Диму на куски. — Она покачивает головой и грубо отбрасывает сигарету. — Просто... как животное. Я никогда это не забуду.

— Что же ты такое говоришь? — шепчу. — Астахов не способен на убийство.

— Оказалось, что ради тебя способен. Но знаешь, — Карина усмехается. — Это в какой-то степени сыграло мне на руку. Я стала тайным предводителем семьи, и Леша был в курсе. Но он не мог сдать меня, и знаешь почему? Потому что я была единственной, кто видел кровь на его руках. Одно слово — и все. Пух! — сестра щелкает пальцами. — И Леша за решеткой.

— Я не верю тебе.

— Ну, и бог с тобой.

— Ты сумасшедшая! — я разъяренно подаюсь вперед и стискиваю в кулаки руки. — Как ты стала такой?! Как? Почему?

— Потому что.

— Боже, я... я не могу в это поверить. Только не ты. Нет. Карина, — убираю назад волосы и растерянно оглядываюсь. — Что же ты натворила?!

— Я сделала то, что должна была! — сестра резко подходит ко мне и останавливается в нескольких сантиметрах перед моим носом. — Мне надоело вечно быть на заднем плане. Я хотела стать тобой! Быть главной, идеальной. Пока ты бегала до ночи за ручку с Максимом, меня не выпускали из дома и держали в ежовых рукавицах. Но почему? Чем я хуже? Осточертело жить по правилам. Если тебе можно, с какой стати, мне нельзя?!

— Замолчи! — восклицаю я. — Ты спятила! Тебе нужно в больницу.

— Это тебе нужно в больницу, дорогая. Хотя нет. На самом деле мне жутко надоело твое бессмертие. Сколько можно? Имей же совесть! — Карина толкает меня и пронзает ядовитым взглядом. — Я устала придумывать ловушки. Ты падала с крыши, попадала в аварию, задыхалась в круглой комнате... Ну хватит уже!

— Господи, — срываюсь и, не веря, качаю головой в стороны. — Нет. Ты же не могла так со мной поступить. Ты же не пыталась меня убить.

— Пыталась. Ещё как. — И тут все-таки появляются не прошенные слезы. Я обессилено отхожу назад и резко задерживаю дыхание. Не хочу думать жить, чувствовать. Ничего не хочу. — В общем, — лениво продолжает сестра. — После смерти Ворона я осознала, что должна отомстить. Ты слишком долго жила в неведении того, что совершила. Ну, или хотя бы не догадывалась о том, что произошло по твоей вине. — Карина достает новую сигарету. — Я пошла в стаю к Шраму. С Помощью отличного актера, Астахова, привела туда тебя. Дальше, если ты не против, не буду пересказывать: ты и так все прекрасно знаешь. — Сестра садится на несколько сложенных кирпичей, делает затяжку и вновь выдыхает клуб серого дыма. — С каждым днем напряжение росло все больше и больше. Леша со своим неповиновением, Наташина импровизация с ножом и нелепая смерть Шрама. Хотя как сказать нелепая.... Когда он спал в твоей комнате, я пару раз поковыряла его рану ржавым гвоздем. Но думаю, он и так был обречен. — Меня передергивает. Я пронзаю сестру жгучим взглядом, и едва сдерживаю огонь в легких. Мне хочется разорвать Карину в клочья. Что он натворила?! Как могла?! Но мои руки неподвижны. Я вижу перед собой не только убийцу. Я вижу перед собой ещё и родную сестру. От безысходности тело охватывает дикая боль, и мне, волей не волей, приходится с ней смириться. — Кстати, я ещё забыла о том, что потеряла в баре клатч, потом он и вовсе пропал... — Карина с тяжестью вздыхает. — В общем, сложно мне было. Но затем все как-то само собой пошло. Я немного поменяла стратегию: встала на вашу сторону, и ты вычеркнула меня из списка врагов. Стала делиться информацией. Это сыграло свою роль в принятии многих решений. Например, если бы не смерть Стаса, я бы и не разинула рот на душу Максима. Но это было таким искушением... оставить тебя без

любимого. Заставить почувствовать то, что чувствовала я. Прости. Не смогла удержаться.

— Зачем тебе это? — чужим голосом спрашиваю я, и обессилено покачиваюсь. — Зачем ты это сделала, Карина? Мы же были семьей.

— Какой семьей? Не смей меня. Родители обращали внимание только на тебя, причем вне зависимости от того, делала ты что-то хорошее или плохое. Это до сих пор сводит меня с ума. Ты ведь вновь связалась со стаей! Погибли люди! А мама перед тобой на корачиках ползает. — Сестра фыркает. — Жалкое зрелище.

— И что теперь? Наконец, избавишься от меня. И что скажешь родителям? Как будешь спать ночью?

— Как спала и до этого: спокойно.

— Я не верю в то, что передо мной стоит моя сестра. — Глаза наполняются слезами, и я, отвернувшись, даю волю эмоциям. — Нет. Это не ты. Этого попросту не может быть.

— Хватит ныть, — недовольно отрезает Карина и неуклюже выбрасывает очередной окурок в сторону. — Ты, в конце концов, Кобра.

— А кто ты?

— А я — Ворон. Новый предводитель семьи. Я главная, меня слушают, и это именно то, чего я добивалась.

— Боже, Карина, ты ведь никогда не была одинокой! Я всегда была рядом с тобой. Всегда! Что же случилось? Почему ты решила, что тебя никто не любит?

— Я ничего не решала, — грубо отвечает сестра. — Я это почувствовала. И может, мое поведение покажется всем диким, жалким, покажется всем плодом больного разыгравшегося воображения, меня в такую жизнь втянула ты. И если бы не твои походы в стаю, если бы ты не участвовала в испытаниях, не избивала людей, не ломала судьбы, я бы и не подумала, что такое возможно. А теперь, — Карина пожимает плечами и усмехается. — Теперь прими тобой же созданный продукт. Я — это ты, просто до того, как Кобра потеряла память.

Её слова врезаются в меня, словно сотня острых ножей. Я покачиваюсь в сторону и наталкиваюсь на край крыши. Закрываю глаза. Мне так больно. Такое чувство, что я буквально слышу, как рвется на части сердце. Хочется плакать, хочется упасть, хочется забыться и проснуться в мире, где сестра не предает, любимый не умирает, а друг не падает с крыши. Но это, увы, нереально.

Кого я пыталась обмануть? Бороться с незнакомым врагом сложно. Но бороться с самой собой невозможно, а Карина — это я. Она моя сестра. Часть меня, моего сердца, моей души. Я не способна победить её. И самое ужасное заключается в том, что я даже не могу этого захотеть.

— Я не хочу убивать тебя, — тихо отрезает Карина и встает с кирпичей. Выбрасывает сигарету в стороны, вытирает руки о колени. — Но у меня нет другого выхода. Ты зашла слишком далеко: слишком много знаешь. К тому же, возможно, я лишь облегчу твои страдания. Все равно, ты бы никогда не смирилась с потерей Максима.

— А как же ты смирилась с потерей Ворона?

— Никак. — Сестра вновь подходит ко мне. Я открываю глаза, и мы встречаемся до боли похожими взглядами. В нас столько общего. Просто не верится, что одна половинка души решила навсегда избавиться от второй. — Закончим все так же, как и начинали. Ты согласна?

По моим щекам текут слезы. Я не знаю, что мне сказать, куда деться, стоит ли бежать. Вот я вырвусь, спасусь, но что потом? Мне никто не поверит, свидетелей нет, да я и не смогу биться против родной сестры.

Поэтому я непроизвольно киваю.

— Хорошо, — Карина выдыхает. — Мне, правда, жаль, что всё так получилось. Мы ведь могли стать отличной командой.

— Не надо, — в последний раз, прошу я. — Не делай этого. Прекрати, пожалуйста. На твоих руках и так много крови.

— Так останови меня!

— Я не могу.

— Тогда не надо лишних слов. — Сестра кладет ладонь мне на плечо и стремительно наклоняет мое тело в сторону обрыва. — Я не просто облегчаю твою судьбу, Лия. Я дарю тебе вечность.

Она давит на меня гораздо сильнее. Я кренюсь назад, зажмуриваюсь и готовлюсь к падению. В конце концов, это самый логичный выход. Я заслуживаю смерти. Карина явно нуждается в серьезной помощи, но в одном она права. Я виновата в том, что случилось с ней, с ней Лешей, с Максимом, со Стасом, с Наташей... Этот список можно продолжать и продолжать. Их судьбы разрушены только потому, что я появилась на горизонте. И это не нелепые случайности, не стечения обстоятельств. Я причина многих сломанных жизней.

Так что моя смерть лишь поставить все на свои места.

Нужно было сделать это раньше.

— Каждый сам за себя.

Это последнее, что я слышу от сестры.

Резкий толчок, и мое тело переваливается за ограду. Испускаю крик. Чувство невесомости сковывает желудок. Волосы вспыхивают вокруг шеи, руки нелепо разлетаются в стороны, а туловище прогибается. С молниеносной скоростью, я оказываюсь за пределами крыши и начинаю падать, как вдруг...

Громкий удар.

Мои руки сталкиваются с опорой. Я резко открываю глаза, и вижу перед собой знакомое лицо. Сначала мне не понять, кто это, почему он держит меня, не позволяет упасть. Может, я уже умерла? Уже рухнула на землю и вновь пробила голову? Но нет. Я жива, потому что ощущаю холодный ветер, слышу шум города, чувствую запах мяты.

— Чужачка, — хрипит до боли знакомый голос, и сильные руки парня вытаскивают меня на поверхность.

Я настолько растеряна, что не могу осознать происходящее.

Передо мной Макс? Максим?

— О, боже мой, — хватаюсь ладонью за рот, пытаюсь удержать в горле крик. Тело содрогается, слезы безумным потоком подливают к глазам. Кровь в венах становится настолько горячей, что мне ужасно больно. — Боже, нет. Этого не может быть!

— Прости меня, — парень заключает мое лицо в свои руки и виновато поджимает губы. — Я не должен был пропадать, не должен был появляться так резко, но у меня не было выбора. Правда, я...

— Господи, ты жив! — я резко подрываюсь на ноги, отталкивая Максима на несколько шагов от себя. Обхватываю тело руками и безвольно пошатываюсь. — Но как? Как такое возможно? Были же похороны... господи.... Прошел целый месяц!

— Лия, я...

— Нет, подожди, — невидящими глазами осматриваюсь. Вскользь замечаю Карину, лежащую без сознания в углу и вновь перевожу взгляд на парня. — Как ты узнал, что я здесь?

— Следил за тобой.

— Что?

— Конечно! Я не оставлял тебя одну ни на секунду. Вытащил из круглой комнаты, хоть и рисковал быть замеченным.

— Как ты выжил? Где ты был? — я выплевываю вопросы и шатаюсь в стороны. — Неужели все эти дни, ты находился рядом?!

— Я договорился с отцом. Он укрывал меня. — Макс виновато смотрит на меня и поджимает ровные, мягкие губы. — Прости, но у меня не было другого выхода. Если бы предводитель знал о том, что я жив, он бы никогда не объявился! Не вышел в свет.

— Не может быть, — убираю с лица волосы и неуклюже смаргиваю слезы. — Ты не мог так поступить со мной! Зачем скрываться?! Зачем? Я ведь решила, что... решила...

Взрываюсь плачем. Едва не падаю, как вдруг Макс оказывается рядом и заключает меня в свои объятия.

— Прости меня, Любимая, — шепчет на ухо. — Прости.

— Ты живой! — Я жадно глажу руками его плечи, шею, лицо, руки. Сердце бьется так громко и сильно, что я не просто его чувствую, я его слышу. — Живой.

— Прости, я должен был подождать, должен был залечь на дно, как велел мне Стас. Тогда в больнице, он сказал: необходимо принять крайние меры, и я понял, что поспособствую выходу главаря в свет лишь своей смертью.

— Идиот! — я зла и счастлива одновременно. Смотрю в эти темно-синие глаза и тону в них, как в океанах. — Ты хоть понимаешь, что мне пришлось пережить? Понимаешь? Господи... убить тебя готова!

— Я только что вернулся с того света, а ты уже готова меня отправить обратно? — Макс усмехается и крепко сжимает в своих объятиях. — Прости, но я больше не намерен исчезать из твоей жизни.

Кладу голову на его плечо, и чувствую новый прилив слез. Он приходит вместе с осознанием горя. Он приходит вместе с осознанием счастья. Я не знаю, что будет дальше. Я не знаю, что предписала мне судьба, куда я должна пойти и что должна сделать. Но сейчас, находясь в объятиях Максима, я понимаю, что смогу со всем справиться.

Мое одиночество разбилося о рифы страданий. Больше никаких сражений, никаких потерь, разочарований или предательств. Разрушенная дорога появляется перед глазами, и я вновь становлюсь на неё. И я вновь готова продолжить путь.

Эпилог

Смотрю на крест, на фотографию. Нагибаюсь, кладу ромашки на заваленную снегом землю и неуклюже смаргиваю со щеки непрошеную слезу.

Он был хорошим человеком. Без него сложно. Без него трудно. Мне бы хотелось провести с ним рядом всю жизнь. Научиться у него мудрости, правильности, отваге и доблести. Но это невозможно. Он сейчас не здесь. Он ветер. И осознание того, что он всегда рядом, греет мою душу внутри.

Поднимаюсь и вижу, как напряжены скулы Максима. Приобнимаю его.

— Пойдем?

— Да. Конечно.

Парень тяжело выдыхает, и мы медленными шагами направляемся к выходу с кладбища.

— Ну, что? Кира пойдет с нами?

— Естественно, — я киваю и сильнее прижимаюсь к Максиму. Он такой теплый, что даже зима боится с ним соперничать. — Будет ждать в больнице.

— С ним всё нормально?

— Да, я думаю, Леша поправится. — Горько улыбаюсь и пожимаю плечами. — Он сильно повредил голову и спину. Врачи говорят, что состояние тяжелое, но... Боже, Макс, ты ведь спас его.

— Не говори глупостей.

— Глупостей? — я ошеломленно усмехаюсь и вскидываю брови. — Да, если бы ты не ты... если бы ты не отвез его в ближайшую больницу, он бы скончался.

— Я чуть не опоздал к тебе, — парень поджимает губы. — Ещё одна минута, и...

— Макс, ты просто герой. Оказал первую помощь, отвез Астахова к специалистам... Он обязан тебе жизнью, не спорь. К тому же, теперь мы знаем, что Стас погиб по вине Карины. Ты сделал все, что смог.

— Да, — Максим выдыхает. — Я бы не сказал, что это меня успокаивает: я все равно не могу спать по ночам. Но, тем не менее, теперь меня хотя бы гложет вина другого рода. Я не думаю о том, что не сумел ему помочь. Я думаю о том, что не сумел ничего предотвратить.

— Перестань, — останавливаюсь и беру Максима за руку. — Может, хочешь вернуться? Ещё побыть с ним?

— Нет. Пойдем. Мне кажется, что Стас и так рядом, и для того, чтобы подумать о нем, мне необязательно приходиться к нему на могилу. Он всегда со мной. В моем сердце.

Я замолкаю и вновь обнимаю парня за плечи. Мятные нотки врезаются мне в голову, спутывают мысли. Закрываю глаза и купаюсь в запахе любимого человека.

— Как Карина?

Этот вопрос вытаскивает меня из лживого рая. Я отстраняюсь и смотрю вдаль.

— Отец сказал, что у неё серьёзные отклонения. Её поместят в больницу завтра, так что, если ты не против, сегодня я ещё побуду с тобой. — Глаза наполняются слезами, но я упорно держу их в себе. Максим обнимает меня сзади, касается губами шеи и тяжело выдыхает. — Мама каждый день плачет. Мне так её жаль. — Зажмуриваюсь и медленно покачиваю головой. — Понять не могу, почему всё так вышло. Неужели я была настолько плохой сестрой?

— Ты не причем.

— Тогда кто? Я обрекла её на одиночество, Макс. Именно поэтому она сейчас не ждет меня дома, а собирает вещи в больницу для умалишенных.

— Это её выбор, Любимая. — Парень крепче прижимает меня к себе. — Карина оказалась не той, кем мы её считали, и в этом нет нашей вины.

— Тогда кто виноват? — понижаю. — Она ведь права. Я сама сделала её такой. Если бы не мой образ жизни, если бы не то, во что я её вовлекла...

— Лия, опомнись. Ты наоборот пыталась вытащить Карину из стаи. Ты рисковала жизнью, чтобы она никогда не встала на наш путь. Вышло иначе, но мы бессильны перед судьбой.

— Наверно, ты прав.

— Не грусти. Скоро мы сбежим отсюда, как можно дальше. Ты поступишь в ВГИК, я переведусь в любой другой институт, связанный с медициной. Оставим позади стаю, проблемы, смерти. Оставим позади прошлую жизнь.

— То, что мы делаем... это неправильно. Я чувствую, как совершаю огромную ошибку. Бросать Лешу, родителей, Карину в такой ситуации... это ужасно эгоистично.

— Скажи, Лия, ты счастлива?

— Макс...

— Ответь. Просто ответь мне.

— Наверно, да, но...

— Нет никаких «но». Я тоже счастлив. Здесь. Сейчас. С тобой. И мне плевать на то, что возможно, мы и не знаем, что такое счастье на самом деле. Просто... — парень горячо вздыхает. — Просто наслаждайся жизнью. Наслаждайся тем, что у тебя есть. Наслаждайся стаей, дружбой. Наслаждайся нами. И этого будет достаточно для того, чтобы стать счастливой.

— Но скоро не будет стаи. Не будет семьи и близких, — испуганно выдыхаю. — Разве бежать — лучший выход?

— Мы не бежим. Мы вырываемся. — Максим поворачивает меня к себе лицом и аккуратно заправляет прядь волос за ухо. От его прикосновений по шее пробегают мурашки. Интересно, так будет всегда? — Мы заслуживаем счастья, Лия. Мы через многое прошли, со многим боролись. И мы это сделали не для того, чтобы привязать себя к этому месту и жить в воспоминаниях. Знаешь, чему меня научил Стас? — я качаю головой, а Макс робко улыбается. — Тому, что самое ценное, что есть у человека — это его свобода. Мы победили, Любимая. Мы выжили, и нам предоставлен шанс начать жить заново.

— Будет очень сложно... очень сложно им воспользоваться.

— Я понимаю, но мы вместе. Я рядом. Знай, что я всегда буду рядом с тобой. Никогда тебя не брошу, не позволю больше плакать, страдать, чувствовать себя одинокой. Мы вырвались из замкнутого круга, Любимая. И мы больше никогда в него не попадем.

— Ты так говоришь... — я по-детски улыбаюсь и тянусь к Максиму в объятия.

— Как?

— Так, что мне хочется непрерывно тебя слушать.

Парень мелодично смеется, а я крепче вжимаюсь в его крепкий торс. Не хочу больше отстраняться. Никогда!

— Нам выпала редкая удача, Лия, — Максим выдыхает теплый пар мне в волосы. — Мы — не одиноки. Так что я не вижу смысла бороться с судьбой на этот раз. Если нам суждено быть вместе — не собираюсь сопротивляться.

— Я тоже.

Сплетаю свои пальцы с пальцами Макса. Закрываю глаза, и наслаждаюсь тем, что нахожусь рядом с любимым человеком.

И так будет всегда.

С этого момента и в вечность.

От автора

Спасибо всем тем, кто был со мной.

Я безумно старалась, вложила в данную книгу не только эмоции, но и свою, к счастью, не одинокую душу.

Благодарю читателей, которые не бросали меня, благодарю тех, кто подкидывал мне идеи, указывал на ошибки, предлагал интересные сюжетные повороты.

Без вас я бы ни за что не справилась. Это факт.

В общем, пока Лия Бронская прощается с вами. Возможно, я напишу ещё одну книгу, но это будет не о будущем Кобры и Бесстрашного, а о начале их отношений. Так сказать приквел.

Ещё раз всем спасибо! Попутного вам ветра, и до скорой встречи.